

Учредитель:
НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

ISSN 2074-9201

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 сентября 2007 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 марта 2010 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью А.С. Попова

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 3 (40)
2015

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов ВАК
и размещен в каталоге научной периодики РИНЦ.

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
id 28542 Science Index *

18+

Редакционный совет

Председатель:

Пузанов Ю.П., кандидат юридических наук, профессор, действительный член Европейской академии естественных наук, президент Московского института государственного управления и права

Члены редакционного совета:

Богословский В.И., доктор педагогических наук, профессор, заместитель проректора по научной работе, начальник Управления подготовки аттестации кадров высшей квалификации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Бажанов С.В., доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, академик Петровской академии наук и искусств, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

Дорская А.А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Дэвид Рейнольдс, действительный член Британской академии наук, профессор истории в Колледже Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). В 2004 г. получил премию Вольфсона по истории. С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян А.Ю., заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Радько Т.Н., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Рагулина Ю.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель руководителя научно-экспертного центра НИИ системного анализа Счетной Палаты РФ;

Солодуха П.Ф., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного социального университета;

Стрекозов В.Г., доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке;

Тарасов А.М., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, действительный член РАЕН;

Тихонов А.В., доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН;

Уоррен Кимбол, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Шеремет И.А., доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации;

Шкодинский С.В., доктор экономических наук, профессор, начальник отдела НИИ СП;

Ю Синода, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Редакционная коллегия:

Главный редактор: В.А. Золотарев доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, президент Ассоциации историков Второй Мировой войны

Зам. главного редактора: Н.М. Шкурко, кандидат психологических наук, заслуженный работник высшей школы, консультант НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Научный редактор: Д.А. Пашенцев, доктор юридических наук, профессор, консультант по науке НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Выпускающий редактор: В.Е. Чеботарев, кандидат экономических наук

Технический редактор: М.Ю. Савеличев

Корректор: Леонтьева А.

Establisher:
NSEI HPE «Moscow Institute of Public Administration and Law»

ISSN 2074-9201

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from September 17, 2007 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
V.I. Vernadsky's Honourable silver medal

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from March 17, 2010 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
A.S. Popov's Honourable silver medal

BULLETIN
ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
№ 3 (40)
2015

SCIENTIFIC JOURNAL

By the decision of the Higher Commission on Attestation Ministry of Education
and Science of the Russian Federation. The magazine has been put
on the «List of the front-line reviewing scientific magazines and printing editions,
where chief scientific results of dissertation researches, pretending to get
an academic degree, doctor or candidate of sciences, must be published»

«The Bulletin of Academy of Law and Management» is included
in the Russian Science Citation Index (Rints, in Russian), a bibliographic database
of scientific publications in Russian at the academic periodicals, based
at the eLIBRARY.RU website platform of the Russian Scientific Electronic Library

ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
BULLETIN № 40
SCIENTIFIC JOURNAL. ISSN 2074-9201

Editorial Board

Chairman:

Puzanov Y.P., *PhD in Law, Professor, Full Member of the European Academy for Natural Sciences,
President of the Moscow Institute of Public Administration and Law*

Editor-in-chief:

Zolotarev V.A., *Doctor of Law, Doctor of History, Professor,
Full State Councillor of the Russian Federation, 1-st class*

Members of Editorial Board:

Bogoslovskiy V., *Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy of Pro-Rector for Research, Head of Department of Preparation of Merit Rating of Staff of Highest Qualification of the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen;*

Bazhanov S.V., *Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice, Member of the Petrovskaya Academy of Arts and Sciences, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;*

David Reynolds, *Full Member of the British Academy of Sciences, Professor of History in Christ College of Cambridge, Honored Professor of Dulwich College, Cambridge and Harvard Universities, Nebraska, Oklahoma, Nihon (Tokyo), Po (Paris). In 2004 he was awarded the Wolfson History Prize. From October of 2013 he heads the History Faculty at Cambridge;*

Dorskaya A.A., *Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen (Saint-Petersburg);*

Mkrtyumyan A.Y., *Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Doctor of Law, Chairman of Court of Cassation of the Republic of Armenia;*

Rad'ko T.N., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;*

Ragulina Yu.V., *Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of Scientific and Expert Center of the Research Institute of System Analysis of the Account Chamber of the Russian Federation;*

Sheremet I.A., *Doctor of Technical Sciences, Professor, Fellow of the Military-Industrial Committee Affiliated of the Russian Government;*

Shkodinskiy S., *Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the Research Institute of the Account Chamber;*

Solodukha P., *Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of the Russian State Social University;*

Strekozov V.G., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (ret.);*

Tarasov A.M., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Full Member of the Russian Academy for Natural Sciences;*

Tikhonov A., *Doctor of Sociology, Professor, Full Member of Russian Academy of Humane Sciences, Head of the Centre of Sociology of Management and Social Technologies ISRAS;*

Warren Kimbol, *Honored Professor of Historic Faculty of the Ruthgers College of Arts and Sciences, Professor of Cambridge University;*

Yu Sinoda, *Professor of Law of Khokusay-Gakuan University, Sapporo city (Japan).*

Editorial Board

Editor-in chief: Zolotarev V., Doctor of Law, Doctor of History, Professor, 1st Class Full State Counselor of the Russian Federation, President of the Historical Association of the World War Two

Deputy Chief Editor: Shkurko N., PhD in Psychology, Honorary Figure of the Russian Higher Education, Consultant of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Science Editor: Pashentsev D., Doctor of Law, Professor, Consultant on science of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Executive Editor: Chebotarev V., PhD in Economics

Make-up Editor: Savelichev M.

© Group of Authors, 2015
© Moscow Institute
of Public Administration and Law, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Чернявский А.Г., ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА	11
Афанасьев В.С., АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЗАКОННОСТИ	17
Иванов В.Ф., Гаджиев С.М., АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ – ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ	24
Потапов Н.А., ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА В КОРПОРАЦИИ	30
Ефремова И.А., ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ.....	37
Володин О.Н., ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГО-ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «ДИСЦИПЛИНА» В ДОРОЖНОМ ДВИЖЕНИИ	41
Бугорский В.П., КОНТРАКТ С ИНОСТРАННЫМ ПАРТНЕРОМ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ.....	48
Экмалян А.К., ПРАВО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА В СТРУКТУРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....	57
Табурченко П.А., ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, СОВЕРШАЕМОЙ СПОРТСМЕНАМИ	64
Долакова М.И., ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕДИТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАЗАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	70
Бурданов В.В., ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КООПЕРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.....	75
Скребнева Н.А., ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕДИЦИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	80
Бакаева М.К., ЮРИДИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЛЕГАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ БРАКА В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	86
Цветков А.В., АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТОДАТЕЛЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ РАБОТНИКОВ ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО ТАБАЧНОГО ДЫМА И ПОСЛЕДСТВИЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТАБАКА.....	90

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Шкодинский С.В., Волков В.В.,

СООТНОШЕНИЕ НОМИНАЛЬНОЙ И РЕАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ
НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА РОССИИ КОНЦА XIX –
НАЧАЛА XX ВЕКА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ.....95

Каменских Н.А.,

ПОТЕНЦИАЛ СИНЕРГИИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СРЕДЫ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ 104

Матросов С.В.,

ИНФОРМАЦИОННАЯ АСИММЕТРИЯ КАК ФАКТОР РИСКА
ДЛЯ ИНСТИТУТА СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ АКТИВОВ НА МИРОВОМ ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ..... 110

Назаров А.Г.,

ПРИОРИТЕТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ..... 116

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

Орлова Е.А., Орлова Ю.Л.,

ИССЛЕДОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ СИТУАТИВНО-КОНСТРУКТИВНЫХ
КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ РОДИТЕЛЕЙ ПОДРОСТКОВ-ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ:
СИСТЕМНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД 124

Шутько Д.В.,

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ В АРМИИ РОССИИ XVII – НАЧАЛА XIX ВВ..... 131

Сенкевич Л.В.,

ВОЗРАСТНЫЕ АСПЕКТЫ СУБЪЕКТИВНОГО ОЩУЩЕНИЯ ОДИНОЧЕСТВА
В ГРУППЕ НОРМЫ И ГРУППАХ РИСКА 138

Шкурко Н.М., Лищина Г.Н., Глотов О.А.,

ДОЛГОСРОЧНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА МОДЕРНИЗАЦИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕГИОНА
КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ 147

Заварзина О.О., Козьяков Р.В., Кутянова И.П.,

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРЕЙ И ТИП ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ
С ПРОЯВЛЕНИЯМИ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ 155

Фомина С.Н., Милованова Г.В., Рыбакова А.И.,

ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ
В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ..... 163

Костина Е.А.,

КРОСС-КУЛЬТУРНОСТЬ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 175

Моров А.В.,

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЛИЧНОСТИ
КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ДЕСТРУКТИВНОГО ЧУВСТВА ВИНЫ 185

Дмитриева В.А., Харитоновна Т.Ю., Михалюк О.С.,

ПСИХОЛОГИЯ МУЗЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ..... 191

Хвостова И.А., А.С. ГАЦИСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГРАМОТНОСТИ» (вторая половина XIX в.).....	201
Ткаченко Г.А., РАЗВИТИЕ ГРУППОВОЙ СПЛОЧЕННОСТИ В МЕДИЦИНСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ	210
Ильязова М.Д., Гречухина Н.В., СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МОРЯКА В СИСТЕМЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ: ИНВАРИАНТНЫЙ ПОДХОД	218
Один И.В., ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА АТТЕСТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	227
Бабаева Э.С., ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫХ ПРОГРАММ ОБУЧЕНИЯ	233
Богатырева Ж.В., Куземина Е.Ф., ЗНАЧЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ СКАЗКИ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ.....	241
Тотоонова М.Х., ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ПРОЕКТИРОВАНИЯ АВТОРСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ	247
Алипханова Ф.Н., Малагусейнова К.А., ОРГАНИЗАЦИЯ ГРУППОВОЙ РАБОТЫ НА ОСНОВЕ ЗНАНИЯ ПРИНЦИПОВ ФОРМИРОВАНИЯ КОМАНДЫ И ПРОЦЕССОВ ГРУППОВОЙ ДИНАМИКИ.....	254
Масюкова Н.Г., ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГОВ	260
Кочеров Ю.Н., САМОПОЗНАНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	268
Алиева М.К., МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ–ЮРИСТОВ К ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ПРЕДМЕТНОЙ СРЕДЫ	274

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF SCIENCE OF LAW

Chernyavskiy A., THE ECONOMIC FUNCTION OF LAW	11
Afanas'ev V., TOPICAL ISSUES OF LEGALITY THEORY	17
Ivanov V., Gadjev S., ANTI-CORRUPTION EDUCATION IS AN ESSENTIAL COMPONENT OF THE PREVENTING CORRUPTION.....	24
Potapov N., CIVIL LIABILITY OF THE DIRECTOR GENERAL IN THE CORPORATION	30
Efremova I., REVENTIVE ASPECTS OF RESPITE OF ENDURING THE PUNISHMENT TO PATIENTS WITH DRUG DEPENDENCE	37
Volodin O., THEORETICAL-LEGAL AND PSYCHO-LEGAL ASPECTS OF THE CONCEPTION "DISCIPLINE" IN ROAD TRAFFIC	41
Bugorskiy V., THE CONTRACT WITH THE FOREIGN PARTNER UNDER THE NEW RULES.....	48
Ekmalyan A., THE RIGHT TO REPARATION FOR THE ENVIRONMENTAL DAMAGE IN THE FRAMEWORK FOR HUMAN ENVIRONMENTAL RIGHTS	57
Taburchenko P., ISSUES OF STUDY TO CRIMINOLOGICAL INDICES OF VIOLENT CRIME, COMMITTED BY ATHLETES.....	64
Dolakova M., THE ACTIVITY OF CREDIT INSTITUTIONS OF KAZAN IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY	70
Burdanov V., FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF COOPERATIVE LEGISLATION OF THE PERIOD OF NEW ECONOMIC POLICY	75
Skrebneva N., THE CONCEPTION OF LEGAL RESPONSIBILITY IN MEDICAL RELATIONS	80
Bakaeva M., THE LEGALL VALUE OF THE LAWFUL DEFINITION OF MARRIAGE IN THE FAMILY LAW OF CONTEMPORARY RUSSIA.....	86
Tsvetkov A., ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF THE EMPLOYER IN THE AREA OF HEALTH PROTECTION OF WORKERS FROM EFFECTS OF EXPOSURE TO ENVIRONMENTAL SMOKE AND CONSEQUENCES OF TOBACCO CONSUMPTION.....	90

ISSUES OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

Shkodinskiy S., Volkov V., THE RATIO OF NOMINAL AND REAL WAGES IN THE AGRICULTURAL LABOUR MARKET OF RUSSIA IN THE LATE OF NINETEENTH – THE EARLY TWENTIETH CENTURY ACCORDING TO THE RESULTS OF STUDIES BY THE RUSSIAN SPECIALISTS	95
Kamenskikh N., SYNERGY POTENTIAL IN THE INNOVATION ENVIRONMENT FORMATION AT THE REGIONAL LEVEL	104
Matrosov S., INFORMATION ASYMMETRY AS A RISK FACTOR FOR THE INSTITUTION OF ASSETS SECURITIZATION IN THE GLOBAL FINANCIAL MARKET	110
Nazarov A., THE STRATEGIC INVESTMENT PRIORITIES OF THE RUSSIAN REGIONS	116

TOPICAL ISSUES OF PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Orlova E., Orlova Yu., RESEARCH AND FORMATION OF SITUATIONAL-CONSTRUCTIVE COPING STRATEGIES OF PARENTS OF ADOLESCENT-OFFENDERS: A SYSTEM OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL APPROACH.....	124
Shut'ko D. THE RELIGIOUS ASPECT IN THE ARMY OF RUSSIA OF THE XVII – THE EARLY XIX CENTURIES	131
Senkevich L., AGE ASPECTS OF SUBJECTIVE FEELINGS OF LONELINESS IN THE NORM GROUP AND RISK GROUPS.....	138
Shkurko N., Lishchina G., Glotov O., THE LONG-TERM TARGET PROGRAM OF MODERNIZATION IN PROFESSIONAL EDUCATION OF THE REGION AS AN INTEGRATIVE RESOURCE OF DEVELOPMENT.....	147
Zavarzina O., Koz'yakov R., Kutyanova I., PERSONALITY TRAITS OF MOTHERS AND THE TYPE OF CHILD-REARING PRACTICES WITH MANIFESTATION OF DEPENDENCE ON PSYCHOACTIVE SUBSTANCES	155
Fomina S., Milovanova G., Rybakova A., THE WILLINGNESS OF STUDENTS TO AN INDEPENDENT WORK UNDER THE CONDITIONS OF DISTANCE EDUCATION	163
Kostina E., CROSS-CULTURALNESS OF HIGH PROFESSIONAL EDUCATION	175
Morov A., EXISTENTIAL REFLECTION OF THE PERSONALITY AS WAY OF OVERCOMING DESTRUCTIVE SENSE OF GUILT	185
Dmitrieva V., Kharitonova T., Mikhalyuk O., THE PSYCHOLOGY OF MUSEUM COMMUNICATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE STUDY.....	191

Khvostova I., A. GATSISKIY AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF NATIONAL EDUCATION WITHIN THE SPHERE OF THE ACTIVITIES OF "SOCIETY FOR THE SPREADING OF LITERACY" IN THE NIZHNY NOVGOROD GOVERNORATE (SECOND HALF OF NINETEENTH CENTURY)	201
Tkachenko G., THE DEVELOPMENT OF GROUP COHESION IN MEDICAL TEAM	210
Il'yazova M., Grechukhina N., THE STRUCTURE OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL COMPETENCE OF A SEAMAN IN EDUCATIONAL SYSTEM OF GOAL SETTING: INVARIANT APPROACH.....	218
Odin I., THE VALUE OF INSTITUTION OF ATTESTATION OF PUBLIC SERVANTS: PSYCHOLOGICAL-ACMEOLOGICAL APPROACH	227
Babayeva E., DESIGN TECHNOLOGY INTEGRATED EDUCATIONAL PROGRAMS	233
Bogatyreva Zh., Kuzemina E., THE VALUE OF THE FUNCTIONAL SPECIFICITY OF THE TALE IN BECOMING THE PERSONALITY	241
Totoonova M., ORGANIZATIONAL-PEDAGOGICAL MODEL OF THE DESIGN PROCESS OF AUTHOR'S TECHNOLOGIES OF TRAINING STUDENTS	247
Alipkhanova F., Malaguseynova K., THE ORGANIZATION OF GROUP WORK BASED ON THE KNOWLEDGE OF PRINCIPLES OF TEAM BUILDING AND GROUP DYNAMICS PROCESSES.....	254
Masyukova N., PEDAGOGICAL DIAGNOSTICS IN THE SYSTEM OF CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION OF TEACHERS	260
Kocherov Yu., SELF-KNOWLEDGE OF STAFF OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES IN THE PROFESSIONAL FORMATION AND DEVELOPMENT	268
Alieva M., MODEL OF PROFESSIONAL TRAINING OF BACHELORS OF LAW TO DESIGN ACTIVITY IN THE CONDITIONS OF THE INFORMATION-COMMUNICATION SUBJECT ENVIRONMENT.....	274

УДК 342

Чернявский А.Г.,

доктор юридических наук, профессор Московского института государственного управления и права

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА

В статье анализируются положения о понятии функций права, критериях их классификации, видах, экономической функции права. Уточняется предназначение права в создании и обеспечении правопорядка для общества, государства, иных субъектов. Подчеркивается, что функции права определяют содержание и виды функций различных правовых явлений, в том числе функций юридической ответственности, отдельных структурных частей системы права – отраслей права, правовых институтов и т.п.

Ключевые слова: функция, правовое регулирование, правоотношение, закономерности, категория, методы

Chernyavskiy A.,

Doctor of Law, Professor of the Moscow Institute of Public Administration and Law

THE ECONOMIC FUNCTION OF LAW

The article is analyzed the provisions of the notion of functions of law, the criteria of their classification, types, economic function of law. It is specified the purpose of law in formation and enforcement of public order to society, the state and other subjects. It is emphasized that the functions of law predetermine the content and types of functions of various legal phenomenon, including by functions of legal responsibility, certain structural parts of the system of law such as branches of law, legal institutions, etc.

Keywords: function, legal regulation, legal relation, regularities, category, methods

Функция права в ее классическом понимании представляет собой единство двух моментов: а) роли (назначения) права в обществе; б) основных направлений его воздействия на общественные отношения¹.

Подобный подход к понятию функции права, предложенный Т.Н. Радько, синтезирует, в сущности, взгляды ученых, которые данную категорию сводят к одному из вышеуказанных компонентов. Так, некоторые авторы при определении функций права акцентируют внимание на их «ролевом» аспекте. По мнению Ю.Г. Ткаченко, под функциями права следует понимать конкретную роль (действие) права по организации общественных отношений². В.Д. Филимонов указывает, что «функции права – это социальная роль, которую оно выполняет в организации (упорядочении) общественных отношений, определяемая направленностью и методом их правового регулирования»³.

Ряд ученых под функциями права понимают, прежде всего, направления правового воздействия на общественные отношения. «Активная роль права, – пишет С.С. Алексеев, –

¹ Радько Т.Н. Понятие и виды функций социалистического права // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1971. Вып. 2 / Под ред. М.И. Байтина и В.В. Борисова. С. 108.

² Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С. 34.

³ Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 50.

выражается в его функциях, т.е. направлениях правового воздействия, выражающих роль права в организации (упорядочении) общественных отношений»⁴. Здесь следует указать на следующий момент: правовое воздействие в данном случае фактически ограничено рамками организации (упорядочения) общественных отношений. Между тем в действительности организация общественных отношений сама по себе – лишь одно из направлений правового воздействия на объективную реальность.

Под правовым воздействием, отмечает Н.Н. Вопленко, правильно понимать весь спектр форм влияния права на общественные отношения⁵. Это не только чисто нормативное, но и психологическое, идеологическое влияние права на чувства, сознание и действия людей. К формам правового воздействия относятся, например, информационное и ценностно-ориентационное влияние права, стимулирующее мотивационное влияние (посредством правосознания, правотворчества, законности и т.д.). Таким образом, правовое воздействие гораздо шире правового регулирования, в связи с чем необходимо четко разграничивать данные понятия.

По мнению В.Н. Синюкова, определение функций права через назначение (роль) и направления воздействия (регулирования) имеет два недостатка. Во-первых, такая трактовка предполагает некоего субъекта осуществления функций, который наделен разумом и волей, а поэтому может осуществлять деятельность в известных направлениях⁶. Под этим субъектом ученый понимает не само право, а человека – законодателя, правоприменителя, гражданина. Во-вторых, «этой исходной неточностью, – отмечает автор, – обусловлен и второй недостаток данной трактовки. Строя теорию функций «на субъекте»... мы фактически описываем ее лишь в категориях этого субъекта, теряя сразу несколько этапов, предшествующих его деятельности, которые часто выступают подлинными детерминантами правового регулирования». В связи с этим он полагает, что значение функций заключается «не столько в описании действий субъекта, сколько в выявлении и отражении зависимостей между правовым компонентом общественных отношений (и внутри него) и иными их компонентами. В итоге мы должны увидеть закономерности функционирования права, то есть образ его взаимодействия (в определенных пределах, формах, методах) с различными социальными переменными по мере изменения экономических и социально-политических условий в обществе».

Одним из частных случаев представлений о функциях права, основанных на внешнем субъекте их осуществления, являются взгляды ученых, полагающих, что функции права осуществляются государством или его органами.

В качестве примера приведем высказывание Е.И. Темнова: «Функции права осуществляются на разных уровнях – государством, государственными органами, наделенными для этого соответствующей компетенцией, должностными лицами»⁷. Такой же точки зрения придерживается ряд других авторов. С.А. Комаров, например, пишет: «Функции права могут быть определены как главные направления нормативно-правового воздействия государства на общественные отношения, соответствующие социально-политическому, экономическому и идеологическому содержанию регулирования»⁸.

С данной позицией нельзя согласиться по следующим основаниям. Во-первых, как вытекает из смысла понятия функции, любое явление и его функции неразрывно взаимосвяза-

⁴ Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 91.

⁵ Вопленко Н.Н. Сущность, принципы и функции права. Волгоград, 1998. С. 45.

⁶ Синюков В.Н. О функциях права // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1991. Вып. 9. С. 76–77.

⁷ Темнов Е.И. Теория государства и права. М., 2003. С. 64.

⁸ Комаров С.А. Общая теория государства и права: курс лекций. М., 1996. С. 45.

ны. Эта взаимосвязь объясняется тем, что одно без другого существовать не может. Явление существует постольку, поскольку осуществляет свои функции, т.е. функционирует.

Функции права – это основные пути (каналы) правового воздействия, выражающие роль права в упорядочении общественных отношений. Имеются в виду методы воздействия права на общественные отношения, которые отражают его сущность и природу, необходимость самого данного явления.

С помощью понятия «функции права» можно познать социальное назначение права в обществе, его динамику. Главное предназначение права состоит в создании и обеспечении правопорядка, в чем заинтересованы общество, государство, иные субъекты. Право придает действиям лиц необходимую организованность, согласованность, устойчивость, уверенность.

Функции права способствуют познанию сущности права. Кроме того, функции права определяют содержание и виды функций различных правовых явлений, например функций юридической ответственности, отдельных структурных частей системы права – отраслей права, правовых институтов и т.п. Функции права являются общей категорией по отношению к функциям иных правовых явлений и в связи с этим играют важную методологическую роль при их изучении. Они «венчают» всю систему функций различных элементов правовой материи⁹.

Функции права рассматривают в двух плоскостях, а именно в зависимости от того, освещаются ли они в специально-юридических (узких) или в общесоциальных (более широких) рамках.

Если следовать широкому значению функций права, то среди них можно выделить, прежде всего, экономическую (право, устанавливая «правила игры» в экономической сфере, упорядочивает производственные отношения, закрепляет формы собственности, определяет механизм распределения общественного богатства и т.п.).

Сегодня экономическая функция охватывает такие направления государственной деятельности, как структурная перестройка российской экономики, при которой будет производиться только продукция, жизненно необходимая человеку, государству, мировому рынку; преимущественная поддержка стратегических, высоко конкурентных на мировом рынке и социально значимых для России производств; демонополизация производства; реальная поддержка производителей, в том числе малого предпринимательства; целенаправленная инвестиционная политика; отстаивание интересов российских компаний на внутреннем и мировом рынке; продолжение приватизации; реформа экономического механизма аграрного сектора и прежде всего обеспечение права частной собственности на землю; постепенное снижение темпов инфляции и торможение роста цен; приостановка спада производства; формирование современной системы расчетов и начало глубокой реформы Центрального банка и т.д.

Особое место в правовом обеспечении осуществления экономической функции принадлежит новому Гражданскому кодексу РФ. С принятием его в полном объеме создана всеобъемлющая правовая основа рыночной экономики, общества цивилизованных собственников, экономической свободы человека, партнерских отношений между гражданином и государством¹⁰.

Как правильно отмечается в науке, экономическая функция права характеризует место и роль права в регулировании экономических отношений. Современное регулирование экономических отношений вызывает потребность в особом юридическом механизме, оптимально сочетающем публично-правовой и частноправовой аспекты, базирующиеся на спе-

⁹ *Абрамов А.И.* Понятие функции права // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 72.

¹⁰ *Мелякина К.Б.* Исторический аспект экономической функции государства // История государства и права. 2013. № 15. С. 44.

циальном правовом режиме, который обеспечивает гарантии прав и законных интересов субъектов права. Правовое регулирование экономических отношений в России показывает, что в современных условиях складывается экономическая функция права как самостоятельный элемент правового воздействия, характеризующаяся особенностями предмета и метода правового регулирования, а также специального субъектного состава и специального (преференциального) правового режима¹¹.

Пределы же правового регулирования общественных отношений определяются необходимостью учета объективных экономических закономерностей и возможностей оптимального государственно-правового воздействия, обеспечивающего развитие российской и мировой рыночной экономики. При этом не могут игнорироваться общечеловеческие, государственные и частные интересы субъектов экономических правоотношений.

Как правильно отмечается в литературе, следует по-новому осмыслить и функции права собственности. Регламентируя отношения собственности и, по существу, закрепляя индивидуалистические отношения в обществе, гражданское право призвано осуществить имманентную ему социальную функцию права. Право собственности, с одной стороны, как субъективное вещное право предоставляет субъекту права собственности допустимую свободу (свободу действовать по своему усмотрению и в своем интересе без вмешательства иных лиц), с другой стороны, как институт права собственности ограничивает свободу собственника ради интересов общества и законных прав других лиц.

И.А. Покровский писал, что на более высоком этапе развития общества «самые условия общественной жизни, вся многовековая культура, составляющая атмосферу, в которой живет и дышит каждый отдельный человек современного общества, является продолжением солидарной работы всех». Еще в 1905 г. К. Реннер доказал наличие у права частной собственности множества социальных функций, включая экономическую, организационную, производственную, распределительную и потребительскую. Л. Дюги утверждал, что «индивидуальная собственность перестает быть правом индивида и становится социальной функцией»¹². По мнению этого ученого, собственник обязан использовать вещь для удовлетворения не только своих индивидуальных, но и общественных потребностей. Теоретические выводы мыслителя стали достоянием конституционных норм некоторых государств.

Так, в ст. 14 Основного закона ФРГ 1949 г. констатируется: «Собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить общему благу».

В ст. 7 Конституции Италии 1947 г. частная собственность признается и гарантируется законом, который определяет способы ее приобретения и границы ее действия с целью обеспечить ее социальную функцию и сделать ее доступной для всех. К сожалению, аналогичного правила нет в Конституции РФ и Гражданском кодексе РФ.

Отметим, что об экономической функции можно говорить и применительно к другим отраслям российского права.

Так, к экономической функции позитивного земельного права предлагается относить:

- экономическое стимулирование охраны и использования земель в порядке, установленном бюджетным законодательством и законодательством о налогах и сборах;
- платность использования земли, согласно которому любое использование земли осуществляется за плату, за исключением случаев, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации;

¹¹ Чернявский А.Г. Теоретические и методологические аспекты экономической функции права и региональная власть в период становления и развития рыночных отношений в РФ. Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2001.

¹² Андреев Ю.Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты: монография. М.: Норма, 2013.

– установление порядка определения размера платы за выбросы и сбросы загрязняющих веществ в окружающую среду, размещение отходов и другие виды негативного воздействия на окружающую среду; предъявление исков о возмещении вреда окружающей среде, причиненного в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды; экономическая оценка воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду; экономическая оценка природных и природно-антропогенных объектов; установление порядка лицензирования отдельных видов деятельности в области охраны окружающей среды и его осуществление;

– разработка и проведение мероприятий по охране окружающей среды в целях предотвращения причинения вреда окружающей среде;

– установление платы за негативное воздействие на окружающую среду¹³.

Отметим, что в настоящее время экономическая функция права имеет не только регулирующее, но и охранительное воздействие. Примером являются экономические санкции, применяемые в настоящее время.

Безусловно, экономическая функция права должна базироваться на определенных стратегических документах. В качестве примера следует назвать Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике»¹⁴.

В данном акте, в частности, было запланировано обеспечить до 1 января 2015 г. существенное сокращение сроков прохождения процедур субъектами предпринимательской деятельности и стоимости этих процедур в следующих сферах государственного регулирования: строительство, подключение к сетям, меры налогового стимулирования и налоговое администрирование, таможенное администрирование, в том числе при реализации дорожных карт по совершенствованию делового климата, разработанных в рамках национальной предпринимательской инициативы по улучшению инвестиционного климата в Российской Федерации.

Отдельные «зеленые карты» по данным направлениям были приняты.

В качестве примера можно привести Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2013 № 1336-р (в ред. от 11.06.2015) «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Совершенствование правового регулирования градостроительной деятельности и улучшение предпринимательского климата в сфере строительства»¹⁵.

Список литературы

1. *Абрамов А.И.* Понятие функции права // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 72.
2. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 91.
3. *Андреев Ю.Н.* Собственность и право собственности: цивилистические аспекты: монография. М.: Норма, 2013.
4. *Вопленко Н.Н.* Сущность, принципы и функции права. Волгоград, 1998. С. 45.
5. *Ибрагимов К.Х.* Некоторые аспекты классификации функций позитивного земельного права // Юрист. 2014. № 2. С. 4–10.
6. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: Курс лекций. М., 1996. С. 45.
7. *Мелякина К.Б.* Исторический аспект экономической функции государства // История государства и права. 2013. № 15. С. 44.

¹³ *Ибрагимов К.Х.* Некоторые аспекты классификации функций позитивного земельного права // Юрист. 2014. № 2. С. 4–10.

¹⁴ Российская газета. 2012. 9 мая.

¹⁵ СЗ РФ. 2013. № 32. Ст. 4329.

8. *Радько Т.Н.* Понятие и виды функций социалистического права // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1971. Вып. 2 / Под ред. М.И. Байтина и В.В. Борисова. С. 108.
9. *Синюков В.Н.* О функциях права // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1991. Вып. 9. С. 76–77.
10. *Темнов Е.И.* Теория государства и права. М., 2003. С. 64.
11. *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С. 34.
12. *Филимонов В.Д.* Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 50.
13. *Чернявский А.Г.* Теоретические и методологические аспекты экономической функции права и региональная власть в период становления и развития рыночных отношений в РФ: Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2001.

Reference list

1. *Abramov A.* The notion of function of law // Russian law journal. 2006. № 2. P. 72.
2. *Alekseev S.* Issues of theory of law. Vol. 1. Sverdlovsk, 1972. P. 91.
3. *Andreev Yu.* Property and property law: Civilized aspects: Monograph. M.: Norma, 2013.
4. *Chernyavskiy A.* Theoretical and methodological aspects of the economic function of law and regional power in the period of formation and development of market relations in the Russian Federation. Thesis of Doctor of Law. N. Novgorod, 2001.
5. *Filimonov V.* Protective function of criminal law. SBR., 2003. P. 50.
6. *Ibragimov K.* Some aspects of the classification of functions of positive land law // Lawyer. 2014. № 2. P. 4–10.
7. *Komarov S.* General theory of state and law: Course of lectures. M., 1996. P. 45.
8. *Melyakina K.* The historical aspect of the economic function of law // History of state and law. 2013. № 15. P. 44.
9. *Rad'ko T.* The notion and types of functions of socialist law // Issues of theory of state and law. Saratov, 1971. Number 2 / Under the editorship of M. Baytin and V. Borisov. P. 108.
10. *Sinyukov V.* On the functions of law // Issues of theory of state and law. Saratov, 1991. Number 9. P. 76–77.
11. *Temnov E.* Theory of state and law. M., 2003. P. 64.
12. *Tkachenko Yu.* Methodological issues in the theory of legal relations. M., 1980. P. 34.
13. *Voplenko N.* The nature, principles and functions of law. Volgograd, 1998. P. 45.

УДК 340

Афанасьев В.С.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД РФ, заслуженный юрист РФ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЗАКОННОСТИ

В статье с позиции философского подхода к предмету исследования изложены основы теории законности, раскрыты сущность, содержание и формы законности, выделены факторы, оказывающие существенное влияние на состояние законности.

Ключевые слова: сущность, содержание, формы законности, гарантии и факторы законности

Afanas'ev V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation

TOPICAL ISSUES OF LEGALITY THEORY

The article is considered the foundations of legality theory from the perspectives of philosophical approach to the subject of study, discovered the substance, content and forms of legality and emphasized the factors, exerting a significant impact on state of legality.

Keywords: substance, content, forms of legality, guarantees and factors of legality

В юридической литературе проблема теории законности до сих пор остается весьма актуальной и недостаточно разработанной в теоретическом плане.

Именно поэтому для лучшего понимания законности как социального явления целесообразно (а может быть даже и необходимо) использовать философские категории сущности, содержания и формы.

Сущность законности, как и других явлений, остается неизменной независимо от развития общества, типа государства и права, политического режима и проч. *Это строгое и неуклонное соблюдение исполнения законов (или вообще всех норм права)*. Действительно, как только государство устанавливает или признает какие-то правила поведения в качестве общеобязательных, оно принимает меры к тому, чтобы они соблюдались и исполнялись. Это было и в восточном, и в рабовладельческом, и любом другом обществе. Это существует и сейчас в любом государстве.

Однако законность при различных общественно-экономических формациях, в различные исторические периоды, в условиях того или иного государственно-политического режима не одинакова. Так, в нашем государстве законность при Николае II, при военном коммунизме, в период НЭПа, при Сталине, Брежневле или Ельцине, естественно, отличалась друг от друга. Это и отражается понятием «*содержание законности*», которое следует рассматривать как конкретно-временной срез сущности, т.е. законность в данном государстве в определенный исторический период.

Такое различие зависит от «сторон законности» и, прежде всего, – субъектной и нормативной.

Субъектная сторона – это состав субъектов, которые в реальности должны соблюдать, исполнять правовые предписания и те, которые могут требовать от других такого соблюдения, исполнения. В идеале все должны соблюдать, и все могут требовать этого от других. Но реально всегда какая-то часть общества, его элита – политическая, экономическая, идеологическая и прочая – имеет возможность нарушать какие-то нормы и требовать соблюдения норм другими субъектами. Основная же часть населения реально соблюдает большинство норм и лишена возможности требовать этого от элиты. Состав же «управомоченных» и «обязанных» субъектов различен, и с этим связаны различия в содержании законности.

Важна и нормативная сторона законности – совокупность норм права, которые должны соблюдаться и реально соблюдаются, исполняются. Можно, в частности, отметить, что некоторые нормы права носят «декоративный» характер. Они издаются «для бутафории», и само государство не собирается их исполнять. В качестве примера можно привести нормы Конституции СССР 1936 г. о свободе слова, о свободе объединений и т.п. Есть подобные нормы и в настоящее время (например, о правовом и социальном характере нашего государства – Российской Федерации).

Представляет интерес и предметная сторона законности – состав объектов, которые обладают свойством соответствия нормам права. Обычно имеются в виду действия, поведение («соблюдение, исполнение»). Однако «законными» должны быть и другие объекты (например, процессуальные и иные документы). Но, поскольку свойство соответствия закону они приобретают только в результате законности соответствующих действий субъектов права, в определениях законности речь вполне обоснованно идет только о действиях, поведении.

Чтобы определить формы проявления законности, следует рассмотреть наиболее распространенные определения законности.

Одним из первых дефиницию законности предложил М.С. Строгович, определив ее как строгое, неуклонное соблюдение, исполнение советских законов всеми участниками общественных отношений. Однако это определение подверглось критике, поскольку создавало иллюзию того, что законность – это сами действия, поведение (соблюдение, исполнение), хотя фактически речь идет о свойствах этих действий, поведения, которые заключались в их соответствии нормам права или закону.

В этой связи появились другие определения, которые, по сути, отражали формы проявления законности.

Так, многие авторы видели в законности *принцип или требование* неуклонного соблюдения норм права (И.С. Самощеко, В.В. Лазарев и др.). Е.А. Лукашева и др. определяли законность как метод государственного руководства обществом, а Н.Г. Александров – *режим* соблюдения, исполнения норм права.

Действительно, законность провозглашается и нередко закрепляется в законе в качестве принципа (требования), как это сделано в ст. 15 Конституции РФ. Это по существу отражает идеальное состояние законности: все субъекты без исключения обязаны соблюдать законы и основанные на них подзаконные нормативные акты.

Затем законность реализуется как *метод* деятельности, и не только государственных органов, но вообще подавляющего большинства субъектов, ибо, добиваясь своих жизненных и иных целей, все они, как правило, соблюдают правовые предписания и требования, в том числе и потому, что государство пресекает незаконные варианты деятельности (поведения). Не случайно правомерное поведение составляет основную массу человеческого поведения.

И, наконец, в результате возникает *режим законности*, т.е. такое состояние жизни общества, при котором подавляющее большинство субъектов права соблюдает, исполняет правовые нормы.

Однако представляется возможным выделить еще одну форму законности – *правоотношение*.

Действительно, законность обладает всеми признаками правоотношения: она основывается на нормах права, включает субъектов, обладающих взаимными правами и обязанностями, имеет собственный объект – правомерное поведение (деятельность) обеих сторон.

При этом такие правоотношения могут быть общими: каждый обязан соблюдать все (каждую!) нормы права, а все остальные субъекты (в том числе государство) вправе требовать такого поведения. Но правоотношения законности возникают и в каждом случае появления любых конкретных правоотношений: каждая сторона обязана соблюдать правовые требования соответствующих норм права и может требовать такого же соблюдения от другой стороны.

Интересно, что правоотношения законности имеют много общего с правоотношениями позитивной юридической ответственности. Можно указать на следующие совпадающие признаки этих правоотношений:

1) они возникают параллельно с основным правоотношением (уголовно-правовым, гражданско-правовым и т.п.);

2) выполняют в системе правового регулирования положительную роль, стимулируя правомерное поведение всех субъектов права, обеспечивают предупреждение правонарушений;

3) их субъектный состав совпадает с субъектным составом основного правоотношения;

4) в отличие от основного правоотношения, обязанности (соблюдать закон и нести позитивную ответственность) возникают не только у обязанного, но и у управомоченного субъекта; при этом иногда прямо устанавливается ответственность за подобные действия (например, за превышение пределов необходимой обороны);

5) совпадает и объект этих правоотношений – правомерное (законное) поведение (деятельность);

б) эти правоотношения могут быть как общими, так и конкретными.

Из этого был сделан вывод «о возможном тождестве правоотношений позитивной ответственности и правоотношений законности (как общих, так и конкретных)»¹.

Указанные признаки сходства Е.Г. Чернова дополнила следующими.

Во-первых, совпадают юридические факты, порождающие или прекращающие эти правоотношения общего характера. Они возникают с момента вступления в юридическую силу соответствующей нормы права, прекращаются в связи с отменой этой нормы, а также в связи с ее изменением, поскольку в этом случае прежнее правоотношение также прекращается и возникает новое, основанное на измененной норме. Таким образом, в этом случае не может быть изменяющих юридических фактов.

Во-вторых, оба правоотношения являются длящимися: они существуют с момента вступления нормы в силу и прекращаются только с ее отменой или изменением.

В-третьих, и то, и другое правоотношение реализуются в правомерном поведении обеих сторон (и управомоченной, и обязанной).

¹ См.: Афанасьев В.С. Законность и позитивная юридическая ответственность: проблемы понятия и соотношения // Юрист вуза. 2012. № 5. С. 50–55.

В то же время при наличии стольких общих признаков отсутствуют какие-либо различия между правоотношениями законности и позитивной юридической ответственности.

Все это позволило Е.Г. Черновой сделать вывод, что тождество этих правоотношений не только «возможно», но и реально².

Важной и в то же время имеющей наибольшее практическое значение является проблема обеспечения законности.

Существенно, что обеспечение законности не происходит стихийно. Оно требует целенаправленного воздействия на поведение (деятельность) субъектов общественных отношений, т.е. является управленческим процессом.

Для успешного влияния на этот процесс необходимо знание механизмов реализации правовых норм в деятельности людей; факторов, которые влияют на поведение, определяя его правомерность или противоправность, а также средств, с помощью которых можно управлять этим поведением, обеспечивая его соответствие правовым предписаниям и требованиям.

В юридической литературе реальность, обеспеченность законности традиционно рассматривается как результат воздействия гарантий законности: общих (экономических, политических, идеологических) и специальных (нормативных и организационно-правовых)³. При этом, однако, не учитываются следующие обстоятельства.

Во-первых, в рамках теории гарантий не рассматриваются негативные воздействия, без знания которых невозможна эффективная деятельность по укреплению законности. На практике такая работа всегда начинается именно с выявления имеющих место нарушений и их причин.

Во-вторых, реально гарантии действуют как совокупность каких-либо явлений, процессов, включающих как положительные, так и отрицательные воздействия (так, прокурорский надзор реализуется в деятельности многочисленных прокуроров, в которой также имеют место недостатки и нарушения). При этом гарантия может превратиться в свою противоположность. В частности, в конце 30-х гг. прошлого века именно деятельность правоохранительных органов (особенно НКВД) была одной из основных причин нарушения законности.

Поэтому задача обеспечения законности требует знания и учета всего многообразия факторов, воздействующих на поведение людей, – как положительных, так и отрицательных, как правовых, так и материальных, политических, организационных, психологических и т.д. Проблема укрепления законности является, таким образом, не только правовой, она имеет комплексный характер. Для осуществления действенных мер по укреплению законности важно знать механизм воздействия всех факторов применительно к различным социальным уровням, к различным видам и направлениям деятельности всех субъектов общественных отношений.

Совокупность указанных факторов обладает всеми признаками социальной системы: образует единство неразрывно связанных между собой элементов, имеет упорядоченную иерархическую структуру, развивается по определенным законам общественного развития. Эта система является многоуровневой, где протекают интенсивные процессы управления, существуют сложные информационные потоки.

² Чернова Е.Г. Законность и юридическая ответственность: Соотношение понятий. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 89–90.

³ См. подробнее: Шамаров В.М. Актуальные проблемы современной российской теории права: Монография. М.: Альфа-М, 2015. – С. 168–187.

Влияние входящих в эту систему факторов может быть как положительным, т.е. способствующим правомерному поведению и укреплению законности, так и отрицательным, толкающим людей на противоправные поступки, нарушающие режим законности.

Можно выделить три основных уровня системы этих факторов: общесоциальные, региональные (область, район и т.п.), групповые (коллектив, семья и т.п.). При этом один и тот же фактор в различных условиях, в сочетании с другими факторами, в том числе с качествами и свойствами конкретной личности, может оказывать различное по характеру влияние (позитивное или негативное) или же быть применительно к данному случаю нейтральным.

К общесоциальному уровню относятся факторы, влияющие на реализацию всех норм права всеми участниками общественных отношений на всей территории страны. Немалая часть социальных процессов и явлений оказывает на поведение людей (и, следовательно, на состояние законности) в основном позитивное воздействие и выступает тем самым в качестве гарантий законности – экономических, политических, правовых и других (положительные стороны и элементы экономики, политики, культуры, «хорошие» законы и т.п.). Но существует немало общесоциальных факторов, оказывающих на состояние законности противоположное влияние (недостатки в экономике, ошибки в политическом руководстве страной, упущения в деятельности различных государственных органов и проч.), которые определяют общие причины правонарушений.

На региональных уровнях, равно как и на общесоциальном, действие многих факторов становится «переменным»: их влияние на правовое поведение людей может меняться по характеру и интенсивности (*состояние* производства и распределения материальных благ; *степень* соответствия правовых норм общественным отношениям, *уровень* правового сознания и т.п.).

Важно иметь в виду, что различные факторы (экономические, политические, правовые и т.д.) взаимодействуют между собой, и конечный результат (характер поведения субъектов) в каждом случае определяется совокупным влиянием многих факторов, относящихся к различным социальным уровням и связанными между собой сложными причинными, функциональными и иными зависимостями.

Факторы, действующие на групповых уровнях, представляют собой конкретные условия жизнедеятельности соответствующей социальной группы. Так, применительно к государственным органам области, города, района и т.п. в качестве таковых выступают уровень их материально-технической оснащенности, деятельность руководства, состояние местного и ведомственного нормативного регулирования, уровень общей и профессиональной культуры сотрудников и т.п.

Важно, что данная система факторов позволяет перейти от общих рассуждений на индивидуальный уровень, поскольку, в конечном итоге, режим законности и состояние правопорядка в стране (или отдельном регионе, отдельном учреждении, организации) складывается из правомерности (законности) актов индивидуального поведения (деятельности) субъектов права.

При этом воздействие всех факторов на конкретный акт правового поведения осуществляется по двум направлениям.

Во-первых, под влиянием условий (общесоциальных, региональных, групповых) приобретаются черты, свойства, качества человека, определяющие характер его поведения в каждой конкретной правовой ситуации. Тем самым формируется личность, обладающая определенным уровнем правового, политического и нравственного сознания.

Во-вторых, система указанных факторов определяет конкретную жизненную ситуацию, воспринимая и оценивая которую, лицо избирает определенный вариант поведения (право-

мерного или противоправного). Так, при намерении совершить, например, квартирную кражу субъект оценивает возможность и вероятность таких обстоятельств, как наличие и срабатывание охранной сигнализации, быстрота реагирования милиции, состояние раскрываемости таких преступлений в данном регионе, возможность безопасного сбыта похищенного и т.п.⁴

Влияние различных факторов на правовое поведение может быть прямым, когда под их непосредственным воздействием формируется личность либо когда они непосредственно учитываются человеком при принятии им решения об определенном варианте поведения. Это влияние осуществляется по схеме:

фактор – сознание – поведение.

Но нередко такое воздействие бывает косвенным и оказывается через другие факторы, опосредованно, по схеме:

фактор 1 – фактор 2 – сознание – поведение.

На формирование личности и конкретное поведение каждого человека одновременно воздействуют факторы (экономические, политические и др.), как положительные, так и отрицательные, относящиеся к макросоциальному и микросоциальному уровням. При этом прямое воздействие на характер поведения оказывают, прежде всего, идеологические и психологические факторы, а также правовые, которые в первую очередь воспринимаются и оцениваются личностью при анализе конкретной ситуации.

Другие же факторы, в том числе экономические и социально-политические, влияют на законность поведения в большинстве случаев косвенно – через их воздействие друг на друга, а равно на правовые, идеологические и психологические факторы.

Соотношение актов правомерного (законного) и противоправного (незаконного) поведения и определяет состояние законности. И смысл обеспечения законности как управленческого процесса состоит именно в том, чтобы добиться соблюдения, исполнения норм права каждым субъектом общественных отношений.

Из факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на состояние законности, следует выделить следующие.

А. Факторы, относящиеся к личности. Прежде всего, это уровень правового сознания (правовые знания, отношение к правовым ценностям, стереотипы правового поведения, правовые навыки и умения). При этом важно не знание права вообще (всех правовых норм не знает никто), а знание правовых принципов и тех («рабочих») норм, с которыми данное лицо сталкивается постоянно в жизни и работе. Равным образом имеет значение, прежде всего, нужное отношение именно к указанным нормам, а не к праву в целом (отношение к различным нормам отнюдь не одинаково). Наиболее желательным видом отношения к правовым нормам является не просто уважение к ним, а солидарность с ними, внутреннее согласие, принятие «рабочих» норм как своих. Правовые привычки, навыки и умения также должны носить направленный характер.

Огромную роль играет нравственное сознание. Именно на его основе формируется отношение к правовым ценностям и во многом осуществляется выбор соответствующего варианта поведения. Выбор зависит от того, какое место соответствующая правовая норма занимает в шкале ценностей того или иного человека.

Немалое значение имеют уровень общей культуры, политического сознания (здесь особенно важно сознание того, что норма права отражает интересы Родины, народа), интеллектуальные, эмоциональные и волевые качества личности.

Б. Факторы внешней среды. Среди факторов внешней среды, прежде всего, надо выделить экономику страны в целом и данного региона. Именно экономические условия опре-

⁴ Интересно, что данная система, по своей сути, отражает и социальный механизм действия права.

деляют, как живет, воспитывается, формируется каждый человек, какими качествами он будет обладать. От экономических условий зависят и социально-политическая обстановка, и уровень законодательства, и состояние организации и деятельности государственных, в том числе правоохранительных, органов и проч., т.е. все остальные элементы системы факторов, определяющих состояние законности.

Заметную роль играет деятельность государственных органов по созданию законов и других нормативных актов, а также их организаторская деятельность, направленная на обеспечение законности и правопорядка в стране, в каждой области, в каждом городе или районе. Особую роль в этом плане играет работа правоохранительных органов: суда, прокуратуры, внутренних дел, юстиции и др., в частности направленная на предупреждение и пресечение преступлений, других правонарушений, привлечение виновных к законной ответственности.

Важнейшее значение имеет качество законодательства (законов, подзаконных нормативных актов): их соответствие реальным условиям жизни; правильность определения потребности в правовом регулировании; законность нормативных актов (по содержанию, форме, процедуре принятия), их соответствие нормам общественной морали; ясность, четкость, доступность правовых норм и т.п. Для достижения указанных требований необходима надлежащая организация нормотворческого процесса.

В деле обеспечения законности весьма велика роль правоприменения, т.е. такая организация деятельности соответствующих органов, которая обеспечивала бы обоснованность, законность, целесообразность и справедливость всех правоприменительных актов.

Поскольку формирование индивидуального сознания (правового, нравственного и проч.) происходит под влиянием группового и общественного сознания, вполне естественна необходимость всемерного повышения уровня правовой, нравственной, политической, общей культуры населения.

Таким образом, проблема укрепления законности носит комплексный характер, связана со многими явлениями и процессами социальной жизни и может быть успешно решена только в контексте общей стабилизации обстановки в стране.

Список литературы

1. *Афанасьев В.С.* Законность и позитивная юридическая ответственность: Проблемы понятия и соотношения // Юрист вуза. – 2012. – № 5. – С. 50–55.
2. *Чернова Е.Г.* Законность и юридическая ответственность: Соотношение понятий. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. 219 с.
3. *Шамаров В.М.* Актуальные проблемы современной российской теории права: Монография. М.: Альфа-М., 2015. – 192 с.

Reference list

1. *Afanas'ev V.* The legality and positive legal responsibility: Issues of conception and correlation // The University lawyer. 2012. № 5. P. 50–55.
2. *Chernova E.* The legality and legal responsibility: Correlation of conceptions. Thesis of PhD in Law. 12.00.01. M., 2015. – 219 p.
3. *Shamarov V.* The topical issues of the modern Russian theory of law. Monograph. M.: Alfa-M, 2015. –192 p.

УДК 343

Иванов В.Ф.,

кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

Гаджиев С.М.,

аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ – ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ

В статье проведен анализ понятия и содержания антикоррупционного просвещения, сформулированных в законодательстве Российской Федерации, в том числе регионального уровня, а также рассмотрена структура программы антикоррупционного просвещения, утвержденная на федеральном уровне.

На основе исследования предложены мероприятия по активизации антикоррупционного просвещения в Саратовской области. Указанные мероприятия могут способствовать развитию данного направления, реализации антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство; антикоррупционная политика, антикоррупционное просвещение, мероприятия антикоррупционного воздействия

Ivanov V.,

PhD in Law, Professor of Chair of Criminal and Criminal Executive Law of the Saratov State Academy of Law

Gadjiev S.,

Postgraduate student of Chair of Criminal and Criminal Executive Law of the Saratov State Academy of Law

ANTI-CORRUPTION EDUCATION IS AN ESSENTIAL COMPONENT OF THE PREVENTING CORRUPTION

In the article the analysis of conception and content of anti-corruption education, which formulated in the legislation of the Russian Federation, including the regional level, is conducted; as well as approved at the Federal level, the program structure of anti-corruption education is discussed. Following the study, the activities on improving of anti-corruption education of the Saratov region are proposed. These activities may contribute to the development of this direction and realization of anti-corruption policy.

Keywords: corruption, anti-corruption legislation, anti-corruption policy, anti-corruption education, activities of anti-corruption impact

На состоявшейся в конце 2014 г. коллегии МВД РФ Президент РФ В.В. Путин, ссылаясь на данные Росстата, говорил о том, что «в результате принимаемых мер у нас наметилась тенденция к снижению уровня коррупции»¹. Упомянутые Президентом меры, направленные на искоренение антисоциального по своей сути явления коррупции, которое тормозит функ-

¹ <http://www.putin-today.ru/archives/9305>

ционирование любого общественно-социального механизма, препятствует преобразованиям в экономике, вызывает недоверие населения к государственным структурам, заложены в ряде законодательных и иных нормативно-правовых документов антикоррупционной направленности. Формируемая последовательно без малого три десятка лет, в 2008 г. нормативная база для снижения уровня коррупции в России сделала новый виток в своем развитии и пополнилась Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который стал в своем роде программным документом. Именно в силу своего программного характера этот Закон стал толчком для формирования ряда новых нормативно-правовых актов и актуализации уже существующих в целях снижения рисков коррупциогенности².

В развитие положений указанного Федерального закона Указом Президента РФ была утверждена Национальная стратегия, а также поочередно, один за другим, Национальные планы противодействия коррупции. В настоящее время разработан и вступил в силу Национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 гг., утвержденный Указом Президента РФ № 226 от 11.04.2014.

Указанные документы, а также разработанные в их развитие региональные и муниципальные программы антикоррупционной направленности в той или иной степени нацелены на формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению через использование воспитательных, просветительных, агитационных мероприятий. Однако эта деятельность нуждалась в упорядочении, и в мае 2014 г. Правительством России была утверждена Программа по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 гг., которая вошла в действующий Национальный план противодействия коррупции. Таким образом, на федеральном уровне Программа антикоррупционного просвещения автоматически стала одной из составляющих в ряду мер по предупреждению коррупции.

Большому числу исполнителей, среди которых Генеральная прокуратура РФ, МВД РФ, Минюст России, Минобрнауки России, Минкультуры России, органы исполнительной власти федерального и регионального уровня, предписано выполнять мероприятия, направленные на повышение уровня правосознания граждан и популяризацию антикоррупционных стандартов поведения через расширение знаний общих прав и обязанностей среди населения. В основе Программы – мероприятия по популяризации антикоррупционных стандартов поведения, образования и воспитания, направленные на формирование антикоррупционного поведения гражданина. Сюда же включены организация взаимодействия с международными организациями, иностранными ведомствами, научными и образовательными структурами по распространению соответствующих передовых практик; информирование граждан об основных зарубежных правовых системах, предусмотренных в них правовых механизмах антикоррупционного воспитания граждан посредством размещения информации на сайте Минюста России в информационно-телекоммуникационной сети Интернет; обеспечение в рамках деятельности рабочей группы по вопросам совместного участия в противодействии коррупции представителей бизнес-сообщества и органов государственной власти при президиуме Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции рассмотрения вопросов внедрения в практику предпринимательского сообщества антикоррупционной модели поведения посредством реализации Антикоррупционной хартии российского бизнеса и т.д. В то же время, даже учитывая развернутую в рамках Программы деятельность социальной сети «ВзяткеНЕТ.рф», основная роль в антикоррупционном просвещении принадлежит, в первую очередь, органам власти³.

² Кабанов П.А. Антикоррупционное образование как правовая категория регионального антикоррупционного законодательства: опыт критического анализа // Полицейская деятельность. 2014. № 1. С. 81–92.

³ См.: Хайрутдинова Л.Р. Антикоррупционное просвещение: понятие, цели и значение // Гуманитарные научные исследования.

В соответствии со структурой Программы в ней можно выделить мероприятия различной направленности. Это, во-первых, мероприятия аналитической направленности – по исследованию применения положений законодательства, способствующих проявлениям коррупции и тормозящих развитие правовой грамотности граждан, а также исследованию результатов внедрения антикоррупционных блоков в образовательные программы разных уровней, или, например, проведение анализа мер по повышению правосознания граждан и общего уровня правовой культуры граждан.

Далее идут мероприятия агитационного и PR-направления, реализуемые через СМИ, в том числе и электронные: наполнение сайтов органов исполнительной власти, издание «Памяток по противодействию коррупции», проведение исполнительными органами государственной власти «прямых линий» с гражданами по вопросам антикоррупционного просвещения, отнесенным к сфере их деятельности, обобщение опыта и распространение лучшей практики работы по освещению в средствах массовой информации антикоррупционной деятельности. Сюда же следует отнести размещение посвященных вопросам противодействия коррупции тематических публикаций в печатных средствах массовой информации, тематических циклов теле– и радиопередач в аудио– и аудиовизуальных средствах массовой информации, видеопрограммах, кинохроникальных программах, иных формах периодического распространения массовой информации, организация тематических стендов, иных форм наглядной агитации, посвященных вопросам противодействия коррупции, расширение социальной рекламы соответствующего содержания.

И, наконец, образовательно-просветительские мероприятия: проведение семинаров, занятий и программ антикоррупционного просвещения в образовательных организациях различного уровня.

В итоге анализа структуры Программы можно выделить следующие магистральные направления антикоррупционного просвещения:

- информационное обеспечение законодательства;
- совершенствование системы юридического образования;
- совершенствование правового обучения и воспитания населения⁴.

Таким образом, основная цель Программы антикоррупционного просвещения – повышение уровня знаний и понимания общественностью социального вреда коррупции и реализация механизмов по ее предупреждению. Реализация Программы осуществляется такими средствами, как информирование населения в интегрированной форме общения через различные коммуникационные каналы: телевидение, радио, интернет, листовки, плакаты, брошюры, научную и учебную литературу, проведение конкурсов и выставок, а также с помощью непосредственного информационного воздействия: лекции, беседы, консультации, брифинги и т.д.

По результатам аналитического рассмотрения структуры Программы можно сформулировать следующее понятие *антикоррупционного просвещения*: это одно из направлений реализации антикоррупционной политики, представляющее собой часть системы антикоррупционной деятельности различных субъектов (органов власти), направленная на повышение информированности граждан о тех последствиях, которые несет за собой коррупция, в целях формирования в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры.

ния. 2015. № 1. С. 1 [Электронный ресурс] // URL: <http://human.snauka.ru/2015/01/8490> (дата обращения: 17.04.2015).

⁴ См.: Кабанов П.А. Антикоррупционная пропаганда как инструмент противодействия коррупции в Республике Татарстан: вопросы совершенствования качества правового регулирования // Право и политика. 2013. № 9. 1130–1138.

Мероприятия по антикоррупционному просвещению на региональном уровне реализуются либо посредством утверждаемой Программы антикоррупционного просвещения, либо в рамках действующих региональных Антикоррупционных планов. Именно последняя модель реализуется в Саратовской области. Необходимая для осуществления мероприятий по предупреждению коррупции, антикоррупционная правовая база Саратовской области представлена Законом Саратовской области «О противодействии коррупции в Саратовской области» от 29.12.2006 № 155-ЗСО. В соответствии с Федеральным законом № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», с подпунктом «г» п. 3 Указа Президента РФ от 11.04.2014 № 226 «О национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы», Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-РФ «О противодействии коррупции», распоряжением Правительства РФ от 14 мая 2014 года № 816-р «Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 годы», Законом Саратовской области от 29 декабря 2006 г. № 155-ЗСО «О противодействии коррупции в Саратовской области» в органах исполнительной власти Саратовской области формируются планы мероприятий органов исполнительной власти Саратовской области по реализации антикоррупционной политики на 2014–2016 гг.⁵

В контексте нашего исследования особый интерес представляет п. 4 Плана, в котором отражено взаимодействие исполнительной власти области с институтами гражданского общества и гражданами, обеспечение доступности информации о деятельности органов исполнительной власти области. Именно в этом пункте Плана говорится о мероприятиях антикоррупционно-просветительского характера.

В Плане обозначены следующие магистральные направления антикоррупционного просвещения:

- информационное обеспечение законодательства (функционирование специализированного раздела о реализации антикоррупционной политики на официальном Интернет-сайте органа исполнительной власти области и размещение актуальной информации об антикоррупционной деятельности, подготовка информационной справки по результатам анализа полученных обращений граждан и организаций на предмет наличия сведений о возможных проявлениях коррупции, подготовка информационной справки о размещенных в средствах массовой информации материалах по вопросам противодействия коррупции, в том числе антикоррупционной деятельности органа исполнительной власти области, освещение в средствах массовой информации акций и основных итогов деятельности институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции);

- совершенствование правового обучения населения (проведение совместных совещаний с представителями общественных объединений, уставными задачами которых является участие в противодействии коррупции, в том числе с рассмотрением вопросов о формировании среди государственных гражданских служащих отрицательного отношения к коррупции, о работе указанных общественных объединений в сфере противодействия коррупции).

В то же время в Плане не отражены мероприятия по совершенствованию системы юридического образования. Полагаем, что следует рассмотреть вопрос о включении в программу юридического образования, в том числе и на уровне дополнительного профессионального образования, дисциплины «Антикоррупционная деятельность» в целях детального изучения и системного восприятия антикоррупционного законодательства. На сегодняшний день создан мощный правовой антикоррупционный потенциал, «раскиданный» по раз-

⁵ Наумов С.Ю., Чаннов С.Е. Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

личным нормативно-правовым актам, который нуждается в полнообъемном осмыслении и усвоении будущими и действующими работниками органов власти.

Соответственно, в структуре Программы антикоррупционного просвещения в Плате выделены: а) аналитические мероприятия: подготовка информационной справки о размещенных в средствах массовой информации материалах по вопросам противодействия коррупции, в том числе антикоррупционной деятельности органа исполнительной власти области; проведение анализа публикаций в средствах массовой информации на предмет наличия сведений о проявлениях коррупции в органе исполнительной власти области, подведомственных ему учреждениях; проведение проверки опубликованных в средствах массовой информации сведений о проявлениях коррупции в органе исполнительной власти области, подведомственных ему учреждениях; б) мероприятия агитационного и PR-направления: обеспечение взаимодействия со средствами массовой информации по вопросам противодействия коррупции, в том числе содействие размещению информационных материалов по вопросам антикоррупционной деятельности органа исполнительной власти области, подготовка информационной справки о размещенных в средствах массовой информации материалах по вопросам противодействия коррупции, в том числе антикоррупционной деятельности органа исполнительной власти области, проведение горячих линий с гражданами по вопросам противодействия коррупции, отнесенным к сфере деятельности органа исполнительной власти области, освещение в средствах массовой информации акций и основных итогов деятельности институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции; в) образовательно-просветительские мероприятия: привлечение представителей институтов гражданского общества при разработке проектов нормативных правовых актов по вопросам противодействия коррупции, проведение совместных совещаний с представителями общественных объединений, уставными задачами которых является участие в противодействии коррупции, в том числе с рассмотрением вопросов о формировании среди государственных гражданских служащих отрицательного отношения к коррупции, о работе указанных общественных объединений в сфере противодействия коррупции.

Исходя из анализа Плана мероприятий органов исполнительной власти Саратовской области по реализации антикоррупционной политики на 2014–2016 гг. и с учетом сказанного, антикоррупционное просвещение, на наш взгляд, является важной составляющей предупреждения коррупции. При осуществлении этой деятельности необходимо использовать ее разнообразные формы, в связи с чем необходимо расширить п. 4 Плана в части образовательно-просветительских мероприятий, включив такие средства реализации антикоррупционного просвещения, как семинары, брифинги, лекции, единые недели (дни) правовых знаний, круглые столы, вечера вопросов и ответов на антикоррупционные темы как для сотрудников органов исполнительной власти различных уровней, так и для населения области. В деле привития навыков антикоррупционного поведения, преодоления правового нигилизма необходимо максимально использовать имеющийся потенциал субъектов антикоррупционной деятельности. Работа по развитию антикоррупционного законодательства должна проводиться в тесном контакте с органами государственной власти и общественными объединениями, средствами массовой информации, с учетом состояния законности и правопорядка, а также аудитории.

Доработка данных планов – процесс объективный и своевременный, так как в целом антикоррупционное просвещение – процесс новый, затрагивающий все стороны социально-общественной жизни населения страны и области, конечной целью которого является повышение правового самосознания граждан, практического укрепления антикоррупционной законности, совершенствования системы нормативных актов.

Список литературы

1. *Кабанов П.А.* Антикрупционное образование как правовая категория регионального антикрупционного законодательства: опыт критического анализа // *Полицейская деятельность*. 2014. № 1. С. 81–92.
2. *Кабанов П.А.* Антикрупционная пропаганда как инструмент противодействия коррупци в Республике Татарстан: вопросы совершенствования качества правового регулирования // *Право и политика*. 2013. № 9. С. 1130–1138.
3. *Наумов С.Ю., Чаннов С.Е.* Комментарий к федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупци».
4. *Хайрутдинова Л.Р.* Антикрупционное просвещение: понятие, цели и значение // *Гуманитарные научные исследования*. 2015. № 1. С. 1 [Электронный ресурс] // URL: <http://human.snauka.ru/2015/01/8490> (Дата обращения: 17.04.2015).

Reference list

1. *Kabanov P.* Anti-corruption education as a legal category of regional anti-corruption legislation: Experience of critical analysis // *Police activity*. 2014. № 1. P. 81–92.
2. *Kabanov P.* Anti-corruption propaganda as a tool against the preventing corruption in the Republic of Tatarstan: The issues of improving the quality of legal regulation // *Law and Politics*. 2013. № 9. P. 1130–1138.
3. *Khairutdinova L.* Anti-corruption education: Conception, objectives and importance // *Humanitarian research studies*. 2015. № 1. P. 1. [Electronic resource] // URL: <http://human.snauka.ru/2015/01/8490> (Date of access: 17.04.2015).
4. *Naumov S., Channov S.* The commentary to the Federal law from December 25th, 2008 № 273-FL "On countering corruption".

УДК 65.012.432

Потапов Н.А.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА В КОРПОРАЦИИ

Статья посвящена гражданско-правовой ответственности генерального директора в корпорации и носит практический характер.

Актуальность исследования связана с вступлением в силу Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Этот Закон уточнил положения о гражданско-правовой ответственности генерального директора.

Ключевые слова: юридическая ответственность, гражданско-правовая ответственность, корпорации, генеральный директор, принцип добросовестности

Potapov N.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Private International and Civil Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation

CIVIL LIABILITY OF THE DIRECTOR GENERAL IN THE CORPORATION

The article is devoted to the civil liability of the Director General in the Corporation and it has a practical importance. The relevance of the study is connected with the entry into force of the Federal law of 05.05.2014 N 99-FL "On amendments to Chapter 4th of part one of the Civil Code of the Russian Federation and on invalidation of individual provisions of legislative acts of the Russian Federation". This Federal Law clarified the provisions on civil liability of the Director General.

Keywords: legal responsibility, civil liability, corporations, Director General, principle of good faith

Несомненно, вопрос о гражданско-правовой ответственности генерального директора в настоящее время является одним из актуальнейших в корпоративном законодательстве.

Руководитель, как любое физическое лицо, связанное либо не связанное с юридическим лицом, всегда лично отвечает за свое поведение. Вопрос только в основаниях такой ответственности¹. В корпоративном законодательстве возникает главный вопрос: как найти баланс между установлением усиленной ответственности руководителя и стимулированием его профессионального поведения, основанного на разумном риске и самостоятельности? Установление личной ответственности руководителя продиктовано прежде всего защитой интересов кредиторов, обеспечением инвестиционной привлекательности общества².

¹ Чернявский А.Г. Юридическая ответственность: учебное пособие. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2015. С. 382.

² Чеховская С.А. Отдельные вопросы статуса руководителя акционерного общества и его гражданско-правовой ответственности.

Отметим, что в российском праве руководитель или единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор) – это единственное лицо, которое без доверенности действует от имени общества и в соответствии со ст. 69 ФЗ «Об акционерных обществах» представляет его интересы, совершает сделки от имени общества, утверждает штаты, издает приказы и дает указания, обязательные для исполнения всеми работниками общества.

Следует сказать, что в гражданском законодательстве закреплена презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений. Данное правило распространяется и на руководителей хозяйственных обществ и товариществ, т.е. предполагается, что они при принятии деловых решений, в том числе рискованных, действуют в интересах общества и его акционеров (участников).

Это подтверждается и примерами из судебной практики.

Как отметил суд, в соответствии с п. 2 ст. 71 Закона об акционерных обществах единоличный исполнительный орган акционерного общества (директор, генеральный директор) несет ответственность перед обществом за убытки, причиненные обществу его виновными действиями (бездействием), если иные основания и размер ответственности не установлены федеральными законами.

При определении оснований и размера ответственности названного лица п. 3 ст. 71 Закона об акционерных обществах предписано принимать во внимание обычные условия делового оборота и иные обстоятельства, имеющие значение для дела.

В силу п. 5 указанной статьи Закона об акционерных обществах обратиться с иском к единоличному исполнительному органу общества о возмещении убытков может акционер (акционеры), владеющий в совокупности не менее чем одним процентом размещенных обыкновенных акций общества.

Президиум считает, что суды, рассматривая вопрос о взаимосвязанности сделок по уступке прав на доли в уставном капитале общества «СИГМА-ИНВЕСТ», неправильно распределили бремя доказывания.

Так, общество «Дорога» в обоснование иска ссылалось на то, что сделки по уступке прав на доли в уставном капитале общества «СИГМА-ИНВЕСТ», заключенные Семененко Г.П. и его матерью, компанией «Fraxinius Holdings Limited», компанией «Baylight Holdings Limited», обществом «Интеркон Профи» и Путиловским заводом, являются взаимосвязанными.

В подтверждение этого общество «Дорога» представило доказательства того, что упомянутые сделки совершены последовательно за короткий промежуток времени (ноябрь – декабрь 2008 г.), они имеют один объект (доля в размере 65,927 процента уставного капитала общества «СИГМА-ИНВЕСТ»), в результате их исполнения право собственности на данный объект перешло от Семененко Г.П. и аффилированного ему лица к Путиловскому заводу, который косвенно контролировался тем же Семененко Г.П. как единоличным исполнительным органом единственного участника Путиловского завода.

Таким образом, истец представил достаточно серьезные доказательства и привел убедительные аргументы в пользу того, что указанные сделки обладали признаками взаимосвязанных, преследующих единую цель – переход титула собственника от Семененко Г.П. и его матери к подконтрольному Семененко Г.П. Путиловскому заводу.

При названных обстоятельствах в силу ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ именно на Семененко Г.П. перешло бремя доказывания обратного.

Ответчик имел реальную возможность раскрыть информацию, по меньшей мере,

о сделках, связанных с переходом прав на доли к компаниям «Fraxinius Holdings Limited», «Baylight Holdings Limited» и к Путиловскому заводу.

Семененко Г.П. как сторона договора и сын Семененко Л.И. могли представить документы по заключенной ими сделке с компанией «Fraxinius Holdings Limited». Семененко Г.П. и его мать также являлись единственными акционерами компании «Fraxinius Holdings Limited», поэтому имели доступ и к документам по сделке между этой компанией и компанией «Baylight Holdings Limited». У Семененко Г.П. как у руководителя единственного участника Путиловского завода не было препятствий и к получению сведений по сделке между обществом «Интеркон Профи» и Путиловским заводом.

Между тем Семененко Г.П. отказался исполнить требования акционеров и судов и предоставить им сведения и документы по данным сделкам.

Суды не дали оценку поведению ответчика и в нарушение требований ч. 2 ст. 9 Арбитражного процессуального кодекса РФ возложили на общество «Дорога» негативные последствия несовершения Семененко Г.П. процессуальных действий по представлению доказательств.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 Арбитражного процессуального кодекса РФ судопроизводство в арбитражном суде осуществляется на основе состязательности. Следовательно, нежелание представить доказательства должно квалифицироваться исключительно как отказ от опровержения того факта, на наличие которого аргументированно со ссылкой на конкретные документы указывает процессуальный оппонент. Участвующее в деле лицо, не совершившее процессуальное действие, несет риск наступления последствий такого своего поведения.

Поэтому в настоящем случае судам надлежало согласиться с не опровергнутыми Семененко Г.П. доводами общества «Дорога» о совершении взаимосвязанных сделок.

При рассмотрении вопроса о соблюдении Семененко Г.П. обязанности действовать разумно судами ошибочно не учтено следующее.

Семененко Г.П., являющийся руководителем Кировского завода – единственного участника Путиловского завода, действительно имел право назначить директора этого дочернего завода и доверять его компетенции и добросовестности.

Однако при этом генеральный директор Кировского завода как лицо, представляющее высший орган управления Путиловского завода, которому директор Путиловского завода подотчетен в силу п. 4 ст. 32 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», не должен был уклоняться от исполнения обязанности по контролю за выполнением директором Путиловского завода полномочий руководителя дочерней компании.

Закон об акционерных обществах требует, чтобы генеральный директор такого общества при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей действовал разумно (п. 1 ст. 71).

Это означает, что он, как лицо, которому акционеры доверили руководство текущей деятельностью общества, должен совершать действия, ожидаемые в аналогичной ситуации при аналогичных обстоятельствах от хорошего руководителя (п. 3.1.1 главы 4 Кодекса корпоративного поведения, являющегося приложением к распоряжению Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг от 04.04.2002 № 421/р).

Поскольку совершались взаимосвязанные сделки, в которые вовлечено имущество, находившееся в собственности самого генерального директора основного общества и его матери, хороший руководитель основного общества в подобной ситуации должен был про-

явить поведение разумно-внимательного лица, от него обоснованно следовало ожидать повышенного контроля ко всем условиям договора, по которому данное имущество приобреталось дочерним обществом.

Поэтому, даже если согласиться с тем, что Семенов Г.П. в момент совершения Путиловским заводом сделки по приобретению доли в размере 65,927 процента уставного капитала общества «СИГМА-ИНВЕСТ» не располагал информацией об условиях такого приобретения, его поведение (непринятие им мер к получению информации, в том числе о цене приобретения) следовало квалифицировать как намеренное неисполнение обязанностей генерального директора Кировского завода и сознательное пренебрежение ими, т.е. как виновное бездействие.

В итоге Президиум посчитал, что и вопрос о том, соблюдал ли Семенов Г.П. обязанность действовать добросовестно, разрешен судами неверно³.

ГК РФ не содержит критериев недобросовестного и неразумного поведения управляющих, не регулирует основания и порядок их привлечения к ответственности⁴.

Особую актуальность вопрос регулирования ответственности руководителей компаний обретает в корпоративном праве постсоветских государств, где данный правовой институт находится на стадии становления. Наряду с проблемами в области производственной, промышленной или корпоративной культуры, здесь очевидны и изъяны законодательства или законодательной техники, устранение которых, при желании, представляется не слишком сложным. Другое дело, применение норм об ответственности руководителей компаний на практике. Даже в странах с серьезными традициями рыночной экономики и правового государства, каковыми являются США и Германия, указанные правовые нормы используются не так уж часто. По сравнению с Германией в США число корпоративных исков против директоров корпораций значительно больше. Объяснение этому можно найти в различии структур акционеров. В частности, американские корпорации характеризуются большим количеством мелких акционеров, а немецкие (впрочем, как и российские) – влиятельным положением крупных акционеров. Кроме того, важную роль играют разные философии корпоративного управления: в США преимущество отдается внешнему корпоративному управлению (External Corporate Governance), а в Германии – внутреннему корпоративному управлению (Internal Corporate Governance)⁵.

Несмотря на то что п. 1 ст. 71 Федерального закона от 26.12.1995 “Об акционерных обществах” содержит перечень должностных лиц АО, а п. 2 возлагает на них “ответственность перед обществом за убытки, причиненные обществу их виновными действиями”, порой остается неясным, как распределяется компетенция между этими должностными лицами. Формирование того или иного органа нередко оставлено на усмотрение самого АО. Так, если АО одновременно имеет и единоличный, и коллегиальный исполнительные органы, компетенция коллегиального органа должна быть определена уставом общества (абз. 2 п. 1 ст. 69 Закона РФ об АО).

Поскольку нарушение обязанностей является важным условием ответственности руководителей, большое практическое значение имеет вопрос конкретизации и персонификации этих обязанностей. Совершенно недостаточно говорить о том, что ответственность наступает при нарушении обязанностей. Главная задача законодателя в данном случае за-

³ Постановление Президиума ВАС РФ от 06.03.2012 № 12505/11 по делу № А56-1486/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Гутников О.В. Кодификация норм корпоративного законодательства об ответственности управляющих за убытки, причиненные юридическим лицам // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 32–40.

⁵ Чантурия Л. Гражданско-правовая ответственность руководителей акционерных обществ // Корпоративный юрист. 2007. № 2. С. 9.

ключается в определении тех обязанностей по управлению обществом, нарушение которых может послужить основанием ответственности.

Несомненно, полного перечня обязанностей лиц, осуществляющих управление хозяйственным обществом, не могут предусмотреть ни закон, ни внутренние документы общества, в связи с чем законодательно установлена общая обязанность для таких лиц действовать в интересах представляемых ими обществ разумно и добросовестно. Поэтому, если управляющий прямо не нарушил какие-либо требования нормативно-правовых актов, внутренних документов общества, судом будет оцениваться поведение управляющего с точки зрения разумности и добросовестности. Противоправность в этих случаях будет заключаться в нарушении общей обязанности, а именно действовать в интересах представляемого общества разумно и добросовестно⁶.

Для обоснования ответственности прежде всего необходимо обозначить конкретные обязанности, нарушение которых влечет ответственность. За исключением норм, закрепляющих обязанности руководителей по заключению крупных сделок общества (ст. 78–80 Закона РФ об АО) или регулирующих заинтересованность в совершении обществом сделки (гл. XI Закона об АО РФ), Закон РФ об АО не содержит указания на конкретные обязанности по управлению обществом, за нарушение которых на руководителей возлагается ответственность.

Ответственность руководителей компаний наступает при виновном нарушении обязанностей.

Безусловно, добросовестно и разумно управляющий должен действовать в интересах юридического лица в целом, а не отдельных его участников (акционеров). При определении интересов общества в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 предлагается учитывать цель деятельности общества (извлечение прибыли), положения устава, внутренних документов общества, бизнес-планов и пр.

Непринятием управляющим мер для достижения целей деятельности общества также может быть признано привлечение общества к публично-правовой ответственности (налоговой, административной). В этом случае для опровержения противоправности своего поведения управляющий должен представить доказательства того, что действие, повлекшее привлечение к публично-правовой ответственности, на момент его совершения не являлось абсолютно противоправным, по этому вопросу не было единообразной судебной и административной практики (п. 4 указанного Постановления).

Также ранее действовавший ВАС РФ предлагал расценивать с точки зрения разумности и добросовестности кадровые решения управляющего, а именно: подбор персонала и поверенных общества, осуществление надлежащего контроля их деятельности, особенно в случае возникновения у общества убытков по вине персонала, поверенных. То же относится и к выбору контрагентов по гражданско-правовым договорам⁷.

По вопросу определения и условий взыскания убытков, причиненных управляющим, также следует обратиться к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62. В частности, ВАС РФ разъяснил, что арбитражные суды не вправе отказывать в удовлетворении требований о возмещении убытков только на том основании, что невозможно установить размер убытков с разумной степенью достоверности. В таком случае суды определяют размер убытков исходя из принципов справедливости и соразмерности (п. 6 Постановления).

⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 34.

⁷ Корпоративное право: учебник / Е.Г. Афанасьева, В.Ю. Бакшинская, Е.П. Губин и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М: КНОРУС, 2015. С. 175.

В последних изменениях гл. 4 ГК РФ нормы о юридической ответственности лиц, входящих в органы управления юридическим лицом, получили свое дальнейшее развитие. Данные нормы касаются всех без исключения юридических лиц (коммерческих, некоммерческих и т.д.) и содержат в обобщенном виде правила, находящиеся сегодня в законах об отдельных видах юридических лиц.

В частности, уточнена редакция ст. 53 ГК РФ об органах юридического лица; при этом положения об ответственности лиц, входящих в органы юридического лица, из ст. 53 выделены в отдельную новую ст. 53.1, по которой ответственность распространяется не только на лиц, выступающих от имени юридического лица, но и на членов коллегиальных органов юридического лица, а также на лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания членам его органов управления.

Несомненно, в ГК РФ должны быть четко отграничены случаи ответственности управляющих перед акционерами, кредиторами и иными третьими лицами в рамках корпоративных отношений (корпоративной ответственности) от деликтной ответственности управляющих перед теми же лицами, не связанной с нарушением ими корпоративных обязанностей, а также от ответственности перед теми же лицами самого юридического лица⁸. Кроме того, для полной ясности следует специально урегулировать случаи привлечения управляющего к ответственности по разным основаниям, в том числе недопустимость двойной ответственности управляющего по одному и тому же основанию.

Список литературы

1. Гутников О.В. Кодификация норм корпоративного законодательства об ответственности управляющих за убытки, причиненные юридическим лицам // Журнал российского права. 2014. № 1.
2. Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6.
3. Корпоративное право: учебник / Е.Г. Афанасьева, В.Ю. Бакшинская, Е.П. Губин и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М: КНОРУС, 2015.
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.03.2012 № 12505/11 по делу № А56-1486/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 № 62 "О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица" // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 34.
6. Чантурия Л. Гражданско-правовая ответственность руководителей акционерных обществ // Корпоративный юрист. 2007. № 2.
7. Чернявский А.Г. Юридическая ответственность: учебное пособие. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2015.
8. Чеховская С.А. Отдельные вопросы статуса руководителя акционерного общества и его гражданско-правовой ответственности в акционерных обществах по законодательству Франции // Юридический мир. 2011. № 3.

⁸ Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 51–117.

Reference list

1. *Chanturiya L.* Civil liability of executive directors of corporations // *Corporate lawyer*. 2007. № 2.
2. *Chekhovskaya S.* Specific issues relating to the standing of a Director of the corporations and his civil liability under the legislation of France in // *Juridical world*. 2011. № 3.
3. *Chernyavskiy A.* Legal responsibility: Study guide. M.: Alfa-M; Infra-M, 2015.
4. *Corporate law: Textbook / E. Afanas'eva, V. Bakshinskis, E. Gubin and others; Executive editor I. Shitkina.* 2nd Edition updated and revised. M.: Knorus, 2015.
5. Decision of the Presidium of the Supreme Arbitration Court dated 06.03.2012 № 12505/11 in case number A56-1486/2010 // Legal Reference System "ConsultantPlus".
6. *Gutnikov O.* Legal responsibility in corporate relations // *Bulletin of civil law*. 2014. № 6.
7. *Gutnikov O.* The codification of the norms of corporate law about the responsibility of managers for losses, caused to corporate entities // *Journal of the Russian Law*. 2014. № 1.
8. The Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court from 30th of July, 2013 № 62 "On some issues of remedy for loss to the members of bodies of legal entities" // *Economics and life (Bookkeeping supplement)*. 2013. № 34.

УДК 343.265

Ефремова И.А.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ

Статья посвящена предупредительному характеру отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. В работе представлены критерии, позволяющие не только выявить превентивную роль отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, но и определить ее уголовно-правовую природу.

Ключевые слова: предупредительные аспекты отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, основания отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, условия отсрочки отбывания наказания больным наркоманией

Efremova I.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Criminal and Criminal-Executive Law of the Saratov State Academy of Law

REVENTIVE ASPECTS OF RESPITE OF ENDURING THE PUNISHMENT TO PATIENTS WITH DRUG DEPENDENCE

The article is devoted to preventive character of respite of enduring the punishment to patients with drug dependence. The paper is presented criteria that allow not only to identify the preventive role of respite of enduring the punishment to patients with drug dependence but to determine its criminal-legal nature also.

Keywords: preventive aspects of respite of enduring the punishment to patients with drug dependence, respite of enduring the punishment to patients with drug dependence, grounds of respite of enduring the punishment to patients with drug dependence, terms of respite of enduring the punishment to patients with drug dependence

Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией предусмотрена ст. 82.1 УК РФ, которая закрепляет следующие положения.

1. Осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 настоящего Кодекса, и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации, но не более чем на пять лет.

2. В случае, если осужденный, признанный больным наркоманией, отбывание наказания которому отсрочено, отказался от прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинской реабилитации либо социальной реабилитации или уклоняется от лечения после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением

осужденного, суд по представлению этого органа отменяет отсрочку отбывания наказания и направляет осужденного для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда.

3. После прохождения курса лечения от наркомании, медицинской реабилитации, социальной реабилитации и при наличии объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой после окончания лечения, медицинской реабилитации, социальной реабилитации составляет не менее двух лет, суд освобождает осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания или оставшейся части наказания.

4. В случае установления судом факта совершения осужденным, признанным больным наркоманией, отбывание наказания которому отсрочено, преступления, не указанного в ч. 1 настоящей статьи, суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного, отменяет отсрочку отбывания наказания, назначает наказание по правилам, предусмотренным ч. 5 ст. 69 настоящего Кодекса, и направляет осужденного для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда.

5. В случае, если в период отсрочки отбывания наказания осужденный, признанный больным наркоманией, совершил новое преступление, суд отменяет отсрочку отбывания наказания, назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 настоящего Кодекса, и направляет осужденного в место, назначенное в соответствии с приговором суда.

В данном виде отсрочки речь идет о категории лиц, страдающих определенным заболеванием – наркоманией. В действующем законодательстве раскрывается понятийный аппарат представленного заболевания, лиц, страдающих наркоманией, а также их реабилитации. В соответствии с Федеральным законом от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»¹ наркомания – это заболевание, обусловленное зависимостью от наркотического средства или психотропного вещества; больной наркоманией – это лицо, которому по результатам медицинского освидетельствования, проведенного в соответствии с настоящим Федеральным законом, поставлен диагноз «наркомания»; реабилитация больных наркоманией – комплекс мероприятий медицинского, психологического и социального характера, направленных на полное или частичное восстановление нарушенных вследствие потребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача функций пораженного органа либо системы организма и (или) компенсацию утраченных функций, а также максимально возможное восстановление и (или) формирование социальных навыков и навыков психологической устойчивости (ст. 1).

На сегодняшний день государство гарантирует больным наркоманией оказание наркологической помощи и социальную реабилитацию. Наркологическая помощь больным наркоманией включает в себя профилактику, диагностику, лечение и медицинскую реабилитацию. Наркологическая помощь больным наркоманией оказывается при наличии их информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство, полученного в порядке, установленном законодательством в сфере охраны здоровья, а больным наркоманией несовершеннолетним – при наличии информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство одного из родителей или иного законного представителя (за исключением установленных законодательством Российской Федерации случаев обретения несовершеннолетними полной дееспособности до достижения ими восемнадцатилетнего возраста). На больных наркоманией, находящихся под диспансерным наблюдением и продолжающих потреблять наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо уклоняющихся от лечения, а также на лиц, привлеченных к администра-

¹ Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СПС «Консультант-Плюс».

тивной ответственности или осужденных за совершение преступлений к наказанию в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы и нуждающихся в лечении от наркомании, по решению суда может быть возложена обязанность пройти лечение от наркомании, а также могут быть назначены иные меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Больные наркоманией при оказании наркологической помощи пользуются правами пациентов в соответствии с законодательством Российской Федерации об охране здоровья граждан (ст. 54 ФЗ).

Уголовное законодательство наряду с социальной реабилитацией закрепляет и медицинскую. Медицинская реабилитация больных наркоманией осуществляется в медицинских организациях, получивших лицензию на этот вид деятельности. Излечение таких пациентов не всегда возможно в полном объеме. Наркомания является заболеванием, которое, как правило, сопутствует заражению ВИЧ-инфекцией и другим заболеваниям. Применение уголовного наказания в виде лишения свободы к лицам, страдающим наркоманией, впервые совершившим преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, и изъявившим желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию, может быть отсрочено судом до окончания лечения.

В этой части отсрочка однозначно носит превентивный характер, поскольку путем воздействия на данных лиц реализуется не только частное, но и общее предупреждение, ибо законодатель предоставляет лицу возможность при наличии правопослушного поведения и выздоровления полное освобождение от наказания. После прохождения курса лечения от наркомании, медицинской реабилитации, социальной реабилитации и при наличии объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой после окончания лечения, медицинской реабилитации, социальной реабилитации составляет не менее двух лет, суд освобождает осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания или оставшейся части наказания, что явно способствует положительной динамике в правопослушном посткриминальном поведении указанных лиц. Кроме того, присутствуют условия, позволяющие в зависимости от негативного поведения лица отменить отсрочку и направить отбывать наказание, назначенное по приговору суда. Речь идет о случаях, когда осужденный, признанный больным наркоманией, отбывание наказания которому отсрочено, отказался от прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинской реабилитации либо социальной реабилитации или уклоняется от лечения после предупреждения контролирующего органа, что явно является сдерживающим фактором в продолжении деятельности, направленной на нарушение закона. Причем отказ осужденного от лечения в государственной (муниципальной) наркологической клинике и выбор им частной клиники не является случаем отказа или уклонения, закрепленного в ч. 2 ст. 82.1 УК РФ, т.е. лицо имеет право на выбор медицинского учреждения.

Основные положения медико-социальной реабилитации больных наркоманией изложены в приказе Министерства здравоохранения РФ от 22.10.2003 № 500 «Об утверждении протокола ведения больных «Реабилитация больных наркоманией (Z50.3)»². Данный нормативный правовой акт включает в себя перечень мероприятий, оказываемых больным наркоманией на этапе реабилитации, направленных на подавление основного синдрома забо-

² Приказ Министерства здравоохранения РФ от 22.10.2003 № 500 «Об утверждении протокола ведения больных «Реабилитация больных наркоманией (Z50.3)» // СПС «КонсультантПлюс».

левания (патологического влечения к психоактивным веществам); нивелирование астенических (неврастенических), аффективных, поведенческих и интеллектуально-мнестических расстройств, обусловленных злоупотреблением психоактивными веществами; восстановление коммуникативных навыков; формирование ответственности за свое поведение и здоровый образ жизни и т.п.

На основании изложенного можно констатировать, что отсрочка отбывания наказания больным наркоманией носит превентивный характер, поскольку ее применение к лицу выступает стимулом к правопослушному поведению впоследствии, что является положительным моментом не только в отношении осужденных, но и общества в целом.

Список литературы

1. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 22.10.2003 № 500 «Об утверждении протокола ведения больных «Реабилитация больных наркоманией (Z50.3)» // СПС «КонсультантПлюс».

Reference list

1. Federal Law dated 08.01.1998 № 3-FL "About narcotic drugs and psychotropic substances" // Legal Reference System "ConsultantPlus".
2. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 22.10.2003 № 500 "On approval of the Patient Management Protocol "Rehabilitation of patients with drug dependence (Z50.3)" // Legal Reference System "ConsultantPlus".

УДК 34.023.

Володин О.Н.,

кандидат юридических наук, директор Центра организации дорожного движения, г. Пенза

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГО-ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «ДИСЦИПЛИНА» В ДОРОЖНОМ ДВИЖЕНИИ

Статья посвящена одному из ключевых элементов важной социально-правовой категории «безопасность дорожного движения». Автор ставит задачу подвергнуть теоретическому осмыслению правовую природу и структуру феномена «дисциплина» применительно к одному из сложнейших социальных процессов – дорожному движению, в контексте его безопасности. Актуальность представленного исследования подтверждается неослабевающим вниманием к проблеме обеспечения безопасности дорожного движения как со стороны властных органов, так и со стороны научного сообщества. Новизна заключена в самом заявленном предмете исследования и в комплексном психолого-юридическом подходе к его анализу. Настоящий материал также может быть полезен при формировании профилактических и обучающих программ по повышению безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: дисциплина, правомерное поведение, правосознание, правопорядок, безопасность дорожного движения

Volodin O.,

PhD in Law, Director of the Penza Center of Road Traffic Management

THEORETICAL-LEGAL AND PSYCHO-LEGAL ASPECTS OF THE CONCEPTION “DISCIPLINE” IN ROAD TRAFFIC

The article is concerned with one of the key elements of important socio-legal category such as “road traffic safety”. The author of this article seeks to expose the theoretical conceptualization of the legal nature and structure of the phenomenon as “discipline” in relation to one of the most complex social processes – road traffic, in the context of its safety. The relevance of the submitted study is confirmed by continued attention to the issue of ensuring road traffic safety, both government agencies and the scientific community. The novelty is enclosed within the claimed subject for study and in complex psycho-legal approach of its analysis. This real information can also be helpful in the development of preventive and educational programs to improve road traffic safety.

Keywords: discipline, lawful behavior, legal consciousness, law and order, road traffic safety

Введение

Проблема обеспечения безопасности дорожного движения уже давно выдвинута в ряд первоочередных задач государства, является одной из самых звучащих тем в общественном обсуждении. Соответственно, для юридической науки чрезвычайно важным является познание механизмов конфликтов, дорожно-транспортных правонарушений, выявление и изучение обстоятельств как негативного, так и позитивного свойства, влияющих на

состояние безопасности дорожного движения, и построение действенных систем защиты их участников.

Как нам представляется, одним из наиболее значимых элементов категории «безопасность дорожного движения» является такое интересное и непростое явление, как «дисциплина».

Нам известны научно-теоретические и научно-практические работы, посвященные правовому пониманию понятия «дисциплина». Этот термин упоминается в ряде работ по теории государства и права, различным отраслям права, психологии дорожного движения, используется в публичных выступлениях высших должностных лиц Российской Федерации. Однако употребление термина «дисциплина» не всегда влечет за собой глубокий анализ этого понятия либо его толкование, он может упоминаться как данность, как нечто само собой разумеющееся. Подобное положение нам представляется неверным, в связи с чем и предпринята попытка в настоящей публикации очертить основные теоретические и психолого-правовые аспекты понятия «дисциплина», в частности применительно к сфере дорожного движения в контексте его безопасности.

Природа и сущность явления «дисциплина»

Для элементарного понимания феномена «дисциплина» вначале мы обратились к максимально простым формулировкам, содержащимся в общедоступных энциклопедических источниках.

«**Дисциплина** (англ. discipline, branch) – 1) определенный строгий и точный порядок поведения и деятельности, установленный для членов общества в целом и для какой-либо определенным образом организованной социальной группы и являющийся для них обязательным ...» [5].

«**Дисциплина** – четкое соблюдение правил и договоренностей, подразумевающие санкции в случае невыполнения. Дисциплинирование – разумно организованное системное принуждение, базирующееся на строгом выполнении правил» [12].

Даже из приведенных формулировок логично следуют два обстоятельства. Первое – явление «дисциплина», безусловно, носит социальный характер. Видно, что это некая характеристика общественных отношений, отдельно выраженное условие их существования и осуществления, т.е. отношения в обществе могут существовать и без дисциплины, но при ее наличии это иные именно в качественном плане отношения. Именно тогда они сопровождаются такими факторами, как «строгость», «четкость», «точность», «порядок», «правила». Второе – явление «дисциплина» носит ярко выраженный императивный, догматичный характер. Обосновать данный вывод вполне возможно вышеприведенными факторами плюс указанием на «принуждение». Понятно, что принудить к исполнению «чего-то» – весьма расплывчатое устремление, а вот понудить к исполнению «чего-то» конкретно-определенного – это уже повседневная задача.

Для более глубокого анализа феномена «дисциплина» обратимся к мнению ученых-правоведов. Профессор Н.В. Черноголовкин пишет, что в «самых общих чертах дисциплину можно определить как определенный порядок поведения людей в соответствии с требованиями социальных норм, действующих в обществе и регулирующих их отношения в той или иной сфере жизнедеятельности. Сущность дисциплины состоит в необходимости поддержания этого порядка и исполнении соответствующих правил поведения. Это и есть соблюдение дисциплины» [4, с. 14].

Доцент Г.И. Молев в своем достаточно интересном диссертационном исследовании дает оригинальное толкование явления «дисциплина». Он полагает, что это «универсальное

средство организации социальных связей, как цементирующее начало для любого государства, обеспечивающее устойчивость правомерного поведения субъектов» [7]. Данное определение представляется достаточно емким и динамичным, несмотря на кажущуюся упрощенность и даже эмоциональность подхода.

Приведенных выше формулировок вполне достаточно для ряда теоретико-правовых выводов о природе и содержании явления «дисциплина».

Во-первых, следует отметить властно-волевою природу феномена «дисциплина». Профессор В.М. Корельский в этой связи заключает: «Дисциплина является одной из форм выражения социальной власти. Поэтому исследование проблем дисциплины вне связи с властью вряд ли правомерно» [6, с. 14].

Во-вторых, правовая сущность дисциплины определяется подчинением установленному правопорядку. Отношения управления и подчинения, кроме того, подтверждают и властно-волевою определенность дисциплины.

В-третьих, дисциплина реализуется путем исполнения юридических обязанностей. Доцент Ю.В. Барзилова называет юридические обязанности неотъемлемым элементом правосознания и правовой культуры общества и проводит четкую взаимосвязь между дисциплиной и юридическими обязанностями личности, считая их соблюдение важнейшим условием укрепления дисциплины [1].

И, в-четвертых, дисциплина напрямую соотносится с такими важнейшими институтами правовой действительности, как «законность» и «правопорядок».

Особо необходимо отметить, что дисциплина представляет собой интеллектуальную и деятельностьную основу правомерного поведения индивида. В связи с этим возникает уверенность и в весьма значимой психологической составляющей явления «дисциплина», особенно в сфере дорожного движения. «По движению машины безошибочно можно сказать об уме сидящего за рулем человека, его уважении к другим. В равной мере оно свидетельствует об ответственности, дисциплинированности, воспитанности, взрослости, требовательности к себе, сдержанности, бдительности, разумной осторожности и других качествах водителя. Рискованные маневры – проявление не водительского мастерства, а ... недостатка ума, несформированности личности. В этом собственно и кроются главные психологические причины нарушений, приводящих к авариям» [3, с. 27].

Психолого-юридическое содержание понятия «дисциплина»

Мотивация участников дорожного движения в целом и общем достаточно проста. Это безусловное удовлетворение потребностей в комфортном и быстром перемещении. Хотя можно отметить и такие, в известной степени самостоятельные по своей сути побуждения, как тщеславие (езда на «крутых» автомобилях), вызов (хулиганское поведение на дороге) и даже криминально-экономический (организованные преступные группы, промышляющие так называемыми «автоподставами»). Но это все устойчивые, длящиеся побуждения. В части анализа и выработки средств профилактики более неблагоприятными для состояния безопасности дорожного движения являются спонтанные мотивы. Например, профессор А.М. Столяренко называет момент конкуренции в поведении водителей потенциально опасным именно из-за своей абсолютной внезапности [10, с. 499].

Основными моментами понятия «дисциплина» в психологическом аспекте следует считать эмоциональный и волевой. Эмоции как процессы отражения складывающихся дорожно-транспортных ситуаций преломляются через мотивационное поле индивида и влекут за

собой определенную поведенческую реакцию. Ошибки в поведении на дороге складываются как раз в сфере мотивации. «Мне надо», «я опаздываю», «я тороплюсь» – не правда ли, каждому из нас знакомы типичные оправдания нарушителей Правил дорожного движения (далее – Правила, ПДД). Видя зеленый мигающий сигнал светофора и прекрасно зная, что через несколько мгновений произойдет смена сигнала на красный (запрещающий), большинство водителей жмет на педаль газа, намереваясь «успеть», «проскочить». Каков может быть результат – общеизвестно.

В этой связи чрезвычайно важным следует считать волевой момент в психологическом содержании понятия «дисциплина». Ведь в вышеприведенном примере не каждый водитель поедет дальше, зная о предстоящей смене сигналов светофора. Большинство из них снизит скорость и остановится, причем не заезжая за стоп-линию. В таком варианте поведения также присутствуют все перечисленные психологические факторы, но в роли главного выступает уже воля. Механизм поведения представляется несколько иным: в сознании человека отражается текущая дорожно-транспортная обстановка, мотивационное поле человека формирует определенную эмоциональную реакцию, но в решающей стадии подключается элемент воли, вводящий в анализ дополнительный элемент – право, требования Правил. Таким образом, воля срабатывает как предохранитель от нарушения Правил, в определенной степени заглушая мотивацию только к личному перемещению. Формируется понимание того, что у других участников движения тоже есть потребности и права, и на первый план выходит обязанность – соблюдать требования Правил. Воля выступает как ограничитель собственного мотива, как фильтр сознания, превращая его в правосознание. В этой связи представляется вполне обоснованным вывод о коллизии эмоционального и волевого элементов в явлении «дисциплина». Но эта коллизия не представляется антагонистичной, взаимоисключающей. Волевое начало не подавляет, а корректирует эмоции и, соответственно, качественно меняет поведение, делает его правомерным.

Принципиально важным следует считать отношение личности к правовой действительности. Данное отношение может быть только осознанным, т.е. сформированным в результате мыслительной деятельности. Следовательно, стержневым моментом правомерного поведения индивида в процессе дорожного движения необходимо признать интеллектуальное восприятие права и его предписаний. В связи с этим отметим правоту профессора Д.А. Гавриленко в том, что «устойчивые черты характера», преломляясь через элементы правосознания и правопонимания, оказывают «непосредственное влияние на поведение человека, отражая нравственно-психологический аспект сознательной дисциплины, точнее, самодисциплины. Это и анализ своего поведения, и его регулирование, и контроль за своими действиями»[2, с. 83].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дисциплина как результат отражения в сознании индивида правовой действительности и формирования добровольного вывода о необходимости правомерного поведения являет собой выражение уровня правосознания индивида.

*Понятие дисциплины, правовые и профилактические основы дисциплины
в сфере безопасности дорожного движения*

Ранее изложенные выводы позволяют нам сформулировать собственное итоговое понятие дисциплины. Так, совершенно логичным представляется ряд следующих признаков дисциплины: социальное, властное, нормативное, интеллектуальное, волевое явление. Что

же касается сущности, то, с нашей точки зрения, необходимо отказаться от определения дисциплины в собственно-предметном смысле. Более верным нам видится представление дисциплины как определенного свойства, качественной характеристики социально-правовых событий общественной жизни, их критериального показателя. И еще один вывод хотелось бы озвучить: дисциплина, по нашему убеждению, носит исключительно личностный характер. Применяемый в речевом обороте термин «коллективная [или, например, командная] дисциплина» на самом деле представляет собой сумму индивидуальных умозаключений по пониманию, принятию и соблюдению индивидом личной дисциплины в его поведенческих актах.

Итак, дисциплина – это *особая форма социального взаимодействия, основой которой является решение индивида о необходимости руководства в собственном поведении установленными в обществе моральными и правовыми нормами в целях максимального соблюдения комплекса интересов, прав и обязанностей всех участников общественного процесса*. Из этой дефиниции мы сознательно удаляем указания на упорядоченность и принудительность в содержании дисциплины и на возможность санкций, так как склонны сделать смысловой акцент на осознанности и моральной мотивации дисциплинированного поведения. Данное обстоятельство не свидетельствует об игнорировании или умалении автором как фактора социального управления посредством [правового] регулирования, так и фактора позитивной юридической ответственности, но точно очерчивает реальную область профилактического влияния на участников дорожного движения, чтобы не сводить меры по повышению безопасности в этой сфере лишь к ужесточению наказаний.

Право как регулятор общественных отношений является одним из элементов действительности, которые анализируются водителем при принятии решений в процессе дорожного движения. Анализ дорожно-транспортной обстановки (ситуации) вне рамок права не может гарантировать правильный итоговый выбор водителя и, соответственно, безопасность производимого действия/маневра.

Статья 24 Федерального Закона «О безопасности дорожного движения» (Права и обязанности участников дорожного движения) содержит следующие указания на содержание правопорядка в регулируемой сфере.

1. Права граждан на безопасные условия движения по дорогам Российской Федерации гарантируются государством и обеспечиваются путем выполнения законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения и международных договоров Российской Федерации.

2. Реализация участниками дорожного движения своих прав не должна ограничивать или нарушать права других участников дорожного движения [11].

Правила дорожного движения образуют ту совокупность юридически обязывающих правил поведения, которая призвана сделать этот процесс безопасным, т.е. лишенным угроз причинения какого-либо вреда. Собственно Правила предписывают участникам дорожного движения их (Правила) знать и соблюдать [9]. Это важный и совершенно конкретный посыл законодателя, с которым мы солидарны не только потому, что нормативные установки подобного рода не требуют дополнительной субъективной оценки исследователя, но и потому, что какой-то альтернативы интеллектуальному восприятию ПДД не имеется, любые другие варианты лежат в неправовой плоскости.

Такие личностные деформации, как недостаточная правовая грамотность, низкий общекультурный уровень, слабая морально-волевая подготовка, являются прямыми и очевидными условиями совершения ДТП. «Граждане, выступая участниками дорожного движения, вносят в него «вирусы» тех пробелов правовой психологии, правосознания, жизненных цен-

ностных ориентаций, которые сформировались у них, как у членов общества» [10, с. 497]. Вывод таков, что в профилактическом смысле дисциплина участников дорожного движения является одним из основных предметов государственного интереса.

Министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Александрович Колокольцев, говоря о Федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» заявил следующее: «Прежде всего, речь идет о поведении самих участников дорожного движения. Необходимо укреплять дисциплину, формировать негативное отношение к нарушителям правил дорожного движения. Это предусматривает, с одной стороны, совершенствование форм и методов контроля, с другой – профилактическую разъяснительную работу, а также повышение качества подготовки водителей» [8]. Трудно не согласиться с руководителем федерального министерства, ежедневно несущего службу по охране общественного порядка, в том числе – в сфере безопасности дорожного движения. Дисциплина как предмет направленного профилактического воздействия требует особого, пристального внимания со стороны государства при формировании и обеспечении им механизмов, гарантирующих безопасность личности и общества. Для достижения того, что министр В.А. Колокольцев назвал «укреплением дисциплины» необходимы, во-первых, неординарные, творческие, а во-вторых, достаточно бескомпромиссные шаги (например, давно обсуждаемое компьютерное психологическое тестирование кандидатов в водители). Что касается детального анализа векторов государственной политики в сфере безопасности дорожного движения, то данное действие является предметом дальнейшего исследовательского интереса и будет предложено читателям позднее.

Список литературы

1. Барзилова Ю.В. Юридические обязанности как элемент правового статуса личности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
2. Гавриленко Д.А. Правовое государство и дисциплина / Под ред. В.И. Шабайлова. Мн.: Наука і техніка, 1991. – 150 с.
3. Глухов А.К. Психологические аспекты безопасности дорожного движения в России. М.: Логос, 2013. – 64 с.
4. Государственная дисциплина и социалистический правопорядок / Керимов Д.А., Атаманчук Г.В., Кобец Н.Г. и др. М.: Политиздат, 1985. – 143 с.
5. Интернет-портал Правотека.ру – поиск юридических услуг // URL: <http://www.pravoteka.ru/enc/Дисциплина> (дата обращения: 26.05.2014).
6. Корельский В.М. Все начинается с дисциплины. М.: Издательство «Мысль», 1985. – 204 с.
7. Молев Г.И. Дисциплина в российском обществе: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
8. Необходимо укреплять дисциплину участников дорожного движения: глава МВД РФ [25.09.2013] (Электронный ресурс) // URL: <http://auto.amic.ru/news2/10825/> (дата обращения: 26.05.2014).
9. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 17.12.2013) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»). (Электронный ресурс) // URL: <http://www.consultant.ru/popular/pdd/#info> (дата обращения: 23.02.2014).

10. Прикладная юридическая психология: учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 639 с.
11. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (Электронный ресурс) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154765/ (дата обращения: 23.02.2014).
12. Энциклопедия практической психологии «Психологос» (Электронный ресурс) // URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/disciplina> (дата обращения: 26.05.2014).

Reference list

1. Applied legal psychology: Textbook for high education institutions / Under the editorship of Professor A. Stolyarenko. M.: UNITI-DANA, 2001. P. 639.
2. *Barzilova Yu.* Legal obligations as an element of the legal nature of the personality: Synopsis of a thesis of PhD in Law. Saratov, 2006.
3. Encyclopedia of applied psychology "Psicologos" (Electronic resource) // URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/disciplina> (Date of access: 26.05.2014).
4. Federal Law of 10.12.1995 № 196-FL "On road traffic safety" (Electronic resource) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154765/ (Date of access: 23.02.2014).
5. *Gavrilenko D.* The constitutional state and discipline / Under the editorship of V. Shabailov. Mn.: Science and technology, 1991. P. 150.
6. *Glukhov A.* Psychological aspects of road traffic safety in Russia. M.: Logos, 2013. P. 64.
7. It is necessary to strengthen the discipline of road users: The head of the Russian Federation Ministry of the Interior [25.09.2013] (Electronic resource) // URL: <http://auto.amic.ru/news2/10825/> (Date of access: 26.05.2014).
8. *Korel'skiy V.* It all starts with discipline. M.: Publishing House "Mysl", 1985. P. 204.
9. *Molev G.* Discipline in the Russian society: Theoretical and legal aspect: Synopsis of a thesis of PhD in Law. Saratov, 2005.
10. State discipline and the socialist rule of law // Kerimov D., Atamanchuk G., Kobets N. and others. M.: Politizdat, 1985. P. 143.
11. The Decree of the Government of the Russian Federation of 23.10.1993 № 1090 (Edited on 17.12.2013) "On road traffic rules" (with the "Basic provisions for the admission of transport vehicles to operation and duties of officials to ensure road traffic safety"). (Electronic resource) // URL: <http://www.consultant.ru/popular/pdd/#info> (Date of access: 23.02.2014).
12. The Internet portal of Pravoteka.ru – search legal services // URL: <http://www.pravoteka.ru/enc/Дисциплина> (Date of access: 26.05.2014).

УДК 342

Бугорский В.П.,

кандидат юридических наук, доцент Московского института государственного управления и права

КОНТРАКТ С ИНОСТРАННЫМ ПАРТНЕРОМ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

В статье рассматриваются проблемы заключения контрактов с иностранными партнерами с учетом изменений положений Гражданского кодекса РФ, имеющие значение для участников внешнеэкономической деятельности. В первую очередь стороны сталкиваются с необходимостью определить применимое право. С учетом этого предлагаются необходимые рекомендации, которыми целесообразно руководствоваться, уясняя действующую систему правил достижения соглашения. Отмена нормы об обязательной письменной форме внешнеэкономической сделки допускает заключение контракта с иностранным партнером в устной форме. Российским участникам внешнеэкономической деятельности предлагаются конкретные рекомендации при проведении переговоров с иностранными партнерами и организации договорной работы. Представляется, что высказанные предложения помогут сторонам обеспечить действительность внешнеэкономических сделок.

Ключевые слова: международный договор, применимое право, участники внешнеэкономической деятельности, внешнеэкономическая сделка, договорное регулирование внешнеэкономической деятельности, форма контракта с иностранным партнером, международная купля-продажа товаров, правовая работа, локальные акты о договорной работе с иностранными партнерами

Bugorskiy V.,

PhD in Law, Associate Professor of the Moscow Institute of Public Administration and Law

THE CONTRACT WITH THE FOREIGN PARTNER UNDER THE NEW RULES

The problems of conclusion of contracts with foreign partners taking into account of changing of provisions of the Civil Code of the Russian Federation having meaning for the participants of foreign economic activities are considered in the article. First, the contracting parties face with the need to determine the applicable law. With this in mind, it includes the necessity recommendations which should be guided to understand the current system of rules of arranging an agreement. Repeal of the norm on obligatory written form of a foreign economic transaction allows negotiating a contract with a foreign partner by word. The specific recommendations when conducting negotiations with foreign partners and the organization of contract work provide for the Russian participants of foreign economic activities. It appears that the suggested proposals will help to the contracting parties to ensure the validity of the foreign economic transactions.

Keywords: international agreement, applicable law, participants of foreign economic activities, foreign economic transaction, agreement-based regulation of foreign economic activities, form of contract with foreign partner, international sale of goods, legal work, local acts on contract work with foreign partners

В ходе внешнеэкономических связей в области делового сотрудничества участники внешнеэкономической деятельности достигают определенных договоренностей по конкретным вопросам международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, в том числе исключительными правами на них (интеллектуальная собственность). Таким договоренностям по общему правилу придают письменную форму, где отражаются согласованные условия. Итоговый документ в международной практике называется контрактом (договором). Здесь устанавливаются определенные права и обязанности участников внешнеэкономической деятельности, порядок исполнения обязательств и ответственность.

М.Г. Розенберг под договором международной купли-продажи товаров предложил понимать договор, в соответствии с которым продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок производимые либо закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним использованием¹. При этом ученый исходил из положений Венской конвенции ООН² о том, что договор признается международным, если коммерческие организации договаривающихся сторон находятся на территории разных государств.

В международном частном праве особое внимание всегда уделялось форме внешнеэкономических сделок. От того, каким образом зафиксированы взаимные права и обязанности сторон по договору, зачастую зависит, насколько добросовестно стороны исполняют свои контрактные обязательства. В международной торговой практике в настоящее время не существует обязательного требования, чтобы внешнеэкономические сделки совершались в письменной форме. В частности, в статье 11 Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г. устанавливается, что не требуется, чтобы договор купли-продажи заключался или подтверждался в письменной форме или подчинялся иному требованию в отношении формы.

Факт заключения договора участники внешнеэкономической деятельности могут доказывать любыми средствами, включая свидетельские показания. В национальном законодательстве ряда государств содержатся аналогичные нормы, устанавливающие, что внешнеэкономические сделки могут быть совершены в любой форме, в том числе устной.

СССР присоединился к Конвенции 23 мая 1990 года, сделав заявление о том, что Союз Советских Социалистических Республик в соответствии со ст. 12 и 96 Конвенции заявляет, что любое положение ст. 11, ст. 29 или ч. II Конвенции, которое допускает, чтобы договор купли-продажи, его изменение или прекращение соглашением Сторон либо оферта, акцепт или любое иное выражение намерения совершались не в письменной, а в любой форме, неприменимо, если хотя бы одна из Сторон имеет свое коммерческое предприятие в Союзе Советских Социалистических Республик³.

При этом внешнеэкономическая сделка может быть заключена путем составления единого контракта, подписанного лицами, совершающими сделку, или должным образом уполномоченными ими лицами; путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору; путем совершения лицом, полу-

¹ Розенберг М.Г. Международная купля-продажа товаров. – М.: Юриздат, 1995. – С. 36.

² Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС РФ. – 1994. – № 1.

³ Постановление ВС СССР от 23.05.1990 № 1511-I «О присоединении СССР к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 6 июня 1990 г. – № 23. – Ст. 428.

чившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, действий по выполнению указанных в ней условий договора. При этом стороны договора сами определяют язык, на котором он заключается, структуру и содержание, должностных лиц, которые в силу учредительных документов должны его подписать, лиц, уполномоченных на такие действия по доверенности.

Вместе с тем, учитывая, что в различных странах к одним и тем же сделкам применяются различающиеся по содержанию требования, участники внешнеэкономической деятельности, заключая договор, должны выбрать применимое право. Стороны должны заранее предусмотреть, нормами права какой страны им необходимо руководствоваться. Российским участникам внешнеэкономической деятельности⁴ необходимо применять положения, ратифицированных Российской Федерацией международных договоров и внутреннее российское право.

Международные договоры России обладают высшей юридической силой после Конституции РФ (п. 4 ст. 15 Конституции РФ). Нормы российских законов, противоречащие международному договору, применяться не могут. В международном договоре могут быть определены конкретные требования к внешнеэкономической сделке или содержаться отсылка к праву определенной страны, с учетом которого устанавливаются правила, применимые к внешнеэкономическим сделкам. В случае, когда требования к внешнеэкономическим сделкам невозможно определить на основании международной нормы, то российской стороне необходимо применять российское законодательство. Вначале следует обратиться к нормам, определяющим право, которым сторонам необходимо руководствоваться, определяя требования к заключаемой ими внешнеэкономической сделке. Соответствующие отсылочные нормы могут предусматривать применение и российского права, и права иного государства. Если необходимых для данной ситуации норм не предусмотрено, то, применяя правила, содержащиеся в пункте 2 ст. 1186 ГК РФ, сторонам необходимо обратиться к праву страны, с которой гражданско-правовые отношения, основанные на внешнеэкономических сделках, наиболее тесно связаны.

Форма договора, заключаемого между участниками внешнеэкономической деятельности, также подчиняется указанным правилам. В том случае, когда международным договором России форма соответствующего контракта не определена, либо в нем не содержится отсылки к праву другой страны, то российской стороне при оформлении экспортного контракта необходимо исходить из правил российского законодательства. Так, при определении формы и содержания внешнеэкономических сделок в первую очередь необходимо руководствоваться нормами международного договора Российской Федерации (п. 3. ст. 1186 ГК РФ). Если вопрос о форме того или иного экспортного контракта разрешен на международном уровне, то положения российского законодательства, даже если они устанавливают иные правила, не применяются.

Ранее действовало правило ст. 1209 ГК РФ о том, что форма внешнеэкономической сделки, хотя бы одной из сторон которой является российское юридическое лицо, подчиняется независимо от места совершения этой сделки российскому праву. Это правило применялось и в случаях, когда хотя бы одной из сторон такой сделки выступало осуществляющее предпринимательскую деятельность физическое лицо, личным законом которого в соответствии со ст. 1195 ГК РФ является российское право.

Действующая редакция указанной статьи ГК РФ изменила правило о праве, подлежащем применению к форме сделки. Установлено, что форма сделки подчиняется праву стра-

⁴ Бугорский В.П. Российские участники внешнеэкономической деятельности, договорное регулирование их отношений и защита прав // Предпринимательское право: Учебник для академического бакалавриата / Под ред. Н.И. Косяковой. – М.: Юрайт, 2015. Серия: Бакалавр. Академический курс. – С. 324–335.

ны, подлежащему применению к ней. Однако сделка не может быть признана недействительной вследствие несоблюдения формы, если соблюдены требования права страны места совершения сделки к форме сделки. Совершенная за границей сделка, хотя бы одной из сторон которой выступает лицо, чьим личным законом является российское право, не может быть признана недействительной вследствие несоблюдения формы, если соблюдены требования российского права к форме сделки⁵.

Ранее была установлена обязательная письменная форма внешнеэкономической сделки⁶, несоблюдение которой влекло ее недействительность. Отмечалось, что в указанном случае стороны внешнеэкономических сделок оказываются в неравном положении по сравнению со сторонами внутрироссийских сделок⁷ неоправдано в связи с отменой государственной монополии на внешнюю торговлю. Правила об обязательной письменной форме внешнеэкономической сделки служили главным примером сверхимперативной нормы в частном праве. В соответствии с п. 1 ст. 1192 ГК РФ к сверхимперативным нормам относят те, которые в силу указания в самих нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права.

С учетом этого участники внешнеэкономических и внутрироссийских сделок были уравнены и в настоящее время положение о письменной форме внешнеэкономической сделки не применяется⁸. Указанная сделка недействительна, если это прямо предусмотрено законом или соглашением сторон (п. 1 и 2 ст. 162 ГК РФ).

Для подтверждения действительности такой сделки и ее условий нельзя ссылаться на свидетельские показания; могут быть представлены письменные и другие доказательства (п. 1 и 2 ст. 162 ГК РФ). При этом устную форму сделки с иностранным контрагентом должно допускать применимое иностранное право, что предусмотрено в праве целого ряда стран. В таком случае возможно, например, что покупатель может по телефону согласиться с предложением продавца о поставке товара на определенных условиях.

Представляется, что отмена этого правила не приведет к широкому распространению внешнеэкономических сделок, заключаемых в устной форме, что объясняется требованиями действующего российского законодательства. В современных условиях на отношения сторон в области внешнеэкономической деятельности все большее влияние оказывают нормы не только гражданского, но и административного, валютного, таможенного, налогового и иных отраслей права. Кроме того, при их регулировании довольно часто используются положения законодательства стран иностранных партнеров и нормативных актов международного происхождения. Из этого следует, что при осуществлении внешнеэкономических операций применяется комплексный характер регулирования.

В процессе реализации внешнеэкономических контрактов, как правило, происходит «пересечение» товарами и услугами границ одного государства. Поэтому стороны сделки в

⁵ Ст. 1209 ГК РФ в редакции Федерального закона от 30.09.2013 № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁶ Статья 162 ГК РФ; Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 03.12.2008) «О международном коммерческом арбитраже».

⁷ Относительно этой отмены в п. 4.1.4 разд. II Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации указано, что правило о недействительности внешнеэкономической сделки, заключенной с нарушением этой нормы, более не оправдано в связи с отменой государственной монополии на внешнюю торговлю. Данное правило затрудняло внешнеэкономический оборот, поскольку стороны внешнеэкономических сделок в неравное положение по сравнению со сторонами внутрироссийских сделок.

⁸ Пункт 3 ст. 162 ГК РФ, содержащий правило об обязательности письменной формы внешнеэкономической сделки, утратил силу. См.: Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», вступивший в силу с 01.09.2013 (за исключением отдельных положений) // СЗ РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2327.

процессе ее заключения и осуществления не могут не учитывать правила, касающиеся получения разрешения на ввоз и вывоз товара, его таможенного оформления, качества поставляемой продукции с точки зрения ее соответствия обязательным санитарным и экологическим требованиям, а также определенным техническим стандартам и параметрам.

В течение длительного времени правоприменительная практика в Российской Федерации исходила из того, что внешнеэкономические сделки с участием российских лиц могут быть заключены только путем составления единого контракта, подписанного сторонами. Эта практика основывалась на требованиях законодательства о валютном регулировании, ведомственных нормативных актах, в соответствии с которыми каждая внешнеэкономическая сделка сопровождалась процедурами валютного контроля со стороны уполномоченных государственных органов. Для этого, в целях валютного контроля, при составлении паспорта сделки в банке и заполнении грузовой таможенной декларации требовалось предоставление в банк и таможенные органы внешнеэкономического контракта в форме единого документа, подписанного сторонами. В противном случае не осуществлялась таможенная очистка товаров, а банк не осуществлял расчеты по внешнеэкономической сделке.

Данное правило было закреплено и в ведомственных нормативных актах⁹, на основе чего сложилась устойчивая практика оформления многочисленных видов контрактов внешнеэкономической деятельности, в том числе контракт купли-продажи на разовую поставку партии товаров; контракт поставки оборудования с сопутствующими услугами; рамочный контракт поставки нескольких партий товаров; смешанный контракт поставки-дистрибуции; дистрибьюторский контракт; договор комиссии; договор консигнации; посреднический контракт; контракт коммерческого представительства; агентский договор; договор поручения; договор франчайзинга; договор о передаче ноу-хау; лицензионные договоры; соглашение о неисключительной (простой) лицензии; соглашение об исключительной лицензии; соглашение о полной лицензии; договоры оказания услуг: информационные услуги; консультационные услуги; маркетинговые услуги; инжиниринговые услуги; договоры подряда: подряд на выполнение НИОКР; договор на выполнение проектных работ; подряд на выполнение строительных (реставрационных) работ; договор на выполнение ремонтных работ; контракты на строительство объектов «под ключ»; контракты встречной торговли: бартерный контракт; компенсационные соглашения; договор о производственно-сбытовой кооперации; контракт на выкуп морально устаревшей техники; контракты на встречные закупки; контракт на переработку давальческого сырья (толлинг); лизинговые договоры (десятки видов); форфейтинговое соглашение; факторинговый договор; договор займа; соглашение о проектном финансировании; договор о совместной деятельности (простого товарищества); договор о создании совместного предприятия; соглашение о разделе продукции; инвестиционный контракт; дополнительные договоры: договор на брокерское обслуживание (на таможне); договор транспортной экспедиции; договор аренды; договор хранения; соглашение о конфиденциальности и др.

Учитывая, что участники внешнеэкономической деятельности принадлежат к правовым системам различных государств, в заключаемые договоры необходимо включать условия, детализирующие взаимные права и обязанности с тем, чтобы определять возможные действия и последствия сторон. Именно к договору арбитражные органы обращаются в первую очередь в случае спора и, если здесь не определены права и обязанности, применяется

⁹ См.: Письмо Банка России от 15.07.1996 № 300 «О «Рекомендациях по минимальным требованиям к обязательным реквизитам и форме внешнеторговых контрактов»» (вместе с рекомендациями, утв. МВЭС РФ 29.02.1996) // Вестник Банка России. – 1996. – № 33.

законодательство. С этой целью в договорной практике внешнеэкономической деятельности широко используются типовые проформы договоров (контрактов), которые разработаны различными международными организациями и ассоциациями предпринимателей.

Типовым контрактом называют примерный договор или ряд унифицированных условий, изложенных, сформулированных заранее с учетом торговой практики и принятых договаривающимися сторонами после того, как они были согласованы с требованиями конкретной сделки. Типовые контракты разрабатывают в основном крупные экспортеры продукции (услуг). Кроме того, они разрабатываются объединениями промышленников, ассоциациями, торговыми палатами, биржевыми комитетами. Их содержание зависит от соглашения, которое осуществляют контрагенты: на осуществление проектных работ; на поставку оборудования; командирование и обучение специалистов; агентское соглашение; транспортно-экспедиторское обслуживание внешних перевозок.

Использование типовых контрактов значительно упрощает процедуру заключения сделок. Партнеры чаще всего договариваются лишь о цене, количестве, сроке, иногда качестве товара, а остальные условия известны. Несмотря на все разнообразие контрактов, в их основе лежат положения контракта купли-продажи. Наряду с различными условиями эти договоры включают также условия поставок (торговые термины). Под ними понимаются условия поставок (продажи), которые сложились в практике внешнеэкономической деятельности и касаются, прежде всего, места и момента передачи товара, вопросов перевозки, распределения рисков гибели или повреждения товара. Такие условия выработаны участниками внешнеэкономической деятельности в практической деятельности в различных странах и широко используются в международной практике.

Международная торговая палата РФ, постоянно проводящая работу по унификации правил толкования торговых терминов, издает сборник «Международные правила толкования терминов» (Инкотермс). С 1 января 2011 г. вступили в силу новые Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2010» (Incoterms 2010)¹⁰. Эти международные правила признаны правительственными органами, юридическими компаниями и коммерсантами по всему миру как толкование наиболее применимых в международной торговле терминов, которые распространяются на права и обязанности сторон по договору купли-продажи в части поставки товаров (условия поставки товаров).

Каждый из содержащихся здесь терминов представлен аббревиатурой. Так, CIF (стоимость, страхование, фрахт) – порт назначения предполагает, что продавец несет все расходы по заключению договора перевозки до согласованного порта назначения и связанные с этим риски, которые он страхует в пользу покупателя¹¹. Последний оплачивает товары согласно транспортным документам и несет расходы по выгрузке товара, риски по утрате или повреждению товара с момента его пересечения борта судна в порту отгрузки. Правило о расчетах предполагает необходимость определения их форм, т.е. сложившихся в международной банковской практике способов оплаты за поставленный товар (услуги, работы): открытый счет, банковский перевод, инкассо и аккредитив, широко используемый в указанном случае. При этом применяются Унифицированные правила и обычаи документарных аккредитивов Международной торговой палаты, действующие в редакции 1993 г. В данном документе предусмотрен целый ряд аккредитивов различных видов, как то: отзывные и без-

¹⁰ Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2010». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.optimalog.ru/docs/101/inkoterms-2010.pdf>

¹¹ Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2000». Публикация Международной торговой палаты № 620. [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=19956>

отзывные; подтвержденные и неподтвержденные; резервные; возобновляемые (револьверные); аккредитивы с «красной оговоркой» для оплаты еще не отгруженного товара; компенсационные; переводные (трансферабельные); делимые и неделимые. Выбор конкретного вида аккредитивной формы расчетов предполагает установление особого правового режима перевода денежных средств иностранному партнеру.

Договоры, регулирующие внешнеэкономическую деятельность, содержат арбитражную оговорку (арбитражное соглашение). Содержащиеся здесь правила устанавливают, что споры между сторонами будут решаться в арбитражном порядке в конкретном арбитражном органе по праву указанного государства. При отсутствии последнего правила, в соответствии со ст. 1211 ГК РФ будет применяться право страны, где учреждена, имеет место жительства или основное место деятельности сторона-продавец в договоре купли-продажи, комиссионер в договоре комиссии, перевозчик в договоре перевозки и т.д. При установлении договорных условий об ответственности руководствуются нормами указанной Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи. В договорах могут быть установлены как меры об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение конкретных обязательств сторон (возмещение убытков, уплата неустойки), так и обстоятельства, освобождающие участников от ответственности. При отсутствии в контракте условий об ответственности применяются правила и положения указанной Конвенции ООН и других международных договоров.

С учетом изложенного можно сделать определенные выводы и предложить предпринимателям – участникам внешнеэкономической деятельности конкретные рекомендации при организации правовой работы¹² по заключению указанных выше разнообразных договоров:

- при проведении переговоров с иностранным контрагентом нужно определенно выяснить его мнение о форме сделки и учитывать, что теперь даже устная сделка может быть признана действительной. Однако в таком случае сторонам следует заранее согласовать позицию по доказательствам заключения внешнеэкономической сделки и подтверждения ее условий;

- определить применимое право в случае исков покупателей, которым иностранным контрагентом были отгружены товары, приобретенные у российского поставщика;

- привести в соответствие с новыми положениями ГК РФ о внешнеэкономических сделках локальные акты о договорной работе с иностранными контрагентами, предложив в них конкретную редакцию положений о форме внешнеэкономической сделки; внести соответствующие изменения в программы обучения работников компании;

- в случае заключения внешнеэкономического контракта в устной форме юридической службе целесообразно определиться в локальных актах по основным проблемам правовой экспертизы таких сделок, в том числе соответствует ли операция, контракт, сделка, проект внешнеэкономической деятельности обязательным требованиям законодательства России; какие имеются недостатки, правовые риски, проблемы, «подводные камни» с точки зрения защиты коммерческих интересов стороны клиента по указанным контрактам; какие проблемы юридического характера могут возникнуть в случае реализации представленных контракта (или проекта контракта) и документов, в том числе в коммерческих (гражданско-правовых) отношениях с иностранным партнером, на таможне, по налогам, валютным операциям; каковы налоговые последствия, налогообложение заключаемых в такой форме до-

¹² См.: Бугорский В.П. Правовая работа в сфере предпринимательства // Предпринимательское право: Учебник для академического бакалавриата / Под ред. Н.И. Косяковой. – М.: Юрайт, 2015. Серия: Бакалавр. Академический курс. – С. 336–366.

говоров с участием нерезидентов из различных стран; правомерны ли те или иные действия иностранного партнера, банка, таможенных, налоговых и иных контролирующих органов России; имеются ли существенные юридические расхождения, разночтения в русскоязычном и англоязычном восприятии условий контракта.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС РФ. – 1994. – № 1.
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. – 2009. – № 11.
3. Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2010». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.optimalog.ru/docs/101/inkoterm-2010.pdf>
4. Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2000». Публикация Международной торговой палаты № 620. [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=19956>
5. Постановление ВС СССР от 23.05.1990 № 1511-1 «О присоединении СССР к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 6 июня 1990 г. – № 23. – Ст. 428.
6. Письмо Банка России от 15.07.1996 № 300 «О «Рекомендациях по минимальным требованиям к обязательным реквизитам и форме внешнеторговых контрактов»» (вместе с рекомендациями, утв. МВЭС РФ 29.02.1996) // Вестник Банка России. – 1996. – № 33.
7. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 03.12.2008) «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1240.
8. Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2327.
9. Федеральный закон от 30.09.2013 № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 40 (часть III). – Ст. 5030.
10. *Бугорский В.П.* Правовая работа в сфере предпринимательства // Предпринимательское право: Учебник для академического бакалавриата / Под ред. Н.И. Косяковой. – М.: Юрайт, 2015. – 402 с. – Серия: Бакалавр. Академический курс.
11. *Бугорский В.П.* Российские участники внешнеэкономической деятельности, договорное регулирование их отношений и защита прав // Предпринимательское право: Учебник для академического бакалавриата / Под ред. Н.И. Косяковой. – М.: Юрайт, 2015. Серия: Бакалавр. Академический курс. – С. 324–335.
12. *Розенберг М.Г.* Международная купля-продажа товаров. – М.: Юриздат, 1995. – 288 с.

Reference list

1. *Bugorskiy V.* Legal work in the field of business // Business law: Textbook for Bachelor's program / Under the editorship of N. Kosyakova. – M.: Yurite, 2015. – P. 402. (Series: The Bachelor. Academic course).

2. *Bugorskiy V.* The Russian participants of foreign economic activities, regulation of their relations and protection of the rights // Business law: Textbook for Bachelor's program / Under the editorship of N. Kosyakova. – M.: Yurite, 2015. – P. 402. (Series: The Bachelor. Academic course). P. 324–335.
3. Federal Law of 07.05.2013 № 100-FL “ On amendments to 4th and 5th subsections of 1st section of part one and article 1153 of part three of the Civil Code of the Russian Federation // Compiled laws of the Russian Federation. – 2013. – № 19. – P. 2327.
4. Federal law of 30.09.2013 № 260-FL “On amendments to part three of the Civil Code of the Russian Federation” // Compiled laws of the Russian Federation. – 2013. – № 40 (part III). – P. 5030.
5. International rules for the interpretation of trade terms “Inkoterm 2000”. The International Chamber of Commerce publication № 620. [Electronic resource]. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=19956>
6. International rules for the interpretation of trade terms “Inkoterm 2010”. Electronic resource. URL: <http://www.optimalog.ru/docs/101/inkoterm-2010.pdf>
7. Letter of Bank of Russia dated 15.07.1996. № 300 “About recommendations on minimum requirements for mandatory details and the form of foreign trade contracts” (Together with the recommendations, approved by the Ministry of Foreign Economic Relations and Trade of the Russian Federation, 29.02.1996) // Bulletin of Bank of Russia. – 1996. – № 33.
8. *Rosenberg M.* International sale of goods. – M.: Urizdat, 1995. – P. 288.
9. The conception of development of civil legislation of the Russian Federation (Approved by the Decision of the Council under the President of the Russian Federation on Codification and Improvement of Civil Legislation of 07.10.2009 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2009. – № 11.
10. The Convention of the United Nations Organization on Contracts for the International Sale of Goods (Concluded in Vienna at 11th of April, 1980) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 1994. – № 1.
11. The Decree of the Supreme Council of the USSR of 23.05.1990. № 1511-I “On the accession of the USSR to the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods” // Vedomosti of Congress of People’s Deputies of the USSR and the Supreme Council of the USSR. 6th of June, 1990. – № 23. – P. 428.
12. The Law of the Russian Federation of 07.07.1993. № 5338-1 (Edited on 03.12.2008) “On International Commercial Arbitration” // Vedomosti of Congress of People’s Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation. – 1993. – № 32. – P. 1240.

УДК 347

Экмалян А.К.,

юрист суда по интеллектуальным правам

ПРАВО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА В СТРУКТУРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В статье говорится об особенностях экологических прав человека. Проанализированы особенности права на возмещение экологического вреда в структуре экологических прав человека. Показаны возможности возмещения экологического вреда.

Ключевые слова: права человека, экологический вред, экологические права, охрана окружающей среды, возмещение вреда

Ekmalyan A.,

Lawyer of Intellectual Property Rights Court

THE RIGHT TO REPARATION FOR THE ENVIRONMENTAL DAMAGE IN THE FRAMEWORK FOR HUMAN ENVIRONMENTAL RIGHTS

The article provides about the features of human environmental rights. The author has conducted analysis of the features of the right to reparation for the environmental damage in the framework for human environmental rights. The possibilities to reparation of the environmental damage are revealed.

Keywords: human rights, environmental damage, environmental rights, environmental protection, reparation for damage

Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина, утверждает в соответствии с принципами и нормами международного права, что основные права и свободы человека, в число которых входят и экологические права, неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

Согласно Конституции экологические права состоят в праве каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии, а также на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическими правонарушениями (ст. 42).

Данные положения получили свое дальнейшее развитие и конкретизацию в экологическом законодательстве Российской Федерации, что было вызвано потребностями в создании механизма правового регулирования деятельности, направленной на укрепление и реализацию экологических прав человека, обеспечение правопорядка в области использования природных ресурсов, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

В процессе разработки и принятия экологического законодательства Российской Федерации законодатель, подтвердив конституционное право человека на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии, указал на наличие у чело-

века права на защиту окружающей среды от негативного воздействия, вызванного его хозяйственной и иной деятельностью, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, а также на возмещение вреда, причиненного окружающей среде.

Конституция РФ и сформулированное на ее основе экологическое законодательство не только признает за каждым человеком право на защиту окружающей среды от негативного воздействия, но и вменяет ему в обязанность участие в деятельности по охране окружающей среды, бережное отношение к природе и ее богатствам.

К сожалению, в современном обществе постоянно растущего потребления, в основе которого лежит ошибочное представление о природе как о неиссякаемом источнике необходимых человеку ресурсов, отношение к ней порой приводит в изумление тех, кто осознает последствия подобного пренебрежительного поведения.

Необходимо понимать, что бережного отношения к природе невозможно добиться от людей лишь путем различных запретов и санкций. Следует, в первую очередь, повышать грамотность населения в вопросах, связанных с окружающей средой, важностью сохранения ее чистоты и пригодности как для человека, так и для других видов, так как с исчезновением или ухудшением условий обитания последних нарушается баланс экосистемы, что ведет к снижению благоприятности окружающей среды для зависящего от природы и ее компонентов человека.

Для достижения обозначенной выше цели необходимо постоянно повышать грамотность населения в вопросах, связанных с окружающей средой, проводить занятия, посвященные правильному поведению человека на природе, говорить о важности экономии электроэнергии, воды, сортировки и вторичного использования отходов.

Хотя очевидно, что упомянутые меры требуют немалых ресурсных затрат, замена их принятием новых правовых актов, устанавливающих различные виды санкций за причинение вреда окружающей среде, к сожалению, не приводит к желаемым результатам.

Опираясь на положения ст. 29, 30, 33, 46 Конституции РФ и развивая их, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» указал на наличие экологических прав и обязанностей не только у каждого человека и гражданина, но и у общественных объединений и некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды, в том числе права предъявлять в суд иски о возмещении вреда окружающей среде.

Анализ соответствующих положений Конституции и экологического законодательства РФ говорит о том, что обязанность по охране окружающей среды от негативного воздействия различных факторов, а также право участвовать в деятельности по ее охране возлагается не только на граждан и их объединения, но и на органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления.

Закон прямо обязывает вышеуказанные органы участвовать в деятельности по охране окружающей среды, нести ответственность за обеспечение ее благоприятного состояния и обеспечивать экологическую безопасность на соответствующих территориях. Перечень возлагаемых на них полномочий свидетельствует о предании их участию в природоохранной деятельности особой важности.

Конституция и экологическое законодательство РФ не только признают экологические права каждого человека и обязанность всех субъектов хозяйственной деятельности охранять окружающую среду и бережно относиться к природным богатствам, но и гарантирует создание условий, при которых вышеуказанные права и обязанности могут быть соблюдены и исполнены.

Важнейшим звеном правового механизма реализации прав человека на благоприятную окружающую среду и на ее защиту от негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности является правовое обеспечение возмещения экологического вреда, причиненного компонентам окружающей среды, и ущерба здоровью и имуществу человека, вызванного совершением экологических правонарушений.

В литературе уже отмечался тот факт, что предусмотренные ст. 42 Конституции РФ права каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии, возмещение ущерба, причиненного здоровью и имуществу человека, вызванного совершением экологических правонарушений, будучи самостоятельными, тесно связаны между собой, и им корреспондирует обязанность каждого сохранять окружающую среду и бережно относиться к природным богатствам [4, с. 52– 53].

Данная точка зрения представляется достаточно обоснованной, так как внутренняя взаимосвязь указанных прав и обязанностей наглядно проявляется при рассмотрении их взаимосвязи в аспекте обеспечения их реализации.

Как показывает практика, необходимым условием обеспечения права каждого на благоприятную окружающую среду является в том числе и обеспечение реализации прав и обязанности каждого человека, соответствующих объединений граждан, а также органов государственной власти и местного самоуправления охранять окружающую среду, защищать ее от негативного воздействия различных антропогенных и природных факторов, а успешная реализация этих прав требует, в свою очередь, обеспечения реализации права субъектов правоохранительной деятельности на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, что и позволяет придать этой деятельности целенаправленный, адресный характер, определить способы защиты и необходимые для этого материально-технические и финансовые средства.

Что же касается конституционного права каждого на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическими правонарушениями, дополненное правом на возмещение вреда окружающей среде, то их связь с другими видами экологических прав выражается в том, что осуществление этого вида права оказывает решающее воздействие на процесс правового обеспечения реализации всех других экологических прав человека.

Это обусловлено тем, что право на возмещение экологического вреда, причиненного окружающей среде и человеку, является санкцией, т.е. мерой принуждения, применяемой к правонарушителю в составе других видов юридической ответственности за экологические правонарушения, оказывает решающее воздействие на процесс правового обеспечения реализации всех других экологических прав, поскольку, как пишет И.О. Краснова, «только властные предписания, обеспеченные государственным принуждением, способны обеспечить необходимое качество окружающей среды» [4, с. 31].

Возмещение экологического вреда, причиненного окружающей среде и человеку, как санкция применяется весьма эффективно как на этапе пресечения экологического вреда, так и на этапе устранения последствий такого вреда, в процессе деятельности, направленной на восстановление нарушенного состояния окружающей среды и компенсации вреда, причиненного здоровью и имуществу человека.

Необходимо исходить из того, что природа является основой и источником жизнедеятельности человека, естественной средой его обитания, с которой он органически связан и взаимодействует путем удовлетворения своих потребностей, которые, в свою очередь, развиваются вместе с ним.

Как биологическое существо, человек всегда имел и имеет физиологические потребности. Он постоянно нуждается в воздухе, воде и пище, без которых его существование невоз-

можно. С течением времени человек приобрел экономические (обусловленные его хозяйственной деятельностью), эстетические, научные, рекреационные, а также иные потребности, источником удовлетворения которых была и остается в значительной степени природа.

Однако не следует забывать, что способность природы удовлетворять вышеупомянутые потребности зависит от качественного состояния компонентов природной среды, которое характеризуется определенными физическими, химическими, биологическими и иными показателями, соблюдение которых и обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов.

Не случайно такое состояние окружающей среды именуется в экологическом законодательстве благоприятной окружающей средой, а Конституция РФ устанавливает, что каждый человек имеет право на благоприятную окружающую среду и на достоверную информацию о ее состоянии.

Окружающая среда перестает оставаться благоприятной в результате негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности человека, влекущей изменения, которые приводят к деградации естественных экологических систем и истощению природных ресурсов. В доктрине экологического права такие негативные изменения именуется экологическим вредом.

Говоря о праве человека на возмещение экологического вреда, необходимо рассмотреть вопрос о способах такого возмещения.

Согласно ст. 1082 ГК РФ существует два способа возмещения вреда – в натуре и в денежной форме. В литературе отмечается возможность применения и третьего способа – смешанного, при котором часть вреда возмещается потерпевшему в натуре, а часть – в денежной форме [1, с. 261].

Возмещение вреда в натуре выражается в обязанности лица, ответственного за причинение вреда, предоставить потерпевшему вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь.

Примером возмещения экологического вреда в натуре может служить совершение действий, направленных на восстановление прежнего состояния земельного участка (например, устранение незаконного нарушения рельефа земельного участка).

Возмещение экологического вреда в натуре, причиненного лесным массивам, может выражаться в работах, направленных на их восстановление посредством новых посадок древесных культур.

Как отмечается в литературе, конечным результатом возмещения экологического вреда в натуре является:

- восстановление первоначального состояния поврежденного объекта;
- восстановление состояния, которое могло бы быть достигнуто при естественном развитии событий;
- исправление явных негативных последствий [5, с. 97].

При этом необходимо помнить, что возмещением вреда в натуре будут считаться только действия, выполненные при наличии проекта восстановительных работ и решения суда, поэтому ликвидация, например, незаконной свалки при отсутствии вышеуказанных документов не будет считаться возмещением вреда.

Принимая решение о возложении на ответчика обязанности по возмещению экологического вреда в натуре, суд исходит из следующих обстоятельств:

- объективной возможности восстановления прежнего состояния нарушенного объекта;

- наличия у правонарушителя реальной возможности в установленные сроки самому произвести необходимые восстановительные работы или обеспечить выполнение этих работ третьими лицами.

При невозможности возмещения вреда в натуре суд по требованию истца может принять решение о денежном возмещении ущерба, которое включает возмещение реального ущерба и упущенной выгоды.

Российское законодательство предусматривает возможность применения мер, направленных на предупреждение причинения экологического вреда.

Согласно п. 1 ст. 1065 ГК РФ опасность причинения вреда в будущем может явиться основанием к иску о запрещении деятельности, создающей такую опасность, а в случае если причиненный вред возник в результате эксплуатации предприятий, сооружений либо иной производственной деятельности, продолжающей причинять вред или угрожающей причинением нового вреда, суд вправе обязать ответчика, помимо возмещения вреда, приостановить или прекратить соответствующую деятельность (п. 2 ст. 1065 ГК РФ).

В то же время в статье подчеркивается, что, когда приостановление или прекращение этой деятельности противоречит общественным интересам, суд может отказать в иске, однако отказ в приостановлении или прекращении такой деятельности не лишает, как отмечается в литературе, потерпевших права на возмещение причиненного этой деятельностью вреда [1, с. 260].

В соответствии со ст. 3.12 КоАП РФ административное приостановление деятельности заключается во временном прекращении этой деятельности и применяется в случае угрозы жизни или здоровью людей, возникновения эпидемии, эпизоотии, возможности наступления радиационной аварии или техногенной катастрофы, причинения существенного вреда состоянию или качеству окружающей среды, а также в случае совершения административного правонарушения, посягающего на здоровье и санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, и назначается судьей за грубое нарушение требований промышленной безопасности или грубое нарушение условий лицензии на осуществление видов деятельности в области промышленной безопасности опасных производственных объектов на срок до девяноста суток.

При этом авторы отмечают, что применение этих норм встречает ряд практических сложностей, поскольку доказывание потенциальной угрозы от эксплуатации опасных производственных объектов является технически сложным.

Как правило, объекты повышенной опасности закрыты для свободного доступа, в связи с чем сбор доказательств о нарушениях этими предприятиями норм и правил, повлекших аварию на таком объекте, существенно затрудняется.

Рассматривая вопрос о наступлении ответственности в виде административного приостановления или прекращения создающей потенциальную угрозу деятельности при наличии угрозы причинения экологического вреда в будущем, И.О. Краснова указывает на то, что такая юридическая ответственность наступает только тогда, когда ожидаемый в будущем экологический вред оценивается как существенный. Затем автор справедливо замечает, что из смысла административного приостановления деятельности следует, что данный вид ответственности по существу может быть приравнен к ответственности за экологический вред, который может неминуемо наступить в будущем, так как решение о приостановлении выносится с целью обязать субъекта устранить такую угрозу или опасность своими силами или за свой счет в установленные сроки [4, с. 234].

В российском экологическом праве в вопросе возмещения экологического вреда уделяется внимание проблеме возмещения морального вреда, причиненного в результате на-

рушения норм экологического законодательства, что подтверждается при проведении анализа судебной практики.

В соответствии с п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» вред, причиненный здоровью граждан негативным воздействием окружающей среды, является основанием для компенсации морального вреда.

Разрешая вопрос о компенсации морального вреда, суду следует устанавливать, чем подтверждается факт причинения вреда потерпевшему, какими действиями (бездействием) он был нанесен, какова степень вины причинителя вреда, а также какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме потерпевший оценивает их компенсацию, и другие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения заявленных требований.

Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий.

Компенсация морального вреда, причиненного здоровью граждан негативным воздействием окружающей среды, осуществляется независимо от вины, если такой вред причинен юридическими лицами и гражданами, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающей среды (ст. 1100 ГК РФ).

В соответствии с п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» суд вправе рассмотреть самостоятельно предъявленный иск о компенсации причиненных истцу нравственных или физических страданий, поскольку в силу действующего законодательства ответственность за причиненный моральный вред не находится в прямой зависимости от наличия имущественного ущерба и может применяться как наряду с имущественной ответственностью, так и самостоятельно [3].

В литературе отмечается, что «так как природа удовлетворяет эстетические (духовные) потребности человека, уничтожение, к примеру, зеленых насаждений в городах также может рассматриваться как фактор причинения морального вреда и, соответственно, должно служить основанием для его возмещения» [2, с. 403].

Вышеизложенное подтверждает тезис о ключевой роли реализации права каждого на возмещение ущерба, причиненного здоровью и (или) имуществу экологическими правонарушениями, в процессе обеспечения реализации всех других экологических прав человека.

Список литературы

1. Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Чаркин С.А. Экологическое право России. М., 2014.
2. Бринчук М.М. Экологическое право: учебник. М., 2011.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. № 29. 08.02.1995.
4. Экологическое право: учебник / Отв. ред. Н.Г. Жаворонкова, И.О. Краснова, М.: Проспект, 2014.
5. Юридическая ответственность за экологические правонарушения / М.М. Бринчук, О.Л. Дубовик и др. Отв. ред. О.Л. Дубовик. М., 2012.

Reference list

1. *Anisimov A., Ryzhenkov A., Charkin S.* Environmental law of Russia. M., 2014.
2. *Brinchuk M.* Environmental law: Textbook. M., 2011.
3. Environmental law: Textbook / Executive editors N. Zhavoronkova, I. Krasnova. M.: Prospekt, 2014.
4. Legal responsibility for environmental offences / M. Brinchuk, O. Dubovik and others. Executive editor O. Dubovik. M., 2012.
5. The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.12.1994 № 10 (amended from 06.02.2007) "Some propositions of application of legislation to reparation of moral damage" // Rossiyskaya Gazeta. № 29. 08.02.1995.

УДК 343.9.018.3

Табурченко П.А.,

старший лейтенант полиции, адъюнкт кафедры криминологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, СОВЕРШАЕМОЙ СПОРТСМЕНАМИ

В статье рассматриваются проблемы, которые возникают при исследовании насильственной преступности, совершаемой спортсменами. Автором выделяются три наиболее важных фактора, которые препятствуют адекватной оценке криминологических показателей насильственной преступности спортсменов. Важность выделения данных обстоятельств обусловливается возникшей тенденцией криминализации спортивной сферы. Предложения, высказанные в настоящей статье, позволят преодолеть препятствия, которые могут возникнуть при выработке мер по профилактике преступлений, совершаемых спортсменами.

Ключевые слова: насильственная преступность, спортсмены, криминологические показатели, «палочная система», статистический учет преступности, криминологический феномен

Taburchenko P.,

Senior Lieutenant of Police, Adjunct of Chair of Criminology of Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Kikotya

ISSUES OF STUDY TO CRIMINOLOGICAL INDICES OF VIOLENT CRIME, COMMITTED BY ATHLETES

The article is discussed the issues, arising in the study of violent crime, committed by athletes. The author tells about three important factors that prevent an adequate assessment of criminological indices of athletes' violent crime. The importance of data selection is determined by the increased tendency of the sport sphere criminalization. In this article the made proposals will allow to overcome obstacles that may arise when developing measures for the prevention of crimes, committed by athletes.

Keywords: violent crime, athletes, criminological indices, «cane system», statistical recording of crime, criminological phenomenon

В настоящее время популярность спорта в России достигает своего пика. Численность людей, занимающихся в спортивных секциях и группах в период 1998–2008 гг., характеризуется интенсивным ростом: с 11,9 млн человек до 22,5 млн человек [15]. Такая положительная тенденция – заслуга руководства страны и спортивных федераций, пропагандирующих здоровый образ жизни. Безусловно, значимую роль также сыграли международные соревнования, прошедшие за последнее время в России, и успех отечественных спортсменов на них. Все это вдохновило людей к занятиям физической культурой и спортом. В этой связи

Министерство спорта России ставит перед собой задачу: до 2017 г. увеличить число тех, кто систематически занимается спортом, до 34% [9]. Таким образом, спорт становится одним из распространенных видов социальной активности в Российской Федерации. Определенно, это прорыв и в спорте, и в оздоровлении нации. Однако спортивная сфера, как и любая другая социальная сфера, имеет некоторые проблемы, в том числе проблемы, связанные с криминализацией отдельных ее элементов.

Занятия физической культурой и спортом, в процессе которых происходит освоение определенных навыков и умений, всегда развивают уверенность в себе и в своих действиях. Человек обретает внутреннюю силу, которая может быть использована как положительно, так и отрицательно. Социальные, нравственные, экономические и иные проблемы зачастую выступают детерминантами преступлений, которые совершают спортсмены. В большинстве случаев данные деяния характеризуются насильственными проявлениями и несут в себе значительную общественную опасность, что подтверждается рядом примеров [5, 12, 16]. Физическая сила, решительность в критических ситуациях, спортивные навыки и умения в совокупности с преступными детерминантами и девиантным поведением формируют феномен насильственной преступности спортсменов.

Индивидуальные качества, присущие спортсменам, имеют свою специфику. В этой связи задача криминологии состоит в выявлении и выработке мер по предупреждению негативных тенденций в сфере спорта, способствующих ее криминализации.

Важной составляющей криминологической характеристики любой группы преступлений является определение ее криминологических показателей. Учитывая специфику субъекта насильственных преступлений спортсменов, достоверно отследить криминологические показатели с помощью официальной уголовной статистики не всегда представляется возможным. Обуславливается это рядом факторов, характеризующих определенную степень латентности преступлений спортсменов.

Во-первых, статистический учет ОВД не всегда отображает действительную картину количественных и качественных показателей преступности, в частности насильственной преступности спортсменов.

Данное обстоятельство связано, прежде всего, с «изжившей себя» «палочной системой». Имеется достаточное количество научного, публицистического и документального материала по данному вопросу [6, 7, 13]. Так, А.А. Сафаров указывает: «Пресловутая «палочная система» – это самый примитивный способ оценки работы и конкретного сотрудника, и целого подразделения. Совсем отказаться от него нельзя: люди начнут откровенно бездельничать, но и действенным его не назовешь – слишком часто с внутриведомственной статистикой пытаются мухлевать. Плохо, когда преступность растет, плохо, когда снижается процент раскрытия преступлений, – можно получить нагоняй. Но и слишком высовываться тоже нехорошо, иначе на следующий год тяжело будет самому с собой соревноваться. Вот и пытаются руководители держать подразделение в «среднячках» – не принимают заявления от граждан, выдают насильственные смерти за несчастные случаи, ну и, конечно, занимаются приписками» [11 с. 60]. Разделяем точку зрения А.А. Сафарова, так как, учитывая имеющиеся недостатки в практической деятельности подразделений ОВД и других правоохранительных органов, статистические данные о преступности, полученные с помощью «палочной системы», не всегда отображают объективную картину ее состояния и других криминологических показателей.

Полагаем, что назрела необходимость в изменении и дополнении оценки работы правоохранительных органов. Полностью от «палочной системы» отказаться невозможно, так

как это может повлечь бездействие со стороны некоторых сотрудников правоохранительной системы. Необходимо выработать дополнительные критерии оценки эффективности структурных подразделений МВД, ФСБ, ФСКН, СК и других структур, которые позволят отображать объективную картину преступности по стране в целом.

Во-вторых, лицо, совершившее преступление, несмотря на все присущие ему признаки спортсмена, установленные законодательством Российской Федерации [1, п. 22, ст. 2], редко идентифицирует себя со спортом. В свою очередь, для сотрудников данный факт не представляется важным, и, как следствие, он не фиксируется.

Следует указать, что в приложении № 15 к Наставлению по формированию и ведению централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов ОВД Российской Федерации «Информационно-поисковая карта» имеются следующие графы: 16 – «интересы»; 17 – «имеет навык». В графе 16 «интересы» под номером 3 можно указать отношение к спорту, а в графе 17 «имеет навык» среди перечисленных видов имеются «бокс», «борьба» [2]. Бокс и борьба являются разновидностями спортивных единоборств. Справедливо заметить, что, помимо них, к группе спортивных единоборств можно отнести довольно большое количество других видов спорта (дзюдо, самбо, каратэ, универсальный бой и т.д.), представители которых также совершают насильственные преступления. К тому же анализ следственной практики показывает, что насильственные преступления совершали спортсмены иных видов спорта, не принадлежащих к спортивным единоборствам (стрельба, тяжелая атлетика и т.д.). Так, к примеру, немалая доля заказных убийств с помощью огнестрельного оружия приходится на спортсменов-стрелков, имеющих отточенные навыки в стрельбе [3, 16]. В этой связи становится очевидным нехватка информационных пунктов в графе 17 «имеет навык», которые способствовали бы более детальному описанию личности преступника.

Таким образом, считаем необходимым добавить в графу 17 «имеет навык» (приложение № 15 «Информационно-поисковая карта (ИПК)» к Наставлению по формированию и ведению централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов ОВД Российской Федерации) следующие информационные пункты: «стрельба», «спортивные единоборства», «иные спортивные навыки». Безусловно, данные предложения имеют практическое значение, так как отсутствие вышеуказанных информационных пунктов в Информационно-поисковой карте делает невозможным причисление данных лиц к спортсменам, что, в свою очередь, мешает адекватной оценке криминологических показателей насильственной преступности спортсменов.

В-третьих, данная тема является относительно новой в криминологической науке. А, как известно, недостаточная теоретическая проработанность затрудняет практическое исследование.

Некоторые аспекты спортивной преступности находят отражение в научных работах, но определенно этого недостаточно. Так, В.В. Белецкий утверждает, что «...в отличие от таких проблем, как женская преступность, рецидивная преступность, где есть соответствующие формы статистического учета, проблема преступности среди спортсменов никакого статистического обеспечения не имеет» [4, с. 31]. Учитывая специфику субъекта исследования, он предлагал «отталкиваться от деятеля», т.е. строить исследование на основе изучения не статистических данных, а конкретных преступлений, учитывая личностные особенности спортсменов-преступников. Полагаем, что такой метод является наиболее подходящим к исследованию данной тематики. В свою очередь, А.А. Соловьев, указывая на развитие спортивного права в нашей стране, справедливо отметил, что «...оно представляет собой не строй-

ную систему правовых норм, а лишь слабоструктурированный массив нормативных актов различных форм» [14, с. 4]. Это обстоятельство также требует пристального внимания со стороны научного сообщества.

Учитывая указанные данные, представляется возможным (наряду с рецидивной преступностью, женской преступностью, подростковой преступностью и т.д.) выделить в самостоятельную криминологическую категорию преступность среди спортсменов. Это позволит акцентировать внимание на поставленной проблеме как представителей научного сообщества, так и общества в целом.

Таким образом, несмотря на очевидное положительное влияние спорта на развитие человека, в последнее время приходится констатировать факт некоторой криминализации этой сферы, где наибольшую долю совершаемых спортсменами преступлений занимают насильственные преступления. Данная тенденция предопределяет необходимость глубокого ее исследования в целях получения нового научного знания, способного стать основой целенаправленной предупредительной работы.

Следует отметить, что, помимо указанных в настоящей статье факторов, влияющих на неточную оценку криминологических показателей насильственной преступности спортсменов, имеются и другие причины. Данные обстоятельства можно считать общекриминологическими, так как они присущи многим другим разновидностям преступности. Сюда можно отнести и человеческий фактор, и технические проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в ходе обработки статистических данных.

Неполноценная статистика криминологических показателей насильственных преступлений, совершаемых спортсменами, делает затруднительным процесс выработки мер по профилактике и противодействию данного вида преступности. Все перечисленные выше обстоятельства указывают на необходимость устранения проблем, с которыми сталкиваются компетентные органы в процессе учета показателей спортивной преступности, в том числе посредством предложенных в настоящей работе действий.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 04.12.2007 №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 6 апреля 2015 г.).
2. Наставление по формированию и ведению централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов ОВД Российской Федерации // Приказ МВД России от 12 июля 2000 г. № 752.
3. Александр Емельяненко приговорен к 4,5 года заключения // Российская газета [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2015/05/19/emelyanenko-site.html>
4. Белецкий В.В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности среди спортсменов: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1996.
5. В Орске возбуждено дело против разбойной банды спортсменов // Росбалт [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2013/11/27/1204601.html>
6. Великая Палочная Система в МВД // Официальный сайт журнала «Как спасти мир» [Электронный ресурс] // URL: <http://kak-spasti-mir.ru/palochnaja-sistema-v-mvd/>
7. Ищенко А.Н. Организационно-методические аспекты обработки документированных сведений для налоговых расследований и налоговых экспертиз: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2009.
8. Материалы уголовных дел с участием спортсменов, зарегистрированные УМВД России по Брянской области.

9. Мутко: Наша основная задача – увеличение числа занимающихся спортом // Аргументы РУ [Электронный ресурс] // URL: <http://argumentiru.com/sport/2014/06/342871>
10. Обвиняемый по делу Отари Квантришвили признал свою вину // Официальный сайт «Коммерсант» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1011525>
11. Сафаров А.А. Закат казанского феномена. История ликвидации организованных преступных формирований Татарстана. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012.
12. Северокавказские спортсмены устроили драку в московском клубе // Росбалт [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2014/01/19/1222694.html>
13. Соловецкий В. От плана по поимке преступников устали даже полицейские // Сайт «Адвокатские тайны» [Электронный ресурс] // URL: <http://advokat-ko.ru/2012/06/palochnaja-sistema/>
14. Соловьев А.А. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
15. Спорт в России // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Спорт_в_России
16. Чемпион Дальнего Востока по вольной борьбе задержан за вымогательство 6 млн рублей // Росбалт [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2013/07/23/1155512.html>

Reference list

1. Federal Law of the Russian Federation of 4 December 2007, № 329-FL «About physical training and sports in the Russian Federation» (as amended on 6th of April, 2015).
2. Accused in the case Otari Kvantrishvili has admitted his guilt // Official website of Kommersant [Electronic resource]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/1011525>
3. Alexander Emel'yanenko sentenced to be confined to 4.5 years // Official website of Rossiyskaya Gazeta [Electronic resource]. Available at: <http://www.rg.ru/2015/05/19/emelyanenko-site.html>
4. Beletskiy V. Criminological characteristics and crime prevention among athletes: Thesis of PhD in Law. Omsk, 1996.
5. Bring an action against criminal gang of athletes in Orsk // the Official website of «Rosbalt» [Electronic resource]. Available at: <http://www.rosbalt.ru/federal/2013/11/27/1204601.html>
6. Far East wrestling champion has been arrested for extortion of 6 million Russian rubles // Official website of «Rosbalt» [Electronic resource]. Available at: <http://www.rosbalt.ru/federal/2013/07/23/1155512.html>
7. Great Cane System in the Ministry of Internal Affairs // the Official website of the magazine «How to save the world» [Electronic resource]. Available at: <http://kak-spasti-mir.ru/palochnaja-sistema-v-mvd/>
8. *Ishchenko A.* Organizational-methodical aspects of processing documented information for tax investigations and tax analysis: Thesis of PhD in Economics. M., 2009.
9. Mutko: Our primary goal is increasing the number of people doing sports // Website «Case <URL>» [Electronic resource]. Available at: <http://argumentiru.com/sport/2014/06/342871>
10. North Caucasian athletes have putted up a handgrips in a Moscow club // Official website of «Rosbalt» [Electronic resource]. Available at: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2014/01/19/1222694.html>
11. *Safarov A.* Sunset of Kazan phenomenon. The history of the elimination of organized criminal groups in Tatarstan. Kazan: Tatar publishing house, 2012.
12. *Solov'ev A.* Systematization of legislation on sport (Russian and foreign experience): Thesis of Doctor of Law. M., 2011.

13. *Solovetskiy V.* Even the police are tired from the plan of catching criminals // Website of «professional secrecy» [Electronic resource]. Available at: <http://advokat-ko.ru/2012/06/palochnaja-sistema/>
14. Sport in Russia // Wikipedia. The free encyclopedia [Electronic resource]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Спорт_в_России
15. The files of criminal investigations involving athletes registered by Regional Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Bryansk Region.
16. The instruction on the formation and maintenance of centralized operational –reference, criminological and investigative recording of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation // Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation from 12th of July, 2000. № 752.

УДК 336

Долакова М.И.,

кандидат исторических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕДИТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАЗАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье проанализирован процесс создания кредитных учреждений в Казани во второй половине XIX в. Отмечается, что в крупном торговом и административном центре, которым была Казань, активно развивались все виды кредитных учреждений, характерных для Российской империи в целом. Подчеркивается, что деятельность кредитных учреждений Казани вносила важный вклад в развитие финансовой системы страны, в реализацию основных принципов финансовой политики, в активизацию промышленности, торговли и социальной помощи в Поволжском регионе.

Ключевые слова: кредитные учреждения, финансовая реформа, банк, банковская система, сберегательная касса

Dolakova M.,

PhD in History, Associate Professor of the Kazan (Volga) Federal University

THE ACTIVITY OF CREDIT INSTITUTIONS OF KAZAN IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

The article is analyzed the process of establishment of credit institutions in the second half of the nineteenth century in Kazan. It is noted that all types of credit institutions, generally specialized for the Russian Empire, were actively developing in Kazan, a large trade and administrative center. It is emphasized that the activity of credit institutions had been an important contributor in the development of the financial system of the country, in implementation of the basic principles of financial policy, the revitalization of industry as well as trade and social care in Volga region.

Keywords: credit institutions, financial reform, bank, banking system, savings bank

Вторая половина XIX в. стала в Российской империи временем чередования периодов активного экономического роста с кризисными периодами. После отмены в 1861 г. крепостного права началась перестройка всего государственного и частного хозяйственного механизма, его приспособление к новым условиям. Сказалось это и на развитии финансовой сферы. В итоге рассматриваемый период стал временем коренных финансовых реформ, временем создания новых финансовых учреждений и принятия соответствующих законов.

Стоит отметить, что финансовые реформы второй половины XIX в. проводились по нескольким направлениям и затронули государственный бюджет, государственный контроль, налоговую и кредитно-финансовую систему. По времени они совпали с новым этапом развития отечественной правовой системы, связанным с формированием буржуазного права на основе Свода законов Российской империи [5, с. 51].

Казань во второй половине XIX в. представляла собой крупный административный, экономический и культурный центр, столицу губернии, центр учебного и военного округов.

Финансовые реформы, которые проводились в Российской империи, получали отражение и реализацию в Казани, что позволяет на основе казанского опыта судить об их направлении и особенностях.

В условиях капиталистического развития пореформенной России важным составным элементом финансового реформирования стало создание кредитных учреждений, так как кредит выступает основой хозяйственного развития. В 1860 г., в самом начале финансовых реформ, был основан Государственный банк Российской империи. Он не сразу стал полноценным центральным банком и долгое время выполнял несвойственные для главного кредитного учреждения страны операции. Например, Государственный банк Российской империи осуществлял краткосрочное кредитование, строил зернохранилища [7, с. 4]. Также он открывал вексельные кредиты ссудо-сберегательным товариществам и другим учреждениям мелкого кредита.

Казанское отделение Государственного банка также осуществляло подобные операции. Например, как свидетельствуют архивные документы, в 1896 г. казанский купец А.А. Ишмуратов обратился в это отделение с просьбой об увеличении вексельного кредита и предоставил необходимые сведения о своих торговых оборотах. Комитет Казанского отделения Государственного банка постановил, что благодаря правильному пользованию кредитом исключительно для товарных целей и отсутствия задолженности в других банках следует увеличить кредит с 60 тыс. руб. до 100 тыс. руб. Совет банка это решение утвердил. (Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 123 – Казанское отделение Государственного банка. Оп. 1. Д. 146. Л. 1–2.)

С 1842 г. в Российской империи стали открываться сберегательные кассы. По мнению Д.А. Пашенцева, они «представляли собой, очевидно, наиболее социально ориентированный вид кредитных учреждений, поскольку одной из главных целей их создания и деятельности было стремление предоставить небогатым слоям населения возможность к сбережению и накоплению небольших денежных сумм, на которые начислялись проценты» [9, с. 148]. В Казани такая касса впервые открылась в 1849 г. Чтобы открыть в кассе вклад, достаточно было внести 50 копеек серебром. В 1850 г. число вкладов в Казанской сберегательной кассе превысило 200, а в 1857 г. в ней хранилось уже 2574 вклада [6, с. 16].

Когда на волне начавшихся «великих» реформ правительство приступило к реформированию кредитно-банковской системы, был издан Устав о городских сберегательных кассах от 16 октября 1862 г., который предписывал приступить к учреждению таких касс в губернских городах, посадах и местечках, достаточно подробно определял порядок их деятельности. Учреждались городские сберегательные кассы с целью «приема небольших сумм на хранение, с приращением процентов, для доставления чрез то недостаточным всякого звания людям средств к сбережению, верным и выгодным образом, малых остатков от их расходов, в запас на будущие надобности» [3, с. 216].

После принятия Устава о городских сберегательных кассах от 16 октября 1862 г. правление Государственного банка предложило Казанскому отделению Госбанка рассмотреть вопрос об открытии при отделении сберегательной кассы, на что последнее ответило отказом, сославшись на уже открытую сберегательную кассу при Думе [6, с. 403].

Важной особенностью формировавшейся в данный период новой целостной системы кредитных учреждений стало то, что, в отличие от предшествующего периода, помимо государственных кредитных учреждений, создавались и негосударственные, в том числе общественные банки – городские и сельские [8, с. 223]. Соответственно, еще одним видом кредитных учреждений, которые существовали и в Казани, были городские общественные банки.

Городские общественные банки представляли собой кредитные учреждения, основанные на средствах, предоставленных городами или пожертвованные частными лицами. Создавались они, главным образом, для обслуживания мелких торговцев и «малодостаточного» городского населения. Первый такой банк в Российской империи был создан в 1788 г. в Вологде. Первоначально городские общественные банки действовали на основании своих уставов, утверждавшихся императором, но рост их числа и расширение функций вызвали необходимость издания специальных законодательных актов [7, с. 236]. Такими актами стали Положения о городских общественных банках 1857, 1862, а затем и 1912 гг.

Создание городского общественного банка в Казани имело большое значение. Прежде всего, по общему правилу, такой банк должен был содействовать развитию промышленности и торговли в городе, предоставляя дешевые кредиты местным предпринимателям. Помимо этого, городской общественный банк в Казани, который начал свою деятельность в 1848 г., осуществлял активную благотворительную деятельность. Он субсидировал содержание Мариинской гимназии, Александровской больницы, детских приютов, финансировал строительство зданий Реального и Коммерческого училищ, а также ряд других важных городских проектов. В связи с этим стоит отметить, что в условиях отсутствия всеобщей государственной системы социальной защиты населения благотворительность выполняла важнейшую социальную функцию [4, с. 131].

Кредитно-банковская система Российской империи включала в свой состав значительное количество мелких кредитных учреждений, к которым относились кредитные товарищества, ссудо-сберегательные кассы, общества взаимного кредита и т.д. В Казани первое общество взаимного кредита было создано в 1871 г., в 1875 г. в нем состоял уже 601 человек, а оборот превысил 2 млн рублей [6, с. 348]. Были в Казани и ссудо-сберегательные кассы, в том числе при Казанском университете и других учебных заведениях.

В современных условиях основным звеном банковской системы выступают акционерные коммерческие банки. В Российской империи число таких банков было сравнительно невелико, но масштабы их деятельности впечатляли. Один из крупнейших, Азовско-Донской банк, располагал капиталом в 92,1 млн рублей, он контролировал стекольную и цементную промышленность, металлургические, текстильные, сахарные и угледобывающие предприятия, владел пароходными и железнодорожными компаниями. Не на много отставали от него Русско-Азиатский банк, Русский банк для внешней торговли и некоторые другие [10, с. 140].

Казань, будучи важным торговым центром и занимая выгодное для экономических операций положение, привлекала руководителей ведущих банков, которые стремились открывать в этом городе свои представительства. В частности, здесь открыли свои представительства Петербургский международный коммерческий банк, Волжско-Камский акционерный банк, Азово-Донской коммерческий банк, Русско-Азиатский торгово-промышленный банк. В 1873 г. был создан Казанский купеческий банк, который обслуживал финансовые и торговые операции крупной региональной буржуазии. Собственный капитал этого банка составлял 1 млн рублей [6, с. 349].

Ломбарды в Российской империи также относились к кредитным учреждениям. При этом они выполняли не только коммерческие, но и социальные функции. Во второй половине XIX в. начали создаваться городские ломбарды. Образование городских ломбардов, так же как и ломбардов государственных, осуществлялось в качестве меры противодействия ростовщичеству [2, с. 43]. Казанский городской ломбард был создан в 1889 г.

Таким образом, во второй половине XIX в. в ходе коренного реформирования всей финансово-экономической системы страны в Российской империи была создана система кре-

дитных учреждений. Ее структуру правительство закрепило в специальном нормативном акте – Уставе кредитном.

Устав кредитный 1857 г. делил все кредитные учреждения на две большие группы: 1) государственные общие и местные; 2) частные, учрежденные сословиями, обществами или частными лицами, но утвержденные правительством и действующие по правилам, от него данным [1, с. 194].

Изучение материалов, связанных с созданием и деятельностью кредитных учреждений в Казани, показывает, что в этом городе существовали все виды кредитных учреждений, предусмотренные законодательством Российской империи. Их деятельность вносила важный вклад в развитие финансовой системы страны, в реализацию основных принципов финансовой политики, в активизацию промышленности, торговли и социальной помощи в Поволжском регионе.

Сегодня, когда в условиях экономического кризиса государство активизировало поиск новых моделей финансового развития, данный опыт в определенной степени может быть использован для повышения социальной составляющей в деятельности кредитно-банковской системы. Он ориентирует нас на изменение всей модели ведения бизнеса в пользу его социально ответственного поведения.

Список литературы

1. *Алехина Е.Л., Долакова М.И.* Система кредитных учреждений Российской империи во второй половине XIX века // Научное мнение. 2013. № 12.
2. *Базарнова А.А.* Проблемы правового регулирования деятельности городских ломбардов в Российской империи // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 12.
3. *Белявский Н.Н.* Сберегательные кассы. СПб., 1896.
4. *Долакова М.И.* Проблемы изучения благотворительности в высшей школе // Человеческий капитал. 2010. № 7.
5. *Дорская А.А.* Развитие системы права в России: проблемы периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2011. № 2.
6. *История Казани в документах и материалах. XIX век: Промышленность. Торговля. Финансы.* Казань, 2005.
7. *Пашенцев Д.А.* Особенности правового статуса Государственного банка Российской империи // Евразийский юридический журнал. 2008. № 1.
8. *Пашенцев Д.А., Алехина Е.Л., Долакова М.И.* Финансовое право Российской империи: от идей к реализации: монография. М.: АПКИППРО, 2012.
9. *Сбербанк в Татарстане: традиции и современность. История сберегательного дела в Республике Татарстан.* Казань, 2004.
10. *Чунтулов В.Т.* Экономическая история СССР. М., 1969.

Reference list

1. *Alekhina E., Dolakova M.* The system of credit institutions in the Russian Empire in the second half of the nineteenth century // Scientific view. 2013. № 12.
2. *Bazarnova A.* Issues of legal regulation of activity of city pawnshops of the Russian Empire // Bulletin of Moscow University of the Russian Federation Ministry of the Interior. 2008. № 12.

3. *Belyavskiy N.* The savings banks. SBR., 1896.
4. *Chuntulov V.* The economic history of the USSR. M., 1969.
5. *Dolakova M.* Problems in the study of philanthropy in the higher school // Human capital. 2010. № 7.
6. *Dorskaya A.* The development of the system of law in Russia: Issues of periodization // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Juridical sciences". 2012. № 2.
7. *Pashentsev D.* Peculiarities of the legal status of the State Bank of the Russian Empire // Eurasian law journal. 2008. № 1.
8. *Pashentsev D., Alekhina E., Dolakova M.* Financial law of the Russian Empire: From ideas to enforcement: Monograph. M.: APKiPPRO, 2012.
9. Sberbank in Tatarstan: Traditions and modernity. The history of the savings business in the Republic of Tatarstan. Kazan, 2004.
10. The history of Kazan in documents and materials. XIX century: Industry. Trade. Finances. Kazan, 2005.

УДК 334.012.2

Бурданов В.В.,

аспирант Международного юридического института

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КООПЕРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье на основе архивных документов проанализированы особенности реализации основных нормативных актов о кооперации в период новой экономической политики. Показано, что кооперативное законодательство демонстрировало тесную взаимосвязь права с экономикой.

Ключевые слова: право, декрет, кооперация, новая экономическая политика, потребительские общества, промысловая кооперация, крестьянство

Burdanov V.,

Postgraduate student of the International Law Institute

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF COOPERATIVE LEGISLATION OF THE PERIOD OF NEW ECONOMIC POLICY

Based on the archival documents, features of the implementation of the general normative acts on cooperatives of the period of New Economic Policy are analyzed in the article. It shows that cooperative legislation has demonstrated the close relationship between the law and the economy.

Keywords: law, decree, cooperation, New Economic Policy, consumer associations, trade cooperation, peasantry

В современных условиях исследование истории развития кооперации имеет как теоретическое, так и практическое значение. Санкции западных стран против российской экономики заставляют нашу страну искать новые пути развития экономики, опробовать модели, позволяющие успешно совмещать традиционные формы организации производства и торговли с инновационными технологиями.

Сама идея кооперации была близка российскому менталитету, причем как в дореволюционный период, так и на начальном этапе существования советской власти. Особое значение имеет опыт новой экономической политики, когда кооперация пережила свой очередной взлет.

В условиях плюрализма научной методологии недостаточно применять формально-юридический метод, который долгое время господствовал в отечественной историко-правовой науке. С позиций социологического правопонимания важно анализировать не только сами нормы правовых актов, но и обращать внимание на их действие, на практическую реализацию и ее особенности. Поэтому нас интересуют не только сами нормы кооперативного законодательства периода нэпа, но и цифры и факты, которые характеризуют правоприменение и его эффективность.

Развитие кооперативного законодательства в период нэпа определялось прежде всего правовой природой новой экономической политики. Как известно, с 1921 г. наступил новый период в развитии советского государства – период мирного строительства, связанный с окончанием гражданской войны. Переход к восстановлению разрушенной экономики потребовал иной, более гибкой, чем прежде, экономической политики и, как следствие, повлек принятие целого ряда новых нормативных актов. Многие из них были связаны с развитием кооперации, изменением ее роли в государстве и обществе. Эти акты в совокупности и составили советское кооперативное законодательство.

В связи с осознанием руководством страны необходимости отказа от чрезвычайных мер периода «военного коммунизма» в 1921 г. на X съезде РКП(б) было принято решение о переходе к новой экономической политике – нэпу. Этот переход начался с замены продразверстки продовольственным налогом, что позволило крестьянам свободно распоряжаться излишками продукции своего хозяйства и продавать их на рынке.

Как справедливо отмечает О.Д. Максимова, переход к нэпу был резкой сменой курса, поэтому многие, в том числе большевики, не понимали сути новой политики [2]. Для разъяснения новой политики Советского государства была специально организована X Всероссийская чрезвычайная партийная конференция, которая проходила 26–27 мая 1921 г. На X конференции Ленин дал членам партии разъяснения по новой экономической политике. Он утверждал, что важнейшей задачей советской власти являлось восстановление крупной промышленности, но без достаточного продовольственного фонда сделать это невозможно, поэтому «главное внимание в настоящее время должно быть обращено на крестьянина» [4].

Важное место в планах реализации новой экономической политики занимала кооперация, в первую очередь потребительская. Декрет о потребительской кооперации от 7 апреля 1921 г. установил, что все граждане объединяются в потребительские общества (СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 150). Потребительским обществам было предоставлено право обмена и скупки излишков сельскохозяйственного производства, а равно кустарных и ремесленных изделий и сбыт их. При этом кооперативным организациям предоставлялось право закупать у самостоятельных сельских и городских производителей, крестьян, кустарей, ремесленников и кооперативов произведения их хозяйства, заключая с каждым производителем, группами производителей или кооперативами всякого рода договоры, не противоречащие советскому законодательству. Тем самым правительство возлагало на потребительскую кооперацию обязанности по проведению торгово-закупочных операций, по установлению «смычки» города и деревни.

Потребительские общества получили право организовывать предприятия по добыче и обработке продуктов, а также устраивать огороды, молочные фермы и другие предприятия подобного рода, выполнять поручения в области снабжения, заготовок и распределения, которые давались добровольными потребительскими объединениями, учреждениями и отдельными лицами.

Согласно декрету на потребительские общества государством возлагались следующие обязанности:

а) выполнение обязательных заданий продовольственных органов в области заготовок и обмена изделий фабрично-заводской и кустарной промышленности на продукты сельского хозяйства;

б) распределение в стране всех предметов продовольствия и широкого потребления, заготовленных государством и полученных с национализированных фабрик и заводов, концессионных предприятий и вывезенных из-за границы.

Никакие предметы продовольствия и широкого потребления, предоставляемые населению государством, не могли распределяться среди населения иначе, как через посредство потребительской кооперации. Таким образом, государство не допускало на этом этапе введения полностью свободного рынка, рассчитывая на кооперацию как посредника и регулятора.

Помимо этого, в условиях нэпа потребительская кооперация стала аппаратом по распределению ограниченных ресурсов среди населения.

Важно отметить, что данным декретом устанавливалась хозяйственная самостоятельность Центросоюза.

Декрет «Об обмене» от 24 мая 1921 г. (СУ РСФСР. 1921. № 40. Ст. 212) разрешил свободный обмен, покупку и продажу остающихся у населения после выполнения натурального налога продуктов сельского хозяйства. Право обмена, покупки и сбыта распространялось также на изделия и предметы кустарной и мелкой промышленности. Обмен, покупка и продажа разрешалась отдельным гражданам и кооперативным объединениям – потребительским, сельскохозяйственным и кустарным – и могла производиться как на рынках и базарах, так и в других местах, с лотков и ларей и в закрытых торговых помещениях.

Постепенно с началом новой экономической политики товарно-денежные отношения были распространены на все отрасли народного хозяйства. На производстве вводился хозрасчет, разрешалась свободная торговля, допускались иностранные концессии. Отменялись постоянные сверхурочные работы. Все это повышало роль правовых механизмов, способных обеспечить развитие гражданского оборота [3, с. 237].

Реализация законодательства о потребительской кооперации на практике столкнулась с немалыми трудностями, в том числе и потому, что к началу нэпа аппарат потребкооперации был «полумертвым» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 484. Оп. 1. Д. 190. Л. 1).

Центральный союз потребительских обществ (Центросоюз) имел большую задолженность перед государством, система организации кооперации не была достаточно централизованной, нередко отсутствовали сведения о финансовом состоянии кооперации на местах.

Архивные документы свидетельствуют о том, что в 1921 г. аппарат потребительской кооперации характеризовался следующими цифрами: потребительских обществ – 27409, из них городских и фабричных – 1713, сельских – 25696, добровольных потребительских объединений – 4631, транспортно-потребительских обществ – 89, военных кооперативов – 900 (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 484. Оп. 1. Д. 193. Л. 15).

Помимо потребительской кооперации, о которой говорилось выше, поощрялось развитие и иных видов кооперации. В частности, Декрет «О промысловой кооперации» от 7 июля 1921 г. установил, что трудящимся кустарных и иных промыслов в целях занятия однородным производством предоставляется право образовывать промысловые кооперативные товарищества или артели для ведения совместного производства, равно как для организации труда своих членов, для снабжения их требующимися производственными материалами, инструментами и предметами оборудования для обработки и сбыта продуктов труда своих членов, а также для других мероприятий, направленных к увеличению количества и улучшению качества производимых ими продуктов. При этом общее число членов промыслового кооперативного товарищества не может быть менее пяти (СУ РСФСР. 1921. № 53. Ст. 322).

Промысловые кооперативы, согласно Декрету, пользовались правами юридических лиц и в качестве таковых могли заключать допускаемые действующими законами договоры и принимать на себя обязательства, предъявлять иски и отвечать по искам в Народном

Суде, приобретать в пределах действующих узаконений материалы, сырье, инструменты и предметы оборудования, нанимать помещения в немunicipализированных зданиях и занимать таковые по ордеру в муниципализированных строениях, открывать мастерские и иные хозяйственные предприятия как для производства, так и для сбыта своих изделий.

Организация промысловых кооперативов объявлялась «делом государственно-необходимым», и всем органам государственной власти предлагалось «оказывать содействие кустарям в деле их кооперирования».

16 августа 1921 г. был принят Декрет «О сельскохозяйственной кооперации» (СУ РСФСР. 1921. № 61. Ст. 434). Данный Декрет предоставил трудящимся деревни право образовывать сельскохозяйственные кооперативные товарищества или артели как для совместного ведения сельскохозяйственного производства, так и для организации труда своих членов, снабжения их необходимыми сельскому хозяйству орудиями, семенами, удобрениями и другими средствами производства, а также для переработки и сбыта продуктов земледельческого производства и, наконец, для других мероприятий, направленных на увеличение количества и улучшение качества производимых их членами сельскохозяйственных продуктов.

Организация сельскохозяйственных кооперативов объявлялась в Декрете делом «государственно необходимым», и всем органам государственной власти предлагалось оказывать содействие земледельцам в «деле кооперирования». В октябре 1921 г. был учрежден Государственный банк РСФСР, чтобы способствовать кредитом и прочими банковскими операциями развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, а также с целью концентрации денежных оборотов и проведения других мер, направленных на установление правильного денежного обращения.

Архивные данные говорят о том, что реализация кооперативного законодательства продвигалась относительно успешно. На 01.06.1923 в стране насчитывалось 136 Губернских кооперативных союзов, 18663 низовых кооперативных ячеек. В 1923 г. существовало 22494 потребительских общества с 6 млн пайщиков (ГАРФ. Фонд 484. Оп. 1. Д. 473. Л. 6).

По итогам второго полугодия 1923 г. оборот Центросоюза составил 35% от общего товарооборота страны (ГАРФ. Фонд 484. Оп. 1. Д. 513. Л. 7).

Таким образом, одним из важных экономических и правовых аспектов новой экономической политики стало развитие всех форм кооперации: потребительской, сельскохозяйственной, кредитной, сбытовой и т.д. В новых условиях кооперация рассматривалась правительством как форма, благоприятствовавшая развитию коллективной собственности, установлению прочных экономических контактов рабочего класса с крестьянством, города с деревней. Об этом свидетельствуют принимавшиеся нормативные акты того времени. Реализация кооперативного законодательства затруднялась, во-первых, общей экономической ситуацией в стране, во-вторых, недостаточной проработанностью самих нормативных актов, порой принимавшихся в спешке, в критических для страны условиях. Тем не менее кооперация постепенно развивалась, и ее развитие соответствовало проводимой руководством страны правовой политике.

Список литературы

1. *Гаврилова Н.Ю.* Формирование законодательной базы торгового предпринимательства при переходе к НЭПу (1921–1922 гг.) // История государства и права. 2012. № 1.
2. *Максимова О.Д.* Законодательная деятельность Всероссийских съездов Советов, ВЦИК и Президиума ВЦИК в период перехода к новой экономической политике (1921–1922 гг.) // История государства и права. 2010. № 20.

3. *Пашенцев Д.А.* История государства и права России. М.: Эксмо, 2004.
4. Протоколы Десятой Всероссийской конференции РКП(б) / Под ред. К.А. Мальцева. М., 1933.

Reference list

1. *Gavrilova N.* The legal framework formation for commercial business during the transition to New Economic Policy (1921–1922) // History of state and law. 2012. № 1.
2. *Maksimova O.* Legislative activity of All-Russian congresses of Soviets, the Central Executive Committee and the Presidium of the Central Executive Committee during the transition to New Economic Policy (1921–1922) // History of state and law. 2010. № 20.
3. *Pashentsev D.* History of state and law of Russia. М.: Eksmo, 2004.
4. The protocols of the Tenth All-Russian Conference of the Russian Communist Party (bolsheviks) / Under the editorship of K. Mal'tsev. М., 1933.

УДК 349

Скребнева Н.А.,

аспирант Московского института государственного управления и права, преподаватель Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова

ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕДИЦИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Данная публикация посвящена проблеме юридической ответственности в медицинских отношениях, которая до настоящего времени представляется актуальной, так как она непосредственно связана с жизнью и здоровьем человека, которые подвержены угрозе при ненадлежащем осуществлении мероприятий по охране здоровья. В настоящей статье рассматривается понятие юридической ответственности; анализируются существующие научные подходы к определению данной категории. На основании анализа автор приходит к выводу, что под юридической ответственностью следует понимать комплекс мер государственного принуждения. Автором также представлены ряд отличительных признаков юридической ответственности в медицинских отношениях, с учетом которых им представлено определение этой категории.

Ключевые слова: юридическая ответственность, государственное принуждение, медицинские отношения, охрана здоровья, жизнь человека, здоровье человека

Skrebneva N.,

Postgraduate student of the Moscow Institute of Public Administration and Law, Lecturer of the Moscow State Medical and Dental University named after A. Evdokimov

THE CONCEPTION OF LEGAL RESPONSIBILITY IN MEDICAL RELATIONS

This publication is devoted to the issue of legal responsibility in medical relations, which is of immediate interest until the present time, because it is directly connected with human life and health, exposed to the threat when properly used of measures for the protection of health. This article is discussed the conception of legal responsibility; it is analyzed existing scientific approaches to the definition of this category. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that legal responsibility should be understood as a complex of measures of public enforcement. The author also provides a number of distinctive features of legal responsibility in medical relations and he has presented the definition of this category, in view of them.

Keywords: legal responsibility, public enforcement, medical relations, protection of health, human life, human health

В современных условиях юридическая ответственность в медицинских отношениях является актуальной проблемой, так как она затрагивает вопросы охраны жизни и здоровья человека и является следствием достаточной распространенности ненадлежащего осуществления мероприятий по охране здоровья. В целях изучения данной категории необходимо прежде всего определить ее понятие, чему и посвящена настоящая статья.

Юридическая ответственность является разновидностью социальной ответственности, основной функцией которой представляется контроль общественных отношений и их участников. Как справедливо отмечает Е.В. Лазарева, особенностью юридической ответственности, отличающей ее от иной социальной ответственности, является государственное принуждение к исполнению норм права, строго регламентированное законом, и одновременно претерпевание, связанное с применением мер государственно-принудительного воздействия [5].

В целом в юридической науке можно выделить несколько подходов к определению понятия юридической ответственности. Первый подход рассматривает юридическую ответственность как обязанность правонарушителя.

Данный подход является наиболее распространенным, так как и в обычных словарях термин «ответственность» означает необходимость, обязанность отдавать кому-либо отчет в своих действиях, поступках, быть ответственным за них [12]. Согласно словарю В.И. Даля ответственность есть обязанность отвечать за что-то, повинность ручательства за что-то, долг дать в чем-то отчет [3]. С социологической точки зрения ответственность представляет собой обязанность и готовность субъекта отвечать за совершенные действия, поступки и их последствия (http://enc-dic.com/enc_sociology/Otvetstvehhost-1760.html).

Н.В. Витрук выделяет следующие отличия юридической ответственности от других видов юридических обязанностей. Во-первых, юридическая ответственность есть новая, дополнительная обязанность правонарушителя, на которого она возлагается. Во-вторых, юридическая ответственность играет роль гаранта юридической обязанности, существовавшей до правонарушения, поскольку при неисполнении этой обязанности может наступить юридическая ответственность. В-третьих, юридическая ответственность как новая, дополнительная обязанность по возмещению (компенсации) нанесенного ущерба (урона) и несению справедливого возмездия как кара за правонарушение исполняется в принудительном порядке при неисполнении первичной юридической обязанности [2].

В то же время Д.А. Липинский в рамках данного подхода считает, что юридическая ответственность – это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и их реализация [7].

С нашей точки зрения, юридическая ответственность является более широкой категорией, чем просто «обязанность», так как включает в себя не только обязанность правонарушителя как таковую, но и полномочия государственных органов, связанные с привлечением лица к юридической ответственности.

Второй подход отождествляет юридическую ответственность и наказание [8], однако такое утверждение представляется весьма спорным, так как наказание является формой реализации юридической ответственности, которая может объективно возникнуть, но не реализоваться. Так, несоответствие ответственности и наказания может быть следствием правоприменительных ошибок (например, при привлечении к юридической ответственности и наказании лица, не совершившего правонарушения) [2].

Юридическую ответственность также иногда отождествляют с санкциями.

Так, профессор О.Э. Лейст определял юридическую ответственность как применение к лицу, совершившему правонарушение, мер государственного принуждения, пред-

усмотренных санкцией нарушенной нормы, в установленном для этого процессуальном порядке [9].

С нашей точки зрения, нельзя полностью согласиться с О.Э. Лейстом, так как санкции могут носить не только негативный характер как реакция на нарушение правовых норм, но и позитивный характер, выражающийся в стимулировании правомерного поведения.

Третий подход характеризует юридическую ответственность как охранительное правоотношение, одной из сторон которого выступает государство в лице соответствующих государственных органов и должностных лиц, а другой стороной является правонарушитель.

Так, И.Н. Сенякин и А.А. Кралько понимают под юридической ответственностью возникшее из правонарушений правовое отношение между государством в лице его специальных органов и правонарушителем, на которого возлагается ответственность претерпевать соответствующие лишения и неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение, за нарушение требований, которые содержатся в нормах права [14], (<http://www.mednovosti.by/journal.aspx?article=4652>).

Вместе с тем несколько иной точки зрения придерживаются В.И. Акопов и В.Г. Федоров, которые считают, что юридическая ответственность – это правоотношение, в котором дееспособные субъекты выполняют правовые веления, вытекающие из правовых запретов (юридических обязанностей) и правовых возможностей, сочетаемые с соответствующими штрафными и поощрительными санкциями [1, 19].

Мы считаем не совсем корректным отождествление юридической ответственности с правоотношением, так как данное понятие недостаточно раскрывает сущность юридической ответственности и выступает в качестве формы ее реализации.

Четвертый подход рассматривает юридическую ответственность как правовую форму государственного принуждения к исполнению требований права, содержащую осуждение деяний правонарушителя государством и обществом [13].

Юридическая ответственность как мера государственного принуждения осуществляется на основе и в рамках закона, т.е. она является правовой формой государственного принуждения. Правовой характер меры государственного принуждения заключается в том, что она предусматривается нормой права, поэтому применение меры ответственности означает реализацию санкции правовой нормы, определяющей эту меру ответственности [2].

Специалисты в области медицинского права также придерживаются данного подхода. Так, А.А. Мохов под юридической ответственностью понимает применение к лицу, совершившему правонарушение, предусмотренных законом мер принуждения [10]. Ю.Д. Сергеев также определяет юридическую ответственность как меру государственного принуждения, основанную на осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установлении для него отрицательных последствий (личных и имущественных) [15].

С точки зрения С.Г. Стеценко, юридическая ответственность медицинского работника за профессиональное правонарушение – это применение к лицу, совершившему правонарушение при исполнении профессиональных обязанностей в сфере медицинской деятельности, мер государственного принуждения, предусмотренных правовыми нормами, которые сопровождаются необходимостью для виновного понести определенные потери личного, организационного или имущественного характера [17].

Данный подход к определению понятия юридической ответственности представляется нам наиболее правильным в силу того, что именно в нем отражена сущность этой категории, выражающаяся в применении к правонарушителю мер государственного принуждения и связанных с ними неблагоприятных последствий.

В юридической литературе высказано понимание юридической ответственности как осуждающей оценки государства в качестве реакции на совершенное правонарушение (П.А. Варул, В.В. Луць и др.). Также в юридической науке дискутируется позиция, трактующая юридическую ответственность как отчет в своих действиях, как необходимость предстать перед обществом в лице соответствующих государственных органов и отчитаться за совершенное деяние (профессор В.А. Тархов) [9].

Необходимо подчеркнуть, что, помимо классического понимания юридической ответственности, ряд авторов указывают на наличие позитивной юридической ответственности.

Одними из первых в отечественной науке, кто обратил внимание на этот аспект юридической ответственности, были В.Г. Смирнов, П.Е. Недбайло и др. В.Г. Смирнов полагал, что правовая ответственность «реально существует и при совершении дозволенных, а тем более прямо вытекающих из закона деяний» [16]. По мнению П.Е. Недбайло, позитивная ответственность у человека «возникает уже тогда, когда он приступает к исполнению своих обязанностей, а не только тогда, когда он их не выполняет или станет действовать вопреки им» [11]. М.С. Строгович также отмечает, что юридическая ответственность есть неуклонное и добросовестное исполнение, правильное выполнение лицом возложенных на него законом обязанностей [18].

По мнению А.А. Иванова, юридическая ответственность «выступает прежде всего и главным образом в ее позитивном значении, как ответственное отношение лица к своим обязанностям, как его законопослушное поведение» [4].

Фундаментальный вклад в развитие теории позитивной юридической ответственности внесли Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, которые определяют позитивную юридическую ответственность как юридическую обязанность по соблюдению правовых норм, реализующуюся в правомерном поведении субъектов права, одобряемом или поощряемом государством [20].

Однако многими авторами вовсе отрицается сам факт признания позитивной юридической ответственности (Р.О. Халфина, И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшина, О.Э. Лейст, И.Л. Петрухин). Так, нам представляется близкой позиция О.Э. Лейста, суть которой в том, что в большей части рассуждений о правовой позитивной ответственности правовые явления теоретически объединяются с такими категориями правосознания и морали, как осознание необходимости примерного поведения, добросовестное отношение к своим обязанностям, чувство ответственности» и т.п. [6], и соответственно теория позитивной юридической ответственности предполагает, что правом регулируется не только поведение, но и духовный мир человека.

С учетом анализа всего вышеизложенного юридическую ответственность в медицинских отношениях следует понимать как комплекс мер государственного принуждения, предусмотренный законодательством, применяемых в отношении субъектов охраны здоровья и субъектов оказания медицинской помощи, в связи с ненадлежащим исполнением ими своих профессиональных и служебных обязанностей, которые сопровождаются претерпеванием ими негативных последствий личного и имущественного характера. Таким образом, юридическая ответственность в медицинских отношениях обладает рядом отличительных признаков: 1) специальные субъекты юридической ответственности (медицинские организации, медицинские работники, государственные органы в области охраны здоровья); 2) является последствием причинения вреда специальным объектам правовой охраны (жизни, здоровью, врачебной тайне); 3) основанием привлечения к юридической ответственности является состав правонарушения, выражающийся в неисполнении, ненадлежащем исполнении

обязанностей по охране здоровья и оказанию медицинской помощи; 4) регулируется различными отраслями права (гражданским, административным, уголовным, трудовым).

Список литературы

1. *Акопов В.И.* Правовое регулирование профессиональной деятельности медицинского персонала: учебное пособие. Изд. 2-ое, перераб. Ростов н/Д.: Феникс, 2014. С. 136.
2. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. Монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2009. С. 27, 30.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1935. С. 742.
4. *Иванов А.А.* Принцип индивидуализации юридической ответственности: теория и история вопроса: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 10.
5. *Лазарева Е.В.* Правовое регулирование медицинской деятельности в РФ (Отдельны аспекты теории и практики). Дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 149.
6. *Лейст О.Э.* Содержание (объем) понятия «юридическая ответственность» // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1999. С. 480, 483.
7. *Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности: Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 10.
8. *Малеин Н.С.* Об институте юридической ответственности // Юридическая ответственность: проблемы и перспективы: труды по правоведению. Тарту, 1989. С. 30.
9. *Морозова Л.А.* Теория государства и права: учебник. М.: Эксмо, 2011. С. 311.
10. *Мохов А.А.* Медицинское право (правовое регулирование медицинской деятельности): курс лекций: учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 153.
11. *Недбайло П.Е.* Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 51.
12. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1981. С. 218.
13. *Самощенко И.С., Фарушкин М.Х.* Сущность юридической ответственности в советском обществе. М., 1974. С. 6.
14. *Сенякин И.Н.* Юридическая ответственность // Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов: СВШ МВД РФ, 1995. С. 600.
15. *Сергеев Ю.Д.* Медицинское право: учеб. комплекс для вузов. М.: «Гэотар-Медиа», 2008. С. 772.
16. *Смирнов В.Г.* Уголовная ответственность и уголовное наказание // Правоведение. 1963. № 4. С. 79.
17. *Стеценко С.Г.* Юридическая регламентация медицинской деятельности в России (исторический и теоретико-правовой анализ): Дис.... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 400.
18. *Строгович М.С.* Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 73–75.
19. *Федоров В.Г.* Понятие юридической ответственности и ее регулятивно-охранительная природа // Государство и право. 2007. № 9. С. 87–92.
20. *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности. СПб.: Изд-во «Юридический центр пресс», 2007. С. 131–173, 213–224, 228–232, 520–536, 612–615.

Reference list

1. *Akopov V.* Legal regulation of professional activities of the medical staff: Textbook. 2nd edition, revised. Rostov-on-Don.: Feniks, 2014. P. 136.

2. *Dal' V.* Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 2. M., 1935. P. 742.
3. *Fedorov V.* The conception of legal responsibility and its regulatory enforcement nature // State and law. 2007. № 9. P. 87–92.
4. *Ivanov A.* The principles of legal responsibility identification: Theory and history: Synopsis of a thesis of PhD in Law. M., 1998. P. 10.
5. *Khachaturov R., Lipinskiy D.* The general theory of legal responsibility. SBR: Publishing house "Yuridicheskiy tsentr press", 2007. P. 131– 173, 213–224, 228–232, 520–536, 612–615.
6. *Lazareva E.* Legal regulation of medical activities in the Russian Federation (some aspects of theory and practice). Synopsis of a thesis of PhD in Law. Saratov, 2006. P. 149.
7. *Leist O.* The content (volume) of the conception "legal responsibility" // Issues of theory of state and law / Under the editorship of M. Marchenko. M., 1999. P. 480, 483.
8. *Lipinskiy D.* General theory of legal responsibility: A thesis of Doctor of Law. Saratov, 2004. P. 10.
9. *Malein N.* About the institution of legal responsibility // Legal responsibility: Issues and prospects: Proceedings in law. Tartu, 1989. P. 30.
10. *Mokhov A.* Medical law (legal regulation of medical activities): Lectures: Tutorial. Volgograd: Publishing house of the Volga State University, 2003. P. 153.
11. *Morozova L.* Theory of state and law: Textbook. M.: Eksmo, 2011. P. 311.
12. *Nedbailo P.* A system of legal guarantees' application of Soviet legal norms // Jurisprudence. 1971. № 3. P. 51.
13. *Ozhegov S.* Dictionary of the Russian Language. M., 1981. P. 218.
14. *Samoshchenko I., Farukshin M.* The essence of legal responsibility in Soviet society. M., 1974. P. 6.
15. *Senyakin I.* Legal responsibility // Theory of state and law: Course of lectures / Under the editorship of N. Matuzov and A. Mal'ko. Saratov: Saratov Higher School of Russian Federation Ministry of the Interior, 1995. P. 600.
16. *Sergeev Yu.* Medical law: Textbook. Education complex for higher education institutions. M: «Geotar-Media», 2008. P. 772.
17. *Smirnov V.* Criminal responsibility and criminal punishment // Jurisprudence. 1963. № 4. P. 79.
18. *Stetsenko S.* Legal regulation of medical activities in Russia (historical and theoretical-legal analysis): A thesis of Doctor of Law. SBR, 2002. P. 400.
19. *Strogovich M.* The essence of legal responsibility // Soviet state and law. 1979. № 5. P. 73–75.
20. *Vitruk N.* General theory of legal responsibility. Monograph. 2nd edition, revised and enlarged. M.: Norma, 2009. P. 27, 30.

УДК 347.62

Бакаева М.К.,

аспирант кафедры семейного и ювенального права Российского государственного социального университета

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЛЕГАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ БРАКА В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются особенности определения брака в семейном праве современной России. Негативное воздействие на устойчивость семьи такого фактора, как неудовлетворенность браком, ведет к утрате семейных связей и ценностей. В статье делается вывод о невозможности и о нецелесообразности совмещения в одном определении понятия брака – его социальной, психологической, нравственно-этической и правовой составляющих брака как социального и юридического феномена. Поэтому необходимо сосредоточить внимание лишь на тех существенных его признаках, которые необходимы и достаточны для его юридической значимости. Именно из таких и только из таких признаков должно состоять определение понятия брака. В статье приводится авторская формулировка данного понятия.

Ключевые слова: ювенальное право, семейное право, брак, современная Россия, социальный институт

Bakaeva M.,

Postgraduate student of Chair of Family and Juvenile Law of the Russian State Social University

THE LEGAL VALUE OF THE LAWFUL DEFINITION OF MARRIAGE IN THE FAMILY LAW OF CONTEMPORARY RUSSIA

The article is discussed the features of the definition of marriage in the family law in contemporary Russia. Adverse impact on family stability of such factor as dissatisfaction with marriage leads to loss of family ties and values. In the article it is concluded about the impossibility and inexpediency of combining in a single definition of marriage – its social, psychological, moral-ethical and legal components of marriage as a social and legal phenomenon. It is therefore necessary to focus on those important its characteristics that are indispensable and sufficient for its legal significance. Definition of marriage should contain such and only such characteristics, in particular. This article is presented the author's formulation to this notion.

Keywords: juvenile law, family law, marriage, contemporary Russia, social institution

Вопрос о понятии брака как основы семьи, как ее центрального института был и остается актуальным в теории семейного права, в нормотворческой и правоприменительной практике. Однако до недавнего времени его исследование имело в основном научно-теоретическое значение, так как представители науки семейного права России и стран ближнего зарубежья, ранее входивших в состав СССР, практически единодушно были убеждены в нецелесообразности использования этого понятия в нормотворческой деятельности, в частности его законодательного закрепления. Жизнь показала несостоятельность такой по-

зиции, хотя и в настоящее время далеко не все ученые убеждены в необходимости легального определения понятия брака, о чем будет говориться в дальнейшем.

Дело в том, что отсутствие в семейном законодательстве практически с первых дней его формирования определения понятия брака постепенно привело к девальвации данного социального института. Понятно, что основные причины такого положения гораздо глубже: они заключались в неблагоприятных экономических условиях жизнедеятельности семьи в целом как социального института и в общей политике государства в отношении семьи. Однако нельзя преуменьшать и значения права в данном вопросе. В самом деле, если в Законе соответствующее положение не закреплено, то, по мнению большинства его адресатов (а это практически каждый гражданин того или иного государства), это говорит о его второстепенной роли в регулировании конкретных общественных отношений, в данном случае – отношений в сфере создания семьи. Вряд ли обычный гражданин, намеренный создать семью или уже создавший ее, в состоянии понять и оценить справедливость доводов ученых о том, что полного и точного определения понятия брака сформулировать невозможно, следовательно, во избежание его неоднозначного толкования и применения его лучше вообще не закреплять в семейном законодательстве. Нельзя умолчать также и о том, что в РСФСР в период действия Кодекса законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО) от 19 ноября 1926 г., начиная с 1 января 1927 г. [Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612] и до принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 08 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37] признавались и так называемые фактические браки, т.е. союзы мужчин и женщин, не оформленные в органах записи актов гражданского состояния. Такое же положение существовало и в других союзных республиках в составе СССР, являющихся в настоящее время суверенными государствами. Под влиянием указанных и целого ряда других факторов у граждан РСФСР устойчивым стало убеждение в том, что «штамп в паспорте ничего не значит».

Правда, за последнее десятилетие наметилась тенденция в сторону возрастания роли брака. Если в 2006 г. число детей, рожденных вне брака, составляло 29% от общего числа рождений, то в 2013 г. доля таких детей уменьшилась до 23%. Если в 2006 г. на каждую тысячу зарегистрированных браков приходилось 576 разводов, то в 2013 г. их число уменьшилось до 545. Разумеется, по приведенным данным пока еще трудно судить о степени устойчивости тенденции к повышению роли брака в нашем обществе, однако они свидетельствуют о результативности принимаемых за последнее время в РФ мер государственной поддержки семьи в рамках реализации государственной семейной политики в РФ [СЗ РФ. 01.09.2014. № 35. Ст. 4811].

В настоящее время в указанной Концепции ясно и четко выражена политика государства в отношении брака. В данном документе подчеркивается, что главными приоритетами успешного развития страны должны стать: укрепление семьи как основы государства, утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, поддержание устойчивости каждой семьи.

В качестве первоочередной меры, направленной на решение задачи по повышению ценности семейного образа жизни, предусматривается, в частности, проведение в средствах массовой информации на постоянной основе целенаправленной пропаганды в под-

держку традиционных ценностей семьи и брака, создание специальных теле- и радиопередач, газетных и журнальных рубрик и информационных проектов, популяризирующих традиционные семейные ценности и способствующих формированию в обществе позитивного отношения к браку. Предусматривается также разработка и реализация дополнительных образовательных программ подготовки молодежи к созданию семьи и семейным отношениям на основе традиционных семейных ценностей, формирование ответственного отношения молодежи к браку и семье.

Концепция исходит из необходимости учета негативного воздействия на устойчивость семьи такого фактора, как неудовлетворенность браком, что ведет к утрате семейных связей, планируется проведение целого ряда мер по его нейтрализации. В частности, в целях профилактики семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности планируется внедрение института посредничества (медиации) при разрешении семейно-правовых споров, в том числе при расторжении брака между супругами.

Однако в Концепции предусмотрены не только чисто организационные меры, направленные на повышение авторитета брака. Реализация государственной семейной политики предполагается посредством нормативно-правового обеспечения, которое включает в себя совершенствование семейного законодательства РФ уже на первом этапе реализации Концепции (2015–2018 гг.). В итоге будет создана система мер по укреплению престижа брака и семейного образа жизни. В качестве одного из целевых индикаторов эффективности государственной семейной политики предусматривается уменьшение числа разводов.

Но едва ли можно позаимствовать для дальнейшего законодательного закрепления определение понятия брака, данное в Концепции государственной семейной политики. Брак в данном документе определяется как «союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах ЗАГС, заключаемый с целью создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению» [Концепция государственной семейной политики, с. 6].

Однако вряд ли можно было требовать, чтобы в данном документе скорее политического, чем правового характера содержалось бы безупречное в юридическом отношении определение. Кроме того, уместно обратить внимание и на то, что брак в данном акте трактуется только как одна из традиционных семейных ценностей, в то время как в Законе требуется закрепить такое определение понятия брака, которое отражало бы его природу как юридической категории во всех ее аспектах: как правового института, как юридического факта и как правоотношения. При этом, как представляется, совсем необязательно, чтобы в легальном определении данного понятия содержались абсолютно все его признаки, так как брак – это не столько правовая, сколько общесоциальная категория, а потому в его универсальное понятие входят такие признаки, которые отражают лишь его социальную сущность и никак не отражают юридическую природу. Например, в Концепции подчеркивается, что брак должен заключаться на основе взаимной любви и уважения, что далеко не всегда имеет место в жизни и не является значимым с позиций права. Также нереально включать в определение понятия брака положение о том, что уважение должно распространяться также на детей и на родителей, что все члены семьи должны стремиться к устойчивости брака и его сохранению. Вполне возможно, что кому-то из членов семьи данный брак не нравится, но от этого он не перестает быть браком с правовой точки зрения, т.е. порождает все вытекающие из него правовые последствия.

Таким образом, мы неизбежно приходим к выводу о невозможности и о нецелесообразности совмещения в одном определении понятия брака его социальной, психологической, нравственно-этической и правовой составляющих брака как социального и юридического феномена. Поэтому необходимо сосредоточить внимание лишь на тех существенных его признаках, которые необходимы и достаточны для его юридической значимости. Именно из таких и только из таких признаков должно состоять определение понятия брака. Представляется вполне возможным сформулировать такое определение и закрепить в ст. 10 действующего СК РФ. К примеру, можно предложить следующее определение понятия брака: «Браком признается свободный, добровольный, равноправный, бессрочный союз мужчины и женщины, достигших установленного законом возраста, заключаемый для создания семьи путем государственной регистрации в органах ЗАГС при отсутствии препятствий к его заключению, порождающий между вступившими в него лицами (мужем и женой (супругами)) взаимные права и обязанности».

Список литературы

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37 // Собрание действующего законодательства СССР.
2. Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р. // СЗ РФ. 01.09.2014. № 35. Ст. 4811.
3. Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 82. – Ст. 612.

Reference list

1. Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1944. № 37 // Collection of the current legislation of the USSR.
2. Collection of laws of the RSFSR. 1926. № 82. Art. 612.
3. The concept of state family policy of the Russian Federation for the period until 2025. Approved by the Decree of the RF Government dated 25.08.2014 № 1618-r. // Collection of legislation of the Russian Federation. 01.09.2014. № 35, article 4811.

УДК 342

Цветков А.В.,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТОДАТЕЛЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ РАБОТНИКОВ ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО ТАБАЧНОГО ДЫМА И ПОСЛЕДСТВИЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТАБАКА

В статье анализируются виды юридической ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака. В целях более эффективной реализации законодательства об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака автором сформулировано предложение по дополнению нормы трудового законодательства применительно к данной сфере.

Ключевые слова: воздействие окружающего табачного дыма, последствия потребления табака, охрана здоровья, административная ответственность

Tsvetkov A.,

Adjunct of Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel, Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Kikotya

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF THE EMPLOYER IN THE AREA OF HEALTH PROTECTION OF WORKERS FROM EFFECTS OF EXPOSURE TO ENVIRONMENTAL SMOKE AND CONSEQUENCES OF TOBACCO CONSUMPTION

The article is analyzed the types of legal responsibility for violation of legislation of the Russian Federation in the area of health protection of citizens from effects of exposure to environmental tobacco smoke and consequences of tobacco consumption. For the purposes of more effective implementation of the legislation on health protection of citizens from effects of exposure to environmental tobacco smoke and consequences of tobacco consumption the author is conceived the proposal to supplement norm of labour legislation which is an applicable to this area.

Keywords: effects of exposure to environmental tobacco smoke, consequences of tobacco consumption, health protection, administrative responsibility

Основанием для борьбы с курением и потреблением табака является нарушение прав некурящих граждан на обладание максимально достижимым уровнем здоровья, которые признаются Конституцией РФ, Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах ООН¹, Конвенцией о правах ребенка ООН², а также преамбулой Устава Всемирной организации здравоохранения³.

Анализ законодательства Российской Федерации в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака позволяет сделать вывод о том, что с вступлением в законную силу Федерального закона от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»⁴ (далее – Антитабачный закон) были введены следующие основные изменения, вступающие в силу поэтапно:

- 1 июня 2013 г. (введены основные положения данного федерального закона);
- 1 января 2014 г. (введение ценовых и налоговых мер, направленных на сокращение спроса на табачные изделия);
- 1 июня 2014 г. (расширение перечня территорий, помещений и объектов, где курение запрещено; запрещение рекламы и продвижения табачных изделий и процесса потребления табака; спонсорства табака, использования табачных брендов при осуществлении благотворительной деятельности, а также ужесточение правил продажи табачной продукции);
- 1 января 2017 г. (введение государственного контроля за табачными компаниями с целью недопущения фактов незаконной торговли с их стороны).

Одним из существенных отличий от ранее действовавшего Федерального закона от 10.07.2001 № 87-ФЗ «Об ограничении курения табака»⁵, по нашему мнению, является введение законодателем административной ответственности за нарушения в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака. В своей статье Кирилловых А.А. также обращает на это внимание и отмечает, что указанный федеральный закон не содержал в своих положениях упоминания об ответственности за нарушение законодательства об ограничении курения табака, что, безусловно, являлось его пробелом⁶.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 2 Антитабачного закона под потреблением табака понимается курение табака, сосание, жевание, нюханье табачных изделий. По мнению Е. Орловой⁷, под действие данного федерального закона подпадают следующие табачные изделия и курительные устройства: папиросы, сигареты, электронные сигареты, сигариллы, сигары, насвай, снюс, снафф, махорка, жевательный и нюхательный табак, бездымный табак, кальян, курительная трубка, мундштук.

Согласно ст. 23 Антитабачного закона за нарушение законодательства в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потре-

¹ Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. Пакт вступил в силу 3 января 1976 г. СССР подписал Пакт 18 марта 1968 г. с заявлением. Пакт ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18.09.1973 № 4812-VIII.

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI. Конвенция ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13.06.1990 № 1559-I.

³ Принят Международной конференцией здравоохранения, проходившей в Нью-Йорке с 19 июня по 22 июля 1946 г.

⁴ СЗ РФ. 25.02.2013. № 8. Ст. 721.

⁵ Федеральный закон от 10.07.2001 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2008) «Об ограничении курения табака» // Парламентская газета. 14.07.2001. № 130–131. Документ утратил силу 1 июня 2013 г. в связи с принятием Федерального закона от 23.02.2013 № 15-ФЗ.

⁶ Кирилловых А.А. Новое антитабачное законодательство и меры по ограничению курения табака // Право и экономика. 2013. № 12. С. 19–23.

⁷ Орлова Е. Ответственность за нарушение антитабачного Закона для работодателей и работников // Налоговый вестник. 2013. № 12. С. 8–19.

бления табака устанавливается дисциплинарная, гражданско-правовая, административная ответственность. Как известно, конкретные виды (составы) правонарушений определяются соответствующим отраслевым законодательством.

Отсылочный характер норм о конкретных видах юридической ответственности в законодательстве, как о здравоохранении⁸, так и комплексных законодательных актах, касающихся различных аспектов охраны здоровья граждан, является традиционным приемом юридической техники современного законодателя. С одной стороны, это не перегружает нормативный правовой акт дублированием конкретных положений законодательства, что упрощает его применение специалистами, однако затрудняет правоприменительный процесс в отношении граждан.

По смыслу нормативного правового акта в исследуемой сфере дисциплинарная ответственность применяется к работникам при нарушениях с их стороны трудовой дисциплины в случае несоблюдения ими норм о запрете курения табака на рабочих местах согласно п. 9 ч. 1 ст. 12 Антитабачного закона. При этом применение той или иной меры дисциплинарной ответственности за нарушение норм рассматриваемого закона является компетенцией конкретного работодателя.

В свою очередь, гражданско-правовая ответственность связана с возмещением вреда жизни или здоровью человека, и порядок ее применения нормативно регламентирован в ст. 1084–1094 Гражданского кодекса РФ⁹. Особо отметим, что гарантии гражданско-правовой ответственности в этой части являются одними из основных гарантий, поскольку выступают в качестве принципа охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака в соответствии с п. 10 ст. 4 Антитабачного закона, также они закрепляются в качестве самостоятельного права граждан положениями подп. б п. 1 ст. 9 рассматриваемого нормативного правового акта.

Административная ответственность является одним из видов юридической ответственности, устанавливаемой государством путем издания правовых норм, определяющих основания ответственности, меры, которые могут применяться к нарушителям, порядок рассмотрения дел о правонарушениях и исполнении этих мер. Составы административных правонарушений определяются Кодексом РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ¹⁰.

Меры административной ответственности являются основным фактором, определяющим эффективность реализации применения норм законодательства Российской Федерации в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака. Между тем, учитывая отсутствие достаточного механизма поиска, выявления и пресечения административных правонарушений, на сегодняшний момент исполнение Антитабачного закона и прежде всего реализация его первичных целей являются затруднительными, а нормативный аппарат в этой части в определенной мере – декларативным. Представляется, что для дальнейшего совершенствования антитабачного законодательства и реализации государственной политики в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака требуется поиск действенных инструментов, призванных усилить практическую составля-

⁸ См., например: Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (ред. от 21 ноября 2011 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913; Федеральный закон от 17.09.1998 № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (ред. от 7 мая 2013 г.) // СЗ РФ. 1998. № 38. Ст. 4736; Федеральный закон от 30.03.1995 № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» (ред. от 18 июля 2011 г.) // СЗ РФ. 1995. № 14. Ст. 1212.

⁹ Российская газета. 06.02.1996. № 23; 07.02.1996. № 24; 08.02.1996. № 25; 10.02.1996. № 27.

¹⁰ СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

ющую Антитабачного закона. Необходимо заметить, что перечисленные в Антитабачном законе меры по борьбе с курением не являются исчерпывающими. Например, применение ст. 5.27 КоАП РФ за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, по нашему мнению, представляется достаточно проблематичным по ряду причин, одной из которых является отсутствие в Трудовом кодексе РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ¹¹ требований, связанных с обязанностью работодателя по обеспечению безопасных условий труда, в том числе направленных на охрану здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака.

В соответствии со статистическими данными Роспотребнадзора в течение 2014 г. по фактам нарушений требований, установленных нормами Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», должностными лицами Роспотребнадзора было привлечено к административной ответственности 13 675 правонарушителей, из них более 8000 граждан, 2850 должностных лиц (работников организаций – продавцов табачной продукции), более 1700 индивидуальных предпринимателей и 1010 юридических лиц. При этом общая сумма административных штрафов в соответствии с санкциями ст. 6.24, 6.25, 14.3.1 и 14.53 КоАП составила 89,1 млн рублей. По ст. 6.24 КоАП за нарушение действующих запретов курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах, в том числе на детских площадках, Роспотребнадзором привлечено к административной ответственности 6,6 тыс. физических лиц. Общая сумма штрафов, наложенных на граждан, не соблюдавших запрет на курение, составила 4,4 млн рублей. За несоблюдение требований к закону о запрете курения, обозначающему места, где курение запрещено, а также к оснащению специальных мест для курения (ст. 6.25 КоАП) оштрафовано свыше 2,5 тыс. правонарушителей на общую сумму административных штрафов 43 млн рублей. В течение года по фактам стимулирования продажи табачной продукции или потребления табака (ч. 1 ст. 14.3.1 КоАП) к административной ответственности Роспотребнадзор привлек 233 физических и 12 юридических лиц. Сумма административных штрафов при этом составила около 2 млн рублей. Несоблюдение ограничений в сфере торговли табачной продукцией и табачными изделиями (ст. 14.53 КоАП) повлекло административную ответственность для 520 юридических лиц и 1115 индивидуальных предпринимателей. Общее же количество правонарушителей, привлеченных Роспотребнадзором по указанной статье КоАП, составило 4,2 тыс. лиц, из них 995 лиц привлечено к ответственности по фактам продажи табачной продукции несовершеннолетним. Сумма административных штрафов при этом составила более 35 млн рублей¹².

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод об отсутствии практики привлечения к административной ответственности за нарушения Антитабачного закона применительно к Трудовому кодексу РФ.

Представляется целесообразным установить и детализировать административную ответственность работника и работодателя путем внесения в Трудовой кодекс РФ соответствующих изменений, дополнив пункт «Работодатель обязан обеспечить» ст. 212 «Обязанности работодателя по обеспечению безопасных условий и охраны труда» частью, которая могла бы называться «Охрана здоровья работников от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака».

¹¹ Российская газета. 31.12.2001. № 256.

¹² Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека // URL: http://rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=3202&sphrase_id=325318 (дата обращения: 15 апреля 2015 г.)

По нашему мнению, реализация данной меры будет способствовать повышению уровня государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, созданию благоприятных условий труда, защите прав и интересов работников и работодателей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Российская газета. 1993. № 237.
2. Международный пакт «Об экономических, социальных и культурных правах» от 16 декабря 1966 г.
3. Конвенция о правах ребенка // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.
4. Гражданский кодекс РФ. Ч. 2 от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 06.04.2015).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.04.2015).
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2015).
7. Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (ред. от 31.12.2014).
8. Федеральный закон «Об ограничении курения табака» от 10.07.2001 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2008).
9. *Кирилловых А.А.* Новое антитабачное законодательство и меры по ограничению курения табака // Право и экономика. 2013. № 12.
10. *Орлова Е.* Ответственность за нарушение антитабачного Закона для работодателей и работников // Налоговый вестник. 2013. № 12.

Reference list

1. Convention on the Rights of the Child // The compilation of international instruments of the USSR, number XLVI, 1993.
2. Code of the Russian Federation on administrative violations of 30th of December, 2001 № 195-FL (as amended on 06.04.2015).
3. International Covenant on "Economic, Social and Cultural Rights" on 16th of December, 1966.
4. Constitution of the Russian Federation of 12th of December, 1993 // Russian newspaper. 1993. № 237.
5. Civil Code of the Russian Federation Part 2 from 26.01.1996. № 14-FL (as amended on 06.04.2015).
6. Federal Law "On control tobacco smoking" from 10th of July, 2001 № 87-FL (as amended on 22.12.2008).
7. Labour Code of the Russian Federation of 30th of December, 2001. № 197-FL (as amended on 06.04.2015).
8. Federal Law of 23rd of February, 2013 № 15-FL "On health protection of citizens from effects of exposure to environmental tobacco smoke and consequences of tobacco consumption" (as amended on 31.12.2014).
9. *Kirillovykh A.* New anti-smoking legislation and measures to control tobacco smoking // Law and Economics. 2013. № 12.
10. *Orlova E.* Responsibility for violation of anti-smoking law for employers and workers // Tax Bulletin. 2013. № 12.

УДК 338

Шкодинский С.В.,

доктор экономических наук, профессор, начальник отдела Государственного НИИ системного анализа Счетной Палаты РФ

Волков В.В.,

кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель Военного института (железнодорожных войск и военных сообщений)

СООТНОШЕНИЕ НОМИНАЛЬНОЙ И РЕАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

В статье рассматриваются динамика и взаимосвязь номинальной и реальной заработной платы на сельскохозяйственном рынке труда дореволюционной России. Делается вывод о том, что значительный рост номинальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих в отмеченный период не привел, однако, к существенному подъему ее покупательной способности.

Ключевые слова: сельскохозяйственный рынок труда, заработная плата, динамика, рост цен, индекс

Shkodinskiy S.,

Doctor of Economics, Head of Department of the State Research Institute of Systematic Analysis of Accounts Chamber of the Russian Federation

Volkov V.,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer of Military Institute of Railway Troops and Military Communications

THE RATIO OF NOMINAL AND REAL WAGES IN THE AGRICULTURAL LABOUR MARKET OF RUSSIA IN THE LATE OF NINETEENTH – THE EARLY TWENTIETH CENTURY ACCORDING TO THE RESULTS OF STUDIES BY THE RUSSIAN SPECIALISTS

The article is examined the dynamics and interrelation of nominal and real wages in the agricultural labour in pre-revolutionary Russia. It is concluded that a considerable increase of nominal wages of agricultural workers during that period, however, it was not leading to significant rise of its purchasing buying power.

Keywords: agricultural labour market, wages, dynamics, prise increase, index

Изучение динамики и соотношения номинальной и реальной заработной платы на сельскохозяйственном рынке труда дореволюционной России играет важную роль в понимании его состояния и характера. Оно позволяет увидеть степень влияния на него инфляции, достигнутый уровень воспроизводства рабочей силы, косвенно судить о взаимосвязи спроса и предложения на рынке труда.

Поставленная проблема в дореволюционный период в определенной мере рассматривались в работах Липского (инициалы неизвестны) [8], И.Г. Дроздова [4], В.В. (В.П. Воронцова) [2], С.А. Короленко, В.И. Ленина [14, с. 110–134; 7, с. 506–509], Н.Ф. Анненского [1, с. 157–235], Я.Я. Полферова [10]. Однако впервые наиболее квалифицировано ее исследовал С.Г. Струмилин, что не помешало А.С. Казакову в 1930 г. подвергнуть обоснованной критике результаты его работы. Позже вопросы заработной платы сельскохозяйственных рабочих конспективно рассмотрела в своей книге Э.Э. Крузе [6, с. 202–206]. В постсоветское время отношения найма сельскохозяйственных рабочих в Европейской России конца XIX – начала XX в. нашли место в исторических исследованиях Б.Н. Миронова [9, с. 524–527].

В целом на данный момент в отечественной науке накоплен достаточный материал, позволяющий понять закономерности движения заработной платы на рынке сельскохозяйственного труда в России, чему и посвящена представленная статья.

Анализ динамики цен на сельскохозяйственные рабочие руки показывает, что в конце XIX – начале XX в. во всех губерниях, при определенных годовых колебаниях, господствовала тенденция к росту номинальной заработной платы рабочих [11, с. 1–7; 12, с. 404–409; 13, с. 516–524].

Например, в Черниговской губернии с трехлетия 1893–1895 гг. по трехлетие 1908–1910 гг. это повышение плат равнялось в среднем 34%. При этом цены на рожь возросли на 102%. То есть, несмотря на повышение номинальной заработной платы, реальная зарплата из-за роста цен на главную продовольственную культуру крестьян существенно снизилась [17, с. 3].

По сведениям И.Г. Дроздова, полученным на основе изучения изданий Главного управления землеустройства и земледелия, поденная номинальная плата земледельческих рабочих на своих харчах (пешему мужчине) в 47 губерниях Европейской России в среднем за 1901–1910 гг. по сравнению с предшествующим десятилетием возросла на 25,5% (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Рост поденной номинальной заработной платы земледельческим рабочим на своих харчах (пешему мужчине) в Европейской России с 1891 по 1910 г.

Районы	1891-1900 (коп.)	1901-1910 (коп.)	Рост в %
Центрально-земледельческий	49,9	63,2	26
Приволжский	45,4	60,7	33
Новороссийский	69,5	85,1	22
Юго-Западный	42,9	51,4	19
Малороссийский	52,8	68,1	28
Промышленный	63,6	78,7	23
Белорусский	49,9	61,6	23
Приуральский	48,2	62,7	30
Северный	64,8	80,1	23
Приозерный	63,1	74,7	18
Литовский	44,2	61,7	39
Прибалтийский	66,7	82,2	23
По всем районам	55,08	69,18	25,5

Источник: Дроздов И.Г. Заработная плата земледельческих рабочих в России в связи с аграрным движением 1905–1906 гг. СПб., 1914. С. 40–44.

В Новороссийском крае в 1906–1908 гг. плугарь получал 62 коп. за дес., в 1909–1911 гг. – 78 коп., в 1912–1913 гг. – 85 коп.; косарь, соответственно, – 135, 160, 180 коп.; гребец – 40, 50,

55 коп.; рабочий при машине – 100, 125, 150 коп. Примерно в такой же динамике процесс протекал в Донской области, Поволжье, Заволжье и на Северном Кавказе [10, с. 28–29].

Какие же причины привели к росту номинальной заработной платы?

Для районов, принимающих пришлых рабочих, они выражались в следующем.

Во-первых, происходило постепенное сокращение пришлых рабочих. Из 280 ответов по данному пункту анкеты Торгово-промышленной газеты, полученных в Херсонской губернии в 1913 г., на эту причину указали 190 респондентов, в Таврической из 220 – 200 респондентов, в Екатеринославской из 210 – 180, в Донской области из 220 – 160, в Самарской губернии из 70 – 65 респондентов [10, с. 32].

Насколько же сократилось количество пришлых рабочих на Юге? Ответ на этот вопрос мы находим в той же анкете. С 1906 по 1912 г. падение в Херсонской губернии составило 30%, в Таврической – 32%, в Екатеринославской – 38%, в Донской области – 41%, в Самарской губернии – 5%, в Оренбургской – 5%, в Уральской области возросло на 2% [10, с. 38].

Во-вторых, значительно подорожало продовольственное обеспечение пришлых рабочих. Об этом свидетельствуют данные о росте цен на 10 видов продовольственных товаров в Южном районе, приведенные в таблице 2.

Таблица 2.

Динамика роста цен на основные продукты продовольственной потребительской корзины в губерниях Южного района (в рублях за пуд) в 1900, 1903, 1906, 1908, 1910, 1913 гг.

Районы и губернии	Гречиха	Горох	Картофель	Рожь	Мясо гов.	Мясо бар.	Мясо св.	Сало св.	Сало гов.	Масло топл.
Астраханская	0,96*	0,82	0,36	0,47	2,60	2,75	3,15	6,55	4,40	11,20
Бессарабская	0,80	0,85	0,30	0,60	2,60	1,95	3,60	5,35	4,70	10,40
Донская обл.	0,96	0,90	0,30	0,51	2,85	2,75	3,10	6,15	4,25	10,95
Екатериносл.	0,80*	0,75	0,33	0,49	2,70	2,40	2,90	6,65	4,60	10,50
Таврическая	0,80*	1,00	0,39	0,68	2,90	3,10	3,60	7,60	4,75	11,60
Херсонская	0,80	1,10	0,32	0,62	2,55	2,00	3,30	7,00	4,55	10,20
Южный	0,85	0,90	0,33	0,56	2,7	2,49	3,27	6,55	4,54	10,81
Районы и губернии	Гречиха	Горох	Картофель 1901-1905	Рожь	Мясо гов.	Мясо бар.	Мясо св.	Сало св.	Сало гов.	Масло топл.
Астраханская	0,68*	0,92	0,37	0,60	2,40	2,60	2,90	6,60	4,50	11,35
Бессарабская	0,73	0,77	0,19	0,60	4,93	2,86	4,24	6,95	5,12	10,85
Донская обл.	0,68	0,85	0,38	0,56	3,50	3,00	3,60	6,80	4,80	12,40
Екатериносл.	0,64	0,82	0,32	0,50	4,10	3,80	4,30	7,65	5,85	10,10
Таврическая	0,64*	0,86	0,40	0,65	4,20	4,36	4,88	8,29	5,85	12,45
Херсонская	0,62	0,80	0,31	0,59	4,10	3,64	4,45	7,68	5,54	11,10
Южный	0,67	0,84	0,33	0,58	3,87	3,37	4,06	7,33	5,28	11,37
Районы и губернии	Гречиха	Горох	Картофель	Рожь	Мясо гов.	Мясо бар.	Мясо св.	Сало св.	Сало гов.	Масло топл.
Астраханская	0,82*	0,98	0,36	0,74	2,78	3,15	3,45	8,20	5,30	15,80
Бессарабская	0,76	0,75	0,25	0,65	4,00	3,32	5,23	8,52	5,50	12,75
Донская обл.	0,82*	1,12	0,37	0,70	3,05	3,75	3,72	7,10	5,10	12,45
Екатериносл.	0,82*	1,12*	0,28	0,66	3,94	4,70	5,10	8,06	5,73	11,30
Таврическая	0,82*	1,22	0,39	0,73	4,20	4,70	5,10	9,50	6,50	13,05
Херсонская	0,82	1,00	0,24	0,69	4,15	3,86	5,00	9,25	6,35	10,90
Южный	0,81	1,03	0,31	0,69	3,69	3,91	4,6	8,44	5,75	12,71

Районы и губернии	Гречиха	Горох	Картофель	Рожь	Мясо гов.	Мясо бар.	Мясо св.	Сало св.	Сало гов.	Масло топл.
Астраханская	0,74*	1,25	0,47	0,94	3,70	4,30	4,65	9,25	6,40	15,00
Бессарабская	1,07	1,10	0,34	0,82	2,25	4,05	5,00	7,45	5,55	12,00
Донская обл.	1,32	1,28	0,48	0,96	4,40	4,75	4,85	8,35	6,20	14,60
Екатериносл.	0,88	1,03	0,35	0,96	4,85	3,80	5,10	9,65	5,20	12,10
Таврическая	0,95*	1,37	0,40	1,01	4,95	5,35	5,90	10,80	7,75	13,85
Херсонская	0,95	1,09	0,38	1,02	4,50	4,25	5,05	9,00	6,45	12,90
Южный	0,98	1,18	0,40	0,95	4,11	4,41	5,09	9,08	6,26	13,41
Районы и губернии	Гречиха	Горох	Картофель	Рожь	Мясо гов.	Мясо бар.	Мясо св.	Сало св.	Сало гов.	Масло топл.
Астраханская	0,79*	0,95*	0,36	0,84	3,50	3,90	4,40	9,55	5,85	17,00
Бессарабская	0,83	1,07	0,29	0,80	4,60	3,75	5,50	9,30	6,25	13,20
Донская обл.	0,64*	1,07*	0,31	0,78	4,55	4,55	5,15	8,50	6,30	16,60
Екатериносл.	0,64*	1,07*	0,25	0,76	5,40	5,50	5,80	10,00	7,25	13,00
Таврическая	0,64*	1,07*	0,31	0,80	5,70	6,35	6,65	11,45	8,15	15,75
Херсонская	0,64	1,07	0,24	0,80	4,65	4,55	5,60	9,60	6,90	13,10
Южный	0,69	1,05	0,29	0,79	4,73	4,76	5,51	9,73	6,78	14,77
Районы и губернии	Гречиха	Горох	Картофель	Рожь	Мясо гов.	Мясо бар.	Мясо св.	Сало св.	Сало гов.	Масло топл.
Астраханская	0,68*	0,99	0,23	0,92	5,25	5,70	6,20	9,45	7,10	16,40
Бессарабская	0,97	1,07	0,35	0,81	4,80	3,90	5,40	8,30	6,15	12,85
Донская обл.	0,77	1,25	0,25	0,81	5,15	5,30	5,50	9,30	7,35	11,40
Екатериносл.	0,77*	1,33	0,26	0,78	5,20	5,40	5,20	9,00	6,85	13,85
Таврическая	0,77*	1,38	0,39	0,89	5,40	6,20	5,85	10,05	7,25	14,15
Херсонская	0,74	1,22	0,31	0,77	5,30	4,90	5,50	9,35	6,85	13,65
Южный	0,78	1,21	0,29	0,83	5,18	5,23	5,61	9,24	6,92	13,71

Примечание: звездочкой помечены те значения, которые были взяты из данных других близлежащих губерний из-за отсутствия в источнике данных рассматриваемых губерний.

Источник: 1900 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев. Выпуск 1. СПб., 1900. С. 2–8, 22–28; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год первый. СПб., 1907. С. 2, 4, 5, 12–14; Там же. Год четвертый. СПб., 1910. С. 378, 380, 382, 384, 385, 394–399; Там же. Год девятый. Пг., 1916. С. 470–480; 500–509.

В-третьих, постепенный переход к машинному труду привел к тому, что повысился спрос на опытных рабочих, умеющих «ходить около машин», а следовательно, возросла их заработная плата [10, с. 33].

В-четвертых, прирост машинного труда не смог компенсировать расширение посевных площадей в южном и юговосточном районе, и, соответственно, спрос на работников ручного труда увеличился. Так, если в 1901–1905 гг. (в среднем за пятилетие) посевная площадь в девяти губерниях (Астраханской, Бессарабской, Донской, Екатеринославской, Оренбургской, Самарской, Таврической, Уфимской, Херсонской) включала 23 720 670 десятин, то в 1913 г. уже 27 186 364 десятины [13, с. 12–17]. То есть рост составил 3 465 694 десятины или 12,75%.

В-пятых, определенное воздействие оказывала «неурегулированность рабочего рынка, мешающая установить определенную конъюнктуру спроса и предложения» [10, с. 36].

Ранее указывалось, что номинальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих росла не только на Юге, но и в других районах страны. Можно предположить, что основны-

ми причинами этого стали удорожание продовольствия и некоторое сокращение предложения рабочих рук из-за переселений, отхода в города и за границу.

Сюда следует добавить и такой фактор, как прямое влияние аграрного движения 1905–1906 гг. на повышение оплаты труда. Однако его воздействие имело свои особенности: наибольший рост цен на рабочие руки наблюдался в тех районах, в которых при экономическом найме преобладала стачечная форма борьбы рабочих, наименьший – в районах господства кабальной эксплуатации крестьян и погромно-порубочной формы борьбы с помещиками [4, с. 40–44].

В 1905 г. номинальная заработная плата в среднем во всей Европейской России поднялась на 1,2%. Были районы, в которых плата даже понизилась: в Центрально-земледельческом – на 13%, в Северном – на 6%, в Приозерном – на 2%, в Прибалтийском – на 2%. Однако в остальных восьми районах наблюдалось повышение цены рабочих рук, и больше всего – в Юго-Западном районе (10%), т.е. там, где рабочие не выкуривали помещиков, а требовали улучшений условий своего найма [4, с. 40–44].

В 1906 г. во всех районах произошел рост заработной платы, и это притом, что всюду, за исключением Приозерного, Северного и Малороссийского районов, наблюдался пониженный урожай (в Центрально-земледельческом районе собрали меньше на 24%, в Новороссийском – на 27%, в Промышленном – на 35%, в Приволжском – на 66%). Итак, во всей Европейской России поденная плата возросла на 12,5%. На первом месте оказались Юго-западный район (30%), на втором – Литовский район (26%). Ближе к лидерам – Приуральский (23%), Новороссийский (17%), Малороссийский (13%) районы. Меньше всего зарплата росла в Центрально-земледельческом (7%) и в Приволжском (4%) районах. Особое место занял Прибалтийский район. Здесь организованная борьба наемных рабочих за улучшение условий найма была практически нейтрализована действиями карательных экспедиций. Поэтому рост составил только 1% [4, с. 40–44].

В 1907–1908 гг., несмотря на плохой урожай, тенденция к повышению, вызванная революцией, продолжала действовать: в 1907 г. рост составил 14,2%, в 1908 г. – 13,1%. Наибольший результат показал район с развитым экономическим наймом и стачечной борьбой – Литовский (34% и 27%). Одними из худших районов были Малороссийский (9% и 3%) и Центрально-земледельческий (9% и 8%).

В 1909–1910 гг. цены на рабочие руки возросли еще больше (18,4% и 19,6%), однако это уже было связано, скорее всего, с другой причиной – повышенными урожаями этих лет [4, с. 40–44].

Рост номинальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих не приводил, однако, к существенному росту реальной заработной платы. Например, в ответах, полученных Торгово-промышленной газетой, количество сообщений о росте реальной зарплаты пришлых рабочих в южных и юго-восточных губерниях было крайне незначительным (см. таблицу 3).

Таблица 3.

Ответы на вопрос о снижении/повышении реальной заработной платы отхожих рабочих в 1906–1913 гг. в анкете Торгово-промышленной газеты (количество ответов)

Губернии выхода	Прежний реальный заработок	Больше	Меньше
Полтавская	115	12	48
Киевская	85	20	35

Орловская	110	31	64
Черниговская	146	16	52
Рязанская	92	8	14

Источник: Полферов Я.Я. Сельскохозяйственные рабочие руки. (Статистико-экономический очерк). СПб., 1913. С. 35.

Изучение реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих всей Европейской России, проведенное И.Г. Дроздовым на основе цены ржаного хлеба, показало, что в 1901–1910 гг. покупательная способность рабочих выросла по сравнению с 1891–1900 гг. очень незначительно – всего лишь на 3,9%. Ситуация по районам отражена в таблице 4.

Таблица 4.

Рост реальной заработной платы поденных сельскохозяйственных рабочих Европейской России с 1891–1900 гг. по 1901–1910 гг.

Районы	Рост в %
Центрально-земледельческий	2
Приволжский	10
Новороссийский	0,8
Юго-западный	7
Малороссийский	3
Промышленный	1,1
Белорусский	3
Приуральский	8
Северный	0
Приозерный	1
Литовский	19
Прибалтийский	3

Источник: Дроздов И.Г. Заработная плата земледельческих рабочих в России в связи с аграрным движением 1905–1906 гг. СПб., 1914. С. 42–44.

Полученный И.Г. Дроздовым результат не характеризует покупательную способность заработной платы сельскохозяйственных рабочих в полном объеме, так как, во-первых, она была определена не по бюджетам рабочих, а лишь по цене ржаного хлеба, во-вторых, он касался только поденных рабочих и тем самым не учитывал влияние заблаговременного найма, понижавшего уровень зарплаты, и, в-третьих, И.Г. Дроздов не брал во внимание различные формы понижения реальной заработной платы, практиковавшиеся русскими нанимателями. К ним можно отнести: несправедливое штрафование, неправильный расчет зарплаты рабочих, неудовлетворительные харчи, плохую подготовку жилых помещений или вообще отсутствие таковых [18, с. 134–153], несправедливое кредитование в лавках [3, с. 11], использование вместо общепринятой казенной десятины (2400 кв. саж.) так называемой «хозяйственной» десятины (шестидесятной – в 3 600 кв. саж., сороковой – в 3200 кв. саж.) [3, с. 173; 14, с. 203], вычет из платы сроковых рабочих за дни, проведенные ими в лечебнице, причем не по средней стоимости дня, а по поденной цене того времени, в продолжение которого рабочий находился в больнице [16, с. 96].

С.Г. Струмилин, проанализировав данные Департамента земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ о поденной плате сельхозрабочим на своих харчах, пришел к выводу о том, что с 1882 г. по 1899 г. «заработок батрака даже в номинальном его выражении оставался почти стационарным. И лишь начиная с 1900 г. он весь-

ма медленно повышается» [15, с. 399]. Всего за 31 год, т.е. с 1882 г. по 1913 г., он вырос на 68% для работника и 69% для работницы. Реальная же зарплата поденщиков с 1885 по 1905 гг. возросла всего на 12%, а за весь период с 1885 по 1915 гг. – на 18% [15, с. 401]. При этом С.Г. Струмилин зафиксировал важную закономерность – зарплата росла вслед за урожайностью, но гораздо медленнее нее.

Анализ земских данных, приведенных в «Комиссии Центра», позволил С.Г. Струмилину построить индексы годовой и сроковой оплаты труда. В результате он установил, что номинальная плата годовым работникам с 1885 по 1900 гг. выросла на 14,1%, реальная – на 7%, плата полетников – примерно на том же уровне.

Небезынтересны выводы С.Г. Струмилина и по многим сопутствующим вопросам:

- в годовом заработке харчи составляли гораздо больший процент, чем в поденном;
- зарплата батрацкого труда в помещичьих хозяйствах была несколько выше, чем в крестьянских;
- риск сезонной безработицы заставлял каждого батрака при годовом и сезонном найме соглашаться на значительно более низкую зарплату, чем при поденном.

С критикой источниковой базы исследований С.Г. Струмилина, И.Г. Дроздова и других авторов выступил А.С. Казаков и солидаризовавшийся с ним Президиум ЦК Союза сельхозлесрабочих СССР [5]. А.С. Казаков справедливо отметил, что данные Департамента земледелия, С.А. Короленко, земской статистики и Центрального статистического комитета (ЦСК) МВД, которыми пользовались критикуемые авторы, собирались через сельских хозяев и, прежде всего, помещиков, часто завышавших сведения о зарплате. Например, А.А. Ярошко, на которого ссылается А.С. Казаков, пересматривая сотни списков годовых рабочих, не нашел подтверждения официальным цифрам [19, с. 128]. Данные массового обследования 1910 и 1915 гг. также не могут считаться точными, так как собирались ЦСК через представителей полиции и помещиков. Учитывая это, а также влияние имевших место в имениях штрафов и обсчетов, А.С. Казаков предложил внести десятипроцентную поправку в сторону уменьшения собранных сведений оплаты сроковых рабочих. Кроме того, историк отметил, что во всех дореволюционных обследованиях фиксировалась не средняя взвешенная величина заработной платы в какой-либо местности, а средняя арифметическая, что искажало реальную картину с уровнем оплаты труда, чаще всего в сторону повышения [5, с. 148–150].

А.С. Казаков высказал еще одно существенное возражение – против использования С.Г. Струмилиным и И.Г. Дроздовым обще-товарного индекса статистики труда при исчислении реальной заработной платы, так как покупательная способность рубля в быту рабочего отличалась от покупательной способности рабочего в деревне [5, с. 155].

Справедливые замечания А.С. Казакова не были, однако, приняты во внимание отечественной наукой, иначе пришлось бы признать, что роста реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих в рассматриваемый период вообще не было.

Таким образом, по мнению отечественных исследователей, значительный рост номинальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих в отмеченный период не приводил, однако, к существенному подъему ее покупательной способности из-за общего роста цен на продовольствие и использования нанимателями различных способов уменьшения расходов на оплату труда. К этим объективным причинам следует добавить и две причины субъективного характера: завышенные официальные данные о зарплате и особенности получения средних данных дореволюционными исследователями.

Факт использования нанимателями различных способов уменьшения расходов на оплату труда позволяет сделать и теоретический вывод о том, что покупательная способ-

ность сельскохозяйственных рабочих не сводится только к так называемой реальной заработной плате, учитывающей только индекс роста цен, а может зависеть и от других факторов.

Список литературы

1. *Анненский А.Ф.* Стоимость производства хлеба в частновладельческих хозяйствах // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / Под редакцией проф. А.И. Чупрова и А.С. Посникова. – СПб., 1897. Т.1. С. 157–235.
2. *Варб Е.* Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и в законодательстве: общественно-юридические очерки. М., 1899. С. 11.
3. *Воронцов В.П.* Зимняя наемка // Наблюдатель. 1885. № 2.
4. *Дроздов И.Г.* Заработная плата земледельческих рабочих в России в связи с аграрным движением 1905–1906 гг. СПб., 1914. С. 40–44.
5. *Казаков А.С.* Экономическое положение сельскохозяйственного пролетариата до и после Октября. Опыт сравнительной характеристики. М., Л., 1930. С. 148–150.
6. *Крузе Э.Э.* Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 202–206.
7. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. М., 1952. С. 506–509.
8. *Липский.* Цены на рабочие руки при заблаговременном найме. СПб., 1902.
9. *Мионов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 524–527.
10. *Полферов Я.Я.* Сельскохозяйственные рабочие руки: статистико-экономический очерк. СПб., 1913.
11. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год первый. СПб., 1907. С. 1–7.
12. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год четвертый. СПб., 1910. С. 404–409.
13. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Пг., 1916. С. 516–524.
14. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Выпуск V. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих, передвижение рабочих в связи с статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. СПб., 1892. С. 110–134.
15. *Струмилин С.Г.* Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 399.
16. *Тезяков Н.И.* Сельскохозяйственные рабочие и организация санитарного надзора в Херсонской губернии. Херсон, 1895. С. 96.
17. Цены на рабочие руки в сельском хозяйстве Черниговской губернии. Чернигов, 1912. С. 3.
18. *Шкодинский С.В.* Проблема выбора интегральных показателей уровня социально-экономического развития // Бухгалтерский учет, финансы и статистика: теория и практика: сборник материалов международного научного симпозиума / Под редакцией В.Я. Цветкова. Киров, 2014. С. 97–108.
19. *Ярошко А.А.* Рабочий вопрос на Юге. Его прошедшее, настоящее и будущее. М., 1894. – С. 128.

Reference list

1. Agricultural and statistical information on the materials received from the owners. SBR., 1892. Number V. The hired labour in farms the owners, movement of workers in connection with the statistical-economic overview of the European Russia in the agricultural and industrial relations. P. 110–134.
2. *Annensky A.F.* The cost of grain production in privately owned farms // The influence of harvests and grain prices on certain aspects of the Russian national economy / Under the editorship of Professor A. Chuprov and A. Posnikov. SBR., 1897. Vol. 1. P. 157–235.
3. *Cruze E.* The lot of labouring class of Russia in 1900–1914. L., 1976. P. 202–206.
4. *Drozdov I.* Wages of agricultural workers in Russia in connection with the agrarian movement of 1905–1906. SBR., 1914. P. 40–44.
5. *Kazakov A.* The economic situation of the agricultural proletariat, before and after the October Revolution. Experience of comparative characteristic. M., L., 1930. P. 148–150.
6. *Lenin V.* The development of capitalism in Russia. The formation of the internal market for the major industry. M., 1952. P. 506–509.
7. *LipSKIY.* Prices for operatives at advanced hiring. SBR., 1902.
8. *Mironov B.* The human wellbeing and revolutions in Imperial Russia: eighteenth – the early twentieth century. M., 2010. P. 524–527.
9. *Polferov Ya.* Agricultural workers. (Statistical and economic essay). SBR., 1913.
10. Prices for operatives in agricultural industry of Chernigov province. Chernigov, 1912. P. 3.
11. *Shkodinskiy S.* The problem of choice of integrated indicators of socio-economic development // Accounting, Finance and statistics: Theory and practice. Collected materials of the international scientific symposium / Under the editorship of V. Tsvetkov. Kirov, 2014. P. 97–108.
12. *Strumilin S.* Issues of labour economics. M., 1957. P. 399.
13. *Tezyakov N.* Agricultural workers and organization of medical inspection in Kherson province. Kherson, 1895. P. 96.
14. The collection of statistical and economic information on agriculture of Russia and foreign countries. Year the First. SBR., 1907. P. 1–7.
15. The collection of statistical and economic information on agriculture of Russia and foreign countries. Year the Fourth. SBR., 1910. P. 404–409.
16. The collection of statistical and economic information on agriculture of Russia and foreign countries. Year the Ninth. Pg., 1916. P. 516–524.
17. *Vorontsov V.* The winter employment // Observer. 1885. № 2.
18. *Warb E.* The hired agricultural workers in the life and legislation. Social and legal essays. M., 1899. P.11.
19. *Yaroshko A.* The labour question in the South and its past, present and future. M., 1894. P. 128.

УДК 334

Каменских Н.А.,

кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики, управления и бизнеса
Московского государственного областного гуманитарного института

ПОТЕНЦИАЛ СИНЕРГИИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СРЕДЫ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье представлен региональный сетевой механизм стратегического партнерства, базирующийся на принципах синергетического менеджмента, предлагаемый в качестве основы формирования инновационной среды.

В рамках организационно-инфраструктурного элемента механизма предусмотрено создание координирующего органа, который будет осуществлять совершенствование региональной кадровой политики, ее нормативной базы, направленной на интеграцию отраслевых министерств, организаций профессионального образования и обучения, рынка труда в соответствии со стратегическими приоритетами социально-экономического развития региона на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: регион, инновационная экономика, кадровая политика, стратегическое партнерство, государственно-частное партнерство, образовательные организации, кластер, синергетический эффект

Kamenskikh N.,

PhD in Economics, Head of Chair of Economics, Management and Business of the Moscow State Regional
Institute for Humanities

SYNERGY POTENTIAL IN THE INNOVATION ENVIRONMENT FORMATION AT THE REGIONAL LEVEL

The article is presented the regional networking mechanism of strategic partnership, based on the principles of synergetic management, suggested as the foundation for the innovation environment formation.

The coordination body establishment, which would implemented the improving of regional recruitment policy with its normative base, directing to integration of branch ministries and institutions of professional education and training as well as the labor market with the corresponding strategic priorities of socio-economic development of the region in the medium-term and long-term perspective provides for within the frameworks of organizational-infrastructural element of the mechanism.

Keywords: region, innovation economy, recruitment policy, strategic partnership, public private partnership, educational institutions, cluster, synergistic effect

Активное внедрение инновационных инструментов и механизмов на уровень регионального управления вызвано условиями современного этапа социально-экономического развития. Происходит трансформация институциональных, организационных и экономических структур общества. Во-первых, определены векторы инновационного развития страны и повышены требования к территориальному управлению, внедряются принципы стратегического партнерства в государственное управление. Во-вторых, формируется инно-

вационная экономика, для которой характерно возрастание роли человеческого капитала и коллективного интеллекта в развитии социально-экономических систем и обеспечении их конкурентоспособности; распространение и применение информационно-коммуникационных технологий, которые являются опорой принятия эффективных управленческих решений и модернизируют межсубъектные отношения.

Вместе с тем результативность и темп обозначенных процессов имеют низкие показатели, что обусловлено недостаточно эффективным гражданским обществом и государственным управлением, формальной заинтересованностью в модернизации. Перспектива решения проблем видится в разработке и применении инновационных инструментов управления на основе интеграции в сферу синергетического менеджмента.

Как отмечает Потапов Г.П. в своем исследовании, синергетический менеджмент в инновационном развитии социально-экономических систем ориентирован на лидерство, на постоянное развитие в темпе, превосходящем средние показатели социально-экономических систем в соответствии с их трендами, новыми технологиями, с экологическими и другими индикаторами. Это отвечающая конкретным условиям система и технология управления, постоянно изменяющаяся и находящаяся в активизированном состоянии, способная не только адаптироваться к окружающей среде, но и изменять ее [6]. Следует отметить, что для каждого субъекта конфигурацией синергии управления будет иметь свои особенности.

Архитектуру синергетического менеджмента можно представить следующим образом [4].

1. Философия синергетического развития (миссия, ориентированная на создание инновационных продуктов; система целей, ориентированная на реализацию «прорывной» миссии).

2. Потенциал синергетизма (инновационный потенциал), достаточный для прорывного развития (установки на использование внутренних ресурсов активности социально-экономической системы, внутренних ключевых компетенций, осуществление действий не по шаблону, умение использовать такие разнородные факторы, как:

- менталитет, управленческая инициатива, активизация креативности как элемента человеческого капитала, кластерные интересы, пионерские технологии, разнообразные финансовые, социальные, технологические, политические, моральные, психологические, этнические и другие факторы;
- механизмы развития и совершенствования положительной обратной связи с учетом энтропийного фактора развития систем).

3. Механизмы формирования синергетических эффекторов и моделей (диагностический инструментарий готовности к синергетическому развитию; бенчмаркинг; синергетический маркетинг; стратегическое и текущее планирование; программно-целевой подход; комплекс средств управления синергетическими проектами; реинжиниринг бизнес-проектов; внедрение принципов системы менеджмента качества, технологии WEB 3.0).

4. Управление, ориентированное не на традиционные кибернетические действия, а на неординарные действия в соответствии с принципами синергетизма.

Подчеркнем, что экономический базис синергизма определен Ансоффом И. как возможность того, что результат совместных усилий нескольких бизнес-единиц превысит итоговый показатель их самостоятельной деятельности [1].

В контексте вышесказанного акцентируем внимание на подсистеме синергетического менеджмента, связанной с развитием человеческого капитала с проекцией на региональный уровень.

Инновационный характер осуществляемых в образовании перемен и масштабность задач, стоящих перед системой социально-экономического развития страны, требуют новых подходов к организации региональной образовательной и кадровой политики, объединяющей все уровни системы образования и направления ее модернизации, аккумулирующей для достижения поставленных целей широкий комплекс ресурсов ведущих инновационно-территориальных кластеров.

Одной из стратегических целей является консолидация возможностей бизнеса, государства и образовательных организаций в развитии системы подготовки кадров и формирования прикладных квалификаций.

Достижение обозначенного круга целеполаганий подразумевает осуществление следующих мероприятий:

- развитие механизмов государственно-частного партнерства образовательных организаций, ведущих предприятий реального сектора экономики и организаций социальной сферы;
- формирование и развитие механизмов, форм участия предприятий реального сектора экономики и организаций социальной сферы в управлении системой подготовки кадров и формирования прикладных квалификаций и образовательными организациями;
- повышение эффективности использования имеющихся ресурсов для подготовки кадров и формирования прикладных квалификаций;
- разработка системы мониторинга образования и оценки стратегического партнерства, развитие систем образовательной статистики и электронных коммуникаций;
- наращивание компетенций и качества кадрового потенциала управленческого аппарата системы подготовки кадров.

Однако реализация данных мероприятий существенно осложняется рядом проблем, свойственных всему российскому образованию:

- дисбалансом между потребностями рынка труда и возможностями образования (среди работодателей ощущается неготовность к интеграции во взаимовыгодный механизм стратегического партнерства);
- дефицитом высококвалифицированных кадров. Наиболее остро данная проблема стоит со специалистами, имеющими образование в сфере инженерно-технических и физико-математических наук;
- отсутствием механизмов стимулирования инициатив работодателей к участию и по совершенствованию образовательного процесса;
- разрушением традиционных связей образовательных организаций с производством, моральное и физическое старение их учебно-лабораторной и материально-технической базы, затруднен подбор баз для производственной практики;
- низкой ролью в профессиональной ориентации общеобразовательной школы, которая односторонне ориентирована на подготовку выпускников к поступлению только в высшие учебные заведения;
- отсутствием пополнения кадровой базы организаций профессионального образования руководителями и преподавателями, имеющими опыт профессиональной деятельности в современном производстве;
- отсутствием системного подхода к развитию науки и инноваций [2], приводящего к устойчивым негативным тенденциям развития всех компонентов научно-технического потенциала, в том числе кадрового.

Решение данных проблем видится в необходимости создания координирующего органа, который будет осуществлять совершенствование региональной кадровой политики,

ее нормативной базы, направленной на интеграцию отраслевых министерств, организаций профессионального образования и обучения, рынка труда в соответствии со стратегическими приоритетами социально-экономического развития региона на среднесрочную и долгосрочную перспективу, а также разработки эффективного механизма стимулирования участия работодателей в подготовке кадров на региональном уровне.

На основе мониторинга региональных программ модернизации образования автором изучены и выявлены лучшие практики реализации мероприятий региональных комплексных программ развития профессионального образования, связанные с использованием эффективных механизмов стимулирования участия работодателей в подготовке кадров. Обобщен опыт использования механизмов привлечения работодателей к стратегическому диалогу в сфере образования и обучения в рамках «Европейской модели государственного участия в системе профессионального образования и обучения» [5].

Для достижения обозначенной цели необходимо решение комплекса основных задач.

1. Обеспечение соответствия квалификаций выпускников требованиям инновационно-территориальных кластеров.
2. Консолидация ресурсов бизнеса, государства и образовательных организаций.
3. Создание и обеспечение широких возможностей для различных категорий населения в приобретении необходимых прикладных квалификаций на протяжении всей трудовой деятельности.
4. Создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации обучающихся.

Применение бенчмаркинг-методов позволило провести системный анализ полученных результатов и выработать рекомендации по разработке сетевого механизма стратегического партнерства, базирующегося на принципах синергетического менеджмента (рис. 1).

Рис. 1. Проект модели сетевого механизма стратегического партнерства, базирующегося на принципах синергетического менеджмента

МС – местное сообщество

БС – бизнес-сообщество

ОО – образовательные организации

В таблице 1 представлена декомпозиция регионального механизма стратегического партнерства.

Таблица 1

Декомпозиция механизма стратегического партнерства

Механизм стратегического партнерства
Создание регионального агентства стратегического партнерства
2.1 Разработка и реализация образовательной программы повышения квалификации и методических материалов по формированию комплексной региональной системы коммерциализации научных разработок и трансфера технологий.
2.2 Организация на базе вузов специальных корпоративных образовательных программ для руководителей предприятий инновационных-территориальных кластеров, сочетающих управленческие и инженерно-технологические тематики.
2.3 Организация совместных контрактных исследований, осуществляемых по заказу и при активном участии предприятий инновационных-территориальных кластеров.
2.4 Качественное усиление кадрового потенциала профессионального образования путем принятия на работу высококвалифицированных специалистов производства с зачислением времени их работы в рамках реализации дуального образования в стаж.
2.5 Целевая подготовка на основе трехсторонних (вуз – студент – предприятие) и двухсторонних (вуз – предприятие) ученических договоров.
2.6 Создание на базе вузов технопарков, промышленных парков и бизнес-инкубаторов, а также распространение опыта особых экономических зон.
2.7 Изучение и распространение лучшего опыта сотрудничества и взаимодействия с ведущими работодателями (создание подразделений на предприятиях, открытие совместных учебных полигонов и площадок практики). Создание и развитие «опорных» профессиональных образовательных организаций. Создание электронной площадки для аккумулирования контента и реализации стратегического партнерства. Создание профессиональными образовательными организациями и образовательными организациями высшего образования кафедр (базовых кафедр) и иных структурных подразделений, обеспечивающих практическую подготовку обучающихся, на базе иных организаций, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы.
2.8 Проект. Программа развития системы подготовки кадров: консолидация ресурсов бизнеса, государства и образовательных организаций в регионе.
2.9 Разнообразные формы и механизмы государственно-частного партнерства. Заключение образовательными организациями концессионных соглашений для размещения оборудования предприятиями на отдельных площадях образовательных организаций.
2.10 Сетевые формы реализации образования.

Итак, стратегическое партнерство в современной ситуации приобретает особую актуальность, становится ведущим инновационным инструментом синергетического развития,

отвечает всем задачам этого развития. Совместные усилия власти, бизнеса, науки и местного сообщества в рамках стратегического партнерства, направленные на взаимовыгодное сотрудничество, позволяют получить значительный экономический и социальный эффект. Разработка (совершенствование) в регионах системы подготовки кадров и формирования прикладных квалификаций будет являться основополагающим элементом синергии для формирования инновационной среды.

Список литературы

1. *Ансофф И.* Новая корпоративная стратегия. СПб.: Питер Ком, 1999. – 416 с.
2. *Вячеславов А.М.* Алгоритм формирования системы управления научно-инновационной сферой региона // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2015. № 1. С. 21–30.
3. *Корчагин Ю.А.* Русская ментальность, Бифуркации, экономика и репликаторы (Электронный ресурс) // URL: <http://www.lerc.ru/?part=bulletin&art=15&page=21> (дата обращения: 05.04.2015).
4. *Кузнецов Б.Л.* Синергетический менеджмент в машиностроении: учебное пособие. Набережные Челны: издательство Камского государственного политехнического института, 2003. – 400 с.
5. *Олейникова О.Н.* Отчет о выполнении работ по проекту «Совершенствование управления учебными заведениями профессионального образования в контексте интеграционных процессов». РОО Центр изучения проблем профессионального образования (Электронный ресурс) // URL: cvets.ru/Project/Report-perfection.pdf (дата обращения: 11.04.2015).
6. *Потапов Г.П.* Информационно-синергетические аспекты развития социально-энергетических систем: монография. Нижнекамск: Изд-во НФ КГТУ им. А.Н. Туполева, 2009. – 122 с.
7. *Хакен Г.* Синергетика: самоорганизующееся общество (Электронный ресурс) // URL: <http://www.bioinformatix.ru/interesnoe/sinergetika-samoorganizuyuscheesya-obschestvo.html> (дата обращения: 10.04.2015).

Reference list

1. *Ansoff Igor.* The New Corporate Strategy. SBR.: Piter Kom, 1999. P. 416.
2. *Haken Hermann.* Synergetics: Self-Organizing Society. [Electronic resource] // URL: <http://www.bioinformatix.ru/interesnoe/sinergetika-samoorganizuyuscheesya-obschestvo.html> (Date of access: 10.04.2015).
3. *Korchagin Yu.* The Russian mentality, Bifurcation, economy and replicators [Electronic resource] // URL: <http://www.lerc.ru/?part=bulletin&art=15&page=21> (Date of access: 05.04.2015).
4. *Kuznetsov B.* Synergetic management in mechanical engineering: Textbook. Naberezhnye Chelny: Publishing by Kama State Polytechnical Institute, 2003. P. 400.
5. *Oleinikova O.* Report on the implementation of the project “Improving the management of educational institutions of professional education in the context of integration processes”. National Observatory of Vocational Education and Training [Electronic resource] // URL: <http://cvets.ru/Project/Report-perfection.pdf> (Date of access: 11.04.2015).
6. *Potapov G.* Information-synergetic aspects of socio-energy systems’ development: Monograph. Nizhnekamsk: Publishing by Kazan National Research Technical University named after A.Tupolev (Nizhnekamsk branch), 2009. P. 122.
7. *Vyacheslavov A.* The algorithm of system of management of scientific-innovation sphere of the region // Management and business-administration. 2015. № 1. P. 21–30.

УДК 336

Матросов С.В.,

кандидат экономических наук, докторант Финансового университета при Правительстве РФ

ИНФОРМАЦИОННАЯ АСИММЕТРИЯ КАК ФАКТОР РИСКА ДЛЯ ИНСТИТУТА СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ АКТИВОВ НА МИРОВОМ ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

В статье показано, как информационная асимметрия нивелирует преимущества, которые несет секьюритизация для эмитентов и инвесторов в условиях эффективного рынка и открытости информации. На основе работ ведущих специалистов в области теории и практики секьюритизации автор приводит примеры отрицательного воздействия информационной асимметрии на финансовый результат секьюритизации, выделяет различные виды информационной асимметрии, делая вывод о том, что она ограничивает конкуренцию и приводит к неэффективному функционированию мирового финансового рынка.

Ключевые слова: мировой финансовый рынок, кредитные деривативы, обеспеченные долговые обязательства, информационная асимметрия, секьюритизация, оригинатор, эмитент, рейтинг, инвестор, моральный риск

Matrosov S.,

PhD in Economics, Doctoral student of the Financial University under the Government of the Russian Federation

INFORMATION ASYMMETRY AS A RISK FACTOR FOR THE INSTITUTION OF ASSETS SECURITIZATION IN THE GLOBAL FINANCIAL MARKET

The article demonstrates how information asymmetry sets off the advantages which the securitization represents for issuers and investors under the conditions of an efficient market and openness of information. Based on the works of leading experts in the field of the theory and practice of securitization, the author provides examples of the negative impact of information asymmetry on the financial result of securitization, he emphasizes to different types of information asymmetry, concluding that it restrains competition and leads to inefficient functioning of the global financial market.

Keywords: global financial market, credit derivatives, secured debentures, information asymmetry, securitization, originator, issuer, rating, investor, moral hazard

Ввиду правовой и имущественной комплексности секьюритизации, а также неопределенности относительно того, будут ли задерживаться денежные потоки по секьюритизированным требованиям или их вообще не будет, в отношениях между оригинатором, эмитентом и инвестором возникает информационная асимметрия¹.

¹ Bund Stefan. Strukturiertes Rating: Rating-Agenturen gleichen Informationsasymmetrie bei ABS-Transaktionen aus //

Информационная асимметрия и общая неопределенность относительно будущего экономического развития являются формами неопределенности, которые определяют стоимостное развитие ценной бумаги и лежащего в ее основе базового актива².

На рынке кредитных деривативов, впрочем, как и на любом другом рынке, присутствуют продукты разного качества. Продавцы и покупатели упорядочивают свои предпочтения относительно продуктов разного качества одинаковым образом, но только продавцам известно качество каждой единицы своего продукта, выставляемого на продажу, а покупателям в лучшем случае известно распределение качества ранее проданных благ. Если покупатели не могут каким-либо способом отличить хорошие продукты от плохих, то наряду с доброкачественными товарами им будут всегда попадаться и недоброкачественные. Такой рынок является иллюстрацией к проблеме, получившей в международном научном обороте название *adverse selection*, т.е. худшего отбора или негативного отбора. Экономисты давно поняли, что эта проблема может оказывать нежелательное влияние на эффективность функционирования рынков. Начало современному теоретическому анализу *adverse selection* положила статья Джорджа Акерлофа «Рынок лимонов» (Akerlof, 1970)³. «Лимонами» в США принято называть подержанные автомобили, и модель рынка подержанных автомобилей стала предметом этой статьи, которая появилась в 1970 г. в «*The quarterly journal of economics*»⁴. За проведенный анализ рынков с асимметричной информацией Дж. Акерлоф совместно с М. Спенсом и Дж. Стиглицем были отмечены Нобелевской премией в области экономики за 2001 г.

В нашем случае *adverse selection* может объясняться, например, стимулами для originатора предпринять секьюритизацию имущественных стоимостей более низкого качества с точки зрения их доходности. Инвестор же при этом не предполагает, что ограничение эффекта диверсификации рисков за счет секьюритизации предпринимается originатором, например, только за счет «плохих» долговых требований. Если originатор выступает одновременно в роли сервисера, то возникает опасность так называемого морального риска или моральной угрозы (англ.: *moral hazard*). Моральный риск предполагает также субъективный риск, который отражает проблему некоего изменения поведения в случае страхования риска. Первоначально термин появился в страховом деле. Так, под *moral hazard* страховщики понимали ситуацию, когда индивид, покупая страховку, начинал чаще неоправданно рисковать, что приводило к возрастанию расходов у страховой компании. У страховой компании росли расходы, что, в свою очередь, приводило к увеличению размера страхового взноса для всех, а не только для виновника увеличения расходов, а также к увеличению социальных издержек. Подобная ситуация позволила сделать вывод, что рынок страхования в условиях асимметрии информации является неэффективным.

Теперь термин *moral hazard* широко распространен в экономической литературе. Вернемся к ситуации, когда originатор совмещает функции сервисера. Моральный риск может проявиться в том, что он недостаточно скрупулезно оценивает обязательства, подлежащие секьюритизации. Ведь originатор держит некую часть, а порой и все транши «первой потери» (*First Loss Tranche*), сигнализируя рынку тем самым о надежности всего пула обязательств и подтверждая, что с его стороны плохие кредиты не были отобраны. Более того, он будет

Bankinformation und Genossenschaftsforum. 2002. № 4. P. 24–25.

² Herz Bernhard. Finanzdienstleister und Finanzmärkte im Umbruch: Zusammenfassung und Ausblick // Finanzdienstleistungen und Finanzmärkte in Umbruch, Schriften des Vereins für Socialpolitik. 2001. Bd. 280, hrsg. von Peter Oberender, Berlin. P. 111–119.

³ URL: http://nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/2001/ (20.02.2015).

⁴ Akerlof G.A.: The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanisms // Quarterly Journal of Economics. 1970. Vol. 84 (3). P. 488–500.

и в дальнейшем внимательно мониторить отобранные кредиты. Все участники рынка при этом остаются убежденными в том, что оригинатор будет это делать для сохранения своей хорошей репутации.

Дополнительные возможности для оригинатора послать убеждающий сигнал оппортунистическому поведению участников рынка состоит в том, чтобы предпринять попытку присвоения рейтинга пулу секьюритизированных обязательств.

Возможность *moral hazard* со стороны компании-сервисера, которая, как правило, ответственна за подготовку итогового сообщения по результатам эмиссии в части операционных издержек, состоит в представлении инвесторам уже скорректированного отчета и тем самым таит в себе дополнительный риск для инвесторов. Без этих сведений, за счет которых возникает так называемая «*ex post*» информационная асимметрия, невозможно проследить развитие всей транзакции.

В середине нулевых годов, когда синтетическая секьюритизация активно развивалась, вопрос получения достоверной и полной информации для инвесторов в ее симметричном виде можно было просто не ставить. Вот как описывают ситуацию на тот момент упоминавшиеся нами выше профессор экономики из Нью-Йорка Н. Рубини и его коллега, историк экономики С. Мим: «Вы только задумайтесь над тем, что представляет собой «CDO в квадрате». Для его изготовления вначале берется тысяча разных индивидуальных ссуд, среди которых могут быть ипотечные кредиты, ссуды под залог имеющейся недвижимости, автокредиты, дебиторская задолженность по кредитным картам, ссуды для малого бизнеса, студенческие или корпоративные ссуды. Затем они объединяются в одну упаковку вместе с обеспеченными активами ценными бумагами, в результате чего появляется продукт под названием ABS. Этот ABS соединяется с 99 другими такими же продуктами, и получается CDO. Далее полученный CDO соединяется с еще 99 различными CDO, каждый из которых создан на основе собственного уникального набора ABS и базовых активов. Таким образом, для оценки полученного в результате всех этих преобразований «CDO в квадрате» его покупатель должен иметь информацию на руках о, возможно, миллионе различных первоначальных ссуд. Осуществимо ли это на практике? Конечно, нет»⁵.

Помимо асимметричного знания о качестве продуктов синтетической секьюритизации со стороны оригинатора и инвесторов, широкое распространение *moral hazard* диктовалось системой асимметричных стимулов, в которой следовало различать интересы акционеров и менеджеров банков, создающих механизмы этой секьюритизации.

Конкретные разновидности информационной асимметрии на рынке ценных бумаг и пути ее использования в интересах оригинаторов были систематизированы канадскими профессорами из университета Торонто Э. Иакобуччи (Edward Iacobucci) и Р. Винтером (Ralf A. Winter) из Школы бизнеса Ванкувера⁶.

Первая информационная асимметрия, выделяемая этими исследователями, возникает между инсайдерами и внешними инвесторами относительно активов фирмы в целом. Отмечается, что риски, связанные с обычными секьюритизированными активами, – дебиторской задолженностью – инвесторам оценить легче, нежели риски, связанные с совокупностью всех материальных и нематериальных активов фирмы. Дело в том, что дебиторская задолженность, как правило, в наименьшей степени отражает специфику фирмы. Она представляет собой совокупность прав требования к третьим лицам и с момента возникновения прак-

⁵ Рубини Н., Мим С. Нуриэль Рубини: как я предсказал кризис: экстренный курс подготовки к будущим потрясениям. М.: ЭКСМО, 2011. С. 222–223.

⁶ URL: <http://homes.chass.utoronto.ca/~rwinter/papers/assetsecur.pdf> (дата обращения: 20.02.2015).

тически не подвергается какому-либо внешнему воздействию. Инвесторам одинаково легко оценить дебиторскую задолженность как известных фирм, так и фирм-«лимонов»⁷.

При секьюритизации инсайдеры сохраняют в своей собственности активы, относительно которых только они располагают полной информацией. Внешние инвесторы воспринимают желание инсайдеров сохранить такие активы в собственности, несмотря на относительно высокие транзакционные расходы при секьюритизации как признак высокого качества данных активов. В этой связи инвесторы склонны приобретать акции оригинаторов за более высокую цену, чем цена акций аналогичных фирм, не проводивших секьюритизацию.

Необходимо отметить, что ценные бумаги специальных проектных компаний (SPV) считаются мало рискованными часто только после присвоения им инвестиционного рейтинга соответствующими агентствами. Данный этап секьюритизации имеет в теории «лимонного» рынка большое практическое значение, так как присвоение рейтинга способно окончательно нивелировать информационную асимметрию и избежать уплаты премии «лимонного» рынка.

Вторая информационная асимметрия распространяется на секьюритизированные активы и возникает не просто между менеджерами или инсайдерами и внешними инвесторами, как в предыдущем случае, а между различными классами внешних инвесторов. На самом деле для всех инвесторов характерна известная специализация. По этой причине секьюритизация активов в ряде случаев подразумевает частное размещение ценных бумаг SPV инвесторам, которые настолько хорошо информированы об их качестве, что не обращаются к услугам рейтинговых агентств.

И наконец, Э. Иакобуччи и Р. Винтер выделяют третью информационную асимметрию, существующую между инсайдерами и внешними инвесторами относительно секьюритизируемых активов. Логично предположить, что инсайдеры все-таки обладают более полной информацией о дебиторской задолженности, чем какие-либо внешние инвесторы и даже рейтинговые агентства. Рейтинговые агентства, которые, как правило, оценивают дебиторскую задолженность в ходе секьюритизации, не способны дать абсолютно точную оценку, так как она проводится стандартным образом и без учета определенной информации, имеющейся только у инсайдеров. К тому же в общем объеме дебиторской задолженности (а пулы требований обыкновенно значительны по размеру) тонут недостатки отдельных требований.

В то же время именно на оценку рейтинговых агентств ориентируются обычные инвесторы. Оригинаторы активов относительно высокого качества склонны в этой связи секьюритизировать их как можно в большем объеме, будучи уверенными, что конечным продуктом станут высокорейтинговые ценные бумаги. Обычные рыночные инвесторы принимают высокую степень секьюритизации за сигнал высокого качества всех активов, которые могут быть секьюритизированы. В результате инвесторы приобретают ценные бумаги на более выгодных для оригинаторов условиях, что, в свою очередь, усиливает их желание и далее секьюритизировать активы.

Приведенные примеры информационной асимметрии основаны на различных исходных положениях о том, какие группы инвесторов обладают большей информацией и относительно каких именно активов существует информационная асимметрия. Все они, однако, вызваны одной экономической закономерностью, а именно: рыночной тенденцией предо-

⁷ На англоязычном финансовом жаргоне противоположные точки зрения именуется как: cherry picking и lemon selling. «Cherry picking» (дословно: «подбор вишенки») – так остроумно финансисты именуют порядок формирования пула для секьюритизации, при котором из всех имеющихся балансовых активов банка выбираются наиболее качественные. «Lemon selling» (дословно: «продажа лимонов») обозначает процесс наполнения продаваемого пула кредитными активами низкого или сомнительного качества (прим. авт.).

ставлять активы тем инвесторам, которые обладают наилучшей информацией о них. В целом согласно теории скрытой информации секьюритизация объясняется разной природой и степенью описанных информационных асимметрий в отношении разных классов активов – своеобразной асимметрией в асимметриях. Рыночные силы, стремящиеся к передаче активов инвесторам, наиболее информированным об их качестве, требуют разделения права собственности на эти классы активов.

Решение проблемы информационной асимметрии в сделках с продуктами секьюритизации до кризиса виделось участниками рынка в *Signaling* и *Screening*.

Signaling, или подача сигнала, предусматривает, что оригинатор сигнализирует о достойном качестве тех долговых обязательств, которые лежат в основе выпуска ценных бумаг специальной проектной компании (например, в форме выкупа части или полностью транша «первых потерь»).

Screening, или *Self selection*, предполагает подбор для инвестора наиболее оптимального с точки зрения доходности пула бумаг.

Однако ход секьюритизации кредитных продуктов весьма наглядно продемонстрировал, что этих мер явно недостаточно. Недостаточным оказалось стремление многих кредитных учреждений, выступавших в роли различных участников процесса секьюритизации, сохранить хорошую репутацию, что также принято относить к инструментам преодоления информационной асимметрии.

Таким образом, следствием информационной асимметрии становится неэффективное функционирование рынков и ограничение конкуренции. Следует признать, что эффективный механизм преодоления информационной асимметрии применительно не только к продуктам секьюритизации, но и ко всем остальным товарам пока не выработан. В настоящее время признается, что для принятия правильного управленческого решения необходимо наличие полной информации обо всей сделке, в том числе определение круга участников и целей сделки, признанная всеми сторонами оценочная система, диагностика ситуации и разработка прогноза развития сделки. Несомненно, что на фоне нынешнего мирового кризиса из предпосылки о неравенстве информации в скором будущем вырастет новый пласт экономической теории.

Список литературы

1. *Akerlof G.A.* The Market for “Lemons”: Quality Uncertainty and the Market Mechanisms // *Quarterly Journal of Economics*. 1970. Vol. 84 (3).
2. *Bund Stefan.* Strukturiertes Rating: Rating-Agenturen gleichen Informationsasymmetrie bei ABS-Transaktionen aus // *Bankinformation und Genossenschaftsforum*. 2002. № 4.
3. *Herz Bernhard.* Finanzdienstleister und Finanzmärkte im Umbruch: Zusammenfassung und Ausblick // *Finanzdienstleistungen und Finanzmärkte in Umbruch*, Schriften des Vereins für Socialpolitik. 2001, Bd. 280, hrsg. von Peter Oberender, Berlin.
4. *Рубини Н., Мим С.* Нуриэль Рубини: как я предсказал кризис: экстренный курс подготовки к будущим потрясениям. М.: ЭКСМО, 2011.
5. <http://homes.chass.utoronto.ca/~rwinter/papers/assetsecur.pdf>
6. http://nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/2001/

Reference list

1. *Akerlof G.A.*: The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanisms // Quarterly Journal of Economics. 1970. Vol. 84 (3).
2. *Bund Stefan*. Strukturiertes Rating: Rating-Agenturen gleichen Informationsasymmetrie bei ABS-Transaktionen aus // Bankinformation und Genossenschaftsforum. 2002. № 4.
3. *Herz Bernhard*. Finanzdienstleister und Finanzmärkte im Umbruch: Zusammenfassung und Ausblick // Finanzdienstleistungen und Finanzmärkte in Umbruch, Schriften des Vereins für Socialpolitik. 2001. Bd. 280, hrsg. von Peter Oberender, Berlin.
4. *Roubini N., Mihm S.* Nouriel Roubini: Crisis Economics: A Crash Course in the Future of Finance. M.: EKSMO, 2011.
5. <http://homes.chass.utoronto.ca/~rwinter/papers/assetsecur.pdf>
6. http://nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/2001/

УДК 338.2

Назаров А.Г.,

кандидат политических наук, специальный представитель Президента Республики Башкортостан по инвестиционному сотрудничеству

ПРИОРИТЕТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

В статье актуализируется проблема выбора приоритетов стратегического инвестирования регионами России, дана классификация приоритетов регионального инвестирования, представлены основные результаты оценки инвестиционного климата в Российской Федерации, обобщен положительный опыт инвестирования на региональном уровне.

Ключевые слова: инвестиции, инвестирование, регион, стратегия, приоритеты, инвестиционный климат, инвестиционные риски.

Nazarov A.,

PhD in Political Science, the Special Representative of the President of the Republic of Bashkortostan on Investment Cooperation

THE STRATEGIC INVESTMENT PRIORITIES OF THE RUSSIAN REGIONS

The article is actualized the issue of the choice of priorities for strategic investment by the Russian regions, the classification of priorities of regional investment is given, the basic results of the assessment of the investment climate in the Russian Federation are presented in the article but also the positive experience of investment at the regional level is summarized.

Keywords: capital investments, investment, region, strategy, priorities, investment climate, investment risks

Динамичное социально-экономическое развитие регионов во многом зависит от благоприятного инвестиционного климата, качественного управления инвестиционными процессами, грамотного использования инвестиционного потенциала. Вместе с тем эффективное вложение инвестиций в экономику региона во многом обусловлено обоснованностью выбора инвестиционных приоритетов. Именно от них, на наш взгляд, зависит реализация важнейших компонентов региональной политики: промышленной, аграрной, финансовой, социальной.

По мнению отечественных экспертов, система приоритетных направлений инвестирования в регионе должна обосновываться с учетом ключевых факторов экономического развития: совокупного спроса и совокупного предложения, сбалансированности бюджета, развитости инвестиционной инфраструктуры, инновационной и предпринимательской активности, состояния социальной сферы и др. [11, С. 55].

На наш взгляд, в основе выбора приоритетов стратегического инвестирования должны лежать следующие принципы: ресурсной обеспеченности, обоснованности, целевой направленности, системности, эффективности.

Основываясь на вышеуказанных принципах, представим классификацию приоритетов регионального инвестирования. Так, согласно классификации Ю.С. Новикова приоритеты регионального инвестирования делятся на пять равноправных групп. К первой группе относятся приоритеты общеэкономического характера (поддержка производственного аппарата). Во вторую группу входят приоритеты межотраслевого уровня (развитие производственной инфраструктуры на основе инновационных проектов, структурная перестройка народного хозяйства). Приоритеты третьей группы носят целевой характер: обеспечение населения страны продовольственными товарами собственного производства, повышение эффективности топливно-энергетического комплекса. Четвертая и пятая группы определяют выбор вариантов инвестирования и государственной поддержки среди предприятий, нуждающихся в обновлении основных фондов [4, С. 45].

Выбор приоритетных направлений связан также с ограниченностью ресурсов. Например, Г. Татевосян предлагает классификацию приоритетов по следующим признакам:

- *неизбежные* (данные приоритеты всегда будут находиться на первом плане вне зависимости от общеэкономической политики государства);
- *наиболее вероятные* (к ним относятся направления развития отдельных отраслей и производств, в разработке которых принимают участие несколько регионов);
- *проблемные* (реализация данных приоритетов предполагает наличие определенных трудностей в рамках государственной политики) [9, С. 220].

К примеру, председатель Правительства РФ Д.А. Медведев, выступая на заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики в г. Магнитогорске, высказал мысль о том, что «необходимо кратно увеличить приток инвестиций, так как стране нужны технологии, нужны деньги в объемах, соразмерных огромному потенциалу России» [1, С. 8].

Д.А. Медведев сформулировал ряд проблемных вопросов, требующих незамедлительного решения. Одним из них является неэффективная инвестиционная деятельность региональных органов власти и управления. Было принято решение в каждом федеральном округе ввести специальный институт инвестиционного уполномоченного, в задачи которого войдет оказание содействия компаниям в реализации перспективных инвестиционных проектов. Задача уполномоченного будет состоять в том, чтобы максимально сократить сроки рассмотрения и реализации инвестиционных проектов. Однако на практике данный институт еще только формируется, а на региональном уровне нет единых подходов к активизации инвестиционных процессов [2, С. 3].

Существует достаточно большое количество экспертных оценок по проблемам инвестирования в регионах России. К примеру, рейтинговое агентство «Эксперт РА» ежегодно готовит рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России. Так, по итогам 2013 г. в группу лидирующих регионов, сочетающих минимальные риски для инвесторов с максимальным потенциалом для капиталовложений, входят: Московская область, Москва, Краснодарский край, Республика Татарстан.

В тройку регионов с минимальными рисками вошли Ленинградская, Белгородская и Липецкая области (см. таблицу 1) [8].

В рейтинге 2014 г. впервые «Эксперт РА» прогнозирует рост рисков. На это указывает предварительная статистика 2013 г. В частности, объем российского экспорта, который для многих регионов является ключевым фоновым индикатором, за январь – сентябрь нынешнего года сократился на 1,3%, а рост промышленного производства остается в пределах статистической погрешности (0,1%). По большинству показателей производственного сектора ситуация в регионах худшая с 2009 г.

Ведущие регионы России по уровню инвестиционного риска в 2013 году

Ранг риска		Ранг потенциала	Субъект Федерации
2013 г.	2012 г.	2013 г.	
1	8	27	Ленинградская обл.
2	1	18	Белгородская обл.
3	3	42	Липецкая обл.
4	4	3	Санкт-Петербург
5	2	4	Краснодарский край

По оценкам помощника Президента РФ Андрея Белоусова, чистый отток капитала из России по итогам 2014 г. может достичь \$100 млрд, что, в свою очередь, будет отпугивать иностранных инвесторов в долгосрочные вложения [5]. По оценкам Всемирного Банка, эта цифра может достигнуть \$150 млрд [3].

Результаты оценки инвестиционного климата в РФ за 2013 г., подготовленные экспертами KPMG и Российского союза промышленников и предпринимателей, показывают, что бизнес-климат в российских регионах улучшается, были достигнуты определенные успехи в работе над «мягкими» и «жесткими» факторами инвестиционной привлекательности. Но, если регионы – и вся Россия – стремятся к преодолению кризиса, необходимо уже сейчас предпринимать системные меры, основываясь на реалиях экономической ситуации, оценке своего потенциала и стратегических приоритетах инвестирования. Нестабильность мирового рынка, санкционная политика стран Запада, колебания валютного курса и его зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры серьезно угрожают устойчивому развитию экономики регионов. Вот почему новые приоритеты регионального инвестирования могли бы быть именно тем сигналом для иностранных инвесторов, который не только обеспечил бы привлечение капитала и технологий, но и дал бы возможность снизить экономические и социальные риски.

Отметим, что, несмотря на успешность многих регионов в привлечении прямых иностранных инвестиций (ПИИ), в целом положение регионов остается сложным.

В настоящее время российский уровень распространения прямых иностранных инвестиций не превышает 10% и является достаточно низким по сравнению со средним мировым уровнем в 16%. Исправить эту ситуацию могут последовательные целенаправленные усилия инвестиционных регионов –лидеров по реализации стратегических инициатив в плане повышения инвестиционной привлекательности. Если в условиях современной мировой экономики в последующие годы более осторожная стратегия экспансии для иностранных инвесторов окажется выгоднее, чем выход на рынки новых стран, для многих регионов России появятся реальные шансы привлечь ПИИ [10].

Важно подчеркнуть (основываясь на примере некоторых успешных капиталовложений в регионы), что для иностранных инвесторов наша страна может стать достаточно привлекательной именно в посткризисный период. Но сам иностранный капитал к нам не придет. Много, если не все, зависит от грамотных действий властей, умения использовать инструменты региональной инвестиционной политики.

К примеру, руководство Калужской области постоянно повышает качество поддержки малого и среднего бизнеса, в том числе с участием иностранного капитала. Для этого представители местной администрации общаются с инвесторами, которые уже открыли производство на территории региона или собираются это сделать, а также с теми, кто отказался

от своих инвестиционных планов в силу различных причин. Сейчас в регионе существуют четыре института регионального развития:

- 1) Агентство регионального развития Калужской области (занимается привлечением инвестиций и общим сопровождением инвестиционных проектов);
- 2) ОАО «Корпорация развития Калужской области» (обеспечивает предоставление технической и инфраструктурной поддержки инвесторам);
- 3) ООО «Индустриальная логистика» (обеспечивает предоставление транспортных и логистических услуг, консультации по смежным вопросам);
- 4) ОАО «Агентство инновационного развития – центр кластерного развития Калужской области» (реализует мероприятия по поддержке малых и средних предприятий, технопарков).

За 2012–2013 гг. объем привлеченных инвестиций в регион составил 2,6 млрд долл. Сегодня область имеет портфель согласованных инвестиционных проектов в размере порядка \$4,5 млрд. На территории данного субъекта создано 6 индустриальных парков общей площадью около 2 300 га. Полторы тысячи га уже предоставлены инвесторам. Планируется, что в 2015 г. благодаря развитию индустриальных парков будет создано 22 тыс. новых рабочих мест. По расчетам, на 1 руб. государственных вложений будет привлечено более 15 руб. частных инвестиций. Объем налоговых поступлений со стороны резидентов парков в период 2010–2016 гг., по прогнозам, составит 34 млрд руб. Затраты Калужской области на развитие парков составят около 10 млрд руб. [8].

Таким образом, в регионе сформировалась целостная система поддержки инвестиционной деятельности, основанная на приоритетах стратегического инвестирования. Ее основа – не только индустриальные парки, но и механизмы административной поддержки, включающие в себя индивидуальную работу с каждым инвестором, создание полноценной инфраструктуры для строительства промышленных предприятий, полную свободу при выборе подрядчика, предоставление налоговых льгот.

По объему прямых иностранных инвестиций Калужская область входит в тройку лидеров среди субъектов Центрального федерального округа, значительно опережая своих соседей.

Сейчас в Калужской области реализуется инвестиционный проект автомобильного концерна Volkswagen AG. В рамках реализации проекта индустриального парка «Росва» в 2010 г. начато производство автомобилей автозаводом Peugeot Citroen. В рамках программы развития стройиндустрии реализуются крупные инвестиционные проекты по постройке цементного завода компании «Лафарж» (Франция) и завода по производству строительных материалов ООО «Этернит Калуга» (Бельгия).

Положительный опыт стратегического инвестирования имеется и в Липецкой области [8]:

- в период с 2005 по 2011 гг. общий приток инвестиций в экономику области увеличился в 2,4 раза;
- объем инвестиций на душу населения в 2006 г. превысил среднероссийский уровень, и с тех пор тенденция сохраняется;
- в период с 2005 по 2011 гг. на крупных и средних предприятиях области было создано более 41 тыс. новых рабочих мест;
- диверсификация экономики области: доля налоговых поступлений от ОАО «НЛМК», которая в 2005–2007 гг. составляла около 53%, снизилась до 27% в 2012 г.;
- заложена хорошая база для развития кластеров в таких отраслях, как производство бытовой техники, строительных материалов и сельскохозяйственной техники.

В 2009–2010 гг. с целью повышения прозрачности и эффективности взаимодействия между региональными властями и инвесторами началось масштабное инвестирование Свердловской области. Стратегия, разработанная специалистами, была направлена на повышение качества и своевременности информации, которую получают инвесторы во время двух основных этапов инвестиционного процесса: первичное изучение рынка и этап строительства. Была разработана программа повышения инвестиционной привлекательности Свердловской области на 2011–2015 гг., которая устанавливает конкретные сроки, распределяет обязанности участников программы и выделяет средства на ее реализацию.

Система U2020 разработана в формате «одного окна» и предназначена для инвесторов, желающих вложить средства в экономику региона:

- потенциальный инвестор открывает на сайте личный кабинет и загружает туда информацию с кратким описанием проекта;
- по каждому проекту назначаются кураторы от органов власти, выступающие в роли консультантов;
- задачи распределяются и отслеживаются в режиме онлайн;
- если у инвестора возникают какие-либо вопросы, он также может в режиме онлайн напрямую обратиться к лицу, ответственному за решение конкретного вопроса.

Основные цели внедрения U2020:

- сократить бюрократические барьеры, отпугивающие новых инвесторов;
- повысить прозрачность процесса для всех его участников: система позволяет инвестору, всем представителям органов власти и министрам следить за прохождением документов в режиме онлайн и сразу видит возникающие затруднения;
- внедрить более эффективный контроль и обеспечить постоянную поддержку со стороны администрации области;
- получить инструмент оценки и мониторинга развития деловой активности в регионе в динамике за тот или иной период.

Положительный опыт стратегического инвестирования на региональном уровне позволяет предположить, что отечественные и иностранные инвесторы станут более активно осуществлять капиталовложения.

Интерес вызывают данные о деятельности в России IFC – крупнейшего в мире финансового института, фокусирующего свою деятельность на развитии частного сектора в развивающихся странах и получившего широкое признание в качестве основного источника создания рабочих мест, экономического роста и сокращения бедности. Общий объем инвестиций IFC по оценкам 2014 г. составил \$10,2 млрд. Данная организация оказывает консультативные услуги в области энерго– и ресурсоэффективности, развития возобновляемой энергетики, укрепления региональных банков через улучшение управления рисками. В 2012 финансовом году IFC инвестировала в России \$1,2 млрд, в том числе \$465,5 млн в виде синдицированных кредитов (рис. 1).

По данным IFC, к приоритетным отраслям и их возможным партнерам могут быть отнесены:

- частный сектор: транспорт и логистика; порты, аэропорты; возобновляемая энергетика; тепло– и водоснабжение, канализация; IT и телекоммуникации; добыча полезных ископаемых;
- региональный и муниципальный сектор: тепло– и водоснабжение, канализация, проч. коммунальная инфраструктура; региональные и муниципальные дороги; транспорт;

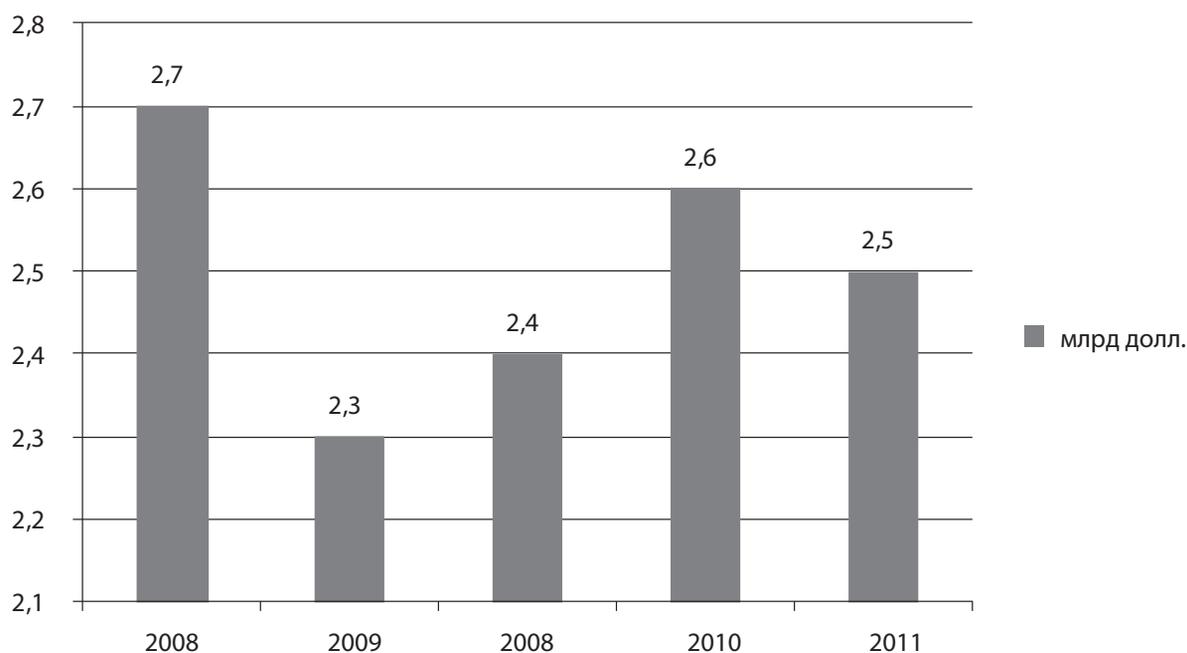

Рис. 1. Инвестиционный портфель IFC в России [6].

твердые бытовые отходы; уличное освещение; социальная инфраструктура (школы, больницы, детские сады).

Финансирование может быть предоставлено для поддержки отдельного проекта, нескольких проектов или программы капитальных вложений в целом. При этом участие IFC не должно превышать 50% проекта или программы. В качестве проекта может рассматриваться: новое строительство, реконструкция, капитальный ремонт, приобретение оборудования. Возможно частичное использование кредитных средств на рефинансирование существующих долговых обязательств.

Представим примеры реализованных проектов IFC в сфере муниципальной инфраструктуры.

Мытищи. Два кредита на общую сумму 450 млн рублей сроками 5 и 7 лет на приобретение и установку 158 индивидуальных тепловых пунктов в многоквартирных жилых домах и замену 14 километров тепловых сетей в городском поселении Мытищи Московской области.

МУП «Уфаводоканал». Шестилетний кредит на сумму 500 млн рублей на завершение строительства третьего блока биологической очистки в составе Городских очистных сооружений канализации, а также на рефинансирование части краткосрочной задолженности.

Петропавловск-Камчатский. Энергетическое обследование объектов социальной сферы, разработка инвестиционного плана и параметров финансирования. Кредит на сумму 700 млн рублей сроком 8 лет на финансирование ремонта дорог.

Ниже приведены примеры реализованных проектов в сфере региональной инфраструктуры.

Республика Марий Эл. Три кредита на общую сумму 1 700 млн рублей сроком от 5 до 6 лет на финансирование программы сохранения и реконструкции региональных дорог в 2009–2012 гг. (30–40 км ежегодно), а также частичное рефинансирование краткосрочной задолженности Республики.

Республика Чувашия. IFC предоставила частичную гарантию по облигациям республики, что позволило увеличить кредитный рейтинг инструмента на одну позицию. Также три

долгосрочных кредита на общую сумму 2000 млн руб. на реконструкцию региональных дорог, оснащение больниц и строительство детских садов (в сотрудничестве с Всемирным банком) [7].

В заключение отметим, что в целом российские регионы способны реализовывать конкретные меры для улучшения своей инвестиционной привлекательности, в том числе за счет конкретизации стратегических приоритетов инвестирования.

Только эффективные и удачные инициативы региона могут привлечь потенциальных инвесторов. Важным здесь является не только ориентация администрации регионов на интересы иностранных инвесторов, но и меры по повышению стандартов взаимодействия с инвесторами, здоровая конкуренция за иностранные инвестиции, стимулирование роста эффективности инвестиционного процесса.

Лучшие практики из международного и российского опыта демонстрируют доступность широкого набора инструментов, которые могут способствовать существенному улучшению инвестиционной привлекательности региона. Вместе с тем существует целый ряд мер, к которым могут прибегнуть российские регионы с целью увеличения своей привлекательности для иностранных инвесторов. И, в первую очередь, это – наличие стратегии социально-экономического и инвестиционного развития. А их конкретизация в приоритетах стратегического инвестирования положительно влияет не только на формирование положительного имиджа региона, но и на долгосрочной основе решает задачи увеличения притока прямых иностранных инвестиций, повышает качество инвестиционного процесса, создает предпосылки создания эффективных институтов взаимодействия с иностранными инвесторами.

Список литературы

1. Артамонов А.Д. Инновации в регион // Информационный вестник Калуга. 2010. – № 4. – С. 8.
2. Крутиков В.К., Шахметова Е.А. Активизация инвестиционных процессов на региональном уровне // Региональная экономика: теория и практика. 2011. – № 34 (217). – С. 2–6.
3. Независимая газета. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ng.ru/news/461666.html>.
4. Новиков Ю.С. Инвестиции в регионе: проблемы теории и практики. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1998. – 219 с.
5. Отток капитала из России в 2014 г. может достичь 100 млрд долл // Газета.ру. [[Электронный ресурс]] // URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2014/03/26/n_6039881.shtml.
6. Официальный сайт Международной финансовой корпорации IFC. [Электронный ресурс] // URL: http://www.ifc.org/wps/wcm/connect/Multilingual_Ext_Content/IFC_External_Corporate_Site/Home_RU
7. Официальный сайт Всемирного банка. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.worldbank.org/ru>.
8. Рейтинговое агентство РА-Эксперт. [Электронный ресурс] // URL: <http://raexpert.ru/releases/2013/Dec13a/>.
9. Семенов А.Н. Обоснование и выбор приоритетов инвестирования в экономику региона // Бизнес в законе. 2010. – № 4. – С. 220–222.
10. Точка зрения инвесторов. Инвестиционный климат в РФ глазами иностранных инвесторов. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kpmg.com/ru/ru/fdi/pages/default.aspx>.
11. Шкодинский С.В. Выбор отраслевых приоритетов инвестирования // Финансы и кредит. 2005. – № 23. – С. 54–57.

Reference list

1. *Artamonov A.* Innovations to region // Kaluga newsletter. 2010. № 4. P. 8.
2. In 2014 year the capital outflow from Russia could reach 100 billion of the US dollars // Gazeta.ru. Electronic resource // URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2014/03/6/n_6039881.shtml.
3. *Krutikov V., Shakhmetova E.* The mainstreaming of investment processes at regional level // Regional Economics: Theory and practice. 2011. № 34 (217). P. 2–6.
4. Nezavisimaya Gazeta. Electronic resource // URL: <http://www.ng.ru/news/461666.html>.
5. *Novikov Yu.* Capital investments in the region: Issues of theory and practice. Syktyvkar: Komi book publisher, 1998. P. 219.
6. Rating agency "RA-Expert". Electronic resource // URL: <http://raexpert.ru/releases/2013/Dec13a/>.
7. *Semenov A.* The justification and choice of priorities for investment to the region's economy // Business within the law. 2010. № 4. P. 220–222.
8. *Shkodinskiy S.* The choice of industrial investment priorities // Finance and credit. 2005. № 23. P. 54–57.
9. The official website of the International Financial Corporation (IFC). Electronic resource // URL: http://www.ifc.org/wps/wcm/connect/Multilingual_Ext_Content/IFC_External_Corporate_Site/Home_RU
10. The official website of the World Bank. Electronic resource // URL: <http://www.worldbank.org/ru>.
11. The point of view of investors. The investment climate in the Russian Federation through the eyes of foreign investors. Electronic resource // URL: <http://www.kpmg.com/ru/ru/fdi/pages/default.aspx>.

УДК 159.922.763

Орлова Е.А.,

доктор психологических наук Московского городского психолого-педагогического университета (МГППУ)

Орлова Ю.Л.,

кандидат психологических наук Московского социально-педагогического института (МСПИ)

ИССЛЕДОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ СИТУАТИВНО- КОНСТРУКТИВНЫХ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ РОДИТЕЛЕЙ ПОДРОСТКОВ-ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ: СИСТЕМНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются теоретические аспекты такого социально-психологического феномена, как ситуативно-конструктивные копинг-стратегии родителей подростков-правонарушителей, а также системный социально-психологический подход к их изучению и формированию.

Ключевые слова: копинг, копинг-стратегии, подростки-правонарушители, социально-психологическая модель

Orlova E.,

Doctor of Psychology, Lecturer of the of the Moscow City Psychological and Pedagogical University (MCPSY.PU)

Orlova Yu.,

PhD in Psychology, Lecturer of the Moscow Social and Pedagogical Institute (MSPI)

RESEARCH AND FORMATION OF SITUATIONAL-CONSTRUCTIVE COPING STRATEGIES OF PARENTS OF ADOLESCENT-OFFENDERS: A SYSTEM OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL APPROACH

The article is considered the theoretical aspects of this socio-psychological phenomenon as situational-constructive coping strategies of parents of adolescent-offenders, as well as the system of socio-psychological approach to their study and formation.

Keywords: coping, coping strategies, adolescent-offenders, socio-psychological mode

Введение

Социально-экономические преобразования, произошедшие в нашей стране за последние десятилетия, переход общества на рыночные отношения создали благоприятную почву для развития девиантного и, в частности, делинквентного и криминогенного поведения детей и подростков, проявляющихся в их жестокости и агрессии, правонарушениях и преступлениях.

По данным статистики, преступность растет среди несовершеннолетних в два раза быстрее, чем среди взрослых. В наше время все еще сохраняется тенденция «омоложения» пре-

ступлений среди подростков, не достигших возраста уголовной ответственности, т.е. до 14 лет. Каждая третья кража и грабеж личного имущества граждан, каждая четвертая кража общественного имущества, каждые пятые разбой и изнасилование совершаются подростками.

Одним из самых распространенных взглядов на социально-психологическую природу преступности несовершеннолетних является признание семьи и системы семейных отношений основным ее источником.

Признание семьи и замещающей ее микросреды в качестве основного источника подростковых преступлений привело к переосмыслению и в какой-то степени перераспределению вины за их совершение с конкретной личности подростка на других ответственных лиц, главным образом на родителей.

Это выражается в принципах ювенальной юстиции: «экономии репрессий», смягчения, отсрочки и максимальной дифференциации видов наказания, ограничении и запретов на применение некоторых из них; приоритетном и активном использовании воспитательных, профилактических и реабилитационных мер воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя по сравнению с изоляцией, лишением свободы и уголовно-репрессивным наказанием.

Эффективность таких мер во многом, если не во всем, зависит от адекватного поведения родителей или лиц, их замещающих. Оздоровление микросреды несовершеннолетнего преступника как одно из главных направлений его комплексной реабилитации предполагает блокирование тех семейно-обусловленных факторов, которые детерминировали девиантное и, в частности, криминогенное развитие личности подростка.

Однако в ситуации обвинения подростка его родители испытывают сильнейший стресс, и то, какой способ совладающего поведения ими будет выбран, какую стратегию они предпочтут, чтобы преодолеть этот стресс, в значительной степени влияет не только на сохранение их собственного благополучия, на психологическое состояние и здоровье самих родителей, но и на их способность или неспособность принимать своего ребенка и выстраивать с ним конструктивные отношения, на успешность процесса реабилитации несовершеннолетнего правонарушителя, на коррекцию его делинквентного поведения и на профилактику рецидивов правонарушений.

Выявление особенностей как индивидуальных, так и диадических копинг-стратегий родителей подростков-правонарушителей в разных ситуациях, связанных с разными видами наказания, позволит найти действенный катализатор формирования ситуативно-конструктивных способов совладания со стрессом, что обеспечит эффективность процесса коррекции и реабилитации несовершеннолетних подростков, совершивших правонарушения.

Учитывая все вышесказанное, целью настоящей работы стало выявление сущности и содержания ситуативно-конструктивных копинг-стратегий родителей подростков-правонарушителей и разработка на этой основе целостной социально-психологической модели, раскрывающей необходимые условия их эффективного формирования.

1. Сущность и основные характеристики понятия «копинг-стратегии родителей подростков-правонарушителей»

Результаты теоретического анализа позволили прийти к заключению о том, что в современной психологической науке существуют разные точки зрения как на трактовку самого понятия копинга, его сущности и содержания, так и на классификацию копинг-стратегий, критерии и показатели их эффективности.

В современной науке в качестве взаимодополняемых используются понятия «копинг-стратегии», «копинг-поведение», «копинг-ресурс», «копинг-реакции»; существуют также смежные с ними категории: «копинг-стили», «копинг-тактика», при этом под копингом обычно понимается способ совладания с трудными стрессовыми ситуациями.

Так, Р. Лазарус под копинг-стратегией понимает постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия личности для преодоления трудностей, либо уменьшения их отрицательных последствий, либо избегания этих трудностей. В представлениях А. Маслоу копинг-поведение – это целенаправленное мотивированное действие. В отечественной психологии принято различать копинг-стратегии и механизмы психологической защиты личности.

Р.Лазарус и С.Фолкман выделяют проблемно-ориентированный и эмоционально-ориентированный копинги; С. Хобфолл – активную и пассивную, просоциальную и асоциальную, прямую и непрямую стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций; Р.Моос и Дж.Шеффер – стратегии, сфокусированные на оценке, проблеме или эмоциях; Л.И.Анцыферова – приемы приспособления и приемы самосохранения; Т.Л. Крюкова – конструктивные и неконструктивные копинги.

При этом чаще всего копинг трактуется как способ совладания со стрессом, как активность личности, направленная на сознательное преодоление трудной жизненной ситуации.

В качестве интегрального критерия эффективности, как правило, рассматриваются эмоциональные состояния личности, состояние ее психического здоровья и субъективного психологического благополучия.

Исследователями подчеркивается, что копинг-стратегии не могут быть устойчиво эффективными и неэффективными, что в разных стрессовых ситуациях один и тот же копинг может влиять на психическое состояние личности как позитивно, так и негативно, при этом семейным факторам копинг-ресурсов отводится первостепенная роль.

В связи с этим в нашем исследовании были проанализированы проблемы влияния семьи и семейных отношений на развитие личности ребенка и, главным образом, на формирование его девиантного (делинквентного) поведения (И.А. Горьковская, Р.Р. Калинина, И.И. Лунин, Е.А. Сорокоумова, Л.Б. Шнейдер, Т.И. Шульга и др.), а также проблемы совладания членов семьи в кризисных семейных ситуациях (В.А. Абабков, Л.И. Анцыферова, Н.Ю. Белорукова, Т.И. Бонкало, Т.В. Гущина, С.Г. Шуман, В.П. Шуман и др.), влияние семейных кризисов на психическое состояние ребенка (А.Я. Варга, Е.А. Личко, А.С. Спиваковская, Э.Г. Эйдемиллер и др.).

Результаты теоретического анализа позволили нам определить копинг-стратегию родителя подростка-правонарушителя как психологическую систему переконструирования родителем своей психической деятельности и жизнедеятельности в целях как преодоления субъективно переживаемого психического напряжения, вызванного ситуацией совершения его ребенком правонарушения, так и преобразования и переоценки возникшей ситуации, приспособления к ней или полного от нее отстранения.

Как психологическая система, копинг-стратегия родителя подростка-правонарушителя имеет свою внутреннюю структуру, раскрывающую связи и взаимосвязи ее когнитивного (рациональность оценки возникшей проблемы, осознанное планирование ее решения), аффективного (субъективное восприятие ситуации и эмоциональное отношение к ней) и поведенческого (конкретные действия по изменению ситуации или приспособления к ней) компонентов, сочетание которых определяет как способ преодоления трудной жизненной ситуации, так и степень конструктивности выхода из нее.

В результате теоретического анализа была разработана теоретическая модель копинг-стратегий родителей-правонарушителей, где определены типы как индивидуального, так и

диадического копинга, механизмы их влияния на психическое состояние как родителей, так и ребенка, на общее функционирование семейной системы.

При этом было выявлено, что критерием конструктивности копинг-стратегий родителей подростков-правонарушителей является блокирование в результате переконструирования родителями своей деятельности и жизнедеятельности семейно-обусловленных факторов криминогенного развития личности подростка, что является необходимым условием его успешной реабилитации и ресоциализации.

2. Эмпирические исследования особенностей и факторов копинг-стратегий родителей подростков-правонарушителей

Для эмпирического исследования были сформированы четыре исследовательские группы: первую экспериментальную группу составили 62 семьи, воспитывающие подростков-правонарушителей, имеющих нарушения в интеллекте; вторую экспериментальную группу – 34 семьи подростков-правонарушителей, у которых, по данным их личных дел, отсутствуют отклонения от норм психического развития; первую контрольную группу составили 62 семьи с подростками, имеющими интеллектуальные нарушения, но не отличающимися своим девиантным поведением, и, соответственно, во вторую контрольную группу вошли 34 семьи, воспитывающие подростков того же пола и возраста, что и во второй экспериментальной группе, но отличающиеся, по данным психологов и педагогов, своим нормативным и адаптивным поведением.

Первая серия эмпирического исследования была ориентирована на выявление особенностей способов совладающего поведения родителей в трудных ситуациях в целом и определения ресурсов их личности. С этой целью была использована методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма. В результате сравнительного анализа показателей когнитивных копинг-стратегий было выявлено, что достоверно значимые различия были получены между первой экспериментальной и первой контрольной группами ($t = 3,71, p < 0,001$), так же, как и между второй экспериментальной и второй контрольной группами испытуемых ($t = 4,82, p < 0,001$). При сравнении процентного распределения групп по показателям когнитивного копинга были зафиксированы достоверно значимые различия во всех исследовательских группах. В показателях же эмоционального копинга различия были достаточно высоки между первой экспериментальной и первой контрольной группами ($\chi^2=98,76, p < 0,01$).

В результате проведенного исследования были выявлены ресурсы семей, участвующих в исследовании. Результаты проведения исследования позволяют говорить о целесообразности и важности разработки специальных программ, ориентированных на формирование адаптивных копинг-стратегий родителей обвиняемых подростков.

Вторая серия эмпирических исследований была нацелена на выявление особенностей выбора родителями копинг-стратегий в ситуации обвинения их детей. С этой целью была разработана и апробирована авторская методика, представляющая собой модифицированный вариант методики Р. Лазаруса и С. Фолкмана. Авторская методика прошла стандартизированную процедуру психометрической проверки ее надежности и валидности.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что матери обвиняемых подростков с интеллектуальными нарушениями чаще, чем их отцы, выбирают фронтальный копинг.

При исследовании особенностей функционирования семей подростков-правонарушителей были выявлены достоверно значимые различия между экспериментальными и

контрольными группами по всем показателям, полученным с помощью отобранных нами диагностических методик.

Интерес представляют результаты исследования особенностей родительского отношения в испытуемых семьях (табл. 1).

Таблица 1

Результаты исследования особенностей родительского отношения к подросткам экспериментальных и контрольных групп

Шкалы	ЭГ1	КГ1	t	p	ЭГ2	КГ2	t	p
Отвержение	28,2±2,7	18,5±1,8	2,99	<0,001	21,7±2,1	12,4±1,1	5,71	<0,001
Кооперация	1,6±0,2	4,3±0,4	6,00	<0,001	2,6±0,4	5,8±0,6	8,00	<0,001
Симбиоз	4,8±0,5	3,9±0,4	1,41	>0,05	2,4±0,3	2,8±0,3	0,95	>0,05
Гиперсоциализация	4,4±0,5	3,9±0,4	0,78	>0,05	5,2±0,5	4,4±0,4	1,25	>0,05
«Маленький неудачник»	6,9±0,7	5,2±0,5	2,10	<0,05	4,4±0,4	2,3±0,2	5,83	<0,001
Дом. гиперпротекция	33,88%	17,74%	X ² = 194,5	P < 0,001	23,53%	5,88%	X ² = 395,4	P < 0,001
Пот. гиперпротекция	19,35%	6,45%			2,94%	14,71%		
Мор. ответственность	3,22%	0,36%			8,82%	2,94%		
Жестокое обращение	14,52%	0%			32,35%	0%		
Гипопротекция	3,22%	0%			32,36%	2,94		

В результате эмпирического исследования, после факторизации всех полученных эмпирических данных, была разработана факторная модель криминогенного развития личности подростка с интеллектуальными нарушениями. Модель раскрывает структуру и механизмы влияния выявленных семейно-обусловленных факторов.

Было выявлено, что семейно-обусловленными факторами криминогенного развития личности подростка являются факторы, действующие в родительских (индивидуально-типологический 23,66%: напряженность (0,921), экстернальность (0,82); высокий уровень притязания (0,64); патохарактерологический (22,81%): истероидные (0,81) и демонстративные (0,74) черты личности; стремление к власти (0,61), гиперсоциализация (0,58); ситуативно-депрессивный (19,86%): субъективное восприятие одиночества (0,82), высокий уровень депрессивного состояния (0,56), низкая стрессоустойчивость (0,67), повышенная фрустрированность (0,54); структурно-ролевой: (16,58%): рассогласование ожиданий и реальной ролевой структуры (0,89), гендерные стереотипы (0,65), смешение семейных ролей и наличие патологизирующих ролей (0,76); детско-родительской (перцептивно-коммуникативный (21,77%): отвержение при доминирующей гиперпротекции (0,71), отвержение при жестоком обращении (0,67); несовпадение семантических полей при взаимодействии (0,86), завуалированная коммуникативная жестокость родителей (0,72), эмоционально-оценочный (19,88%) – условное принятие ребенка (0,67), низкий уровень адекватности его восприятия (0,64), чувство вины (0,58), депривационно-установочный (19,21%) отражает уровень эмоциональной защищенности подростка в семье, когнитивно-рефлексивный (16,45%) – отражает особенности восприятия ребенком семейной ситуации, контактно-операциональный (15,18%): отсутствие доверия (0,68), установка на негативизм (0,54), конфронтация (0,52), демонстративное подчинение (0,51) и сиблинговой (субъектно-идентификационный, конфликтно-поведенческий, половозрастной, индивидуально-психологический) подсистемах семьи.

Кроме того, в кризисной ситуации, обусловленной фактом совершения ребенком общественно опасных деяний и последующего применения к нему определенной меры нака-

зания, происходит блокирование или, напротив, стимулирование семейно-обусловленных факторов криминогенного развития личности подростка, закономерно зависящих как от индивидуальных копинг-стратегий родителей, так и от типа их диадического копинга.

Обращает на себя внимание тот факт, что в группе семей с делинквентными подростками, не имеющими отклонения от норм психического развития, не было зафиксировано ни одной семьи, где родители в ситуации обвинения детей прибегали бы к идентичному продуктивному копингу, предполагающему совместный поиск решения возникшей ситуации и отражающему их стремление поддержать своего ребенка и готовность к изменениям в своем родительском отношении к нему.

Большое количество семей первой экспериментальной группы (30,64%) выбирают неколониарный диадический копинг, что свидетельствует о достаточно серьезной психотравмирующей ситуации в таких семьях, патологизирующих как психическое состояние родителей, так и самого ребенка.

3. Социально-психологические условия формирования ситуативно-конструктивных копинг-стратегий родителей подростков-правонарушителей

В ходе эмпирических исследований было выявлено, что социально-психологические условия формирования ситуативно-конструктивных копинг-стратегий родителей подростков-правонарушителей условно делятся на естественно-ресурсные и специально создаваемые.

К естественно-ресурсным социально-психологическим условиям относятся факторы эмоциональной близости всех членов семьи, возможности неофициального межличностного общения, субъективное отношение к подростку как к собственному ребенку, принятие его позитивных качеств личности.

Основным специально создаваемым условием формирования ситуативно-конструктивных копинг-стратегий является реализация разработанной социально-психологической модели, содержащей диагностический, информационный, коррекционный и развивающий блоки, технологии и техники формирования готовности родителей к поддержке своих детей, снижения невротизации и депрессивных состояний их личности, актуализации совместного поиска решения проблемы и взятия на себя ответственности за совершенное ребенком правонарушение, коррекция родительского отношения и переориентация родителей с позиций дистанцирования, избегания и конфронтации возникшей проблемы на позицию ее положительной переоценки.

Реализация разработанной модели осуществлялась через внедрение разработанных программ социально-психологических тренингов, ориентированных как на занятия в группах родителей, так и на тренинговые занятия в совместных семейных группах.

После реализации каждой тренинговой программы был организован комплексный социально-психологический мониторинг, позволивший судить о положительной динамике изменения копинг-стратегий родителей и, соответственно, на основе выявленных связей и взаимосвязей их с другими показателями общего функционирования семейной системы, об успешности реализации разработанной модели.

Заключение

Проведенное эмпирико-экспериментальное исследование свидетельствует о том, что привлеченный потенциал разработанной модели, раскрывающей социально-психологиче-

ские условия формирования ситуативно-конструктивных копинг-стратегий родителей подростков-правонарушителей, совершенствует комплексный процесс реабилитации и ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей за счет привлечения к этому процессу их родителей и потенциала всей семьи.

Перспективы дальнейших исследований предполагают продолжение фундаментальных и прикладных исследований приоритетных направлений социально-психологической поддержки родителей подростков, совершивших правонарушения, в целях сокращения их рецидивов и создания условий для успешной реабилитации и ресоциализации.

Список литературы

1. Клейберг Ю.А., Орлова Е.А., Орлова Ю.Л. Копинг-стратегии родителей подростков-правонарушителей: монография. – Тула, 2014. – 182 с.
2. Орлова Ю.Л. Социально-психологические условия формирования ситуативно-конструктивных копинг-стратегий родителей подростков-правонарушителей: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. – 26 с.
3. Орлова Ю.Л., Ефремова Г.И. Особенности выбора копинг-стратегий родителями в ситуации обвинения подростков // Человеческий капитал. 2013. № 10 (58). С. 91–97.

Reference list

1. Kleiberg Yu., Orlova E., Orlova Yu. The coping strategies of parents of adolescent-offenders: Monograph. Tula, 2014. P. 182.
2. Orlova Yu. Socio-psychological conditions of formation of situational-constructive coping strategies of parents of adolescent-offenders: Synopsis of a thesis of PhD in Psychology. M., 2013. P. 26.
3. Orlova Yu., Efremova G. The peculiarities of choice of the coping strategies of parents in the charge situation of the youngsters // Human capital. 2013. № 10 (58). P. 91–97.

УДК 371

Шутько Д.В.,

кандидат педагогических наук, докторант, преподаватель кафедры педагогики
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ В АРМИИ РОССИИ XVII – НАЧАЛА XIX ВВ.

В работе рассматривается значение религиозного фактора в армии России XVII – начала XIX вв. Определено значение военного духовенства в развитии морального духа армии и достижении ею победы. Раскрыты особенности духовной поддержки верующих военнослужащих военными священниками. Автор делает вывод о том, что в этот период военное духовенство стало уникальным институтом, возникшим на стыке двух различных государственных структур своего времени – Церкви и армии и входившим в общую систему государственного управления. При этом православие являлось основой ценностей русского человека, оно формировало готовность идти на подвиг, укрепляло воинский дух в бою. Исследование религиозного аспекта в армии России XVII – начала XIX вв. показывает, что он являлся духовной основой воинского служения и определял нравственные нормы поведения воинов России в рассматриваемый период.

Ключевые слова: воспитание военнослужащих, потенциал религии, военное духовенство

Shut'ko D.

PhD in Pedagogy, Doctoral student, Lecturer of Chair of Pedagogy of Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

THE RELIGIOUS ASPECT IN THE ARMY OF RUSSIA OF THE XVII – THE EARLY XIX CENTURIES

The paper is examined the importance of the religious factor in the army of Russia of the XVII – the early XIX centuries. The value of the military clergy in the development of the army morale and its achieving victory has been determined. Special aspects of spiritual support of military chaplains to the faithful soldiers have been discovered. The author concludes that during that period the military chaplaincy was becoming a unique institution, which was being created at the junction of two different state structures of the time \ as the Church and the army, included in the general system of public administration. Thus, Orthodoxy being the core value of the Russian people, it was forming by a willingness to perform a feat, strengthening the fighting spirit in field. A study of the religious aspect in the army of Russia of the XVII – the early XIX centuries approves that it was being the spiritual basis of military service, determining moral norms of behavior of the Russian soldiers in the period under review.

Keywords: education of soldiers, religion potential, military clergy

Религиозность народов России была одним из факторов побед ее армии. Защищая Отечество, воины защищали свою Веру. Православие являлось основой ценностей русского человека, оно формировало готовность воина на подвиг, укрепляло воинский дух в бою.

Использование потенциала религии в работе с военнослужащими увеличилось после введения постоянного духовного обеспечения в войсках. Появление в русской армии особых священнических должностей непосредственно связано с формированием частей регулярного отечественного войска. При этом военное духовенство стало уникальным институтом, возникшим на стыке двух различных государственных структур своего времени – Церкви и армии и входившим в общую систему государственного управления. Он представлял собой часть Церкви, выполняя функции и задачи церковной организации, по обширности и значению равной епархии, но деятельность его была направлена на определенную часть войска. Он подчинялся особым законам, функционировал в особых условиях, коренным образом отличных от условий жизни обычных епархий, и вынужден был приспосабливаться к армейской и флотской жизни как мирного, так и военного времени [8].

В уставе «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей» (1647 г.) впервые упоминается полковой священник [16; С. 42]. Также в уставе подчеркивался религиозный аспект в подготовке воина к ведению боевых действий и развитии профессиональных знаний и нравственных качеств [5; С. 17-34]. В уставе подчеркивается роль веры для воинов: «Надобе им Господа Бога в сердцы своем имети...» [16; С. 34].

Во времена правления Федора Алексеевича (1676–1682 гг.) организация церковной службы в полках проходила под непосредственным руководством и при участии царя. Нередко сам царь, минуя патриарший приказ, назначал в полки священнослужителей [9; С. 82]. Так, в разрядных книгах 1679 г. упоминается, как Царь предписывал Патриаршему приказу назначить священников и «отписать в разряд к дьякам о священнике, дьяконе и количестве церковной утвари, отправленных в полк». В иных случаях царь мог сам определять причт: «Указал Свивского монастыря архимандрита Маркела, да Успенского Большого собора ключаря Якова, да попа Гавриила» назначить в полк боярина князя Черкасского [8].

Для выплаты жалования полковым священникам со всех церквей был назначен особый сбор – по гривне с церкви «подможных» денег. Эти сборы упоминаются с 1695 г., но, очевидно, они существовали значительно раньше. В 1695 г. патриарх Иоаким указал «в московских шести сороках церкви многоприходные, средние и малоприходные расписать и подможные деньги, которые забиравались прежде сего на службу священником, в равенстве расположить, кроме церквей, которые в стрелецких слободах» [8].

В 1695 г. Петр I создает два пехотных полка – Преображенский и Семеновский, послуживших основанием российской армии. В 1700 г. в связи с упразднением стрелецкого войска было образовано 27 пехотных полков. В ходе реформ Петра установилась новая организационная структура армии, вводились новые штаты. Основной тактической единицей в пехоте и кавалерии являлся полк, соответственно множилось и число полковых священнослужителей [9; С. 83].

Петр Алексеевич осознавал значение религиозного фактора в развитии морального духа армии и достижении ею победы. Примером реализации религиозного потенциала в боевой деятельности является обращение к своему войску накануне Полтавской битвы: «Воины! Не помышляйте, что сражаетесь за Петра, но за государство, Богом Петру врученное, за род свой, за Отечество, за Веру и Церковь. ...» [3; С. 64]. Формируя регулярную армию, Петр I в деле духовного воспитания реализовывал отечественный и зарубежный опыт. На основании его указаний и приказов всесторонне развивается институт военного духовенства. Основные положения о религиозном воспитании воинов Петром Алексеевичем закреплялись в разрабатываемых под его руководством уставных документах. Так, 6 мая 1715 г. в Российском государстве был издан «Артикул воинский», который состоял из 24 глав и был разделен на 209 артикулов (статей). В

«Артикуле воинском» религиозному воспитанию отводились глава первая – «О страхе Божьем» и глава вторая – «О службе Божьей и о священниках». В артикуле Петр I вводит текст «Военной присяги или обещания людей всех воинских чинов» и закрепляет ритуал ее принятия, тем самым переводит ее из традиции в ранг государственного закона [2]. Артикул требовал проводить «службу Божию» каждое утро, полдень и вечер с пением и молением. «Всем офицерам и рядовым, – указывалось в Артикуле, – надлежит священников любить и почитать... Кто против того погрешит, имеет по изобретению его преступления... наказан быть» [2].

Первоначальными органами руководства полковым духовенством были обер-полевые священники, которые по своему положению, правам и обязанностям в точности соответствовали флотским обер-иеромонахам. Первые сведения о должности обер-полевого священника содержатся в 29-й главе воинского Устава от 30 марта 1716 г. (а потом в инструкции от 28.08.1797) [10; С. 181]. Таким образом, обер-полевой священник сухопутной армии, наравне с флотским обер-иеромонахом, являлся полноправным представителем духовно-административной власти в Вооруженных Силах государства.

Петром I была организована подготовка офицеров в военных учебных заведениях. В них были созданы условия реализации потенциала религии в обеспечении идей патриотизма, служения Родине, нерушимости воинского долга, верности трону, присяге и идеалам церкви.

В результате введенных реформ в Вооруженных Силах Петром I был заложен новый принцип военной службы – за Веру, Царя и Отечество.

Большую роль в решении религиозно-воспитательных задач играли церковные храмы, которые являлись мощным средством религиозного воспитания военнослужащих. По мере развития экономической мощи государства началось строительство армейских храмов, сначала деревянных, а затем каменных. Так, первая деревянная церковь была построена в 1748 г. для гвардейского Семеновского полка недалеко от его казармы. В честь полковой иконы церковь получила наименование «Введение во храм Пресвятой Богородицы» [7; С. 26]. Первая каменная полковая церковь была построена по высочайшему повелению в 1764 г. для Преображенского гвардейского полка. [6; С. 137].

Проследивая идеи реализации потенциала религии в воспитании военнослужащих России в послепетровскую эпоху, необходимо отдать должное генералиссимусу Александру Васильевичу Суворову. Он знал, каким могучим двигателем, какой вдохновляющей силой для русского народа является православие. А.В. Суворов старался воздействовать на душу солдата, обращаясь к православным истинам. Именно вера пробуждала в солдатах благородные чувства, без которых душа черствеет в жестокостях войны. Прекрасно сознавая цену истинного благочестия русского солдата и будучи сам глубоко верующим, А.В. Суворов всеми силами поддерживал в воинах религиозное настроение. Он учил солдат не бояться смерти, смотреть ей прямо в глаза, ибо они отдают жизни за «Дом Богородицы», какую всегда виделась русскому человеку родная земля. Поэтому, будучи еще командиром полка (сначала Астраханского, а затем Суздальского), наряду со строевыми занятиями, он заботится и о религиозно-нравственном воспитании солдат.

А.В. Суворов строил церкви, а для солдат составил молитвенник и краткий катехизис [5; С. 310]. На богослужении А.В. Суворов всегда присутствовал сам и по возможности со всем своим штабом: бывал на всенощных и обеднях, даже в военное время в походной церкви. Такое постоянное участие с нижними чинами военного начальства в богослужении само по себе не могло не действовать благоприятно на солдат [5; С. 314].

А.В. Суворов, стремясь укрепить в своих войсках веру в Бога, все военные действия начинал и оканчивал молитвою. О том, как готовились воины суворовской армии к битве, гово-

рит следующий пример: перед штурмом Праги в польскую кампанию 1794 г. с наступлением ночи солдаты одели чистое белье и, поставив у костров ротные и полковые образа (своего покровителя в лице святого угодника имел каждый полк), молились об укреплении сил на предстоящее дело и о даровании победы.

Многие приказы и наставления А.В. Суворова включали потенциал религии в воспитательном аспекте, укрепляя моральный дух войска. Так, в наставлениях указывалось, что «...Грех напрасно убивать! – они такие же люди! – умирай за дом Богородицы! – За Матушку! – За пресветлейший дом! – Кто остался жив, тому честь и слава. Обывателя не обижай! – Он нас поит и кормит. – Солдат не разбойник». «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, справедливу, благочестиву! – Молись Богу! – от Него победа! – Чудо, богатыри! – Бог нас водит; – Он нам Генерал!» «Помилуй Бог! Мы русские, – Богу молимся: Он нам и помощник; Царю служим: он на нас и надеется, – и нас любит, и нас наградит. Кого из нас убьют: царство небесное! Церковь Бога молит. Останемся живы: нам честь, нам слава, слава, слава!». Такие и подобные суворовские приказы читались солдатам по несколько раз, чтобы они лучше могли усвоить и запомнить их.

Но не только в ходе подготовки к войне и в ходе нее привлекался потенциал религии в воспитании военнослужащих. После ведения боевых действий, поощряя за одержанные победы генералов и офицеров, удостоенных монарших милостей, А.В. Суворов собственноручно в церкви возлагал знаки отличия, после того как священник в алтаре окропит их святой водою.

К исходу XVIII в. армия и церковь уже представляли собой единый отлаженный организм. Военному духовенству отводилась задача патриотического, нравственного и воинского воспитания офицеров, солдат и матросов в целях формирования у них высоких моральных и боевых качеств. [1; С. 7]. Это достигалось созданием в подразделениях и частях особой атмосферы, которая подчеркивала святость воинского долга. На первое место среди многих задач, решаемых военным духовенством, выступало стремление воспитать в русском воине любовь к Богу, верность православию, духовно-нравственные силы, сделать его человеком, проникнутым истинно христианским настроением, исполняющим свои обязанности не из-за страха угроз и наказания, а по совести и глубокому убеждению в святости воинского долга. Военные священники заботились о воспитании в войсках духа веры, благочестия и воинской дисциплины, терпения, мужества и самопожертвования.

Во время правления Павел I (06.11.1796–12.03.1801), обративший особое внимание на переустройство русской армии, не мог проигнорировать и вопрос об условиях функционирования военного духовенства. Высочайшими повелениями от 4, 9, 22 и 28 апреля и 9 мая 1800 г. была учреждена особая, с непосредственным подчинением Святейшему Синоду и с непереманным правом состоять членом Синода, должность обер-священника армии и флота, на которую возлагались полномочия по самостоятельному управлению всем гвардейским, армейским и флотским духовенством [11]. Так, 4 апреля 1800 г. до столичного митрополита Амвросия была доведена монаршая воля, согласно которой обер-полевые священники «не только в военное время и когда войска в движении, но и в мирное время имели в своем ведении всех священников армии» [11].

Понимая значение образовательного уровня полковых священников, Павел I утвердил в июне 1800 г. проект создания армейской духовной семинарии, которая включала в себя два отделения: высшее и низшее. В высшем отделении курс учения разделяется следующим образом: два года – для класса словесных наук, к которым присоединяется всеобщая История; два года – для класса философских наук, к коим присоединяется математика и физика; два года – для Богословских наук, к коим присоединяется Церковная История; языки – гре-

ческий, немецкий и французский – преподаются все 6 лет, а еврейский – в последние 4 года; несколько часов в неделю отводилось изучению военного устава и артикулов, а также медицине. В низшем отделении полагается также три класса. В первом классе изучалось чтение и письмо на русском и латинском языках, сокращенный катихизис, начало нотного пения, начала российской грамматики, четыре первые правила арифметики. Во втором классе изучались российская и славянская грамматика, арифметика, Церковное обихотное, и отчасти партесное пение с уставом церковным, пространный катихизис, начала языка латинского, начала языка греческого. В третьем классе изучались предметы: продолжение пространного катихизиса, греческий и латинский языки, священная история, география всеобщая и российская, повторение арифметики, усвершенствование в нотном пении. Продолжительность обучения в армейской семинарии составляла шесть лет [9; С. 105–106].

В подготовке будущих офицеров во второй половине XVIII в. уделялось большое внимание духовно-нравственному воспитанию. Проводником и инициатором многих новшеств екатерининской эпохи в подготовке офицерских кадров являлся генерал-поручик Иван Иванович Бецкой. В результате его деятельности и изменились условия формирования духовно-нравственных качеств, которые были целью подготовки к реализации потенциала религии в воспитании военнослужащих. Главными средствами нравственного воспитания И.И. Бецкой считал «вкоренение страха божия», изоляцию воспитанников от окружающей среды, а также положительные примеры, на которых строилось воспитание. Одним из нововведений И.И. Бецкого явилось введение малолетнего отделения (мальчики 5–6 лет), где, кроме воспитателей, находился священник с дьяком, которые проводили церковные службы и занятия по Закону Божьему. Одним из основных учебных предметов, влияющих на духовно-нравственное состояние воспитанников в военно-учебных заведениях России, как свидетельствуют материалы исследования, был Закон Божий. В учебных планах на первом месте стояло изучение катихизиса, или Закона Божьего. Главной целью указанных дисциплин являлось усвоение истины веры и нравственности в духе православной Церкви. Изложение христианских обязанностей должно состоять не столько в научении, сколько в том, чтобы возбудить и расположить обучающихся к христианскому православному образу жизни, развить и укрепить в них христианское настроение и добрые навыки [11]. В процессе освоения предмета изучались история Церкви, история богослужений, заучивались молитвы, духовные песнопения, догматический курс – основы вероучения, элементы нравственного и сравнительного богословия. В 1804 г. в ряде кадетских корпусов по ходатайству митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского вводятся штатные должности законоучителей. В их обязанности входило христианское назидание кадетов, изложение материала в соответствии с программой, создание искомого духовного настроения.

Важным этапом в истории воспитательной работы с верующими военнослужащими явилась Отечественная война 1812 г. Она потребовала от русского народа гигантского напряжения всех духовных и физических сил для борьбы с армией Наполеона. Ее история изобилует фактами, свидетельствующими об огромном значении православной веры как неисчерпаемого источника духовных сил [5; С. 369]. Воспитательная работа с военнослужащими в этот период осуществлялась под воздействием военного духовенства на дух солдат, основываясь на крепкой вере в Бога, безграничной преданности царю и любви к своему Отечеству. В одной из инструкций военным пастырям, составленной первыми обер-священниками, отмечалось: «Главная задача военных пастырей, проповедуя слово Божие перед военными людьми, наставлять их в неизменных обязанностях воина, в благочестии, беспредельной верности государю, повиновении начальству и усердии к службе...». Реализация потенциала

религии в этот период явилась важным фактором в достижении победы. Использовались различные методы ее реализации, особенно при непосредственной подготовке войск к сражению. Так, накануне Бородинского сражения по войскам носили Чудотворную икону Смоленской Божией Матери, вывезенную из города, оставленного неприятелю. Был осуществлен общий молебен. В нем все воинство русское с Кутузовым во главе молилось о защите и покровительстве Божией Матери и о даровании победы.

Духовная поддержка военных священников во время боя являлась мощным воздействием на верующих военнослужащих. Священники, находясь среди воинов, поощряли и воодушевляли сражавшихся, перевязывали раненных, напутствовали тяжело раненных. С крестом в руках шли впереди полка и своими наставлениями и примером мужества вдохновляли воинов поражать врагов и крепко стоять за Веру, Царя и Отечество. Самоотверженность их доказана бесстрашным исполнением долга под огнем неприятельским, множеством подвигов, многими ранами и контузиями.

Войска, планомерно отступая, оказывали неприятелю героическое сопротивление. Но постоянное отступление, даже после удачных боев, раздражало и волновало солдат, не понимающих цели отступления. Надо было, не прибегая к строгим мерам, их успокаивать и дисциплинировать. Военные священники в этом деле оказывали неоценимую услугу, увещевали и беседовали, примером собственного мужества и человеколюбия поддерживали дух солдата.

Влияние пастырей на дух войска было засвидетельствовано императором Александром I и военачальниками, украсившими отличившихся в войне священников многочисленными наградами. Среди армейских священников были такие, которые заслужили в боях орден Святого Георгия за проявленное личное мужество. Военная экспедиция упоминает священника 19-го егерского пехотного полка Василия Васильковского, героя 1812 г., отличившегося в бою 15 июня под Витебском, в сражении под Малым Ярославцем и скончавшегося от ран во время похода на Францию.

Трепетно относились военнослужащие к православным святыням. Так, пример благочестия и христианской добродетели являет собой письмо главнокомандующего русской армией М.И. Кутузова митрополиту Амвросию: «Благословите сей дар, приносимый воинами Подателю победы. Храбрые Донские казаки возвращают Богу похищенное из храмов Его сокровище. На меня возложили они обязанность доставить Вашему Высокопреосвященству сие серебро, бывшее некогда украшением Святых ликов, потом доставшееся в добычу нечестивых хищников, и наконец храбрыми Донцами из когтей их исторгнутое. Предводитель войска Донских казаков граф Матвей Иванович Платонов и вместе с ним все его воины и я желаю, чтобы сии слитки, составляющие сорок пудов серебра, были обращены в изображения четырех Евангелистов и служили украшением церкви Казанской Божией Матери в Санкт-Петербурге. Все издержки, нужные на изваяние сих священных ликов, принимаем мы на свой счет» [5; С. 369].

Не без воли Божией прошла война «двенадцатого года» – так думал и государь, и русский народ, победу славную приписав не себе, а силе Божией: «Не нам, не нам, а имени Твоему» было выбито на медали в память войны 1812 г. Фельдмаршал М.И. Кутузов после войны отмечал, что если Россы всегда будут сражаться за веру своих прародителей и честь народную, то Слава будет вечным их спутником, и горе злодею, покусившемуся на хранимую Богом святую Русь [4; С. 313].

Таким образом, исследование религиозного аспекта в армии России XVII – начала XIX вв. показывает, что он являлся духовной основой воинского служения и определял нравственные нормы поведения воинов России в рассматриваемый период.

Список литературы

1. *Алехин И.А., Иванов В.П.* Формирование военного духовенства в русской армии XVIII в. // Мир образования – образование в мире. 2013. № 3.
2. Артикул воинский с кратким толкованием. СПб., 1735 (Электронный ресурс) // URL: http://militera.lib.ru/regulations/russr/1715_artikul/index.html
3. *Григорьев А.Б.* Вера и Верность: очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. М.: Кучково поле, 2005. – 472 с.
4. *Жилин П.А.* Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. М.: Воениздат, 1978. – 399 с.
5. *Золотарев О.В.* Стратегия духа армии. Армия и Церковь в русской истории, 988–2005 гг. Антология: 2-е изд., доп.: В 2-х кн. Кн. 1. Челябинск: Социум, 2006. – 736 с.
6. *Иванов В.П.* Становление и развитие системы религиозного воспитания военнослужащих Русской армии в XVIII – начале XX века: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2014. – 608 с.
7. *Исакова Е.В.* Храмы – памятники русской воинской доблести // Знание. Серия «История». 1991. № 11.
8. *Исакова Е.В.* Периодизация истории Института военного духовенства (Электронный ресурс) // URL: <http://www.sedmitza.ru/text/406641.html>
9. *Котков В.М.* Военное духовенство России. Страницы истории: монография. СПб, 2004 (Электронный ресурс) // URL: http://pobeda.ru/biblioteka/kotkov_1.zip
10. *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб.: Лань, 2002. – 384 с.
11. Учение и хитрость ратного строя пехотных людей (1647 г.). СПб.: Типография «Бережливость», 1904. – 357 с.

Reference list

1. *Alekhin I., Ivanov V.* The formation of military clergy in the Russian army of the XVIII century // World of education – education in world. 2013. № 3.
2. Article the military with a brief interpretation. SBR., 1735. (Electronic resource) // URL: http://militera.lib.ru/regulations/russr/1715_artikul/index.html
3. Doctrine and cunning of military order of infantry men (1647). SBR.: Printing house "Berezhlivost", 1904. P. 357.
4. *Grigor'ev A.* Belief and Allegiance: The historical sketches about relations between the Russian Orthodox Church and the Russian army. M.: Kuchkovo pole, 2005. P. 472.
5. *Ivanov V.* The formation and development of the system of religious education of soldiers of the Russian army in the XVIII – the early XX centuries: Thesis of Doctor of Pedagogy. M., 2014. P. 608.
6. *Isakova E.* Periodization of the history of the military clergy institution. (Electronic resource) URL: <http://www.sedmitza.ru/text/406641.html>
7. *Isakova E.* Temples – monuments of the Russian military valiancy // Knowledge. Series "The History". 1991. № 11.
8. *Kotkov V.* The military clergy of Russia. Pages of history: Monograph. SBR., 2004 (Electronic resource) // URL: http://pobeda.ru/biblioteka/kotkov_1.zip
9. *Pavlov A.* The course of church law. SBR.: Lan', 2002. P. 384.
10. *Zhilin P.* Kutuzov. Life and work generalship. M.: Voenizdat, 1978. P. 399.
11. *Zolotarev O.* Strategy of the spirit of the army. The army and the Church in the Russian history, 988–2005. Anthology: 2nd edition, completed: In 2 books. Book 1. Chelyabinsk: Sotsium, 2006. P. 736.

УДК 159.942

Сенкевич Л.В.,

кандидат психологических наук, доцент, докторант кафедры возрастной психологии факультета психологии образования Московского городского психолого-педагогического университета

ВОЗРАСТНЫЕ АСПЕКТЫ СУБЪЕКТИВНОГО ОЩУЩЕНИЯ ОДИНОЧЕСТВА В ГРУППЕ НОРМЫ И ГРУППАХ РИСКА

В статье представлены данные эмпирического исследования одиночества в выборках здоровых, алкогользависимых, наркозависимых и склонных к суицидальному поведению респондентов юношеского, молодого и зрелого возрастов. Здоровым респондентам всех возрастов свойствен низкий уровень субъективного ощущения одиночества. В группах алкогользависимых и наркозависимых одиночество с возрастом увеличивается, достигая максимальных значений у респондентов зрелого возраста. Наивысшие показатели одиночества в группе суицидентов выявлены у респондентов юношеского возраста.

Ключевые слова: одиночество, группа нормы, группы риска, алкогольная зависимость, наркомания, суицидальное поведение, юность, молодость, зрелость

Senkevich L.,

PhD in Psychology, Associate Professor, Doctoral student of Chair of Development Psychology of the Faculty of Educational Psychology of the Moscow City Psychological-Pedagogical University

AGE ASPECTS OF SUBJECTIVE FEELINGS OF LONELINESS IN THE NORM GROUP AND RISK GROUPS

The article deals with the data of an empirical study of loneliness of juvenile, young and mature age's respondents of healthy, alcohol-dependents, drug-dependents are having a suicidal behavior, in selections. Healthy respondents of all ages are characterized by low level of subjective feelings of loneliness. In groups of alcohol-dependents and drug-dependents the loneliness increases with age, reaching its maximum values at the mature age's respondents. The highest rates of loneliness have been identified in respondents of juvenile age in the suicides' group.

Keywords: loneliness, norm group, risk group, alcohol dependence, drug dependence, suicidal behavior, juvenility, youth, maturity

Одиночество является объектом изучения различных гуманитарных наук: антропологии, философии, психологии, социологии. В истории философско-психологической мысли осмысление и объяснение проблемы одиночества достаточно многообразно: от преклонения перед ним на Древнем Востоке до активного его неприятия в Древней Греции. Платон и Аристотель определяли одиночество как зло, путь к избавлению от которого лежит в наслаждении благом любви и дружбы. По мнению С. Кьеркегора, одиночество – это замкнутый внутренний мир человеческого самопознания, и единственным собеседником человека может быть образ Бога, который находится в нем самом. Г. Гегель рассматривал одиночество как потерю двух отношений: связи с социальным миром и связи с собой. Согласно философии Ж.-П. Сартра самопознание личности всегда сопряжено с переживанием

экзистенциального одиночества как неотъемлемой части человеческого бытия. В. Франкл полагал, что состояние одиночества возникает тогда, когда человек утрачивает смысл жизни и определенные ценности [8]. Д. Рисмен и О. Тоффлер видели причину одиночества в ускорении темпов жизни в условиях научно-технического прогресса, когда человек остается «один в толпе» [3; 4; 5; 7].

В настоящее время разработано множество подходов к изучению одиночества: биологический, феноменологический, экзистенциально-гуманистический, социологический, психодинамический, интеракционистский, когнитивный, теоретико-системный. И тем не менее одиночество остается одной из самых сложных и трудноразрешимых психологических и социальных проблем.

Факторы одиночества подразделяются на внешние (кризисные события индивидуального жизненного пути: ситуации утраты, такие как развод, смерть близкого человека, феномен «опустевшего гнезда», когда выросшие дети покидают родительский дом; тяжелое хроническое заболевание; переезд в другой город; потеря работы и т.д.) и внутренние (определенные личностные свойства – застенчивость, неуверенность в себе, неадекватно заниженная самооценка, недоверчивость, подозрительность и пр.) [6; 7]. Р. Вейс различает социальное и эмоциональное одиночество, так как считает одиночество продуктом фактора личности и фактора ситуации. Он определяет одиночество как острое ощущение напряженности и беспокойства, обусловленное фрустрированной потребностью иметь теплые, глубокие, дружеские отношения [9].

Чувство одиночества всегда субъективно и сугубо индивидуально. Оно различается по типу (одиночество среди «своих», «значимых других», при широком круге общения, переживаемое как чувство непонятости, инакости, отгороженности; одиночество как отсутствие социальной поддержки; так называемое «истинное» одиночество, когда субъективный и объективный пласты этого ощущения сливаются воедино – человек действительно одинок, он живет один, у него нет родных и близких, нет друзей; «одиночество отчаяния» [1] после психотравмирующих кризисных событий индивидуального жизненного пути), по длительности (эпизодическое – хроническое), по интенсивности переживания (от легкой грусти до витальной тоски). Одиночество свидетельствует о фрустрации социальных смыслов личности [2], таких как общение, принятие, признание. Чтобы избежать одиночества, могут предприниматься попытки ухода в мир алкогольных или наркотических грез, за спасительным порогом которого никакого спасения нет. «Одиночество отчаяния» может толкнуть человека на предельный и безвозвратный акт самодеструкции – суицидальную попытку. Особенно уязвимыми в этом плане являются молодежь и юношество.

Организация исследования

Эмпирическое исследование субъективного ощущения одиночества в группе нормы и так называемых «группах риска» проводилось в течение 2011–2014 гг. Всего в исследовании приняли участие 1345 респондентов юношеского, молодого и зрелого возрастов. Группа нормы включала в себя 948 условно здоровых испытуемых с нормативным поведением: 437 мужчин и 511 женщин, из них лица юношеского возраста (17 лет – 23 года) были представлены юношами и девушками в количестве 241 человек, в выборку молодого возраста (24 года – 35 лет) вошли 259 человек, число здоровых респондентов зрелого возраста (36–60 лет) составило 448 человек. Условно здоровые обследуемые набиралась на базах Государственной классической академии имени Маймонида и Московского городского психолого-педагогическо-

го университета. В эту выборку вошли студенты гуманитарных факультетов, слушатели различных программ профессиональной переподготовки и курсов повышения квалификации, их родственники и знакомые. Три группы риска были представлены лицами с аддиктивным и суицидальным поведением, относящимися к тем же периодам онтогенетического развития – юности, молодости и зрелости. Выборка алкогользависимых респондентов составила 103 человека юношеского, молодого и зрелого возрастов: 78 мужчин и 25 женщин. В группу лиц с химическими зависимостями (страдающих опийной наркоманией и полинаркоманиями, из них 94 мужчины и 77 женщин) вошли 57 юношей и девушек, 70 респондентов молодого и 43 респондента зрелого возрастов – всего 171 испытуемый. Третью группу риска составили 123 суицидента, в жизненном анамнезе которых было от 1 до 4-х суицидальных попыток, 41 респондент юношеского возраста, 43 – молодого и 39 – зрелого, из них 45 мужчин и 78 женщин. Эмпирическими базами для «групп риска» послужили Московский научно-практический центр наркологии, Центр психологической помощи Евгения Полякова, Наркологическая клиническая больница № 17, Психиатрическая клиническая больница № 4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения г. Москвы, Московский научно-исследовательский институт психиатрии (филиал ФГБУ «ФМИЦПН») Минздрава России. Необходимо отметить, что у всех респондентов, стационарированных в острые отделения ПКБ № 4 им. П.Б. Ганнушкина, а также в отделения аффективной патологии МНИИ психиатрии, на фоне наркотических и алкогольных психозов или суицидальных попыток было диагностировано отсутствие эндогенной симптоматики, о чем свидетельствовали данные историй болезни, пато- и нейропсихологических заключений и результаты бесед с лечащими врачами и медицинскими психологами. На момент обследования все аддикты были выведены из психозов с помощью адекватной и эффективной психофармакотерапии и находились в ясном сознании.

В проведенном исследовании решались следующие задачи:

- сопоставить показатели субъективного ощущения одиночества условно здоровых респондентов с нормативным поведением, алкогользависимых испытуемых, лиц с наркотической зависимостью и суицидентов;
- сравнить уровни субъективного ощущения одиночества и особенности отношения к смерти респондентов всех четырех выборок на разных возрастных этапах: в юности, молодости и зрелости.

Для решения поставленных задач в эмпирическом исследовании использовалась Шкала одиночества (UKL) Д. Рассел и М. Фергюсон в адаптации Н.Е. Водопьяновой [1].

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

В таблице 1 и на рис. 1 представлены среднегрупповые значения показателей одиночества в группе нормы и группах риска.

Таблица 1.

Среднегрупповые показатели уровней одиночества условно здоровых, алкогользависимых, наркозависимых респондентов и респондентов с суицидальным поведением

Группа испытуемых	Среднегрупповое значение	Стандартное отклонение	N
Норма	18,4706	10,00791	948
Алкоголики	27,0746	11,76192	103
Наркоманы	36,3182	13,97998	171
Суициденты	29,8217	16,71753	123
Всего	21,8116	12,88443	1345

Как видно на графике 1, самый высокий уровень субъективного ощущения одиночества (36,32 балла) зафиксирован в выборке лиц, страдающих опийной наркоманией и полинаркоманиями, самый низкий (18,47 балла) – в группе нормы.

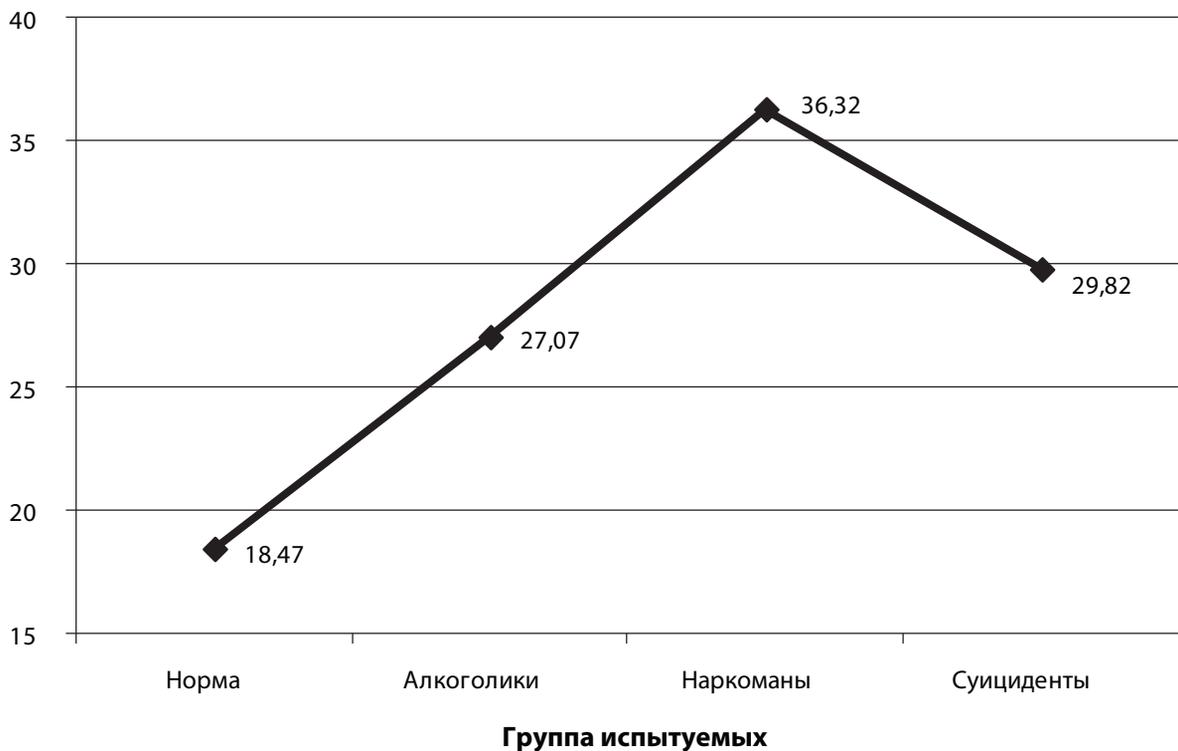

Рис. 1. Уровни субъективного одиночества в группе нормы и группах риска

Статистический анализ полученных данных выявил достоверные, на высоком уровне значимости, различия в показателях субъективного ощущения одиночества между группой нормы и всеми тремя группами риска (см. табл. 2): одиночество в выборке условно здоровых респондентов с нормативным поведением существенно (при $p < 0,001$) ниже, чем в группах респондентов с алкогольной зависимостью, наркозависимостью и суицидальным поведением. Также выявлены достоверные различия в показателях одиночества между группой наркозависимых и всеми остальными выборками: субъективное ощущение одиночества значительно (при $p < 0,001$) выше в группе наркоманов, чем в группе нормы, группе алкогользависимых и выборке суицидентов.

Таким образом, наркозависимые личности в наибольшей степени склонны к переживанию субъективного одиночества. Анализ протоколов ответов этих респондентов к «Шкале одиночества» показал, что в большинстве случаев отметками «часто» помечались следующие утверждения опросника: «Я испытываю недостаток в дружеском общении», «Никто из окружающих не разделяет моих интересов и мыслей», «Вокруг меня нет людей, кто искренне готов меня поддержать», «У меня нет глубоких привязанностей (глубоких чувств)», «Я несчастен(а) оттого, что мне не хватает общения с понимающими и интересными мне людьми».

Попарные сравнения продемонстрировали отсутствие достоверных различий в уровне одиночества между двумя группами риска: алкогользависимыми и суицидентами: среднегрупповые показатели в обеих выборках примерно одинаковы (27,07 и 29,82 балла соответственно).

Анализ ответов к опроснику «Шкала одиночества» лиц, страдающих алкоголизмом, и респондентов, совершивших суицидальные попытки, свидетельствует об их недовольстве семейной жизнью, отсутствии необходимой социальной поддержки, чувстве непонятости,

Таблица 2.

Различия в показателях одиночества

Множественные сравнения						
Зависимая переменная: Одиночество						
НЗР						
(I) Группа испытуемых	(J) Группа испытуемых	Средняя разность (I-J)	Стандарт. Ошибка	Значимость различий	95% доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
Норма	Алкоголики	-8,6040*	1,43434	0,000	-11,4178	-5,7901
	Наркоманы	-17,8475*	1,05289	0,000	-19,9131	-15,7820
	Суициденты	-11,3511*	1,06364	0,000	-13,4377	-9,2644
Алкоголики	Норма	8,6040*	1,43434	0,000	5,7901	11,4178
	Наркоманы	-9,2436*	1,70429	0,000	-12,5870	-5,9001
	Суициденты	-2,7471	1,71095	0,109	-6,1036	,6094
Наркоманы	Норма	17,8475*	1,05289	0,000	15,7820	19,9131
	Алкоголики	9,2436*	1,70429	0,000	5,9001	12,5870
	Суициденты	6,4965*	1,40663	0,000	3,7370	9,2560
Суициденты	Норма	11,3511*	1,06364	0,000	9,2644	13,4377
	Алкоголики	2,7471	1,71095	0,109	-,6094	6,1036
	Наркоманы	-6,4965*	1,40663	0,000	-9,2560	-3,7370

Основаны на наблюдаемых средних.
 Погрешность – Средний квадрат (Ошибка) = 129,087.
 *Средняя разность значима на уровне 0,05.

изолированности от окружающих. В ответах суицидентов, кроме того, прослеживается ощущение неспособности улаживать отношения с окружающими, стремление не раскрывать перед ними глубины своих чувств и переживаний.

В группе нормы зафиксирован низкий уровень одиночества, во всех группах риска – средний.

Теперь проанализируем возрастную динамику одиночества во всех четырех выборках. На рис. 2 представлены возрастные различия в показателях одиночества в группе нормы, группах алкогользависимых и наркозависимых и в группе суицидентов.

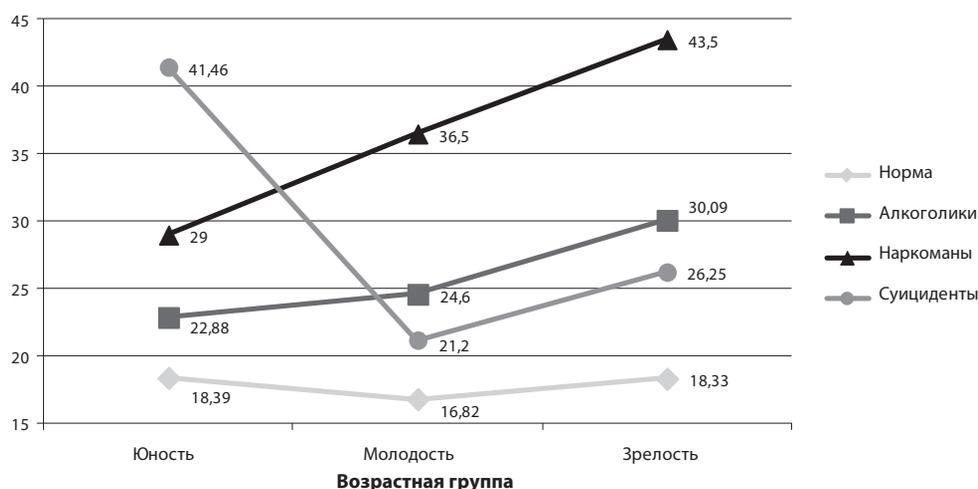

Рис. 2. Возрастные различия в уровнях одиночества в группе нормы и группах риска

Как видно на рис. 2, здоровым респондентам без признаков отклоняющегося поведения свойственен устойчиво низкий уровень субъективного ощущения одиночества на всех трех этапах онтогенетического развития: в юности, молодости и зрелости. Наблюдается незначительное снижение уровня одиночества от юности к молодости и затем незначительное повышение этого показателя в зрелости. Достоверных возрастных различий в показателях одиночества в группе нормы не обнаружено (см. табл. 3). Выявлены различия на уровне тенденции по этому параметру между здоровыми респондентами молодого и зрелого возрастов: в группе нормы самый низкий показатель субъективного ощущения одиночества свойственен молодым людям.

В группах как алкогользависимых, так и наркозависимых респондентов возрастная динамика переживания одиночества сходна: в юности в обеих группах риска лиц с аддикциями зафиксированы наиболее низкие значения по этому параметру, в молодости показатели одиночества возрастают и еще более высокий уровень одиночества зафиксирован в этих выборках у испытуемых зрелого возраста. Вместе с тем если в группе лиц с алкогольной зависимостью, как и в группе нормы, не выявлено статистически значимых возрастных различий в показателях одиночества (различия на уровне тенденции обнаружены лишь между алкоголизирующимися испытуемыми молодого и зрелого возрастов), то в выборке обследуемых с опийной наркоманией и полинаркоманиями достоверные различия выявлены между всеми возрастными подгруппами. Достоверные, на высоком уровне значимости ($p < 0,003$), различия обнаружены между наркозависимыми юношеского и молодого, юношеского и зрелого возрастов. Также выявлены достоверные, на пятипроцентном уровне значимости, различия в показателях субъективного ощущения одиночества между молодыми и зрелыми наркозависимыми (см. табл. 3). Если у наркотизирующихся респондентов юношеского и молодого возрастов показатели одиночества не превышают среднего уровня, то у химически зависимых зрелого возраста субъективное одиночество достигает высокого уровня (значение среднего группового показателя в подгруппе наркозависимых среднего возраста превысило 43 балла).

Таблица 3.

Значимость возрастных различий в показателях одиночества в группе нормы и группах риска

Зависимая переменная: Одиночество						
Группа нормы						
(I) Возрастная группа	(J) Возрастная группа	Средняя разность (I-J)	Стандарт. Ошибка	Значимость различий	95% доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
1 (юность)	2 (молодость)	1,5636	1,00693	0,121	-0,4124	3,5395
	3 (зрелость)	0,0625	0,89812	0,945	-1,7000	1,8249
2 (молодость)	1 (юность)	-1,5636	1,00693	0,121	-3,5395	0,4124
	3 (зрелость)	-1,5011	0,86147	0,082	-3,1916	0,1894
3 (зрелость)	1 (юность)	-0,0625	0,89812	0,945	-1,8249	1,7000
	2 (молодость)	1,5011	0,86147	0,082	-0,1894	3,1916
Группа алкогользависимых респондентов						
(I) Возрастная группа	(J) Возрастная группа	Средняя разность (I-J)	Стандарт. Ошибка	Значимость различий	95% доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница

1 (юность)	2 (молодость)	-1,7111	4,48506	0,704	-10,6710	7,2488
	3 (зрелость)	-7,2020	4,33877	0,102	-15,8697	1,4657
2 (молодость)	1 (юность)	1,7111	4,48506	0,704	-7,2488	10,6710
	3 (зрелость)	-5,4909	3,05919	0,077	-11,6024	0,6205
3 (зрелость)	1 (юность)	7,2020	4,33877	0,102	-1,4657	15,8697
	2 (молодость)	5,4909	3,05919	0,077	-0,6205	11,6024
Группа наркозависимых респондентов						
(I) Возрастная группа	(J) Возрастная группа	Средняя разность (I-J)	Стандарт. Ошибка	Значимость различий	95% доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
1 (юность)	2 (молодость)	-7,9895	2,61281	0,003	-13,1590	-2,8200
	3 (зрелость)	-14,5299	2,76559	0,000	-20,0017	-9,0581
2 (молодость)	1 (юность)	7,9895	2,61281	0,003	2,8200	13,1590
	3 (зрелость)	-6,5404	2,86660	0,024	-12,2120	-0,8688
3 (зрелость)	1 (юность)	14,5299	2,76559	0,000	9,0581	20,0017
	2 (молодость)	6,5404	2,86660	0,024	0,8688	12,2120
Группа суицидентов						
(I) Возрастная группа	(J) Возрастная группа	Средняя разность (I-J)	Стандарт. Ошибка	Значимость различий	95% доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
1 (юность)	2 (молодость)	20,2491	3,19852	0,000	13,9189	26,5794
	3 (зрелость)	15,2070	3,25872	0,000	8,7576	21,6564
2 (молодость)	1 (юность)	-20,2491	3,19852	0,000	-26,5794	-13,9189
	3 (зрелость)	-5,0421	3,23975	0,122	-11,4540	1,3697
3 (зрелость)	1 (юность)	-15,2070	3,25872	0,000	-21,6564	-8,7576
	2 (молодость)	5,0421	3,23975	0,122	-1,3697	11,4540

Иная возрастная динамика одиночества наблюдается в группе суицидентов. В этой выборке также выявлены достоверные, на высоком уровне значимости, возрастные различия по этому параметру: между респондентами юношеского и молодого ($p < 0,001$), юношеского и зрелого ($p < 0,001$) возрастов. Но в данной группе риска наивысший уровень одиночества зафиксирован в подгруппе юношей и девушек с суицидальным поведением (41,46 балла), в подгруппе молодых суицидентов этот показатель почти в два раза ниже (21,2 балла), в зрелости незначительно повышается (26,25 балла). Таким образом, экзистенциальное одиночество может быть одним из главных факторов суицида именно в юношеском возрасте.

Выводы

1. Здоровым респондентам с нормативным поведением как юношеского, так и молодого, и зрелого возрастов свойствен низкий уровень субъективного ощущения одиночества; возрастные различия в показателях одиночества в группе нормы выражены незначительно.

2. При алкогольной зависимости одиночество нарастает от одного этапа онтогенетического развития к другому: если у алкогользависимых респондентов юношеского возраста одиночество соответствует низкому уровню выраженности, то у молодых и зрелых алкоголизирующихся испытуемых субъективное ощущение одиночества достигает среднего

уровня. В наибольшей степени одиночество выражено у алкоголиков среднего возраста: с нарастанием алкогольного дефекта утрачиваются социальные контакты, разрушаются профессиональные, дружеские и родственные связи, круг общения крайне сужается, будучи обусловленным доминирующей биологической мотивацией. Возрастные различия в этой группе риска выражены на уровне тенденции.

3. Достоверные, на высоком уровне значимости, возрастные различия в уровнях одиночества выявлены в группе наркозависимых респондентов. Показатели одиночества молодых людей, употребляющих наркотики, существенно превышают эти параметры у наркотизирующихся респондентов юношеского возраста, хотя и остаются на среднем уровне; субъективное ощущение одиночества у химически зависимых зрелого возраста достигает высокого уровня. Таким образом, с возрастом у наркоманов нарастают чувства ненужности, изолированности, отгороженности от окружающих, ощущения беспомощности, безнадежности, личностной неадекватности.

4. Выраженные возрастные различия в показателях одиночества свойственны лицам с суицидальным поведением, при этом уровень субъективного ощущения одиночества в этой группе риска достигает максимальных значений у суицидентов юношеского возраста, значительно снижаясь от юности к молодости.

Список литературы

1. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. С. 171–186.
2. *Государев Н.А.* Суицидальный исход потери смысла жизни // Жизнь как главная ценность человека: сборник научных статей по материалам конференции по профилактике суицидов (10 сентября 2007 г., Москва, РГСУ) / Под ред. Е.А. Петровой. М.: Изд-во РГСУ, 2008. С. 30–38.
3. *Кинодо Ж.М.* Приручение одиночества: Сепарационная тревога в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2008. – 254 с.
4. *Корчагина С.Г.* Психология одиночества: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. – 228 с.
5. *Крюкова Т.Л.* Связь субъективного одиночества и суицидального поведения как деструктивного копинга // Социально-психологическая профилактика и психотерапия суицидального состояния личности: сборник научных статей по материалам Ш Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Е.А. Петровой и Т.И. Бонкало. М.: Изд-во «Академия имиджологии», 2014. С. 84–89.
6. *Лабиринты одиночества: пер. с англ. / Сост., общ. ред. Н.Е. Покровского.* М.: Прогресс, 1989. – 624 с.
7. *Слободчиков И.М.* Современные исследования переживания одиночества // Психологическая наука и образование. 2007. № 3. С. 27–34.
8. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. – 196 с.
9. *Weiss R.S.* Loneliness: The Experience of Emotional and Social Isolation. Cambridge MIT Press, 1973. P. 6–21.

Reference list

1. *Frankl V.* Man's Search for Meaning. M.: Progress, 1990. – 196 p.
2. *Gosudarev N.* Suicidal outcome of the loss meaning of life // Life as the human core value: A

collection of scientific papers based conference materials connected with suicide prevention (10th of September, 2007, Moscow, RSSU) / Under the editorship of A. Petrova. M.: Publishing by RSSU, 2008. P. 30–38.

3. *Kinodo Zh.* The taming of loneliness: Separation anxiety in psychoanalysis. M.: Kogito-Center, 2008. – 254 p.

4. *Korchagina S.* Loneliness Psychology. Textbook. M.: Moscow Psychological-Social Institute, 2008. – 228 p.

5. *Krukova T.* The relation of subjective loneliness and suicidal behavior as destructive coping // Socio-psychological prevention and psychotherapy of suicidal state of the individual: A collection of scientific papers based on materials of All-Russian scientific and practice conference / Under the editorship of E. Petrova and T. Bonkalo. M.: Publishing house "Akademiya imidzheologii", 2014. P. 84–89.

6. *Slobodchikov I.* Modern research of loneliness experiences // Psychological science and education. 2007. № 3. P. 27–34.

7. The labyrinth of loneliness: Translation from English / Athour, general editing and introduction by N. Pokrovskiy. M.: Progress, 1989. – 624 p.

8. *Vodop'yanova N.* Psychodiagnostics of stress. SBR.: Piter, 2009. P. 171–186.

9. *Weiss R.S.* Loneliness: The Experience of Emotional and Social Isolation. Cambridge MIT Press, 1973. P. 6–21.

УДК 378.13

Шкурко Н.М.,

кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник Московского института государственного управления и права

Лищина Г.Н.,

доктор педагогических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института образовательных технологий Тульского института экономики и информатики

Глотов О.А.,

кандидат экономических наук, доцент, директор Тульского сельскохозяйственного колледжа им. И.С. Ефанова, член-корреспондент РАН

ДОЛГОСРОЧНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕГИОНА КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ

В статье анализируются особенности долгосрочной целевой программы модернизации профессионального образования на примере Тульского региона. Данная Программа рассматривается как интегративный ресурс развития системы профессионального образования, которая осуществляет подготовку кадрового потенциала для социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: динамичное социально-экономическое развитие, российский регион, профессиональное образование, долгосрочная целевая программа модернизации, интегративный ресурс

Shkurko N.,

PhD in Psychology, Associate Professor, Research Fellow of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Lishchina G.,

Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Director of Research Institution of Educational Technologies of Tula Institute of Economics and Informatics

Glotov O.,

PhD in Economics, Associate Professor, Director of Tula Agricultural College named after I. Efanov, Member Correspondent of the Russian Academy of Natural Sciences

THE LONG-TERM TARGET PROGRAM OF MODERNIZATION IN PROFESSIONAL EDUCATION OF THE REGION AS AN INTEGRATIVE RESOURCE OF DEVELOPMENT

The article is analyzed the features of the long-term target program of modernization of professional education through the example of the Tula region. This Program is considered as an integrative resource for the development of professional education system which provides the training of human resources for socio-economic development of the region.

Keywords: dynamic socio-economic development, Russian region, professional education, long-term target program of modernization, integrative resource

Задачи динамичного социально-экономического развития российских регионов формируют новый запрос к системе профессионального образования, определяя тем самым необходимость ее модернизации с учетом происходящих изменений и предъявляемых требований федерально-регионального уровня.

Ведущей целью профессионального образования в современных модернизационных условиях является формирование выпускника новой формации, означающее его личностное развитие и профессиональное становление, сформированные профессиональные и общекультурные компетенции, обеспечивающие ему адаптивность к изменяющимся условиям на рынке труда и готовность к постоянному саморазвитию. В свою очередь, данная целевая установка определяет качественно другой уровень профессионального образования, его значимость, гибкость, мобильность и инновационный характер [2].

Модернизация профессионального образования в контексте нашего исследования определяется как обновление, совершенствование, развитие. Теоретической базой модернизации являются фундаментальные исследования российских ученых: С.Я. Батышева, И.П. Смирнова, Е.В. Ткаченко, А.М. Новикова, М.В. Никитина, В.С. Гринько, О.Н. Олейниковой и др., раскрывающие ключевые проблемы развития профессионального образования по соответствию его содержания требованиям работодателей, приближению к потребностям регионального рынка труда, обоснованности введения новых механизмов качества профессионального образования, повышению конкурентоспособности выпускника, образовательного учреждения и самой региональной системы профессионального образования [4, 5, 6, 7].

Происходящие процессы обновления поставили систему профессионального образования в ситуацию решения стратегических задач, направленных на повышение ее эффективности, инвестиционной привлекательности и тесной взаимосвязи с реальными потребностями социально-экономической сферы; создание в субъектах РФ механизмов модернизации этой системы, способствующих системным преобразованиям структурного характера и концентрации на подготовке кадров новой формации.

Долгосрочная целевая программа модернизации профессионального образования Тульской области (далее – Программа) была разработана и апробирована в процессе выполнения диссертационного исследования региональной системы развития профессионального образования на основе интегративности [1, 3].

В названии данной Программы ключевым словом выступает «модернизация», что означает поэтапное обновление региональной системы профессионального образования с учетом происходящих динамичных изменений, вызовов времени и предъявляемых требований.

Целевой установкой Программы является ее ориентированность на обеспечение кадрового потенциала отраслей экономики и социальной сферы Тульской области, что предполагает комплексные системные изменения в различных направлениях развития.

Априори модель модернизации системы профессионального образования любого региона предусматривает формирование рынка образовательных услуг и механизмов его регулирования; оценку качества образования; ресурсную обеспеченность подготовки кадров.

Обновление системы профессионального образования Тульской области обеспечивают пять комплексных задач, системно решаемых Программой.

Среди них выделяются:

1) повышение конкурентоспособности и профессиональной компетентности, создание условий для социальной мобильности выпускников учреждений профессионального образования;

- 2) обновление содержания профессионального образования;
- 3) качественное изменение образовательной среды и модернизация материально-технической базы учреждений;
- 4) развитие кадрового потенциала системы профессионального образования;
- 5) создание внешней независимой оценки качества профессионального образования.

В условиях перехода образовательных учреждений всех уровней профессионального образования к обучению на основе принципиально новых федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОС) предусматриваются другие акценты в подготовке конкурентоспособного выпускника. Новые ФГОС невозможно реализовать без связи с работодателями, что предусматривает и детальное анкетирование социальных партнеров учебных заведений, и заказы от них на формулирование специальных компетенций, поскольку макеты новых стандартов включают общие и профессиональные компетенции. Участие работодателей становится обязательным и необходимым условием на всех этапах сопровождения основной профессиональной образовательной программы (далее – ОПОП) профильной подготовки выпускника:

- 1 этап – разработка основных профессиональных образовательных программ по профилям подготовки;
- 2 этап – определение видов профессиональной деятельности выпускника (профессиональных модулей);
- 3 этап – определение по видам профессиональной деятельности профессиональных компетенций выпускника;
- 4 этап – реализация ОПОП;
- 5 этап – организация производственной практики по видам профессиональной деятельности;
- 6 этап – разработка фондов оценочных средств по общим и профессиональным компетенциям выпускника;
- 7 этап – укрепление материально-технической базы образовательного учреждения;
- 8 этап – стажировка мастеров производственного обучения и преподавателей специальных дисциплин;
- 9 этап – оценка качества освоения выпускниками основных профессиональных образовательных программ.

Внедряемая Программа включает в себя необходимый комплекс первоочередных мероприятий, направленных на повышение эффективности и инвестиционной привлекательности региональной системы профессионального образования. К ним относятся:

- повышение доступности образовательных услуг профессиональных образовательных организаций;
- повышение качества образовательных программ профобразования;
- обновление взаимодействия с работодателями;
- совершенствование управления организации профессионального образования;
- оптимизация сети учреждений профобразования.

Среди ключевых мероприятий особое место в ходе реализации Программы модернизации занимает процесс создания в регионе пакета программ всех уровней образования, т.е. формирование регионального перечня основных профессиональных образовательных программ, обеспечивающих подготовку кадрового потенциала региона.

Указанный перечень формируется на основе прогнозов структуры рабочих мест в экономике региона, требований к уровню и качеству подготовки, приоритетов в сфере про-

фессионального образования. Координирует этот процесс формирования регионального перечня основных профессиональных образовательных программ региональный орган управления образованием совместно с корпоративными структурами рынка труда (торгово-промышленной палатой и региональными ассоциациями работодателей).

Изученный нами опыт других российских регионов подтверждает огромную значимость в этом процессе именно торгово-промышленной палаты регионов как корпоративной структуры, аккумулирующей партнерские ресурсы.

Это означает большую совместную работу и лидирующую роль Тульской торгово-промышленной палаты в ходе создания аннотированного перечня основных профессиональных образовательных программ подготовки кадров на среднесрочную перспективу (3–5 лет); перечень программ на долгосрочную перспективу (более 5 лет); а также перечень организаций, предлагающих услуги по разработке ОПОП.

Проведение оценки основной профессиональной образовательной программы подготовки кадров для определения ее качества и востребованности предполагает участие в ней представителей 5 групп. К ним относятся:

- во-первых, *государственные структуры*, курирующие вопросы образования, рынка труда и занятости (государственная инспекция, представители законодательной и исполнительной местной власти, служба надзора и контроля в сфере образования). Их основной задачей является проверка ОПОП на соответствие стандартам и обеспеченностью ресурсами через выявление и предотвращение возможных нарушений законодательства при проектировании указанных программ;

- во-вторых, *представитель работодателя*, профессиональные ассоциации, заинтересованные в повышении качества основных профессиональных образовательных программ. Ключевой задачей их экспертной деятельности является обеспечение высокой профессиональной готовности специалиста посредством выявления соответствия ОПОП требованиям производства;

- в-третьих, *представитель образовательного сообщества*, который выявляет соответствие тенденциям развития образования, внутреннюю согласованность основных элементов программы на основе анализа соответствия современным тенденциям развития образования, адекватности предложения ситуации;

- в-четвертых, *потребитель*, который анализирует открытость основной профессиональной образовательной программы, ее доступность и прозрачность для потребителя, выявляет обоснованность расчетов ее стоимости и гибкость программы (таблица 1).

На каждую образовательную программу подготовки кадров предусматривается пять оценочных экспертных листов: от государственных структур, профессионально-образовательного сообщества, представителя работодателя, потребителя и разработчиков программы (ее самооценка). Максимальное количество выставляемых в каждом оценочном листе баллов составляет 100, включая дополнительные баллы эксперта – до десяти [8].

В Программу модернизации включены также и конечные показатели. Так, например, для решения задачи «создание внешней независимой системы оценки качества профессионального образования» необходимы мероприятия, которые предусматривают:

- повышение качества ОПОП среднего профессионального образования;
- востребованность программ и квалификаций выпускников с позиций конечного потребителя;

- внедрение моделей и механизмов разработки, экспертизы образовательных программ с прямым участием объединений работодателей;

– формирование региональной независимой системы оценки качества профессионального образования, включая оценку и сертификацию квалификаций выпускников в созданном центре оценки и сертификации.

Таблица 1.

Критерии оценки эффективности образовательной профессиональной программы подготовки кадров различными экспертами

Критерии оценки ОПП / Субъекты оценки	Государственные структуры	Профессиональные образовательные сообщества	Работодатель	Потребитель	Разработчики программы (самооценка)
1. Востребованность образовательной программы	Потенциальная востребованность специалистов, прошедших подготовку по данной программе, на рынке труда	Востребованность данной программы на рынке образовательных услуг по сравнению с аналогичными программами в регионе	Возможность трудоустройства выпускников (по профилю программы) в течение одного года после окончания обучения на рынке труда региона	Перспективность квалификаций на рынке труда	Востребованность данной программы на рынке образовательных услуг по сравнению с аналогичными в регионе
2. Ее соответствие тенденциям развития образования	Реализация кредитно-исчислимой системы	Реализация модульного принципа	Технологичность, соответствие современному производству	Наличие современных средств оценивания намеченных образовательных результатов курса.	Возможность обращений к образовательной программе, размещенной в открытом доступе на информационных ресурсах ОУ со стороны абитуриентов и обучающихся в ОУ
3. Внутренняя согласованность	Адекватность выбранных форм и методов обучения (учения) намеченным образовательным результатам курса	Цели, условия и способы оценки образовательных результатов ОПП. Их обоснованность и логическое соответствие между собой	Соответствие содержания ОПП заявленным целям и задачам	Конечные результаты обучения (образовательные результаты) соответствуют ожиданиям	Планируемые результаты освоения профессиональной образовательной программы логически вытекают из целей подготовки и отражают общие, профессиональные компетенции, знания и умения (практический опыт).
4. Способность образовательной программы обеспечить высокую профессиональную готовность специалиста	Соответствие ООП потребностям регионального рынка труда	Сбалансированность теории и практики	Обеспеченность образовательной программы, кадровыми, материально-техническими и информационными ресурсами, направленными на формирование профессиональных компетенций	Программа обеспечивает достижение образовательных результатов, которые являются основной для приобретения будущим выпускником набора профессиональных компетентностей	Возможность для обучающихся по программе пройти сертификацию квалификаций в независимых Центрах оценки квалификаций (у работодателей)
5. Гибкость образовательной программы, ее способность к изменениям	Наличие и эффективность инструментов самооценки	Жизнеспособность программы. Точность определения потребителя (целевые группы) ОПП	Наличие корректирующих процедур для учета потребностей профессионального сообщества, а также экономических, демографических и технологических тенденций	Наличие, уровень и полнота методических рекомендаций для студентов	Возможность программы к оперативной модификации в ситуации изменения условий ее реализации
6. Обеспеченность образовательной программы ресурсами	Полнота и достаточность материалов, содержащихся в ОПП для ее реализации преподавателем	Оценка достаточности ресурса для достижения поставленных целей (инфраструктура, кадры, УМК, литература)	Соответствие изучаемых профессиональных инструментов (устройств или программных приложений, используемых для решения специфических для данной специальности задач) требованиям современной профессиональной деятельности	Понятны и открыты перечни вопросов для подготовки ко всем итоговым контрольным мероприятиям	Достаточность условий для достижения поставленных целей и получения запланированных результатов

7. Обоснованность расчетов на реализацию образовательной программы	Соответствие стоимости ООП существующим нормам	Обоснованность расчетов стоимости программы	Инвестиционная привлекательность программы и ее способность быть эффективной на рынке	Соотносимость стоимости программы аналогичным программам в региональной практике	Влияние программы на работу и рабочую нагрузку преподавателей
8. Практическая ориентация образовательной программы	Потребность в выпускниках данной программы на региональном рынке труда	Обеспечение программой достаточного уровня самостоятельности учащихся при освоении программы	Выбор современных баз производственной практики	Возможность трудоустройства выпускников (по профилю программы) в течение одного года после окончания обучения	Сбалансированность теории и практики
9. Открытость образовательной программы, ее прозрачность и доступность для потребителя	Обеспечение доступности освоения программы студентами с ограниченными возможностями здоровья	Открытость программы. Размещение ее в открытом доступе.	Взаимосвязь с местным сообществом и социальными партнерами	Правила и критерии оценок поняты	Возможность обращений со стороны преподавателей образовательного учреждения к образовательной программе, размещенной в открытом доступе на информационных ресурсах образовательного учреждения
Краткий комментарий (рекомендации – доработать документы, заполнить описание и др.), подпись эксперта, дата	Краткий комментарий (рекомендации – доработать документы, заполнить описание и др.), подпись эксперта, дата	Краткий комментарий (рекомендации – доработать документы, заполнить описание и др.), подпись эксперта, дата	Краткий комментарий (рекомендации – доработать документы, заполнить описание и др.), подпись эксперта, дата	Краткий комментарий (рекомендации – доработать документы, заполнить описание и др.), подпись эксперта, дата	Краткий самоанализ и пояснения, подпись эксперта, дата

И в этом процессе внешней независимой оценки качества прослеживается лидирующая роль Тульской торгово-промышленной палаты, координирующей деятельность комитетов по профессиональному образованию, Совета руководителей кадровых служб предприятий, ведущих промышленных предприятий и организаций по отраслям. Именно так можно обеспечить достижение заложенных в Программе конечных показателей в виде доли выпускников, охваченных добровольной отраслевой сертификацией качества подготовки (95%) и получивших разряды, выше установленного уровня (70%).

Таким образом, Программа модернизации является одним из возможных инструментов решения задач развития системы профессионального образования, обеспечивающей необходимый кадровый потенциал для приоритетных направлений социально-экономического развития Тульской области.

Вместе с тем Программа рассчитана на включение в процесс модернизации региональной системы профессионального образования организаций различных типов и форм собственности, образовательных учреждений всех уровней, региональных объединений работодателей, органов власти, Совета директоров учреждений профессионального образования для реализации стратегических задач развития региона. Лидирующую роль в процессе модернизации региональной системы профессионального образования занимает Тульская торгово-промышленная палата. Непосредственное взаимодействие учреждений профессионального образования с 800 предприятиями, входящими в ее состав, тесный контакт с отраслевыми комитетами может способствовать обеспечению устойчивости каждого учреждения на рынке образовательных услуг, увеличению его «ассортиментного портфеля», усилению социальной значимости предлагаемых проектов, повышению значимости образовательного учреждения в системе образования региона, росту его статуса, улучшению имиджа и привлекательности для потенциальных потребителей его услуг.

Список литературы

1. Проект «Разработка стратегии и формирование методологии модернизации профессионального образования в целях реализации стратегий социально-экономического развития субъектов РФ». Отчет по виду работы (услуги) 1.21. «Разработка моделей реализации программ сетевого взаимодействия, направленных на реализацию стратегий социально-экономического развития субъектов РФ».
2. Стратегия модернизации системы профессионального образования Российской Федерации (Государственный контракт № П1769 от 01 октября 2009 г. на выполнение работ (оказание услуг) для государственных нужд).
3. *Лищина Г.Н.* Региональная система развития профессионального образования на основе интегративности: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2013. – 390 с.
4. *Никитин М.В.* Социальные партнеры как соучредители // Новые исследования. Педагогическая наука практике: Приложение к журналу «Профессиональное образование». 2004. № 2. С. 3–7.
5. *Оборин М.В.* Социальное партнерство учреждений среднего профессионального образования с промышленными предприятиями в подготовке специалистов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2007. – 26 с.
6. Практика социального партнерства регионов России: материалы Всероссийской конференции / А.Т. Глазунов, В.Ю. Выборнов, В.Г. Казаков и др. М., 2003. – 49 с.
7. Реформы образования и конкурентоспособность специалиста: материалы Интернет-конференции // Профессиональное образование. Столица. 2010. № 8. С. 3–17.
8. Реализация сетевого взаимодействия в системе профессионального образования Российской Федерации: методические рекомендации / И.В. Аржанова, М.Ю. Барышникова, Н.Ю. Посталюк, Д.В. Пузанков. М.: Национальное агентство развития Российского союза промышленников и предпринимателей: Национальный фонд подготовки кадров, 2010. – 107 с.

Reference list

1. Education reforms and competitiveness of specialist: Proceedings of the Internet conference // Professional education. Stolitsa. 2010. №. 8. P. 3-17.
2. Implementation of network interaction in professional education system of the Russian Federation: Methodological recommendations / I. Arzhanova, M. Baryshnikova, N. Postalyuk, D. Puzankov. M.: National Development Agency of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs: National Training Foundation, 2010. P.107.
3. Lishchina G. Regional system of professional education development on the basis of integrity: Thesis of Doctor of Pedagogy. M., 2013. P. 390.
4. *Nikitin M.* Social partners as co-founders // New studies. Pedagogical science in practice: The supplement to the journal "Professional education". 2004. №. 2. P. 3-7.
5. *Oborin M.* Social partnership of institutions of secondary professional vocational education with industrial enterprises in specialization training: Synopsis of a thesis of PhD in Pedagogy. Tolyatti, 2007. P. 26.
6. Project: "Development strategies and the formation of the methodology of modernization of professional education in order to implement the strategies of socio-economic development of subjects of the Russian Federation". The report by item of work (service) 1.21. "Development of models for the implementation of programs of networking interaction, which are aimed at the implementation of strategies of socio-economic development of subjects of the Russian Federation".

7. The practice of social partnership of the regions of Russia: Proceedings of All-Russian conference / A. Glazunov, V. Vybornov, V. Kazakov and etc. M., 2003. P. 49.
8. The strategy of modernization of professional education system of the Russian Federation (State contract № P1769 from 1st of October, 2009 for performance of works (services accomplishment) for state requirements).

УДК 159.9.07

Заварзина О.О.,

доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой специальной, клинической психологии и инклюзивного образования Российского государственного социального университета

Козьяков Р.В.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной, клинической психологии и инклюзивного образования Российского государственного социального университета

Кутянова И.П.,

кандидат психологических наук, руководитель Центра реабилитационных программ Национальной ассоциации реабилитационных центров

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРЕЙ И ТИП ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

Приведены результаты сравнительного исследования уровня самооценки, копинг-стратегий матерей и их формы отношения к своим детям с проявлениями зависимости от психоактивных веществ у матерей, дети которых не потребляют ПАВ. Полученные данные могут быть использованы при проведении семейной психотерапии или разработке профилактических или коррекционных программ для зависимых от ПАВ.

Ключевые слова: зависимость от психоактивных веществ, воспитание наркозависимых, созависимость, воспитательные установки, предрасположенность, стрессоустойчивость

Zavarzina O.,

Doctor of Medicine, Professor, Head of Chair of Psychology for Special Needs, Clinical Psychology and Inclusive Education of the Russian State Social University

Koz'yakov R.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Psychology for Special Needs, Clinical Psychology and Inclusive Education of the Russian State Social University

Kutyanova I.,

PhD in Psychology, Director of Center of Rehabilitation Programs of the National Association of Rehabilitation Centers

PERSONALITY TRAITS OF MOTHERS AND THE TYPE OF CHILD-REARING PRACTICES WITH MANIFESTATION OF DEPENDENCE ON PSYCHOACTIVE SUBSTANCES

The results of a reference-controlled study of self-assessment level, coping strategies of mothers and their forms of attitude towards their children with manifestations of dependence on psychoactive substances and the mothers whose children do not use psychoactive substances are led in the article. The obtained data can be used when conducting family therapy and by the development of preventive and intervention programs for psychoactive substances' dependants.

Keywords: dependence on psychoactive substances, education of drug-dependants, codependence, educational attitudes, disposition, stress resistance

Несомненным является доказательство влияния наследственности и типа воспитания на формирование зависимости от психоактивных веществ (ПАВ) и наркотиков.

Зависимость от наркотиков оказывает негативное влияние не только на потребителей ПАВ, но и их родителей и близких [1, 4, 5, 7, 9]. Семьи зависимых лиц психологически становятся вовлеченными в особенности употребления алкоголя и наркотиков. Этот феномен описан как явление созависимости [2, 3, 6, 8, 10, 11, 14, 17]. Вместе с тем недостаточно изученными являются личностные психологические особенности матерей и выбранный ими тип воспитания детей с проявлениями зависимости от психоактивных веществ [12, 13, 15, 16].

Цель настоящего исследования состояла в изучении используемых в семьях алкоголе- и наркозависимых методов воспитания и своеобразии личностных особенностей их матерей.

В ходе исследования приняли участие матери двух групп. В первую группу в количестве 21 человек вошли матери, у которых дети обнаруживали проявления зависимости от ПАВ и наркотиков. Вторую группу составили матери, у которых дети не потребляли ПАВ и наркотики. Женщины этих групп, в возрасте от 46 до 51 года, имели от 1 до 3 детей.

Методы исследования

Для исследования типов семейного воспитания использовалась анкета, разработанная авторами и включающая 58 вопросов. Всего в анкете выделялось три раздела:

- количественные показатели семейных систем, отражающие обобщенные демографические характеристики;
- типы отношений в семье родителей матерей зависимых лиц и особенности их воспитания;
- исследование особенностей собственных семей матерей лиц с зависимостями.

Оценка личностных особенностей проводилась с использованием методик самооценки «Тест жизнестойкости», «Личностный дифференциал». Полученные результаты исследования сопоставлялись с данными, полученными в контрольной группе, участницы которой являлись матерями здоровых лиц.

Результаты исследования. Установлено, что среди матерей неблагополучных лиц 43% получили высшее образование, 33% имеют среднее специальное образование, 24% получили среднее образование. 90% взрослых воспитанников опрашиваемых женщин неблагополучной группы были перворожденными детьми в семье. В неблагополучной выборке отмечено 52% наркозависимых, 28% имеющих зависимость от алкоголя, у 20% проявлялись формы смешанной зависимости.

По проявлению длительности потребления алкоголя и наркотиков 14% – дети со стажем употребления алкоголя и наркотических веществ от 1 до 5 лет, а 38% зависимых детей имели стаж употребления от 5 до 10 лет; 48% имели стаж употребления от 10 до 20 лет.

Значительная часть взрослых воспитанников обследованных женщин на момент исследования имели стаж употребления алкоголя и ПАВ более 10 лет. 48% матерей знали о случаях злоупотребления наркотическими средствами и алкоголем со стороны их детей, большинство обследованных женщин – 52% – долгое время (от 1 до 9 лет) не располагали информацией о фактах употребления детьми наркотических веществ и алкоголя.

В неблагополучной выборке отцы в 14,3% случаев не проживали в семье, а в 33,3% случаев изначально жили с семьей, но впоследствии умерли, в 28,6% случаев дети воспитывались матерью, общение с отцом носило эпизодический характер. В 23,8% случаев семья была полной. В благополучной выборке отец в 4,5% случаев жил в семье, но впоследствии

умер, в 50% случаев отец не проживал с семьей, однако поддерживал общение с ребенком, в 45,5% случаев отец проживал с семьей.

В неблагополучной выборке наблюдается высокий уровень смертности отцов по сравнению с теми, которые проживают в благополучной семье. Характеризуя длительность общения с отцами в неблагоприятной выборке можно отметить следующее: 33,3% отцов контактировали с детьми только в период до 5 лет, а 9,5% – общались с детьми в возрасте 5–10 лет, 9,5% – имели близкие отношения с детьми в период 10–20 лет, а 47,6% отцов поддерживали контакты с детьми старше 20 лет. В благополучной выборке 9,1% отцов контактировали с детьми до 5–10 лет; 36,4% – общались с детьми до достижения ими возраста 10–20 лет, а 54,5% отцов поддерживали контакты с детьми старше 20 лет.

В неблагополучной выборке, по результатам обследования, наблюдается больший процент отцов, которые контактировали со своими детьми менее 5 лет.

Соотношение количества разводов в благополучной и неблагополучной выборках практически равное: 47,6% – в неблагополучной выборке и 50% – в благополучной.

Типы семейного воспитания детей зависимых от ПАВ представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Традиции матерей зависимых и здоровых лиц в родительской семье

№	Особенности взаимодействия с ребенком:	Неблагополучные	Благополучные	P
1	Совместные с родителями каникулы были часто	4,4	5,8	0,02
2	Родители редко обвиняли друг друга в воспитательных ошибках	4,8	6,7	0,0002
3	Редкие конфликты между родителями	4	5,4	0,01
4	Ясные представления о воспитании у родителей	4	4,8	0,05
5	Частые противоречия в требованиях родителей по отношению к ребенку	4,2	3,2	0,05

Приведенные результаты дают основание считать, что матери зависимых лиц реже, чем матери здоровых, проводили каникулы совместно со своими родителями. Бабушки и дедушки, по оценкам матерей зависимых лиц, чаще обвиняли друг друга в воспитательных ошибках и конфликтовали между собой, чем родители матерей здоровых людей.

Показатели, отражающие типы воспитания матерей в исследуемых семьях, представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Показатели, отражающие особенности типов воспитания в исследуемых семьях

	Мамы респонденток неблагополучной группы	Мамы респонденток благополучной группы
Каникулы с родителями часто	4,4	5,8
Родители обвиняли друг друга редко	4,8	6,7
Конфликты между родителями редко	4	5,4
Ясные представления о воспитании часто	4	4,8
Противоречия в требованиях редко	4,2	3,2

Матери здоровых детей чаще отмечали, что их собственное воспитание проходило в условиях сформированных последовательных представлений о воспитании, и требования к ним были непротиворечивыми. Матери, воспитывающие детей с зависимым поведением, отмечали противоречивые требования к собственному воспитанию.

Типы отношения родителей к матерям в исследуемых группах представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Взаимоотношения в семьях родителей исследуемых групп

	Родители респондентов неблагополучной группы	Родители респондентов благополучной группы
Желанный ребенок для отца	5,2	6,5
Желанный ребенок для матери	5,5	6,5
Общение с матерью интересное	4,8	5,7

Приведенные данные показывают, что матери неблагополучных детей реже были желанными детьми обоих родителей, общение их с собственными матерями было менее интересным и содержательным, чем общение в семьях, где в последующем родились и воспитывались здоровые дети.

Изучение значимых различий форм воспитания, которые применяли дедушки зависимых и здоровых лиц, показало, что в неблагополучной выборке отцы матерей наркозависимых чаще использовали негативные формы воспитания, подавляющие личность: критику, наказание, приказы-требования, чем в благополучной группе (таблица 4).

Таблица 4.

**Формы воспитания, которые применяли дедушки по отношению
к матерям зависимых и здоровых лиц**

	Отцы респондентов неблагополучной группы	Отцы респондентов благополучной группы
Критика	3,5	2
Наказание	2,6	1,6
Приказ-требование	3	1,7

Изучение типов воспитания в семьях матерей, участниц исследования, представлено в таблице 5.

Таблица 5.

**Формы воспитания, которые применяли бабушки по отношению
к матерям зависимых и здоровых детей**

	Мамы респондентов неблагополучной группы	Мамы респондентов благополучной группы
Косвенное внушение	3,8	2,4
Критика	4,2	3
Приказ-требование	3,8	2,3
Обвинения	2	1,1

Установлено, что бабушки зависимых также значительно чаще использовали негативные формы воспитания: косвенное внушение, критику, приказы-требования, обвинения, чем бабушки здоровых людей. Родители матерей, воспитывающих детей с зависимостями, реже, чем родители матерей здоровых лиц, пытались воспитать умение находить компромиссные решения ($p=0,03$).

Изучение различий в семейных традициях матерей здоровых и зависимых лиц представлено в таблице 6.

Таблица 6.

Особенности традиций в собственных семьях матерей в благополучных и неблагополучных группах

	Мамы неблагополучных детей	Мамы благополучных детей
Разговоры «по душам»	3,9	5,5
Гости в доме	2,8	4
Каникулы с ребенком	5,3	6,3
Праздники	3,7	4,9
Кружки, секции	4,8	5,6

Приведенные данные дают основания полагать, что в неблагополучной выборке матери гораздо реже разговаривали с детьми «по душам», гораздо реже проводили с детьми каникулярное время, реже приглашали гостей и устраивали праздники, а также реже отправляли детей в секции и кружки. Между тем матери благополучных лиц использовали в целом более разнообразный спектр воспитательных форм воздействия в отношении со своими собственными детьми, чем матери неблагополучных лиц: косвенное внушение, уговоры-просьбы, убеждение. Эти виды форм воспитательного воздействия применялись матерями неблагополучных групп очень редко.

В большинстве случаев после развода у испытуемых из выборки благополучных лиц проявлялось более терпимое и позитивное отношение к своим бывшим мужьям, в отличие от участниц исследования неблагополучных групп.

Изучение значимости различий по тесту жизнестойкости показало, что по многим характеристикам теста у зависимых матерей в целом проявлялась более низкая стрессоустойчивость, более частое проявление депрессивных расстройств по сравнению со здоровыми матерями. Матери зависимых лиц в гораздо меньшей степени получали удовлетворение от собственной работы, в меньшей степени испытывали радость от жизни, интерес к выполняемой деятельности по сравнению с матерями здоровых лиц (психологическая характеристика «вовлеченность»), в более сильной степени чувствовали себя отвергнутыми по сравнению со здоровыми матерями здоровых людей (психологическая характеристика «контроль»).

Показатели, выявляющие индивидуально-личностные характеристики матерей здоровых и зависимых лиц отражены в таблице 7.

Матери зависимых лиц в гораздо меньшей степени были убеждены, что соревнование, инициатива и личный выбор позволят им повлиять на результат происходящего (психологическая характеристика «принятие риска»), у них в гораздо меньшей степени отмечается готовность к восприятию всего нового, они в более сильной степени чувствуют свою беспомощность (психологическая характеристика «жизнестойкость») перед необходимостью перемен в жизни, чем матери здоровых лиц.

Различия в индивидуально-личностных особенностях матерей здоровых и зависимых лиц

	Неблагополучные	Благополучные
Вовлеченность	32,1	38,4
Контроль	21,5	27,5
Принятие риска	12,1	16
Жизнестойкость общая	65,7	82

Обследование уровней самооценки исследуемых показало, что у матерей зависимых лиц в меньшей степени отмечается чувство уверенности в себе, собственной силе, в большей степени проявляется раздражительность, усталость, чем у матерей благополучных детей.

Заключение

Установлены специфические особенности факторов семейного воспитания, оказывающих влияние на развитие химической зависимости. К таким факторам относят недостаточно содержательное и объемное общение отца с детьми, авторитарная установка матери, проявление в воспитательных установках такой особенности, как направленность на социально одобряемые качества, недостаток внимания к воспитанию качеств, помогающих преодолевать конфликты и трудные жизненные ситуации, недостатки в содержательной организации досуга ребенка, недостаток искренности в общении с ребенком. К факторам, влияющим на развитие зависимости, относят недостаток четкости представления о целях воспитания, противоречивость и непоследовательность воспитательных воздействий родителей.

Изучение особенностей уровней самооценки исследуемых показало разницу этого показателя: у матерей зависимых лиц в меньшей степени проявляется уверенность в собственных силах, в гораздо большей степени отмечается усталость и раздражительность, чем у матери благополучных лиц.

Важными положительными ресурсами матерей зависимых воспитанников является сохранность когнитивной сферы, рассудительность, стремление познавать новое и быть современными. Эти позитивные ресурсы надо использовать для построения психо-коррекционной работы с созависимыми матерями.

В выборке благополучных матерей чаще проявляется воспитательное влияние отцов: отец способствовал развитию уверенности в себе, целеустремленности, доброжелательности, решительности, умению идти на компромисс. Полученные данные могут быть использованы при разработке профилактических программ или при проведении семейной психотерапии с лицами, склонными к злоупотреблению ПАВ.

Список литературы

1. Ананьева Г. Семья: химическая зависимость и созависимость. Работа с созависимостью: методические материалы к семинару «Семья и профилактика наркомании» (Казань, 2000 г.). Казань: Отечество, 2000. С. 36–40.

2. Березин С.В., Лицецкий К.С. Наркомания глазами семейного психолога. СПб., 2005. С. 92–183.
3. Емельянова Е.В. Кризис в созависимых отношениях. СПб., 2008. С. 70–355.
4. Заварзина О.О., Козьяков Р.В. Образовательные технологии позиционирования имиджа здоровой личности в подростковой среде, склонной к зависимостям, как ответ на вызовы современного мира // Имидж образования – вызовы современного мира: материалы первой международной конференции / Под научной редакцией проф. Е.А. Петровой. 2015. С. 90–99.
5. Заварзина О.О., Дручинин П.В., Козьяков Р.В. Психотерапевтическая беседа с подростками на стадии суицидальных замыслов и намерений // Вестник Московского института государственного управления и права. 2014. № 8. С. 117–124.
6. Зорина Л.М. Созависимость и пути ее преодоления. Казань: «Новое Знание», 2002. – 56 с.
7. Исланова Н.Н. Социально-психологическая работа с созависимыми членами семей, имеющих наркозависимых детей. Казань, 2007.
8. Козьяков Р.В., Поташова И.И. Особенности подготовки психолога по работе с семьями, воспитывающими ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Экономика и социум. 2014. № 3–2 (12). С. 151–177.
9. Козьяков Р.В., Кутянова И.П., Заварзина О.О., Щекатурова О.М. Факторы устойчивости ремиссии лиц, имеющих химические зависимости // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2014. № 4 (126). С. 113–120.
10. Орлова Е.А. Патопсихология: учебник для студентов вузов / Е.А. Орлова, Р.В. Козьяков, Н.С. Козьякова. Серия «Основы наук». М., 2011.
11. Орлова Е.А. Патопсихология: учебник для студентов вузов / Е.А. Орлова, Р.В. Козьяков, Н.С. Козьякова. Серия «Бакалавр. Базовый курс». М., 2012.
12. Петрова Е.А. Жизненная стратегия как категория современной психологической науки // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2014. № 1 (123). С. 44–48.
13. Петрова Е.А., Петров А.И. Жизненные стратегии как предпосылка конкурентоспособности личности, их психологическая диагностика // Ученые записки Российского государственного социального университета 2011. № 7 (95). С. 185–191.
14. Шкурко Н.М. О профессиональном имидже социального работника // Вестник академии права и управления. 2014. № 36. С. 208–210.
15. Шкурко Н.М., Соловьева Л.В. Специальная психология и педагогика в инклюзивном образовании: НИЦ МИГУП. С. 390–402.
16. Mezzich J., Zinchenko Y., Pervichko E., Krasnov V., Kulgina M. Person-centered approaches in medicine: clinical tasks, psychological paradigms, and the postnonclassical perspective // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. Т. 6. № 1. С. 95–109.
17. Veraksa A.N. Symbolic mediation in cognitive activity // International Journal of Early Years Education. 2011. Т. 19. № 1. С. 89–102.
18. Veraksa A.N. Symbol as a cognitive tool // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. Т. 6. № 1. С. 57–65.
19. Zinchenko Y., Pervichko E. The methodology of syndrome analysis within the paradigm of «qualitative research in clinical psychology» // Psychology in Russia: State of the Art. 2012. Т. 5. С. 157–184.

Reference list

1. Anan'eva G. The family: Chemical dependence and codependence. Working with the codependence: Methodological materials for the workshop "Family and prevention of drug dependence" (Kazan, 2000). Kazan: Otechestvo, 2000. P. 36–40.

2. *Berezin S., Lisetskiy K.* Drug dependence through the eyes of the family psychologist. SBR., 2005. P. 92–183.
3. *Emel'yanova E.* The crisis in codependent relationships. SBR., 2008. P. 70–355.
4. *Islanova N.* Socio-psychological work with codependent family members with drug-dependent children. Kazan, 2007.
5. *Koz'yakov R., Kutyanova I., Zavarzina O., Shchekaturova O.* Factors of sustainability of remission of persons with chemical dependence // Proceedings of the Russian State Social University. 2014. № 4 (126). P. 113–120.
6. *Koz'yakov R., Potashova I.* Peculiarities of training of a psychologist working with families raising children with disabilities // Economy and socium. 2014. № 3–2 (12). P. 151–177.
7. *Mezzich J., Zinchenko Y., Pervichko E., Krasnov V., Kulgina M.* Person-centered approaches in medicine: clinical tasks, psychological paradigms, and the postnonclassical perspective // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. T. 6. № 1. C. 95–109.
8. *Orlova E.* Psychopathology: Textbook for students of higher education institutions / E. Orlova, R. Koz'yakov, N. Koz'yakova. Series "The principles of sciences". M., 2011.
9. *Orlova E.* Psychopathology: Textbook for students of higher education institutions / E. Orlova, R. Koz'yakov, N. Koz'yakova. Series "The Bachelor. Basic course". M., 2012.
10. *Petrova E.* Life strategy as a category of modern psychological science // Proceedings of the Russian State Social University. 2014. № 1 (123). P. 44–48.
11. *Petrova E., Petrov A.* Life strategies as a background for the competitiveness of the individual, their psychological diagnostics // Proceedings of the Russian State Social University. 2011. № 7 (95). P. 185–191.
12. *Shkurko N.* On the professional image of social worker // Bulletin of Academy of Law and Management. 2014. № 36. P. 208–210.
13. *Shkurko N., Solov'eva L.* Special psychology and pedagogy in inclusive education: The Scientific-Publishing Center of the Moscow Institute of Public Administration and Law. P. 390–402.
14. *Veraksa A.N.* Symbol as a cognitive tool // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. T. 6. № 1. C. 57–65.
15. *Veraksa A.N.* Symbolic mediation in cognitive activity // International Journal of Early Years Education. 2011. T. 19. № 1. C. 89–102.
16. *Zavarzina O., Druchinin P., Koz'yakov R.* Psychotherapeutic conversation with adolescents at the stage of suicidal ideas and intentions // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law. 2014. № 8. P. 117–124.
17. *Zavarzina O., Koz'yakov R.* Educational technology of positioning the image of a healthy personality in adolescent environment who prone to dependencies, as a response to the challenges of the contemporary world // The Image of education – the challenges of the contemporary world: Proceedings of the 1st international conference / Under the editorship of Professor E. Petrova, 2015. P. 90–99.
18. *Zinchenko Y., Pervichko E.* The methodology of syndrome analysis within the paradigm of «qualitative research in clinical psychology» // Psychology in Russia: State of the Art. 2012. T. 5. C. 157–184.
19. *Zorina L.* The codependence and its ways to overcome. Kazan: "New Knowledge", 2002. P. 56.

УДК 378

Фомина С.Н.,

кандидат педагогических наук, доцент, и.о. заведующего кафедры семейной, гендерной политики и ювенологии факультета социальной работы, педагогики и ювенологии
Российского государственного социального университета

Милованова Г.В.,

кандидат педагогических наук, доцент Мордовского государственного университета
им. Н.П. Огарева (Саранск)

Рыбакова А.И.,

кандидат психологических наук, доцент, декан факультета дополнительного профессионального образования Российского государственного социального университета

ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье рассматриваются основные виды и формы дистанционного обучения, связь самостоятельной работы, самостоятельности и самообразования, определяется их место в условиях дистанционного обучения, приводятся результаты экспериментального исследования готовности к осуществлению самостоятельной учебной деятельности в условиях дистанционного обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение, вебинар, самостоятельная работа, самостоятельность, навык самостоятельной работы

Fomina S.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Acting Head of the Chair of Familial, Gender Policy and Youth Studies of the Faculty of Social Work, Pedagogy and Youth Studies of the Russian State Social University

Milovanova G.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Ogarev Mordovia State University (Saransk)

Rybakova A.,

PhD in Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Additional Professional Education of the Russian State Social University

THE WILLINGNESS OF STUDENTS TO AN INDEPENDENT WORK UNDER THE CONDITIONS OF DISTANCE EDUCATION

The article is discussed the main types and forms of distance education, the relations between an independent work, self-reliance and self-education, determining their place under the conditions of distance education; it is presented the results of experimental study of willingness to implement an independent educational activity under the conditions of distance education.

Keywords: distance education, webinar, independent work, self-reliance, skill of independent work

Характерной чертой нашего времени является то обстоятельство, что наша цивилизация перешла на принципиально новую ступень своего развития. Мы живем в инфогенном обществе, и этот факт нашел свое отражение в образовательном процессе. Система образования обладает определенной инерционностью, она всегда отстает от изменений, происходящих в обществе, науке и технике, поэтому кризисные явления в образовательной сфере стали проявляться много позже. Попытки преодолеть этот кризис привели к смене образовательной парадигмы, переходу на многоуровневую структуру, подготовке новых образовательных стандартов и использованию эффективных технологий обучения.

Для более глубокого понимания проблемы, связанной с дистанционным обучением, необходимо выявить тенденции, существующие в системе российского образования. Анализируя состояние современного российского образования, можно выделить в нем следующие аспекты.

Во-первых, происходит переход от образования, направленного только на обучение, к образованию, связанному со становлением личности. Практика последних десятилетий показала, что выпускники наших вузов нередко оказываются неподготовленными к самостоятельной деятельности в условиях быстрого роста информационного потока и смены технологий на производстве. Такое положение стало следствием неготовности абитуриентов и студентов к вузовскому обучению, снижению требований к ним, низкой мотивации и познавательной активности, поэтому образование должно опираться на способности и возможности конкретной личности, способствовать саморазвитию. Для этого необходимо перенести центр тяжести в образовательном процессе в сторону большей самостоятельности обучающихся и учета их личностных особенностей.

Во-вторых, активно внедряется концепция непрерывного образования, что связано с превращением знаний в основной общественный капитал и усилением интеграционных процессов в мире. Сегодня все чаще в качестве источника прибыли выступают знания, инновации, способы их практического применения, вследствие этого обновление имеющихся знаний, умений, навыков и приобретение новых становятся фундаментальными характеристиками работников в постиндустриальном обществе. Необходимость совершенствовать образование возникает тогда, когда человек сталкивается с новшествами, появляющимися в его профессиональной или личной жизни. В наш стремительный век подобная необходимость появляется все чаще, поэтому идея непрерывного образования становится очень актуальной. Под непрерывным образованием принято понимать наращивание образовательного потенциала личности в течение жизни на основе использования всей системы государственных и общественных институтов и в соответствии с потребностями личности и общества. Реализация концепции непрерывного образования декларируется во всех профильных правительственных документах.

В-третьих, в процессе обучения широко используются новые информационные технологии. Новая технологическая база позволяет реализовать обучение на расстоянии, т.е. успешно внедрять дистанционное обучение. В настоящее время в России стремительно увеличивается число вузов, предлагающих дистанционную форму обучения как для студентов, получающих первое высшее образование, так и для слушателей дополнительного профессионального образования.

Дистанционное образование, т.е. «образование на расстоянии», обозначает целенаправленное и методически организованное руководство учебно-познавательной деятельностью и развитием лиц, находящихся в отдалении от образовательного учреждения и потому не вступающих в постоянный контакт с его педагогическим персоналом [1].

Как показывает современная практика, дистанционное обучение (ДО) хорошо интегрируется в реальную российскую образовательную систему, развивая и совершенствуя ее за счет создания мобильной информационной среды обучения, расширения сети образовательных структур. Оно формирует у обучающихся навыки и умения самостоятельной познавательной деятельности с использованием современных и перспективных средств информационных технологий, обеспечивает принципиально новый уровень доступности образования.

Внедрение методов ДО регламентируется государственными образовательными программами, предоставляет равные образовательные возможности широким слоям населения при сохранении его качества и позволяет организовывать регулярное повышение квалификации или переподготовку специалистов различных направлений на качественно новом уровне. Это эффективный инструмент реализации так называемого непрерывного образования. При этом необходимо отметить, что не по всем направлениям такая форма подготовки возможна. При отборе направлений для дистанционного обучения следует ориентироваться на Приказ Правительства РФ «Об утверждении перечня направлений подготовки специалистов и специальностей, по которым получение высшего профессионального образования в заочной форме или в форме экстерната не допускается» [8].

Дистанционная форма получения знаний (в настоящее время часто применяют термин «электронное обучение») сформировалась, в некотором роде (по методам и технологиям организации учебного процесса), на основе заочного обучения. Но, в отличие от него, ДО более демократично, еще в большей мере предполагает реализацию принципа самостоятельного получения знаний, а по насыщенности и интенсивности учебного процесса близко к очной форме обучения. ДО потенциально может достаточно гибко реагировать на потребности общества и обеспечить возможность для каждого человека реализовать свое конституционное право на образование и получение информации. Оно может стать одним из эффективных способов подготовки и непрерывного поддержания высокого квалификационного уровня специалистов.

Среди базовых принципов дистанционного обучения можно выделить следующие: гибкость, модульность, параллельность, дальное действие, массовость, рентабельность и социальность.

Под гибкостью понимается возможность для обучаемого выбора вектора обучения. Слушатели, как правило, не посещают регулярных занятий в виде лекций, семинаров, а занимаются в удобное для себя время, в удобном месте и в удобном темпе.

В основе программ ДО лежит модульный принцип, т.е. каждая отдельная дисциплина, которая освоена обучающимся, адекватна по содержанию определенной предметной области. Это позволяет из набора независимых, но логически взаимосвязанных учебных курсов формировать учебный план, отвечающий индивидуальным или групповым потребностям. Данный принцип в настоящее время реализуется, к сожалению, не в полном объеме.

Принцип параллельности позволяет совмещать обучение с основной профессиональной деятельностью или даже с учебой в другом учреждении. Согласно проведенному опросу студентов Российского государственного социального университета возможность совмещения обучения с другим видом деятельности стала определяющим фактором выбора дистанционной формы получения образования. Так, например, более 70% студентов направления подготовки «Социальная работа» отмечают, что, выбирая дистанционное обучение, они ориентировались на возможность работать параллельно с учебой.

Сущность принципа дальнего действия заключается в том, что обучаемый может находиться на любом расстоянии от места расположения образовательного учреждения, единственным условием является качественная работа средств связи.

Принцип массовости заключается в том, что для дистанционного обучения количество обучающихся не является критичным параметром. Они имеют доступ к электронным библиотекам и информационным базам данных, могут общаться друг с другом и с преподавателем через телекоммуникационные сети и средства связи.

Реализация принципа рентабельности проявляется в том, что дистанционное обучение обладает высокой экономической эффективностью. Согласно оценкам зарубежных и отечественных специалистов ДО приблизительно в 1,5–2 раза дешевле других форм получения образования.

Данная форма обучения в определенной степени снимает социальную напряженность, обеспечивая равную возможность получения образования, независимо от места и условий проживания, от материальных условий. В этом и заключается принцип социальности [5].

Перечисленные принципы в некоторой степени определяют преимущества ДО перед другими формами получения образования. Вместе с тем дистанционное обучение предъявляет определенные специфические требования как к преподавателю, так и к обучаемому, часто не облегчая, а наоборот, увеличивая трудозатраты обеих сторон. Это требует детальной проработки нормативного, учебно-методического и организационного обеспечения.

В современной практике ДО используются разнообразные информационные технологии. Это электронный учебник, система мультимедиа, экспертная система, электронный библиотечный каталог, электронная почта, электронная доска объявлений. В последние годы стала активно внедряться система онлайн-образования. Эта система позволяет человеку на расстоянии, без личного присутствия в аудитории, получать знания по различным общеобразовательным дисциплинам и специальным курсам.

Основными видами дистанционных образовательных технологий на данный момент являются: кейс-технологии, интернет-технологии и телекоммуникационные технологии. Указанные технологии делают процесс обучения открытым, технологичным, ориентированным на формирование компетентности обучающихся в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) с одновременным развитием других компетентностей. Также необходимо отметить, что в системе дистанционного образования практически нашли применение почти все формы занятий, используемые в высшей школе при традиционном обучении.

Лекционная форма занятий предназначена для передачи учебной информации от преподавателя к обучаемым. При ДО лекции могут проводиться как в синхронном, так и асинхронном режимах. В синхронном режиме проводят онлайн-лекции (видеолекции). Из психофизиологии хорошо известно, что примерно 76% информации человек воспринимает органами зрения, 15% – органами слуха 9% приходится на другие каналы восприятия информации. Как указывают психологи, мультимедиа-технологии позволяют воздействовать одновременно на эти важнейшие органы чувств человека и не только представлять информацию в максимально эффективном виде, но и управлять этим потоком информации, поскольку сочетание текста с демонстрацией слайдов способствует концентрации визуального внимания на особо важных моментах учебного материала. Лектор передает информацию и получает обратную связь в виде сообщений чата, голосовых вопросов в аудиторию и ответов на вопросы, проводимые в режиме реального времени.

Важную роль в дистанционном обучении играют слайд-лекции, которые представляют собой предварительно записанные мультимедийные презентации учебного материала с аудио- и видео- сопровождением, доступ к которым обучаемые получают в соответствии с учебным графиком. Обратная связь обучаемых и лектора организована с помощью предметного форума. Время реакции преподавателя составляет в период доступа к лекции 24 часа.

Собственный многолетний опыт работы в этой сфере позволяет выделить следующие требования, которые необходимо соблюдать при подготовке презентации:

1) три слайда являются стандартными в любой презентации: первый – титульный (название курса и автор), второй – название темы занятия и его содержание, третий – заключительный (итог занятия и анонс следующего);

2) создаваемые слайды должны быть просты, не перегружены деталями, желательно, чтобы количество текста не превышало 10–15 строк;

3) количество слайдов определяется выбором темы занятия, в среднем от 15 до 25 слайдов;

4) смена «пассивных» слайдов должна происходить как можно чаще (максимум через 3–4 минуты).

Основными инструментами для подготовки и показа презентаций в мировой практике являются программы PowerPoint компании Microsoft, CorelPresentations фирмы Corel и пакет StarOffice компании StarDivision GMBH. В нашей практике чаще всего используется программа PowerPoint компании Microsoft ввиду ее широкого распространения.

Практические занятия также могут проводиться как в синхронном, так и асинхронном режимах. В синхронном режиме проводят вебинары, реализуемые с помощью программной платформы видеоконференцсвязи. В системе дистанционного образования вебинары нашли широкое применение благодаря следующим положительным моментам. Слушатели находятся в привычных и комфортных условиях, при общении им проще преодолеть чувство неуверенности, стеснения, а в случае невозможности участия в вебинаре всегда можно посмотреть его запись. При участии в вебинаре у слушателя есть возможность прямого общения с ведущим, можно задавать вопросы, отвечать на них, принимать участие в голосовании, экспресс-опросах, в обсуждении изучаемого материала в чатах. Кроме плюсов, есть и несомненные минусы данной формы занятий. Во-первых, зависимость от технических условий, прежде всего не везде есть высокоскоростной интернет, да и стоимость интернет-трафика не всегда оправданно высока. Во-вторых, зависимость от уровня подготовленности участников как пользователей компьютера и Интернета, а дистанционное образование предполагает, что могут присутствовать слушатели самых разных возрастов. И, в-третьих, сложно проконтролировать присутствие слушателей на вебинаре и чрезвычайно трудно отследить реакцию аудитории. Кроме вебинара-семинара, можно провести вебинар-практическое занятие с решением задач или выполнением упражнений. Для такого вебинара преподаватель готовит презентацию с заданиями и примерами их выполнения. В начале занятия разбирается алгоритм решения задачи или пример выполнения упражнения. Далее слушателям предлагается выполнить задание самостоятельно, после чего происходит разбор наиболее непонятных приемов работы и иллюстрация правильного решения. По окончании разбора осуществляется переход к слайду, на котором демонстрируется прием решения очередной задачи, и слушателям предлагается новое задание. Оптимально разбирать на вебинаре 4–6 заданий. В конце вебинара преподаватель отвечает на вопросы и подводит итоги занятия.

Как показывает практика, важным является вопрос о длительности проведения вебинара. Оптимальный вариант – 45–60 минут, дольше сложно удерживать внимание слушателей. Но поскольку в высшей школе занятия длятся дольше, следует правильно распределить материал по времени занятия. Из психофизиологии известно, что максимальное внимание слушателей приходится на первые 15–20 минут занятия, затем наблюдается спад, минимальное внимание слушатели демонстрируют на 30–35-ой минуте. Новый подъем внимания про-

исходит на 50–55-ой минуте, но в этом случае уровень внимания несколько ниже. В целом длительность вебинара не должна превышать 90 минут.

При проведении вебинара преподавателю следует активно использовать интонации своего голоса, эмоции, жестикуляцию. Невербальные коммуникации здесь еще более важны, чем при очном занятии. Для активизации слушателей на занятиях, проводимых в форме вебинара, рекомендуется задействовать, например, интерактивную доску, задавать слушателям вопросы и просить их отвечать устно или в чате. Когда слушателю дают микрофон, создается эффект присутствия, но с другой стороны, вопросы, задаваемые письменно, более лаконичны и продуманны, поэтому стоит комбинировать вопросы и ответы в разной форме в зависимости от ситуации. Также, подводя итоги вебинара, можно опросить слушателей, как они оценивают уровень проведения занятия, на что следует обратить внимание на следующем вебинаре. Если после завершения основной части семинара вопросов нет, можно ответить на наиболее очевидные (по мнению преподавателя) вопросы или рассказать о предстоящих вебинарах.

Практические занятия, реализуемые в асинхронном режиме, проводятся с помощью предметного форума или дискуссии. Дискуссия – это групповое обсуждение проблемы на предметном форуме по заранее заданной преподавателем теме. Такая форма занятий позволяет оценить степень понимания материала студентом, его способность сопоставлять теоретические знания с практическими примерами, проводить экспертную оценку высказываний других студентов. Подобная форма занятий растянута во времени, обычно ее проводят в три этапа. Первый этап длится три дня после объявления о начале дискуссии, в это время студент присылает сообщение по теме. На втором этапе, следующие семь дней, он знакомится с высказываниями других студентов. В течение последующих четырех дней – это третий этап – обучаемый должен прислать свое мнение о высказываниях одноклассников. По итогам трех этапов преподаватель делает вывод и составляет заключение о работе каждого студента. В качестве основных критериев оценки участия в дискуссии преподаватель может выбрать следующие: объем сообщения по теме дискуссии (не более 1000 знаков на первом этапе и не более 500 знаков на третьем) – 20% от итогового балла; степень аргументации, использование рекомендованных и дополнительных источников – 30%; своевременность представления сообщений – 20% и уровень владения материалом – 30%.

Курсовое проектирование осуществляется в асинхронном режиме. Консультации как групповые, так и индивидуальные преподаватель проводит посредством предметного форума (асинхронный режим) либо через программы, обеспечивающие текстовую, голосовую и видеосвязь через Интернет (синхронный режим).

В качестве практических заданий предлагается написание рефератов, эссе, выполнение творческих и расчетно-практических работ, кейс-заданий (деловых игр).

Все формы и виды занятий, используемые при дистанционном обучении, предполагают высокую степень самостоятельности обучаемых. Самостоятельность в учении выступает в виде свойства личности, которое, сформировавшись однажды, становится ведущим фактором достижения успехов в учебной и профессиональной деятельности. Самостоятельность следует понимать как самоактивность, при которой ранее достигнутые уровни развития становятся базой для осуществления более высоких ее проявлений. Одним из факторов формирования самостоятельности выступает самостоятельная работа, а самостоятельность, в свою очередь, является условием успешного в дальнейшем самообразовательного процесса.

Под самостоятельной работой студентов понимается такая форма их учебной деятельности, при которой процесс приобретения знаний и выработки умений и навыков осуществ-

вляется посредством сознательных умственных и физических действий самих обучающихся репродуктивного и творческого характера под контролем преподавателя, с необходимой коррекцией с его стороны, касающейся цели, организации, содержания и результатов работы.

Главное отличие самостоятельной работы от самообразования заключается в том, что самостоятельная работа служит, главным образом, определенным образовательным целям – усвоению определенных знаний, выработке умений и навыков, формированию способов деятельности, предусмотренных содержанием образовательных программ и составляющих основу подготовки специалиста. А самообразование – это добровольная деятельность, нацеленная на получение знаний в процессе самостоятельной работы без помощи преподавателя, которая невозможна, если у студентов не сформированы первоначальный опыт познавательной деятельности, потребность к ней и эмоционально-волевые качества. Успешность самообразования напрямую зависит от уровня сформированности самостоятельности. Обучение студентов технике самообразования происходит в ходе образовательного процесса, обязательным элементом которого является самостоятельная работа. Для того чтобы потенциал самостоятельной работы студентов максимально использовался для развития у них готовности к самообразованию, необходимо при организации самостоятельной работы создать такие условия, в которых эти два вида деятельности применительно к личности студента имели бы как можно больше точек соприкосновения. Это прежде всего мотивационная сфера, познавательная и творческая деятельность.

В случае дистанционного образования мотивационная составляющая выражена достаточно сильно, так как выбор такой формы обучения уже предполагает понимание необходимости много работать самостоятельно. А успешная познавательная и творческая деятельность просто невозможны без тщательно организованной самостоятельной работы, в ходе которой преподаватель планирует и организует обучение слушателей, консультирует их в процессе изучения материала, контролирует выполнение заданий и тестов.

Одним из условий, определяющих эффективность самостоятельной работы, является знание того, как надо работать. Взяв за основу пятикомпонентную структуру деятельности Н.В. Кузьминой, можно разделить умения и навыки самостоятельной работы студентов на пять блоков: гностические, проектировочные, конструктивные, организационные и коммуникативные [4].

К гностическим умениям следует отнести умения, связанные с процессом изучения и усвоения учебного материала, это прежде всего умение использовать различные поисковые системы, умение анализировать источники учебной информации, умение выделять связи между рассматриваемыми явлениями, изображать их графически, умение обобщать и критически воспринимать предлагаемый материал, находить в нем противоречия.

Проектировочный блок составляют умения целеполагания и проектирования целей самостоятельной деятельности. К ним можно отнести умение формулировать цели и выбирать темп самостоятельной работы на разных этапах изучения дисциплины, умение формулировать, к каким результатам и с помощью каких приемов самообразования можно достичь поставленных целей, умение разбить всю работу на отдельные этапы и спланировать каждый из них.

Конструктивные умения – это умения определять содержание, логику, последовательность выполнения различных видов самостоятельной учебной работы. Основные из них – это умение конспектировать кратко, выделяя главное в прочитанном или услышанном материале, составлять план реферата или выступления на вебинаре, делать выводы на основании своего или прослушанного выступления, соблюдать технические требования к оформлению материала, его пересылке по электронной почте и размещению в сети Интернет.

В организационный блок выделены умение осуществлять сформулированные в процессах проектирования и конструирования учебной деятельности цели и планы, это умение организовывать свое время, рабочее место, полученную информацию, организовывать свою самостоятельную деятельность так, чтобы приобретенные умения и навыки можно было использовать в дальнейшем в процессе профессиональной деятельности.

Коммуникативные умения – это способность личности создавать и реализовывать коммуникативные отношения в условиях самостоятельной работы. Например, умение формулировать и высказывать оценочные суждения, аргументируя их, умение задавать вопросы во время вебинара как в устной форме, так и используя специфические для сети Интернет символы общения для передачи «живой» речи на экране, умение выстраивать систему взаимоотношений с дистанционными педагогами, координаторами и с другими слушателями.

Для определения уровня сформированности умений самостоятельной работы студентам двух вузов – Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева и Российского государственного социального университета, обучающихся дистанционно, предлагалась анкета, в которой им необходимо было оценить себя по 5-балльной шкале. На основании среднего балла по всем умениям и по каждому блоку в отдельности было выделено три уровня сформированности умений самостоятельной работы: низкий (2–2,9), средний (3–3,9) и высокий (4–5).

Исследование показало, что согласно самооценочным суждениям студентов практически все умения самостоятельной работы сформированы на среднем и высоком уровнях, с заметным преобладанием высокого. Средний и высокий уровень сформированности умений самостоятельной работы можно объяснить тем, что, выбирая дистанционную форму получения образования, слушатели осознают, какие объемы самостоятельной работы их ожидают, они имеют высокую мотивацию и готовность к самостоятельному овладению знаниями.

В процентном выражении распределение уровней сформированности умений самостоятельной работы по блокам у студентов двух вузов представлено в таблице 1.

Таблица 1.

**Распределение уровней сформированности умений самостоятельной работы
(% от числа опрошенных)**

Умения	МГУ им. Н.П. Огарева		РГСУ	
	ср.	выс.	ср.	выс.
гностические	5	95	4	96
проектировочные	39	61	40	60
конструктивные	23	77	41	59
организационные	17	83	18	82
коммуникативные	23	77	22	78

Сравнительный анализ показывает, что умения самостоятельной работы в процентном отношении по отдельным блокам у студентов разных вузов сформированы практически одинаково. Это лишний раз подтверждает, что в случае дистанционного обучения студент может находиться на любом расстоянии от места расположения образовательного учреждения, и единственным условием является качественная работа сети Интернет.

Уровни сформированности умений самостоятельной работы в целом и по отдельным блокам у студентов дистанционной формы обучения в абсолютных единицах представлены на диаграмме (рис.1).

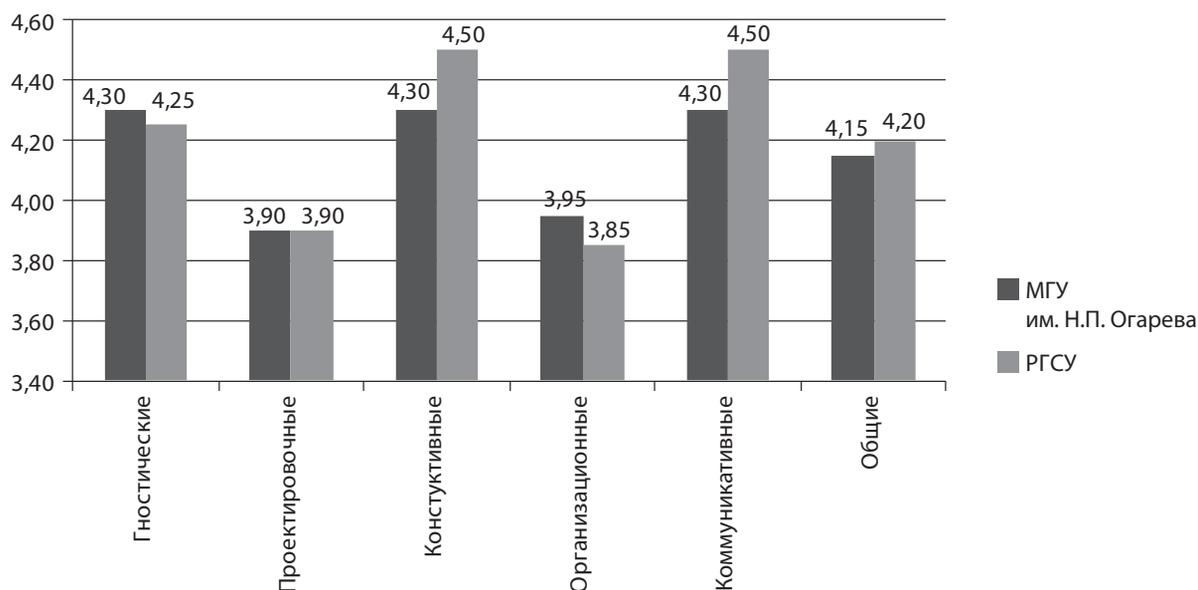

Рисунок 1. Диаграмма, отображающая уровни сформированности умений самостоятельной работы студентов

На диаграмме темным цветом отмечены уровни сформированности умений самостоятельной работы студентов МГУ, более светлым – студентов РГСУ. Из диаграммы видно, что у студентов, независимо от места обучения, проектировочные и организационные умения сформированы на среднем уровне, остальные умения сформированы на высоком уровне. Особенно сложно, по мнению слушателей дистанционной формы обучения, среди проектировочных умений им дается умение разбить всю работу на этапы и спланировать каждый из них. В организационном блоке они затрудняются с умением организовывать свою самостоятельную деятельность с целью приобретения умений и навыков, необходимых для будущей профессии. Следует отметить, что, несмотря на высокий уровень сформированности коммуникативных умений, студенты испытывают некоторые сложности при общении через монитор компьютера. Этот факт вполне объясним, поскольку большая часть современного студенчества редко испытывает трудности в общении, особенно посредством коммуникационных служб. По мнению самих студентов, они умеют задавать вопросы и преподавателям, и однокурсникам, умеют выражать свое отношение к тем или иным фактам, но при этом часто затрудняются в формулировке оценочных суждений и их аргументации.

Таким образом, несмотря на изменения в сфере образования, самостоятельная работа остается незаменимым звеном образовательного процесса, поскольку готовит будущих специалистов к непрерывному образованию и его интеграции с самообразованием, вырабатывает самостоятельность, умение ориентироваться в потоке научной информации, формирует навык и культуру умственного труда.

При дистанционном обучении роль самостоятельной работы значительно возрастает. Широкое внедрение новых мультимедийных информационных технологий приводит к индивидуализации самого характера образования. Любое образование должно способствовать самореализации личности, но именно дистанционная его форма предоставляет для этого самые широкие возможности, позволяя учиться в удобное для слушателя время, совмещая обучение и трудовую деятельность. Чтобы быть эффективным, дистанционное обучение, с одной стороны, должно опираться на хорошо сформированные умения и навыки самостоятельной работы, а с другой стороны, именно такая форма организации обучения

предполагает их дальнейшее развитие и становление самостоятельности как черты личности. Сегодня в условиях рыночной экономики знания превращаются в основной общественный капитал, поэтому способность к обновлению имеющихся знаний, к их практическому применению в измененных условиях становится важнейшей компетенцией современного специалиста.

Список литературы

1. Андреев А.А., Солдаткин В.И. Дистанционное обучение: сущность, технология, организация. М.: Издательство МЭСИ, 1999. – 196 с.
2. Белякова Н.В. Ценностные ориентации как основа успешной профессиональной самореализации студентов вуза // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 10. С. 109–113.
3. Бонкало Т.И. Активизирующая стратегия формирования компетенций «инновационного человека» в системе высшего профессионального образования // Вестник Академии права и управления. 2013. № 33. С. 68–74.
4. Гильман Е.Е. Дидактические условия развития дистанционного образования в информационном пространстве колледжа: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2005. – 21 с.
5. Глоссарий. Российское образование. Федеральный портал [Электронный ресурс] // URL: http://www.edu.ru/index.php?page_id=50&op=word&wid=248
6. Денисенко С.И. Дидактические технологии обучения и дистанционное образование // Вестник Екатеринбургского университета. 2009. № 1. С. 6–9.
7. Жукова Г.С., Рыбакова А.И. Дидактическая система принципов и технологий реализации информационно-образовательного контента дистанционной профессиональной подготовки специалистов социальной сферы // Человеческий капитал. 2012. № 2 (38). С. 112–115.
8. Кузьмина Н.В. Понятие «педагогической системы» и критерии ее оценки // Методы системного педагогического исследования. М.: Народное образование, 2002. С. 7–52.
9. Милованова Г.В., Куляшова Н.М. О некоторых аспектах дистанционного образования // Современные направления теоретических и прикладных исследований – 2013. Сборник научных трудов SWorld: материалы международной научно-практической конференции. Вып. 1. Том 19. Одесса: Куприенко, 2013. С. 19–24.
10. Милованова Г.В., Харитоновна И.В. Исследование готовности к осуществлению самостоятельной учебной деятельности студентов вуза в условиях интеграции образования // Интеграция образования. 2011. № 3. С. 33–38.
11. Напеденина Е.Ю., Никитина Н.И. К вопросу о культуре самообразовательной деятельности студентов системы дистанционного обучения // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 9. С. 220–224.
12. Рулиене Л.Н. Образовательные возможности социальных сетей // Дистанционное и виртуальное обучение. 2010. № 5. С. 43–46.
13. Рыбакова А.И. Современные формы и виды обучения в российском вузовском образовании // Имидж образования – вызовы современного мира: материалы первой международной конференции / Под научной редакцией проф. Е.А. Петровой. 2015. С. 154–161.
14. Рыбакова А.И., Никитина Н.И. Совершенствование культуры самообразовательной деятельности студентов системы дистанционного обучения социального университета // Образование и саморазвитие. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. Т. 2. С. 15–19.

15. *Фомина С.Н.* Технологическое обеспечение модели интегративного подхода к профессиональной подготовке специалистов в области социальной работы в условиях многоуровневого образования // *Социальная политика и социология*. 2013. № 3 (95). Т. 2. С. 131–137.
16. *Харитонов И.В., Фомина С.Н.* Организация самостоятельной работы как средство самоорганизации студентов в условиях лично-ориентированного подхода в обучении // *Социальная политика и социология*. 2010. № 7. С. 70–77.
17. *Яриков В.Г.* Дидактические условия развития дистанционного образования в информационном пространстве педагогического университета: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2002. – 22 с.

Reference list

1. *Andreev A., Soldatkin V.* Distance education: Nature, technology, organization. M.: Publishing house of the Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics, 1999. P. 196.
2. *Belyakova N.* The value orientation as a basis for successful students' professional self-realization in higher education institution // *Proceedings of the Russian state social University*. 2009. № 10. P. 109–113.
3. *Bonkalo T.* Promoting the strategy of developing the competencies "Innovative man" in the system of higher education // *Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law*. 2013. № 33. P. 68–74.
4. *Denisenko S.* Didactic training technologies and distance education // *Bulletin of St. Catherine University*. 2009. № 1. P. 6–9.
5. *Fomina S.* Technological model providing an integrative approach to professional training of specialists in the field of social work under the conditions of multilevel education // *Social policy and sociology*. 2013. № 3 (95). Vol. 2. P. 131–137.
6. *Gil'man E.* Didactic conditions of the development of distance education in the information space of the College: Synopsis of a thesis of PhD in Pedagogy. Kursk, 2005. P. 21.
7. Glossary. Russian education. Federal portal [Electronic resource] // URL: http://www.edu.ru/index.php?page_id=50&op=word&wid=248
8. *Kharitonova I., Fomina S.* The organization of an independent work as means of self-organization of students under the conditions of personality-oriented approach in education // *Social policy and sociology*. 2010. № 7. P. 70–77.
9. *Kuz'mina N.* The conception "educational system" and criteria of its assessment // *Methods of system pedagogical study*. M: National education, 2002. P. 7–52.
10. *Milovanova G., Kharitonova I.* A study of willingness to implement an independent educational activity under the conditions of education integration // *Education integration*. 2013. № 3. P. 33–38.
11. *Milovanova G., Kulyashova N.* On some aspects of distance education // *Modern trends of theoretical and applied research- 2013. Collection of scientific works of SWorld: Files of the international scientific and practice conference*. Number 1. Vol. 19. Odessa: Kuprienko, 2013. P. 19–24.
12. *Napedenina E., Nikitina N.* Revisited the culture of self-educational activity of students of distance education system // *Proceedings of the Russian State Social University*. 2011. № 9. P. 220–224.
13. *Ruliene L.* The educational possibilities of social networks // *Distance and virtual education*. 2010. № 5. P. 43–46.
14. *Rybakova A.* Modern forms and types of training in Russian higher education // *The image of education – the challenges of the contemporary world: Proceedings of the first international conference / Under the scientific editorship of Professor E. Petrova*. 2015. P. 154–161.

15. *Rybakova A., Nikitina N.* Improving the culture of self-educational activity of students of distance education system of the Social University // Education and self-development. Kazan: Center for innovation technologies, 2012. Vol. 2. P. 15–19.
16. *Yarikov V.* Didactic conditions of the development of distance education in the information space of the pedagogical University: Synopsis of a thesis of PhD in Pedagogy. Volgograd, 2002. P. 22.
17. *Zhukova G., Rybakova A.* Didactic system of principles and implementation technologies of information and educational content for distance professional training of specialists of social sphere // Human capital. 2012. № 2 (38). P. 112–115.

УДК 378.14.015.62

Костина Е.А.,

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, декан факультета иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета

КРОСС-КУЛЬТУРНОСТЬ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена комплексному исследованию явления кросс-культурности в современном российском образовании. Это явление – не дань моде, а необходимость научиться взаимодействовать в любой сфере с представителями иных культур в условиях глоболизирующегося общества с учетом требований и принципов Болонского соглашения. В статье анализируются различные научные подходы к изучению кросс-культурности, рассматриваются понятия «поликультурность», «кросс-культурность», «мультикультурализм», «поликультурное образование», «кросс-культурное образование», исходя из положения о том, что кросс-культурность является важной составной частью профессионализма. В заключение автор делает акцент на необходимости выстроить кросс-культурное образование как педагогическую систему, позволяющую готовить на уровне высшего образования специалистов, способных принимать во внимание культурные особенности коммуникантов на широком социокультурном фоне и учитывать локальную культурную ситуацию.

Ключевые слова: кросс-культурность, поликультурность, кросс-культурное образовательное пространство, академическая мобильность

Kostina E.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Professor of Chair of the English Language, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Novosibirsk State Pedagogical University

CROSS-CULTURALNESS OF HIGH PROFESSIONAL EDUCATION

The paper is devoted to the complex examination of the phenomenon of cross-culturalness in contemporary Russian education. This phenomenon is not a fashion statement, but a necessity of getting to learn to cooperate in any sphere with representatives of other cultures under conditions of globalizing society taking into account the requirements and principles of the Bologna Agreement. In the paper various scientific approaches to examining cross-culturalness are analyzed, the researcher considers the concepts of “polyculturalness”, “cross-culturalness”, “multiculturalism”, “poly cultural education”, “cross-cultural education” proceeding from the thesis that cross-culturalness is an important component of professionalism. In conclusion the author places emphasis on the necessity to build cross-cultural education as the pedagogical system enabling, at the level of high education, to train specialists capable of considering cultural peculiarities against a broad sociocultural background and analyzing local cultural situation.

Keywords: cross-culturalness, polyculturalness, cross-cultural educational environment, academic mobility

Важным философско-культурологическим основанием кросс-культурного образования является тезис о культурном плюрализме, призванном отразить принципы культурного многообразия, согласно которым любая точка зрения и способ интерпретации мира имеют право на существование как равнозначные в своем стремлении познать мир и адаптироваться к нему.

К кросс-культурному образованию – детищу кросс-культурного направления в философии – проявляют интерес и исследователи, осуществляющие свою деятельность в рамках других подходов.

Чаще всего отечественные ученые (Г.Д. Дмитриев, В.А. Ершов, Ф.Н. Зиатдинова, Ю.А. Карягина, З.А. Малькова, Н.В. Поликашева, Э.Р. Хакимов) ведут свои исследования в рамках гуманистического направления философии. Изучение теоретических и практических аспектов кросс-культурного образования с позиций гуманизма дает возможность строить научную деятельность с учетом признания ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, а также его деятельного участия в жизни общества [13].

В рамках системного подхода кросс-культурное образование целесообразно рассматривать как педагогическую систему, которая представляет собой совокупность взаимосвязанных компонентов (концептуальная основа, субъекты кросс-культурного образования, цель, задачи, содержание, педагогические технологии, социально-педагогические условия подготовки обучающихся к жизни в кросс-культурной среде), расположенных в определенной последовательности и обладающих внутренней логикой. Данный подход позволяет исследовать каждый компонент этой системы, совокупность структурных связей между элементами и механизмы их функционирования, построить модели, каждая из которых описывает определенный аспект системы [15].

Культурологический подход – это взгляд на педагогические явления и процессы как феномен культуры. В качестве методологического направления исследований он позволяет рассматривать педагогические явления как совокупность культурных компонентов на широком социокультурном фоне общества и с учетом локальной культурной ситуации [2].

Этнопедагогический подход как методологическая основа воспитания культуры межнационального общения – это концептуально выраженная совокупность закономерных связей этнопедагогических ценностей культуры этноса и организации воспитания культуры межнационального общения в процессе педагогического образования. Ведущие идеи, составляющие смысловое ядро подхода, – единство общечеловеческой и национальной культур в воспитании личности; преемственность прошлого, настоящего и будущего; гармония этнокультурного и социального в воспитании и образовании личности.

Образование на основе этнопедагогического подхода заключается в целенаправленной помощи студентам:

- в достижении определенного уровня компетентности при вхождении в полиэтническую и современную мировую культуру через познание и освоение ценностей общечеловеческой и национальной культур;
- во взаимодействии с миром на уровне современных достижений этнических культур и культуры мира;
- в сознательном выстраивании отношений с представителями различных этнических общностей [9].

В основе аксиологического подхода лежит понимание и утверждение ценности человеческой жизни, значимости личностного начала в человеке и образования как одного из

средств его развития. Кросс-культурное образование реализуется по трем аксиологическим блокам:

- кросс-культурное образование как государственная ценность;
- кросс-культурное образование как общественная ценность;
- кросс-культурное образование как личностная ценность [16].

Использование компетентного подхода при изучении кросс-культурного образования дает возможность рассматривать кросс-культурную компетенцию в качестве показателя результативности решения задач кросс-культурного образования.

В российской педагогике сегодня в рамках кросс-культурного подхода употребляется ряд терминов:

- поликультурное образование (И.С. Бессарабова, О.В. Гукаленко, З.А. Малькова);
- многокультурное образование (Г.Д. Дмитриев);
- мультикультурное образование (И.В. Балицкая);
- межкультурное образование (Л.Л. Супрунова) [15; 16].

Суть этих понятий схожа, поскольку первая часть всех названных терминов обозначает одно и то же, но имеет разное лингвистическое происхождение: русское, греческое, латинское. Данный тип образования отражает взаимосвязь традиций и инноваций в формировании у молодежи готовности к продуктивной жизнедеятельности в многокультурном мире.

Мы в своем исследовании оперируем термином «кросс-культурный» (подход, образование, компетенция) и считаем необходимым объяснить данное предпочтение. Мы понимаем поликультурное образование как обучение и воспитание в единой образовательной среде граждан, являющихся представителями разных культур (наций). Под кросс-культурой, исходя из значения составляющих данное слово компонентов, мы подразумеваем «пересечение культур». Соответственно, кросс-культурное образование трактуется нами как образование в толерантной поликультурной среде, где происходит целенаправленное изучение и учет особенностей взаимодействующих культур, носителями которых являются участники данного образовательного процесса.

И поликультурное, и кросс-культурное образование базируются на понятии поликультурности – сложной, многоплановой категории, обозначающей одновременно явление, принцип, способность человека и качество личности.

Как явление, поликультурность представляет собой полиэтничность, поликонфессиональность среды, языковую, культурную, ментальную разнородность общества [1].

Ю.А. Карягина рассматривает поликультурность как интегративное качество личности, объединяющее знаниевую, эмоциональную и поведенческую компоненты [5].

В России о поликультурном образовании заговорили в середине 90-х гг. В последующие годы идеи поликультурного образования получили развитие на теоретическом и практическом уровнях, и сейчас педагогическое сообщество считает поликультурное образование важной составляющей общего и высшего образования.

В Концепции поликультурного образования в высшей школе Российской Федерации [4] выделяются 3 компонента содержания поликультурного образования:

- 1) усвоение знаний о культурном многообразии современного мира, особенностях установления межличностных отношений с носителями разных культур;
- 2) формирование гуманных отношений как ценностной основы связей человека с различными сторонами и объектами действительности (нормы отношения человека к себе, другим людям, окружающему миру);

3) овладение способами межкультурного взаимодействия (овладение вербальными и невербальными способами общения, умением анализировать культурную ситуацию и выбирать адекватное решение возникающей проблемы).

Эти компоненты в полной мере можно отнести и к кросс-культурному образованию.

С.А. Мартыненко рассматривает поликультурное образование как процесс освоения обучаемыми этнической, общенациональной и мировой культур в целях духовного обогащения, развития планетарного сознания, формирования готовности и умения жить в многокультурной полиэтнической среде. Исследователь выделяет основания, определяющие сущность поликультурного образования:

- воспитание миролюбия;
- интеграционные процессы в образовании;
- культурная конвергенция;
- педагогическая культура народа;
- религиозно-этническая культура [10].

Таким образом, поликультурное образовательное пространство характеризуется наличием гуманистической образовательной идеологии и ведущего личностно-ориентированного типа образования. Одним из условий понимания иной культуры часто называют способность к культурной самоидентификации, по-другому говоря, понимание ценностей инокультуры возможно только в случае, если индивид способен осознать национальные ценности своей собственной культуры.

Целью поликультурного образования (с точки зрения какой бы парадигмы оно ни понималось) выступает формирование человека культуры, творческой личности, способной к активной и эффективной жизнедеятельности в инонациональной среде, обладающей развитым чувством понимания и уважения других культур, умением жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас, верований.

Высшей ценностью поликультурного образования является человек, личность обучаемого, главный смысл образования связан с развитием личности человека, социально-педагогической защитой, поддержкой индивидуальности, ненасильственным культуросообразным воспитанием, созданием условий для творческой самореализации.

В этих условиях человек оказывается на рубеже культур и перед ним возникают две важнейшие личностно значимые проблемы: сохранение своей культурной идентичности и адаптация в поликультурной среде.

Отсюда вытекают конкретные задачи поликультурного образования:

- глубокое и всестороннее овладение студентами культурой своего собственного народа, являющееся непременным условием интеграции в другие культуры;
- формирование у студентов представлений о многообразии культур в мире и России, воспитание позитивного отношения к культурным различиям, обеспечивающим прогресс человечества и условия для самореализации личности;
- создание предпосылок для интеграции студентов в культуры других народов;
- развитие умений и навыков продуктивного взаимодействия с носителями других культур;
- воспитание в духе миролюбия, терпимости, гуманного межнационального общения.

Поликультурность в образовании тесно связана с личностно ориентированным подходом, основные положения которого И.С. Якиманская видит следующими:

1) развитие индивидуальных способностей и качеств личности учащихся – главная цель образования;

2) цели развития личности не могут быть универсальными и едиными для всех учащихся;

3) процесс усвоения знаний и развитие личности каждого студента индивидуальны;

4) система образования должна строиться в направлении от ученика к целям, содержанию и технологиям обучения и воспитания, а не наоборот [17].

Такая личностно-ориентированная среда может стать основой для организации поликультурной среды обучения. Под поликультурной средой обычно понимают такое образовательное пространство, в котором проживают и обучаются студенты разной этнолингвистической, религиозной и социально-экономической принадлежности [3].

По мнению О.И. Пономаревой, поликультурное образование является средством снижения напряженности в обществе, и в этой связи требуется перестройка всего учебного процесса, трансформация учебного плана на основе видения мира с позиций представителей разных культур [12].

Поликультурность уникальна по своему назначению, она характеризуется открытостью, способностью быстро реагировать на возникающие образовательные потребности человека и социума.

О.В. Гукаленко [3] считает, что поликультурное образование позволяет соотнести ценности культуры одних народов с другими, в диалоге осознать богатство одной нации и ее культуры на фоне других культур и народов, определить человека как высшую ценность жизни, назначение которой состоит в развитии общества, в воспитании детей, в сохранении и развитии культуры, в творческом саморазвитии. Этот же ученый определяет критерии содержания поликультурного образования:

- отражение в учебном материале гуманистических идей свободы и ненасилия;
- характеристика уникальных этнических, национальных самобытных черт в культурах народов России и мира;
- раскрытие в культурах народов общих традиций, позволяющих жить в мире, согласии, терпимости, гармонии.

Принцип поликультурности в образовании (О.В. Гукаленко) призван отразить культурное многообразие мира, многокультурную природу общества и предполагает, что в проектировании нового содержания образования непременно должны найти отражение определенные элементы разных культур.

Поликультурное образование (О.В. Гукаленко) – это процесс освоения человеком многообразия различных типов культур (расового, этнического, социального, гендерного, религиозного) в целях духовного обогащения, формирования готовности и умения жить в поликультурной среде, представленной системой общечеловеческих и культурных ценностей, где каждый ее участник в диалоговом общении сохраняет и утверждает культурную идентичность и проявляет готовность осуществить «обмен» культурами, ценностями, смыслами, творчеством.

Л.С. Миллер формулирует общую цель и задачи поликультурного образования в России. Цель – подготовка молодежи к жизни в условиях многонациональной и поликультурной среды. Задачи:

- формирование у обучающихся представлений как о собственной культуре, так и о культуре других народов, живущих на территории России;
- формирование умения общаться и сотрудничать с представителями разных национальностей, рас, вероисповеданий;
- создание условий для интеграции в культуру других народов;

- воспитание позитивного отношения к культурным различиям;
- воспитание в духе мира, терпимости, гуманного общения, т.е. формирование гуманистического мировоззрения [11].

Т.Н. Кондратьева конкретизирует эти задачи с точки зрения этнопедагогического подхода:

- ориентация на общечеловеческие нравственные ценности, на достижения человеческой цивилизации, на осознание принадлежности к мировому сообществу;
- приобщение личности к системе культурных ценностей, отражающих богатство общечеловеческой и национальной культур и формирование адекватного этим ценностям поведения;
- воспитание в духе мира и уважения ко всем народам Земли, их этносоциальным и этнокультурным особенностям;
- влияние на развитие интернационального и гражданского сознания, интернациональных чувств;
- воспитание ценностного, бережного отношения к людям различных национальностей, к их культуре, языкам, другим социальным ценностям;
- воспитание в духе толерантности к различным религиозным чувствам людей, обеспечение мирного разрешения возникающих конфликтов культур на стыке разных религий;
- привитие любви к Отечеству, глубокого уважения к многонациональному народу России, гордости за прошлое и настоящее, готовности к защите его интересов, развитие гражданского самосознания, толерантности во всем ее многообразии;
- обеспечение освоения культуры своего народа, его истории, традиций, нравственных и других ценностей и через нее обеспечение освоения общечеловеческих ценностей;
- развитие системы позитивных отношений к социокультурным ценностям своего и других народов [7; 8].

Для решения поставленных задач определенное значение приобретает теоретическое положение о кросс-культурности как важной составляющей профессионализма. Исходя из этого положения, студенты различных специальностей должны уметь работать с различными в культурном отношении людьми, быть толерантными к ним, правильно понимать человеческие различия, уметь утверждать своими личными делами и словами культурный плюрализм в обществе.

Содержательно кросс-культурное образование формируют следующие источники:

- социокультурные ценности человечества;
- богатая культура народов мира;
- национально-психологические особенности народов;
- история, традиции и обычаи своего народа и народов мира;
- родной язык и языки народов мира;
- устное народное творчество;
- национальные педагогические системы и педагогическая культура народов;
- примеры народных героев и выдающихся представителей разных этносов;
- результаты этнографических исследований;
- социальный и этнокультурный опыт студентов [7].

Структурно содержание кросс-культурного образования можно разделить на следующие звенья:

- 1) когнитивный компонент, включающий систему знаний о мире, культуре народа и его национально-психологических особенностях, традициях и обычаях;

2) эмоционально-волевой компонент, включающий систему отношений к ценностям национальных культур, к представителям этих культур, к самому себе как носителю самобытной культуры конкретной этнической общности;

3) поведенческо-деятельностный компонент, включающий субъектный опыт жизнедеятельности, межкультурной коммуникации, общественного поведения в многонациональном социуме, систему поступков человека.

Сегодня остро назрела необходимость создания кросс-культурной среды на всех образовательных уровнях. Кросс-культурная среда раскрывает уникальность личности и народов, обеспечивает становление ее лучших ментальных характеристик и определяет становление культурных и цивилизованных способов общения, приводящих к национальному согласию и мирной жизни сообщества. Межкультурные коммуникации и интеграция ценностей различных культур в кросс-культурном пространстве рождают новую философию жизни отдельной личности и сообщества в целом, приводя их к стабильности, гармонии, пониманию, согласию.

Основной характеристикой кросс-культурной образовательной среды является ее толерантность, направленная на гуманизацию всего педагогического процесса, а именно, на соблюдение принципа взаимоуважения в совместной деятельности участников процесса.

Особую роль кросс-культурная образовательная среда играет в учреждениях профессионального образования, где происходит не только становление специалиста, формирование профессиональных компетенций, но и культурное обогащение уже состоявшейся личности молодого человека. Кросс-культурная толерантная среда в системе профессионального образования способствует целенаправленному наполнению личности смыслами процесса профессионального развития.

Успешность кросс-культурного развития профессионала зависит от следующих условий:

1) социокультурная база, с которой студент пришел в учебное заведение; Она включает в себя:

- систему отношений студента к миру, к себе, к людям;
- информированность о национальных культурах и культуре межнационального общения;
- опыт межнационального общения и поведения в поликультурной среде [6].

2) качество межкультурной образовательной и воспитательной работы, проводимой в вузе. Сюда мы относим:

- организацию процесса воспитания студентов вообще и процесса воспитания культуры межнационального общения, в частности;
- включение студентов в активную учебную и научно-исследовательскую деятельность и этносамообразование;
- обеспечение усвоения ценностей национальных культур, осознания их значимости как на личностном, так и на социально-профессиональном уровне.

Кросс-культурность является важной составляющей профессионализма, а формирование кросс-культурности как личностного качества профессионала невозможно без знания иностранного языка и познания культуры народа – носителя данного языка. Цель преподавания иностранного языка в современной высшей школе можно сформулировать следующим образом: формирование готовности функционировать в качестве субъекта в международном профессиональном сообществе, где иностранный язык выступает как средство получения дополнительных профессиональных знаний и как средство решения профессио-

нальных задач. В этой связи цель изучения иностранного языка – интеграция в международное академическое, профессиональное, научное и бизнес– сообщество, при которой иностранный язык имеет ключевое значение.

Результатом формирования кросс-культурности профессионала в вузе является адекватность мировоззрения студентов совокупности общечеловеческих ценностей, принципам гуманизма и толерантности, принятым в данном обществе ценностным нормам. Мировоззрение в контексте кросс-культурности проявляется в понимании ценностного смысла национальных культур и поведения представителей этнических общностей, в социокультурном поведении человека, его поступках, деятельности, выраженных чувствах.

Основными критериями сформированности кросс-культурности могут выступить следующие:

- осознание и признание паритета общечеловеческих ценностей, понимание необходимости достижения баланса межнациональных интересов, гармонизации общечеловеческих и национальных интересов;
- чувство национальной и общенародной гордости, принадлежности к конкретному этносу и этнической культуре;
- забота о судьбе «малой родины», Отечества, всей планеты; понимание необходимости трудиться на благо своей нации, народов страны проживания, во имя сохранения человечества;
- стремление и содействие расширению взаимосвязей своей нации с народами страны проживания и всего мира;
- постоянный интерес к культуре своего народа, народов страны проживания, мировой культуре;
- знание родного языка, языка страны проживания (языка межнационального общения), языков других народов (языка международного общения).

Принимая во внимание вышесказанное, отметим, что подготовка качественного профессионала, владеющего кросс-культурной компетенцией, требует создания возможностей в стране для развития академической мобильности преподавателей и студентов, так как именно академическая мобильность является одним из условий подготовки высококвалифицированных кадров. Таким образом, мы можем говорить об организации профессиональной мобильности, поскольку академическая мобильность тесно связана с понятиями конкурентоспособности и профессиональной компетентности специалиста по существенным характеристикам: профессиональная мобильность направлена на приобретение и накопление личностью опыта проектирования, реализации и изменения собственной образовательной и профессиональной деятельности с учетом вновь возникающих условий для решения образовательных и профессиональных задач.

Список литературы

1. *Баталова А.В.* Формирование гуманистического мировоззрения студентов вузов культуры и искусства: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2004.
2. *Гридин С.В.* Электронная информационно-образовательная среда как средство поликультурного образования старшеклассников / С.В. Гридин, Л.Л. Супрунова. – Пятигорск, 2014.
3. *Гукаленко О.В.* Поликультурное образование: теория и практика: монография. – Ростов н/Д., 2003.

4. *Давыдов Ю.С.* Концепция поликультурного образования в высшей школе Российской Федерации // Ю.С. Давыдов, Л.Л. Супрунова. – Пятигорск, 2003.
5. *Карягина Ю.А.* Воспитание поликультурности подростка в образовательном процессе: Дис. ... канд. пед. наук. – М., 2007.
6. *Комарова Ю.А.* Академическая мобильность как важный фактор профессионального становления студентов магистерских отделений // Проблемы современной филологии и лингводидактики: сб. науч. трудов. – СПб., 2014. – Вып. 6.
7. *Кондратьева Т.Н.* Воспитание культуры межнационального общения студентов высшего учебного заведения на основе этнопедагогического подхода // Педагогический профессионализм в современном образовании: материалы V Международной научно-практической конференции (18–21 февраля 2009 г.). – Новосибирск, 2009. – Ч. 2.
8. *Кораблева А.А.* Структура и характеристики толерантной образовательной среды // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. Т. II.
9. *Кузьмин М.Н.* Образование в условиях полиэтнической и поликультурной России // Педагогика. 1996. № 6.
10. *Мартыненко С.А.* Педагогические средства повышения квалификации преподавателей к реализации поликультурного образования: на примере повышения квалификации преподавателей иностранных языков: Дис. ... канд. пед. наук. – Ростов н/Д., 2004.
11. *Миллер Л.С.* Развитие гуманистического мировоззрения студентов в процессе поликультурного образования: Дис. ...канд. пед. наук. – Ставрополь, 2008.
12. *Пономарева О.И.* Формирование основ этнопедагогической культуры будущего учителя в поликультурном социуме: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Уфа, 1999.
13. *Свиридченко Ю.С.* Развитие поликультурного образования в школах США и России в конце XX – начале XXI века: сравнительно-сопоставительное исследование: Дис. ... канд. пед. наук. – Пятигорск, 2010.
14. *Сидоренко Т.В., Рыбушкина С.В.* Языковое образование в российских технических вузах: эволюция, актуализация, перспективы // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (23). [Электронный ресурс] // URL: <http://vestnik.nspu.ru/article/1337> (дата обращения 25.02.2015).
15. *Супрунова Л.Л.* Концепция исследований по сравнительной педагогике: региональный аспект. Пятигорск, 2006.
16. *Супрунова Л.Л.* Приоритетные направления поликультурного образования в современной российской школе // Педагогика. 2011. № 4.
17. *Якиманская И.С.* Личностно ориентированное обучение в современной школе. – М., 2002.

Reference list

1. *Batalova A.* The formation of a humanistic worldview of students of universities of culture and art: Synopsis of a thesis of PhD in Pedagogy. M., 2004.
2. *Davydov Yu.* The conception of poly cultural education in the higher school of the Russian Federation // Yu. Davydov, L. Suprunova. Pyatigorsk, 2003.
3. *Gridin S.* Electronic information-educational environment as a means of poly cultural education of high school students // S. Gridin, L. Suprunova. Pyatigorsk, 2014.
4. *Gukalenko O.* The poly cultural education: Theory and practice: Monograph. Rostov-on-Don, 2003.
5. *Karyagina Yu.* Poly cultural education of the youngsters in the educational process: Thesis of PhD in Pedagogy, M., 2007.

6. *Komarova Yu.* Academic mobility as an important factor in the professional development of students of the Master's departments // Issues of modern Philology and language education: Collection of proceedings. SBR., 2014. Number 6.
7. *Kondrat'eva T.* Culture education of interethnic students' communication on the basis of ethno-pedagogical approach in the higher education institutions // Files of the V International Scientific-Practical Conference (18th–21st of February, 2009). Novosibirsk, 2009. Part 2nd.
8. *Korableva A.* The structure and characteristics of a tolerant educational environment // Yaroslavl pedagogical bulletin. 2014. № 1. Vol. 2nd.
9. *Kuz'min M.* Education in the conditions of a poly ethnic and poly cultural Russia // Pedagogy. 1996. № 6.
10. *Martynenko S.* Pedagogical tools of teachers' advanced training in implementation of poly cultural education: by the example of advanced training of teachers of foreign languages: Thesis of PhD in Pedagogy. Rostov-on-Don, 2004.
11. *Miller L.* The development of the humanistic worldview of students in the process of poly cultural education: Thesis of PhD in Pedagogy. Stavropol, 2008.
12. *Ponamoreva O.* The formation of the foundations of ethno-pedagogical culture of a future teacher in a poly cultural society: Synopsis of a thesis of PhD in Pedagogy. Ufa, 1999.
13. *Sidorenko T., Rybushkina S.* Language education in the Russian technical higher education institutions: Evolution, actualization, prospects // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2015. № 1. [Electronic recourse] // URL: <http://vestnik.nspu.ru/article/1337> (Date of access: 25.02.2015).
14. *Suprunova L.* Priority areas of poly cultural education in the Russian contemporary school // Pedagogy. 2014. № 4.
15. *Suprunova L.* The conception of studies on comparative pedagogy: A regional perspective aspect. Pyatigorsk, 2006.
16. *Sviridchenko Yu.* The development of poly cultural education in the schools of the USA and Russia in the late XX – the early XXI centuries: Constructive-comparative study: Thesis of PhD in Pedagogy. Pyatigorsk, 2010.
17. *Yakimanskaya I.* Personal centered education in the contemporary school. M., 2002.

УДК 159.942

Моров А.В.,

кандидат педагогических наук, кандидат филологических наук, проректор по науке и инновациям
Восточно-Европейского института

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЛИЧНОСТИ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО ЧУВСТВА ВИНЫ

В статье анализируется феномен деструктивного чувства вины и рассматриваются возможности экзистенциальной рефлексии личности по преодолению этого чувства. Автор выделяет уровни развития личности – конформность, субъектность и лидерство – и дает характеристику взаимодействия личности на различных уровнях развития с внешней и внутренней иерархией мотивов и деструктивным чувством вины.

Ключевые слова: личность, экзистенциальная рефлексия, социально-психологическая адаптация, чувство вины, конформность, субъектность, лидерство

Morov A.,

PhD in Pedagogy, Candidate of Philosophical Sciences, Vice-Rector on Science and Innovations
of the East European Institute

EXISTENTIAL REFLECTION OF THE PERSONALITY AS WAY OF OVERCOMING DESTRUCTIVE SENSE OF GUILT

The article is examined the phenomenon of destructive sense of guilt and the possibilities of existential reflection of the personality to overcome this sense are also considered. The author identifies the levels of personality development such as conformity, subjectness and dominance and he provides a brief overview of interaction of the personality on the different levels of development with external and internal hierarchy of motives and destructive sense of guilt.

Keywords: personality, existential reflection, socio-psychological adaptation, sense of guilt, conformity, subjectness, dominance

Современный этап развития человеческой цивилизации в значительной степени характеризуется достигнутым высоким уровнем удовлетворения базовых потребностей, таких как потребность в пище, питье или тепле. Несмотря на непрекращающиеся локальные конфликты и сохранение множества очагов напряженности в мире, наша потребность в физической безопасности также достаточно полно удовлетворяется: наша жизнь не связана с повседневной борьбой за выживание и противостоянием физическому насилию. Основные психологические угрозы теперь носят так называемый «ноогенный» характер, т.е. порождаются нашим собственным сознанием. Это не означает, что эти угрозы менее значительны, напротив, их неочевидный, нематериальный и субъективный характер делает их потенциально более разрушительными, так как человеку сложнее осознать эти угрозы, принять сам факт их существования и, тем более, воспользоваться чужой помощью в их преодолении.

Виктор Франкл, классик экзистенциальной психологии, был одним из первых психологов, начавших изучение ноогенных неврозов и психозов. Он предостерегал от абсолютизации ноогенного генезиса всех человеческих заболеваний: «Не каждая болезнь имеет ноогенное происхождение; тот, кто утверждает иное, является спиритуалистом или – соответственно в том, что касается телесных недугов, – ноосоматиком» [Франкл, с. 58]. Тем не менее Франкл отмечал, что любая болезнь имеет «смысл», который заключен не в факте заболевания, а в особенностях страдания, в той позиции, которую занимает больной по отношению к своему страданию. Основой терапии Франкл считал сохранение у больного человека установок здорового человека в противовес установке заболевшего. Целью нашей статьи является анализ возможностей лидерства и экзистенциальной рефлексии по профилактике и преодолению индивидуального деструктивного чувства вины как одного из сильнейших ноогенных неврозов – через формирование здоровых установок по отношению к причине ощущения вины.

Вина является одним из наиболее значительных источников страдания современного человека, лишенного необходимости каждый день сражаться за жизнь и пищу. Зато каждый из нас практически ежедневно становится мишенью психологических манипуляций, призванных вызвать и интенсифицировать чувство вины: от религиозного – «Ты неправильно живешь и грешешь» – до корпоративного – «Ты не выполняешь план» – и даже семейного – «Ты мало внимания уделяешь детям». Вина становится частью психической реальности человека, оказывает влияние на его образ мышления и поведение, подчиняет индивида внешним установкам и ожиданиям.

Феномен вины в течение долгого времени представляет значительный интерес для психологов. Традиция рассмотрения вины как деструктивного психологического явления была сформирована работами Зигмунда Фрейда и продолжена другими учеными (G.A. Berrios, 1992; C. Covington, 2001; T. Fuchs, 2003; F. Johnston, 2000; H. Lewis, 1971; L.E. O'Conner, 1999; A. Waska, 2002 и др.), а в последние десятилетия оформилось и альтернативное направление, в рамках которого рассматриваются положительные, регулятивные и адаптивные аспекты чувства вины (K.C. Barrett, 1995; R.F. Baumeister, 1994; M.L. Hoffman, 1983; J. Lindsay-Hartz, 1984; J.P. Tangney, 1990, 2003 и др.). В отечественной психологии феномену вины долгое время не уделялось должного внимания, и серьезные работы по этой тематике появились лишь в последнее время (О.А. Гаврилица, 1998; В.В. Иванова, 2002; А.А. Игнатьева, 2002; Е.П. Ильин, 2001; Т.Ю. Кирилина, 2001; М.Н. Корнилов, 1998; Г.Г. Матюшин, 1998; К. Муздыбаев, 1995; Ю.М. Орлов, 1997, 2004; И.А. Белик, 2006).

И. Ялом отмечает, что в рамках психотерапии «вина» выступает как «...эмоциональное состояние, связанное с переживанием неправильных действий, – всепроникающее, высоко дискомфортное состояние, характеризуемое тревогой в соединении с ощущением своей плохости» [2, с. 312]. Необходимо отметить, что деструктивное чувство вины, основанное на переживании неправильности своих действий и собственной «плохости», на протяжении столетий использовалось религиями и государствами как эффективный психологический инструмент массового контроля. При этом часто использовалось так называемое «коллективное» чувство вины, например концепция первородного греха, общая для христианства, или чувство вины народа Германии после Второй мировой войны. Виктор Франкл, тем не менее, отрицал саму возможность существования коллективной вины, утверждая, что вина может и должна быть только личностной, индивидуальной [1]. Независимо от того, существует ли коллективная вина, на индивидуальном уровне чувство вины всегда является потенциальным источником психологической опасности. Выходя за пределы необходимого

механизма социальной адаптации, оно эффективно препятствует самореализации личности. Деструктивное воздействие вины также проявляется в снижении адаптационных возможностей личности, падении уровня социального интереса и даже аутоагрессии. Человек, находящийся в переживании своей «плохости», тревожен, испытывает недостаточную психологическую безопасность и беспомощность.

Справляясь с чувством отверженности, испытывающий вину склонен к невротическим стратегиям поведения (невротическим потребностям), описанным еще Карен Хорни в 1942 г. Ведущими из них являются потребность в любви и одобрении (проявляется в повышенной чувствительности к критике, отверганию и недружелюбию) и потребность в руководящем партнере (проявляется в чрезмерной зависимости от других) [3]. Очевидно, что личность, реализующая такие стратегии, является идеальным объектом для чужого воздействия, теряет способность реализовывать собственную жизненную программу, становится инструментом и жертвой многочисленных манипуляций как на уровне государства и религиозного сообщества, так и на уровне малых групп и межличностного взаимодействия.

В работе И.А. Белик (2006) впервые четко сформулировано понятие оптимального уровня чувства вины. Такой уровень выступает как свидетельство психического здоровья человека, при нем у индивида наблюдаются высокие адаптационные возможности и следующие психологические особенности:

- устойчивое позитивное эмоционально-ценностное отношение к себе;
- осмысленность жизни и стремление к личностным изменениям;
- высокая способность к самоконтролю и саморегуляции;
- устойчивость к стрессовым ситуациям [4].

Таким образом, осмысленность жизни и наличие четкой системы ценностей являются необходимыми условиями сохранения чувства вины на оптимальном уровне. Система ценностей, которая определяла бы структуру его мотивов, характер его деятельности и взаимоотношений с внешним миром традиционно ассоциируется с «субъектностью» личности. Учение о субъекте в отечественной психологии рассматривает субъектность как особое психическое явление, связанное со способностью индивида жить «подлинной жизнью», направленной на самосовершенствование и достижение идеала. Представители акмеологического направления в отечественной психологии (К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, В.А. Петровский и др.) понимали под «подлинностью» способность личности искать и осознавать собственный смысл, формулировать индивидуальные, а не навязанные социальной средой, жизненные цели [5].

Очевидно, что субъектность формируется по мере развития личности и отражает ее растущую способность к *экзистенциальной рефлексии*, а также к противостоянию внешнему социально-психологическому давлению.

Экзистенциальная рефлексия как психологический феномен уже рассматривалась в отечественной психологической науке. Само понятие «экзистенциальная рефлексия» было введено И.Н. Семеновым в результате дифференциации различных типов рефлексивной деятельности: интеллектуальной, личностной, коммуникативной, кооперативной, экзистенциальной, культурной. В более современных работах, в частности в диссертационном исследовании В.Г. Аникиной, экзистенциальная рефлексия понимается как «сложный многофункциональный механизм, осуществляющийся при разрешении проблемно-конфликтной ситуации и включающий: оценку сложности ситуации для личности, оценку протекания и окончания процесса решения, расширение ситуации, построение смысловой картины личности и выявление опорных смыслов и смысловых связей, необходимых для принятия решения,

создание и преодоление внутренних рефлексивных конфликтов, расширение и углубление смыслового поля сознания личности» [6, с. 9].

Отдавая должное существенному вкладу, который внесли в теорию экзистенциальной рефлексии исследования В.Г. Аникиной и др., считаем необходимым отметить, что описанный выше подход воспринимает экзистенциальную рефлексия как реактивное психическое явление, помогающее более эффективно и смыслообразно решать проблемно-конфликтные ситуации, возникающие независимо от желания личности. Такой подход, безусловно, является продуктивным при работе с определенными социальными группами, но не отражает достижений экзистенциальной психологии в области проактивного поведения человека. Мы считаем более целесообразным понимать экзистенциальную рефлексия как *стремление и способность индивида проактивно формулировать смысл собственного бытия и руководствоваться мотивами, связанными с осуществлением этого смысла* [7].

Таким образом, экзистенциальная рефлексия понимается нами как необходимое условие достижения личностью уровня субъектности. Сформировав понимание смысла жизни и связанные с ним мировоззренческие установки, субъектная личность обретает возможность делить получаемые в процессе общественной жизни мотивы на те, что соответствуют ее смысложизненным ориентациям, и те, что являются чуждыми и не способствуют реализации жизненных смыслов личности. Такая дифференциация позволяет личности сформировать иерархию мотивов, где высшие уровни принадлежат смыслообразным мотивам. Соответственно, в условиях мотивационного внутриличностного конфликта смыслообразные мотивы будут брать верх над мотивами низших уровней, не связанными с реализацией жизненных смыслов личности. Рациональное осознание своего смысла и связанной с ним иерархии мотивов позволяет человеку эффективно противостоять чувству вины, связанному с невозможностью удовлетворения отдельных мотивов, которым в окружающей социально-психологической среде может придаваться значительная ценность, в то время как для самой личности эти мотивы не являются приоритетными.

Субъектная личность, таким образом, преодолевает деструктивное чувство вины за счет концентрации на мотивах, доминирующих в ее внутренней иерархии, являющейся результатом экзистенциальной рефлексии. Тем не менее нельзя недооценивать возможности внешней социально-психологической среды, которая в силу разных причин способна в течение долгого времени осуществлять на личность психологическое давление, добиваясь ее возвращения на более низкий уровень личностного развития, уровень конформности, на котором личность становится более управляемой извне.

Если субъектность является уровнем развития личности, на котором результаты экзистенциальной рефлексии позволяют достаточно успешно противостоять внешнему давлению, то на следующем уровне – уровне лидерства – личность уже сама воздействует на окружающую среду, пропагандируя собственные смыслы и ценности и иницируя связанную с ними деятельность.

Мы можем констатировать существование индивидов, обладающих выраженной субъектностью личности, но при этом не обладающих лидерством. Так, например, рабочий на заводе, не поддающийся массовой тяге к курению, сохраняющий, несмотря на внешнее давление, собственную ценностную позицию о том, что курение – это зло, безусловно, обладает субъектностью. Но мы не можем говорить о том, что он как-то проявляет свое лидерство, так как он не воздействует на социальную ситуацию, не проецирует вовне свои ценности. Субъектность, таким образом, можно метафорически воспринимать как «психологический щит», способность личности защищаться от нежелательного воздействия внешней среды, оста-

ваться самой собой в любых ситуациях. А лидерство представляется нам «психологическим мечом», источником воздействия личности на окружающую социально-психологическую реальность с целью трансформировать ее сообразно собственным ценностным представлениям [8]. Лидер не только защищен от деструктивного чувства вины результатами экзистенциальной рефлексии, но и способен проактивно воздействовать на окружающую среду, чтобы не допустить дальнейшего давления на себя и попыток навязать извне мотивы, не отражающие ценностные ориентации личности.

Таким образом, можно говорить об уровнях развития личности, отражающих различные механизмы ее социально-психологической адаптации:

Рисунок 1. Развитие личности и уровни ее социально-психологической адаптации

Низший уровень социально-психологической адаптации личности – конформность – предполагает изменение мнений и поведения индивида в ответ на реальное или воображаемое внешнее давление. Мы вводим дополнительную значимую характеристику конформности – отсутствие экзистенциальной рефлексии. Индивид, не задумывающийся о смысле собственной жизни, не стремящийся найти собственный путь и жить «подлинной» жизнью, неизбежно ориентирован на соответствие требованиям внешней социальной среды из-за слабости или даже отсутствия внутренней системы ценностных координат. Несоответствие требованиям среды вызывает у такого человека чувство тревоги, собственной «плохости», отверженности – т.е. деструктивное чувство вины, препятствующее полноценной личностной реализации.

Более высокий уровень социально-психологической адаптации личности – субъектность – характеризуется наличием экзистенциальной рефлексии и связанной с этим способностью личности противостоять внешнему давлению. Только при достижении личностью этого уровня можно говорить о том, что индивид стремится к достижению собственных целей, реализует собственные жизненные сценарии. На этом уровне личность формирует внутреннюю иерархию мотивов, которая отражает степень соответствия того или иного мотива задачам реализации жизненных смыслов личности. Осмысленность жизни и устойчивость системы ценностей позволяют личности удерживать вину в оптимальных пределах, используя ее адаптационный потенциал и не допуская деструктивных воздействий.

Наконец, на высшем уровне развития – уровне лидерства – личность не только эффективно противостоит внешнему воздействию и порождаемому им деструктивному чувству вины, но и способна сама воздействовать на окружение через собственную систему смыслов и ценностей и сообразную с нею деятельность. Таким образом, лидер может не только освободить себя от деструктивного чувства вины, но и помочь другим сделать это. При этом нельзя исключать и вероятность того, что лидерское влияние, а также сам образ лидера ста-

нут для окружения источником вины на новом уровне. Поэтому развитие личности до уровня лидера должно по возможности сопровождаться формированием гуманистической системы ценностей. Лидерство само по себе не является положительным или отрицательным, социальным или антисоциальным; оно определяет лишь способность личности распространять свою систему смыслов и ценностей на других. Какой является эта система ценностей, к чему она побуждает – индивидуально для каждого лидера. Свобода от деструктивного чувства вины еще не означает высоких моральных качеств лидера. Создание и поддержание нравственных ориентиров, которые наследовались бы лидерами в процессе экзистенциальной рефлексии, при создании внутренней иерархии мотивов, при работе с последователями – одна из приоритетных задач, стоящих перед обществом в целом и его системой образования и воспитания в частности.

Список литературы

1. *Аникина В.Г.* Экзистенциальная рефлексия личности в проблемно-конфликтных ситуациях: Дис. ... канд. псих. наук. М., 2000. – 223 с.
2. *Белик И.А.* Чувство вины в связи с особенностями развития личности: Автореф. дис. ... канд. псих. наук. СПб., 2006. – 24 с.
3. *Моров А.В.* Взаимосвязь лидерства и субъектности личности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 6 (65). С. 190–192.
4. *Моров А.В.* Лидерство и экзистенциальная рефлексия в системе социально-психологической адаптации личности // Казанский педагогический журнал. 2014. Т. 106. № 5. С. 118–124.
5. *Сергиенко Е.А.* Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Том 4. № 2. С. 5.
6. *Франкл В.* Человек в поисках смысла / Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
7. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. 3-е изд. СПб.: Питер, 2013. –607 с.
8. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Драбкиной. М.: Класс, 1999. – 576 с.

Reference list

1. *Anikina V.* Existential reflection of the personality in problem-conflict situations: Thesis of PhD in Psychology. M., 2000. P. 223.
2. *Belik I.* A sense of guilt in connection with the peculiarities of personality development: Synopsis of a thesis of PhD in Psychology. SBR., 2006. P. 24.
3. *Frankl V.* Man's Search for Meaning / Translation from English and German / General editorship by L. Gozman and D. Leont'ieva. Moscow: Progress, 1990. P. 368 .
4. *Hjelle L., Ziegler D.* Personality Theories. 3rd edition. SBR.: Piter, 2013. P. 607.
5. *Morov A.* Dominance and existential reflection in the system of socio-psychological adaptation of personality // Kazan pedagogical journal. 2014.Vol. 106. № 5. P. 118–124.
6. *Morov A.* The relations between the dominance and the subjectness of the personality // Topical issues of Humanities and natural sciences. 2014. № 6 (65). P. 190–192.
7. *Sergienko E.* The issue of correlation of the notions of subject and personality // Psychological journal. 2013. Volume 4. № 2. P. 5.
8. *Yalom I.* Existential psychotherapy / Translation from English by T. Drabkina. M: Klass, 1999. P. 576.

УДК 159.923.2

Дмитриева В.А.,

кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета

Харитонов Т.Ю.,

магистр психологии, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета

Михалюк О.С.,

старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета

ПСИХОЛОГИЯ МУЗЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье анализируются некоторые современные теории музейной коммуникации, разработанные в российской и западной музеологии. С точки зрения психологии описывается механизм музейной коммуникации, основанный на теории информации, эмпатии, понятии «семантическое поле». В качестве примеров практического применения психологии музейной коммуникации приводятся данные некоторых исследований, проведенных в Государственном Эрмитаже.

Ключевые слова: информация, музейная коммуникация, модели взаимодействия музея и посетителя, восприятие экспозиции, эмпатия, социологические и психологические методы исследования, практическое применение психологии обратной связи

Dmitrieva V.,

PhD in Psychology, Associate Professor, Head of Chair of the Saint-Petersburg State University

Kharitonova T.,

Master of Psychology, Postgraduate student of the Saint-Petersburg State University

Mikhalyuk O.,

Senior Lecturer of Saint Petersburg State University

THE PSYCHOLOGY OF MUSEUM COMMUNICATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE STUDY

The article is analyzed some of the modern theories of museum communication, developed by the Russian and Western museology. Based on information theory, empathy, the "semantic field" conception, the mechanism of museum communication is described from the standpoint of Psychology. Conducted in the State Hermitage, the data of some studies are the examples of practical application of psychology of museum communication.

Keywords: information, museum communication, models of interaction of museum and visitor, perception of exposition, empathy, sociological and psychological research methods, practical application of feedback psychology

Какое отношение имеет психология к музею? В последнее десятилетие идет речь о формировании новой междисциплинарной области знаний – музейной психологии. Музейная психология уже даже фактом своего существования невольно задает вопрос о функциях музеев и музейной коммуникации. В Словаре музейных терминов, опубликованном в журнале «Музей» в 2009 г., музейная психология определяется как «область знания, изучающая восприятие музея аудиторией музейной». Эта область знаний использует как собственно психологические, так и социологические методы исследований. Предметом изучения является восприятие музейной экспозиции и понимание языка музея в процессе музейной коммуникации [9, С. 59]. Музейная психология как наука пока не нашла своего оформления, но музейным сообществом уже отмечается необходимость ее внедрения в программы академического обучения музеологов [1].

В психологической науке коммуникация рассматривается как основной процесс взаимодействия между субъектами. Музейная коммуникация рассматривает в качестве предмета изучения процесс взаимодействия музея и посетителя. Музейная коммуникация – это процесс передачи и осмысления информации, происходящий между музеем и обществом. Базовой формой музейной коммуникации является музейная экспозиция, основывающаяся на подлиннике и интерпретирующая культурное и природное наследие. Образовательные аспекты музейной коммуникации изучает музейная педагогика, поведенческие – музейная психология [9, С. 53].

Для чего же нужен посетителю музей? Еще в XIX в. известный русский философ Н.Ф. Федоров, опираясь на исследования психологов-позитивистов, писал о том, что муза и музей современны самому человеку, они родились вместе с его сознанием. Музей, считал он, как выражение всей души возвратит нам мир душевный, лад внутренний, даст нам радость, которую чувствует отец при возвращении блудного сына. В музее, как утверждал философ, объединяются три функции: исследования, учительства и деятельности. Каждый человек носит в себе музей, носит его даже против собственного желания, ибо хранение есть закон коренной. Для музея человек бесконечно выше вещи, для культуры – вещь выше человека [11].

Если ставить человека во главу угла при изучении музейной коммуникации, не сведется ли коммуникативный процесс только к образовательной деятельности музеев и взаимодействию ведущего образовательной программы с посетителем? Музейная педагогика видит в музее место сотрудничества специалистов разного профиля – музееведов, искусствоведов, историков, психологов, культурологов, социологов, которые призваны решать комплексные проблемы гуманитарного характера [10]. Музейная психология может шире посмотреть на процесс. Речь идет о формировании целостной личности, человека, имеющего в качестве внутреннего мотива самодетерминацию, а в качестве внешнего проявления – стремление к самоактуализации [3, 7].

Придя в музей, посетитель получает не только знания, но и жизненный опыт, накопленный в культуре многих поколений. Культурный опыт в виде музейных экспонатов позволяет осуществлять посетителю коммуникацию в течение всей человеческой жизни, особенно если это экспонаты и залы такого универсального и всеобщего музея, как Государственный Эрмитаж. Как на практике проверить успешность музейной коммуникации? И здесь опять на помощь приходит психология, которая позволяет использовать механизм обратной связи с посетителем. Психология музейной коммуникации делает очевидным процесс взаимовлияния музея и посетителя.

Если современная российская музеология рассматривает музейную коммуникацию как процесс взаимодействия посетителя и экспоната, взяв за основу модель музейной ком-

муникиции, предложенную Д. Камероном [8], то психологическая наука смотрит на теорию музейной коммуникации с точки зрения человека – автора экспозиционного пространства и зрителя, воспринимающего это пространство. Здесь необходимо, в первую очередь, учитывать информационную составляющую. Обратимся к теории информации и некоторым психологическим открытиям XX в.

Понятие «музейная коммуникация» основано на теории информации К. Шеннона. Согласно теории информации сообщение, переданное в одном месте, может быть воспроизведено в приближенном или точном виде в другом месте [13, С. 243]. Информационный обмен – всеобщий феномен жизни, выходящий за пределы простого человеческого общения. В основе передачи информации лежит система связи, состоящая из 5 элементов. В случае музейной коммуникации, с нашей точки зрения, источником информации служит музейное пространство, передатчиком информации – создатели этого пространства, каналом – экспозиции. Приемником становится посетитель музея как субъект, имеющий сенсорную систему и соединяющий ощущения от них в единый процесс – восприятие, адресат – это тот же посетитель, но уже интерпретирующий сообщение с помощью эмоционального отклика, сознательного анализа и приобретающий в результате жизненный опыт. Специфика коммуникации определяется наличием процесса психологической обратной связи, возникновением коммуникативных барьеров, появлением феноменов межличностного влияния, существованием различных уровней передачи информации, влиянием пространства и времени на передачу содержания информации. Исходя из теории Шеннона, существуют помехи при передаче информации, которые он называет шумом. Это означает, что принятый сигнал не обязательно совпадет с сигналом, переданным передатчиком [13, С. 275]. Шум рассматривается как случайная переменная. Откуда же берется этот шум в нашем случае? Может ли быть скорректировано сообщение для более точной передачи сигнала? Шеннон считает, что искажение сообщения может быть скорректировано путем обратной функциональной операции над принятым сигналом. В случае музейной коммуникации обратную связь мы можем получить только на заключительном этапе приема информации, у адресата-посетителя.

Еще одно важнейшее открытие в психологии конца XX в., которое имеет отношение к психологии музейной коммуникации, – это открытие зеркальных нейронов головного мозга, отвечающих за наблюдение и действие [20]. Что же это открытие значит для музейной коммуникации? Большая часть информации, получаемой человеком, имеет визуальный характер. Открытие зеркальных нейронов подтвердило визуальный механизм эмпатии, который считается в психологической науке основной базой для переживания эмоций. Когда человек получает информацию, он ее интерпретирует. Интерпретация зависит не только от самой информации, но и от индивидуального опыта воспринимающего, его знаний, общего уровня развития. Люди могут по-разному интерпретировать одно и то же сообщение, они иногда дают противоположные оценки одному и тому же явлению. Психологическое заражение – особый способ влияния, который описывают обычно в связи с психическим состоянием больших социальных групп при панике. Сущность психологического заражения в том, что эмоциональное состояние передатчика информации (автора пространства) неосознанно воспринимается реципиентом настолько сильно, что его собственное психическое состояние становится тождественным психическому состоянию коммуникатора. Получается, что при восприятии и интерпретации музейной экспозиции посетитель неосознанно воспринимает, а затем сознательно пытается проинтерпретировать эмоциональное состояние автора экспозиции? Психологическая наука исследует процесс невербальной коммуникации, когда в случае общения партнер способен, используя механизм эмпатии, считывать эмоциональ-

ное состояние коммуникатора с помощью использования зеркальных нейронов головного мозга. В предыдущих исследованиях, которые были проведены как экспериментальные на экспозиции Государственного Эрмитажа, мы применяли методы наблюдения, проекции и исследования психического состояния посетителя при восприятии некоторых шедевров классического искусства. Было научно доказано, что опыт художественного восприятия является организменной реакцией и связан как с психологическими особенностями зрителя, так и с влиянием произведения искусства. Зритель интерпретирует произведение искусства на музейной экспозиции, находя аналогии со своим экзистенциальным опытом, своими жизненными событиями [12]. А как же это может работать в случае восприятия не одного экспоната, а музея в целом? Кто является коммуникатором, влияющим на реципиента? Как может происходить коммуникация? С помощью каких методов можно проводить исследование? Любая информация кодируется, причем так, чтобы система кодирования и декодирования была известна всем участникам коммуникативного процесса. В общей теории информации вводится понятие «семантически значимой информации». Это то количество информации, которое дано не на входе, а на выходе системы. В процессе человеческой коммуникации это понятие можно интерпретировать так, что семантически значимая информация – это та, которая и влияет на изменение поведения, т.е. которая имеет смысл. Это и есть язык музея в нашем случае. Как посетитель читает этот язык?

Известный итальянский психолог А. Менегетти в своих работах объясняет теорию существования основного общения, используемого природой среди индивидуализаций, называя его «семантическим полем». Семантическое поле – это информационный преобразователь. Оно перемещает информацию, код, образ, который, дойдя до адресата, структурирует в нем эмоцию, вызывая в нем эмотивно-органическое изменение. Оно не перемещает энергию, оно есть вместе с энергией [5]. Человек способен уловить внутреннюю энергию, если она имеет форму. Образ составляет форму энергии, придавая значение той энергии, которая становится для нас знакомой и узнаваемой. В процессе невербального общения создателя экспоната, автора экспозиции и посетителя передается наиболее настоятельная необходимость, более глубокие потребности, намерения, представляющие проект человеческой жизни, особенно если каналом передачи служит великое произведение искусства. Психологическая наука не располагает прямыми методами измерения семантического поля, но по изменению эмоционального состояния посетителей может сделать вывод об эффективности музейной коммуникации и влиянии на этот процесс различных факторов.

Факторы, влияющие на процесс музейной коммуникации, являются предметом изучения психологии музейной коммуникации, а российская культурология и музеология с 1970-х гг. прошлого века описывает подходы, с которых можно изучать музейную коммуникацию. С этой точки зрения интересны работы М.Б. Гнедовского, в которых упоминается и антропоцентрический подход, когда в центре коммуникации стоит человек [2]. Б.А. Столяров выделяет и описывает основные модели музейной коммуникации, отмечая при этом, что до сих пор нет работ, анализирующих теоретические основания, а также работ, представляющих единую структурную модель музея как коммуникативного организма [Сапанжа, Указ. соч.].

В последнее десятилетие вопрос музейной коммуникации обсуждается на научных конференциях, выходят сборники работ, в которых музейная коммуникация рассматривается с точки зрения хранительских функций музея, музейного менеджмента [6]. Современный российский культуролог Е.Н. Мастеница пишет, что в музейной коммуникации, помимо субъекта, формирующего музейное собрание, всегда существует субъект воспринимающий. Интерпретация трактуется как реконструкция внутренней логики и смысла тех или иных дей-

ствий человека, имеющих знаково-символическое выражение. Такой интерпретации может быть подвергнуто как «вербальное поведение», так и невербальное поведение и поступки, а также объекты материальной культуры [4]. Мы обратились к небольшой части исследований, чтобы показать, что проблемы музейной коммуникации представляют несомненный интерес, и психология может дать новый толчок к их изучению.

Хотелось бы отметить, что первые исследования музейной коммуникации появились в момент так называемого «музейного бума» на Западе, задолго до публикаций Д. Камерона. В некоторых исследованиях российских авторов отмечается, что эти исследования описывали процесс в духе бихевиоризма, но это не так. В 1963 г. вышла статья директора естественного музея С. Де Борхеджи, в которой он впервые говорит о важности контакта между куратором экспозиции и музейной аудиторией. Ведущим каналом коммуникации Де Борхеджи считает визуальный. Борхеджи утверждает, что как бы высокохудожественно ни был выполнен проект экспозиции, как бы скрупулезно ни были составлены этикетки, если экспозиция не привлекает внимание зрителя, это выброшенные на ветер усилия и средства. Схема его трактовки модели музейной коммуникации такова: в центре коммуникации находится посетитель музея, он видит выразительные этикетки, слышит звуковые эффекты, использует тактильные ощущения, где это возможно. Для успешной коммуникации важно эффективное использование пространства, ключевых экспонатов и тематики экспозиции в целом. Все это Де Борхеджи называет программой интерпретации музея. Суть его модели в том, что все внутренние факторы, воздействующие на посетителя, воспринимаются им как единое целое. Особое внимание он уделяет ключевым экспонатам, которые заставляют посетителя думать, реагировать «от очевидного к абстрактному». Положение о тематическом программировании ключевыми экспонатами означает, что посетитель музея стимулируется к восприятию и созданию новых идей и событий. Посетитель заинтересован в более глубоком изучении темы, он обязательно вернется в музей [15]. Позиция «стимул – реакция», лежащая в основе всех постулатов бихевиоризма, здесь и не упоминается. Речь идет о целостном восприятии музейной экспозиции, интерпретации смысла и развитии творческого процесса.

Музейную коммуникацию не обошло стороной и влияние когнитивной психологии. Х. Паркер использует когнитивный подход к музею как коммуникационной системе. Посетитель музея приносит с собой в голове на экспозицию свою схему принятия решения и интерпретации, которую он обычно использует. Модель музейной коммуникации Паркера основана на пересечении взаимовлияния внутренней структуры музейной экспозиции и способности зрителя к включению сенсорных сигналов от пяти анализаторов в имеющуюся у него картину мира. Паркер писал о том, что любая техника коммуникации встраивается в мозг, который ее использует [19]. Музейная коммуникация должна учитывать потребности посетителя и те знания, которые посетители принесли с собой, но не всегда в том виде, в котором их представляет себе автор экспозиции. Понимание посетительской техники чтения экспозиции позволяет музею наладить эффективную коммуникацию. Паркер выделяет три фактора, определяющие музейную коммуникацию: внутренняя структура экспозиции (язык экспозиции), когнитивные особенности посетителя (включающие осознание сигналов от анализаторов) и его культурная ориентация, входящая в картину мира. Паркер полагал, что музейная аудитория – это часть замысла экспозиции, способность посетителей к восприятию смысла связана с музейной коммуникацией. Коммуникация происходит на пересечении картины мира посетителя и внутренней структуры экспозиции. Таким образом, появляется продукт коммуникации, который он назвал «знание о структуре мира».

Общепризнанной является модель музейной коммуникации, которую предлагает Д. Камерон. Он ставит в центр своей модели музейный экспонат. Экспонат становится фокусом коммуникации наряду с идеями автора экспозиции и когнитивными схемами посетителя. Автор экспозиции с помощью экспоната отправляет послание зрителю, которое последний читает с помощью визуального восприятия и языка экспозиции. В случае успешной невербальной коммуникации послание становится смыслом для посетителя. Экспонат окружается выставочной средой, которая обеспечивает средства коммуникации. Камерон считал, что выставочное пространство нивелирует «шум», возникающий в процессе интерпретации. К «шуму» он относил: плохо подготовленные этикетки, обилие текста, трудно читаемый шрифт, неинтересный проект, плохой дизайн, перегруженное экспонатами пространство, неудобное расположение экспозиций, плохое освещение и т.д. Новым по сравнению с уже существующими моделями стало понимание смысла, которое осуществляется с помощью паркерского концепта «знание о структуре мира» и обратной связи с посетителем [14].

В 70-е гг. XX в. появилась еще одна теория музейной коммуникации, авторами которой были Ю. Ниц и Г. Райт. Основное значение в их теории придавалось автору экспозиций. Автор экспозиции использует инструменты для ее создания. К этим инструментам они отнесли: тексты, карты, фотографии, различные предметы, дизайнерские техники. Одним из самых важных инструментов музейной коммуникации признается вербальная коммуникация, которая исходит от автора экспозиций. Экспозиции создаются на основе анализа автором или куратором научных данных и фактов, которые перерабатываются в авторскую концепцию экспозиции. Таким образом, эта теория музейной коммуникации предусматривает одностороннюю связь автора экспозиции и посетителя музея, но в то же время Ниц и Райт первыми включили в процесс музейной коммуникации научное обоснование использования экспонатов для создания экспозиции [17].

В 1989 г. возникает новая теория музейной коммуникации, ее автором стал Р. Майлз. Модель основана на трех ведущих компонентах: посетитель, научный сотрудник или автор экспозиции, индивидуальные смыслы посетителя. Майлз принимает во внимание ожидания посетителя, информированность, социальные стереотипы и окружение, требования к автору экспозиции, запросы посетителя, его интеллектуальный уровень, количество предоставленной информации, стоимость билета, применение соответствующих масс-медиа, а также одобрение окружающих. Майлз вводит в описание коммуникации собственные понятия кодирования и декодирования. Кодирование означает приписывание определенного смысла экспонатам при работе над экспозицией. Посетитель декодирует это сообщение и обнаруживает связь между своим опытом и увиденным. При декодировании посетитель всегда делает определенный выбор, чтобы вписать экспонат в свой жизненный опыт. У Майлза посетитель и кодирует, и декодирует одновременно. Автор конструирует экспозицию, его точка зрения принимается во внимание посетителем, который вписывает новую информацию в имеющиеся у него когнитивные схемы. Таким образом, Майлз создает триаду: посетитель, автор экспозиции, смысл [18].

Е. Хупер-Гринхилл в 1991 г. создает новую модель музейной коммуникации. Эта модель вступает в противоречие с некоторыми предыдущими моделями. Она принимает во внимание создателей экспозиции, смысл экспоната и понимание смысла посетителями, при этом основное значение придается экспонату как носителю основного смысла. В модель не включается пространство музея, знания, имеющиеся у посетителя, ожидания посетителя, перцептивные особенности посетителя, идея экспозиции и наличие обратной связи. Модель музейной коммуникации Хупер-Гринхилла показывает, как в смысле экспоната соединяет-

ся коммуникация автора экспозиции и посетителя. Модель элегантна, но она не может показать эффективность музейной коммуникации, она описывает только процесс и всех его участников [16].

Мы перечислили эти модели, так как они во многом определили и современные российские модели музейной коммуникации. Но, в отличие от российских моделей, в западных больше внимания уделяется человеку и его психологическим особенностям. Возможно, что необходима совершенно новая модель музейной коммуникации, которая включила бы в себя особенности всех предыдущих моделей. В новой комплексной модели, которая может быть построена, реакция посетителя является ключевым моментом. Знания посетителя и авторская идея выставки постоянно взаимодействуют, усложняя друг друга, поэтому необходимы новые исследования. Авторы экспозиций должны работать так, чтобы сенсорные системы зрителя могли составить полное впечатление об увиденном. Посетитель воспринимает и осмысливает экспонат и пространство, при этом отсутствие когнитивного диссонанса будет означать, что посетитель смог декодировать посланное ему сообщение. В этом случае посетитель дает положительную обратную связь.

Имеется значительное количество работ в области музейной коммуникации, но практической реализации теоретических положений в деятельности российских музеев пока недостаточно. Исключение составляет практическое применение коммуникационных инноваций в области информационных технологий и подготовки образовательных программ. Между тем практическое применение исследований по психологии музейной коммуникации в деятельности музеев имеет большие перспективы. В Государственном Эрмитаже проводятся исследования в области психологии музейной коммуникации, что может использоваться музеем для разработки навигационных систем, совершенствования экспозиций. Было проведено исследование факторов, определяющих музейную коммуникацию в здании Главного Штаба. Следует отметить, что исследования на различных экспозициях проводятся регулярно в течение нескольких лет, это позволяет составить социально-демографический портрет посетителя, сделать выводы о его информированности, предпочтениях, эмоциональном реагировании как на пространство музея, так и на отдельные экспозиции. Выборку одного из последних исследований составили 250 посетителей музея. Основным методом проведенного исследования явился опрос посетителей с использованием специально разработанной анкеты. В анкету были включены блоки вопросов оценки информационных носителей и ожиданий посетителей по отношению к постоянным экспозициям, построенные по принципу семантического дифференциала. Такое построение вопросов позволило провести факторный анализ для определения скрытых факторов, влияющих на музейную коммуникацию в Главном Штабе. Для статистической обработки использовалась компьютерная программа SPSS.20 (статистический пакет для социальных наук). Психологическая модель первичной музейной коммуникации со стороны посетителя включала следующие элементы: оправданность ожиданий от постоянных экспозиций, функциональность и необходимость имеющихся информационных носителей, субъективное восприятие посетителями времени, проведенного в музее. В результате анализа были определены факторы, как затрудняющие музейную коммуникацию, так и облегчающие коммуникационный процесс. Необходимо сказать, что экспозиции Главного Штаба еще не сформированы окончательно, поэтому основное внимание уделялось восприятию информационных носителей. Как оказалось, именно отсутствие системы навигации явилось одной из причин низкой оценки оправданности ожиданий посетителей. К факторам, затрудняющим коммуникацию, были отнесены:

- Неоднородное восприятие выставочного пространства (2 блока постоянных экспозиций различаются по степени оправданности зрительских ожиданий). Дополнительной информационной поддержки требует блок «интерьеров и исторических экспозиций».

- Отсутствие четкой системы навигации, что увеличивает субъективное ощущение времени, проведенного в музее, и снижает качество восприятия.

- Отсутствие связи между информационными носителями и музейными экспозициями снижает положительный настрой, необходимый для установления музейной коммуникации на экспозиции.

В целом количество положительных отзывов посетителей превысило количество замечаний и жалоб. Было установлено, что эффективности музейной коммуникации помогают положительные эмоции, которые испытывают посетители Главного Штаба. В первую очередь посетителей радует общая спокойная атмосфера. Основным вывод, который был сделан: музейная коммуникация в Главном Штабе с точки зрения адресата-посетителя осуществляется успешно, субъективное ощущение времени и пространства, оправданность ожиданий от некоторых экспозиций подтверждают успешность коммуникации, но существуют некоторые проблемы, которые требуют решения. Это был первый этап исследования, на следующем этапе мы планируем применить схему исследования с использованием психологических методик для выделения ключевых экспонатов, метод фокусированного интервью для выяснения смысла экспозиций как со стороны куратора, так и со стороны посетителя. Это необходимо для того, чтобы определить смысловую нагрузку, которую должно нести экспозиционное пространство, выделить те акценты, которые делает куратор, чтобы впоследствии дать нужную ему обратную связь посетителей.

Таким образом, психология музейной коммуникации позволяет создавать модель музейной коммуникации, ориентируясь не на конкретный экспонат или экспозицию, а на пространство музея в целом. Использование социологических методов исследования, применимых к многочисленным выборкам опрашиваемых посетителей, дает возможность изучить эмоциональное восприятие музейного пространства, наметить проблемные для музея точки, в которых по каким-либо причинам происходит затруднение музейной коммуникации и усиление так называемого коммуникационного шума. Применение статистики и математических методов исследования показывает скрытые факторы, влияющие на музейную коммуникацию. Использование психологических методик, таких как метод наблюдения и фиксирования результатов в виде количественной шкалы, различного оборудования для измерения эмоционального состояния посетителей в конкретных точках музея, проективных методик, показывающих то, что недоступно прямому наблюдению и опросу, помогает профессиональному психологу получить репрезентативный массив данных и валидные результаты. При проведении подобных исследований психолог должен обязательно соблюдать профессиональную этику, работать в контакте с руководителями музейных подразделений. Методика изучения обратной связи должна быть основана на предварительных консультациях с кураторами временных выставок, авторами постоянных экспозиций. В этом случае музейная коммуникация становится очевидной, прослеживаются проблемные точки, музей может вносить изменения в просветительскую или экспозиционную деятельность. Ведущим показателем обратной связи в этом случае будет эмоциональная оценка оправданности ожиданий посетителей от визита в музей. Таким образом, в деятельности по изучению эффективности музейной коммуникации появляются конкретные психологические показатели, которые показывают интеграцию посетителя в пространство музея, коммуникацию «от внутреннего мира музея к внутреннему миру посетителя», взаимные изменения посетителей и музея, ведущие к развитию и музея, и посетителя.

Возможности и потенциал психологической науки позволяют сделать то, что может быть не под силу культурологии или музеологии. В центр прикладной исследовательской деятельности ставится изучение человека, открывающее возможности для разных наук, что подтверждает важность междисциплинарных исследований в области музейной коммуникации.

Список литературы

1. Актуальные вопросы и практика музейного менеджмента в XXI веке: Аналитическая записка. – М.: Российский комитет международного совета музеев, 2014. – 26 с.
2. *Гнедовский М.Б.* Музейная коммуникация как предмет музееведческого исследования / М.Б. Гнедовский, В.Ю. Дукельский // Музейное дело: музей, культура, общество. М.: НИИК, 1992. – С. 7–19.
3. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
4. *Мастеница Е.Н.* Миссия музея в ракурсе межкультурной коммуникации. Современные проблемы межкультурных коммуникаций. Вып. 4. Восток – Запад: сборник статей / Науч. ред. Б.И. Рашрагович, Б.А. Исаев. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2010. С. 256–262.
5. *Менегетти А.* Семантическое поле. М.: НБ «Онтопсихология», 2014. – 398 с.
6. Музейная коммуникация: модели, технологии, практики / Ответств. ред. В.Ю. Дукельский. М., 2010. – 199 с.
7. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 480 с.
8. *Сапанжа О.С.* Развитие представлений о музейной коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 103. С. 245–252.
9. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 47–65.
10. *Столяров Б.А.* Музейная педагогика. История, теория, практика: учеб. Пособие. М.: Высшая школа, 2004. – 216 с.
11. Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение: Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 1. С. 370–437.
12. *Харитоновна Т.Ю.* Опыт художественного восприятия как жизненное событие: сборник статей к конференции «Человек в диалоге с окружающим миром» / Под научной ред. В.А. Дмитриевой, Н.В. Гришиной. СПб: «Скифия – принт», 2014. С. 159–164.
13. *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963.
14. *Cameron D.* A Viewpoint: The Museum as a Communications System and Implications for Museum Education // Curator. 1968. № 11(1). P. 33–40.
15. *De Borhegyi S.* Visual Communication in the Science Museum // Curator. 1963. № 6 (1). P. 45–57.
16. *Hooper-Greenhill E.* A New Communication Model for Museums. Kavanagh, G. (ed). Leicester: Leicester University Press, 1991.
17. *Knez E.G.* Wright The Museum as a Communications System: An Assessment of Cameron's Viewpoint // Curator. 1970. № 13 (3). P. 204–212.
18. *Miles R.* Evaluation in its Communications Context. Technical Report 89–30, 1989. Center for Social Design, Jacksonville, AL.
19. *Parker H.* The Museum as a Communication System // Curator. 1963. № 6 (4). P. 350–360.
20. *Rizzolatti G., Craighero L.* The Mirror-Neuron System // Annual Review of Neuroscience. 2004. № 27. P. 169–192.

Reference list

1. *Cameron D.* A Viewpoint: The Museum as a Communications System and Implications for Museum Education // *Curator*. 1968. № 11(1). P. 33–40.
2. Current issues and practice of museum management in the twenty-first century: Executive summary. M.: Russian Committee of the International Council of Museums, 2014. P. 26.
3. *De Borhegyi S.* Visual Communication in the Science Museum // *Curator*. 1963. № 6 (1). P. 45–57.
4. Dictionary of relevant museum terms // *Museum*. 2009. № 5. P. 47–65.
5. *Fedorov N.* Meaning and purpose of a museum. Collected works: In 4 vol. M., 1995. Vol. 1. P. 370–437.
6. *Gnedovskiy M.* Museum communication as a subject of museological study / M. Gnedovskiy, V. Dukel'skiy // *Museology: Museum, culture, society*. M.: Research Institute of Cultural Studies, 1992. P. 7–19.
7. *Hooper-Greenhill E.* A New Communication Model for Museums. Kavanagh, G. (ed). Leicester: Leicester University Press, 1991.
8. *Kharitonova T.* The experience of artistic perception as a life event: A collection of articles devoted to the conference "Man in Dialogue with the Outside World" / Under academic editing of V. Dmitrieva, N. Grishina. SBR: "Skifiya-print", 2014. P. 159–164.
9. *Knez E.G.* Wright the Museum as a Communications System: An Assessment of Cameron's Viewpoint // *Curator*. 1970. № 13 (3). P. 204–212.
10. *Maslow A.* Motivation and Personality. SBR.: Piter, 2008. P. 352.
11. *Mastenitsa E.* The mission of a museum from the perspective of intercultural communication. Contemporary issues of intercultural communications. Number 4. East – West: Collection of articles / Academic editing by B. Rashragovich, B. Isaev. SBR.: Publishing by SPBGUKI, 2010. P. 256–262.
12. *Meneghetti A.* Semantic Field. M.: NB "Ontopsychology", 2014. P. 398.
13. *Miles R.* Evaluation in its Communications Context. Technical Report 89–30, 1989. Center for Social Design, Jacksonville, AL.
14. Museum communication: Models, technologies, practices / Executive editor V. Dukel'skiy. M., 2010. P. 199.
15. *Parker H.* The Museum as a Communication System // *Curator*. 1963. № 6 (4). P. 350–360.
16. *Rizzolatti G., Craighero L.* The Mirror-Neuron System // *Annual Review of Neuroscience*. 2004. № 27. P. 169–192.
17. *Rogers C.* On Becoming a Person: A Therapists View of Psychotherapy. M.: Publishing Group "Progress", "Univers", 1994. P. 480.
18. *Shannon C.* Works on Information Theory and Cybernetics. M.: Foreign Literature Publishing House, 1963.
19. *Spanzha O.* The development of ideas about museum communication // *Journal of the Herzen State Pedagogical University of Russia*. № 103. P. 245–252.
20. *Stolyarov B.* Museum pedagogy. History, theory, practice: Textbook. M.: Higher school, 2004. P. 216.

УДК 37.014

Хвостова И.А.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

**А.С. ГАЦИСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ГРАМОТНОСТИ»
(вторая половина XIX в.)**

В статье раскрываются основные аспекты общественной и социально-культурной деятельности известного нижегородского исследователя-краеведа, видного представителя нижегородского земства, председателя Нижегородской губернской ученой архивной комиссии и талантливого статистика А.С. Гациского в процессе создания (1872 г.) и последующей практической работы «Общества распространения грамотности». Особое внимание уделено и особенностям функционирования данной уникальной организации, созданной в рамках частной инициативы, о ней практически не упоминается сегодня даже современными исследователями истории Нижегородского края.

Ключевые слова: А.С. Гациский, народное образование, земские школы, библиотеки, Общество распространения грамотности

Khvostova I.,

PhD in History, Associate Professor of Chair of Modern and Current History of Institute of International Relations and World History of Lobachevskiy State University of Nizhny Novgorod

**A. GATSISKIY AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT
OF NATIONAL EDUCATION WITHIN THE SPHERE OF THE
ACTIVITIES OF "SOCIETY FOR THE SPREADING OF LITERACY" IN
THE NIZHNY NOVGOROD GOVERNORATE
(Second half of nineteenth century)**

This article is described the main aspects of the social and socio-cultural activity of A. Gatsiskiy, the famous Nizhny Novgorod contributor-local historian, the prominent representative of the Nizhny Novgorod zemstvo, the Chairman of the Nizhny Novgorod Provincial Scientific Archival Commission and the talented statistician, in the process of creation (1872) and following practical work of "Society for the Spreading of Literacy". Particular attention is paid to the peculiarities of the functioning of this unique organization, which was established under private initiative; it has been hardly mentioned today, even by modern scholars of the history of the Nizhny Novgorod region.

Keywords: A. Gatsiskiy, national education, zemstvo schools, libraries, "Society for the Spreading of Literacy"

Александр Серафимович Гациский (1838–1893) – видный представитель нижегородской интеллигенции, краевед и историк, автор «Нижегородки» – путеводителя по Нижнему Новгороду, содержащему его исторический очерк и сведения о современном социально-экономическом состоянии города; издатель важнейшего источника по нижегородской истории «Нижегородского летописца», а также десяти томов «Нижегородского сборника», представляющих собой собрание и обобщение статистических материалов о различных уездах Нижегородской губернии.

Именно так характеризуют его многие специалисты, начиная с авторов дореволюционного и советского периодов – В.Е. Чехихина-Ветринского [1], С.И. Архангельского [2] – и заканчивая современными исследователями – Ю.Г. Галаем [3], Н.Ф. Филатовым [4], Н.П. Егоровой [5] и др. Большинство аспектов жизнедеятельности видного земца второй половины XIX столетия ими раскрыто. Однако та часть инициатив Гациского, которая была связана с формированием и становлением важнейших направлений деятельности «Общества распространения грамотности», изучена явно недостаточно, о самом обществе тоже мало что известно. Именно поэтому необходимо восполнить этот пробел.

Александр Серафимович имел двойную фамилию – Дахнович-Гацицкий, но редко использовал эту двойную форму. Отец Александра Серафимовича – врач – переехал с семьей в Нижний Новгород из Рязани в 1847 г. Александр окончил Нижегородскую гимназию и юридический факультет Казанского университета. Затем он поступил на службу младшим чиновником для особых поручений при нижегородском губернаторе, в 1862 г. стал редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей» – единственной тогда нижегородской газеты, а с 1865 г. поступил на службу в Статистический комитет [6].

Именно он создал и возглавил Нижегородскую губернскую ученую архивную комиссию (НГУАК), которая приступила к сбору и публикации всевозможных документов по истории края (1887 г.) [7]. Ее собрания (в Ивановской башне Кремля) стали ядром современного Государственного архива Нижегородской области. Гациский подготовил здание и экспозицию первого нижегородского исторического музея (1890 г.) в домике Петра I [8].

Талантливый и разносторонний, он интересовался историей, археологией, этнографией, обладал несомненным организаторским талантом. А.С. Гациский отличался доброжелательным отношением к людям и невероятной работоспособностью. Он избирался и мировым судьей, и председателем губернской земской управы. Исследователи деятельности Гациского отмечают, что он добился удивительно многого для простого провинциального чиновника, и тем более выделяется на фоне госслужащих его творческая активность, хотя результаты его трудов, на первый взгляд, могут показаться не слишком примечательными.

Особое внимание А.С. Гациский уделил вопросам распространения образования и грамотности в Нижегородской губернии. Как известно, в области народного просвещения дореформенной России не существовало эффективной и четко организованной системы начального образования для всех социальных групп населения. Огромную роль в распространении элементарных знаний среди населения, в том числе навыков чтения и письма, играла инициатива частных лиц. В крупных городах специально учреждались так называемые частные организации и «общества» (Московский комитет грамотности, Санкт-Петербургский комитет грамотности при Вольном экономическом обществе и др.). Применительно к Нижегородской губернии мы можем говорить об активной работе созданного в 1872 г. «Общества распространения грамотности».

Материалы по его истории чрезвычайно малочисленны: далеко не за все годы сохранились отчеты Совета, к тому же деятельность самого «Общества» за целое десятилетие – с 1874 по 1884 г. – ни разу не была отмечена даже в местной прессе. Тем не менее благодаря

аккуратности первого секретаря созданной организации А.С. Гациского сохранился архив «Общества» за первые два года его существования с протоколами заседаний Совета и общих собраний членов «Общества». На основе анализа имеющихся сведений и ряда печатных материалов попробуем воссоздать основные направления его деятельности, особенности финансирования наиболее важных мероприятий и объективно оценить их результаты.

«Общество распространения начального образования в Нижегородской губернии» под именем «Общества грамотности» задумано было в мае 1868 г. Однако вплоть до осени 1872 г. продолжалась переписка только по утверждению его устава. В связи с этим первое собрание учредителей общества состоялось 5 ноября 1872 г. Его первоначальный капитал составил 2793 рубля 12 копеек [9]. Первым председателем Совета «Общества» стал П.П. Иванов, однако вскоре его сменил директор аракчеевской военной гимназии П.И. Носович. В состав самой организации входило около 300 человек, в том числе В.Я. Распопова, Е.К. Фредерикс, М.В. Алаев, А.С. Кузнецов и др. В целом свою культурно-просветительскую деятельность «Общество» начинало практически одновременно с введенными в середине 60-х гг. XIX в. земскими учреждениями.

Ситуация в образовательной сфере Нижегородской губернии к этому времени складывалась следующим образом. В 1872 г. в губернии действовало 340 школ с 11483 учащимися [10]. Как отмечал Н.Н. Иорданский, «один учащийся в школе приходился на 111 человек всего населения» [11]. Число сельских школ было весьма незначительным, не имело ни надлежащих помещений, ни специальных учебных пособий. Поэтому основное внимание Совета было направлено на распространение начального образования и грамотности среди населения – как в школе, так и с помощью организации внешкольных мероприятий.

Советом «Общества» практически сразу была намечена довольно широкая программа. Предполагалось, во-первых, собрать сведения о положении школ и школьных преподавателей, во-вторых, оказать им возможную материальную поддержку, в-третьих, содействовать открытию библиотек. Из состава членов «Общества» была избрана особая комиссия, которую возглавили А.С. Гациский и А.А. Шипова, с целью сбора статистических данных о деятельности начальных учебных заведений Нижнего Новгорода [12].

Полученные в ходе работы комиссии сведения были систематизированы и изложены А.С. Гациским в брошюре «Школьное дело в Нижегородском Поволжье», изданной в 1873 г. В текст включены были также отзывы школьных учителей о положении дела народного образования в губернии: Совет «Общества» в особом циркуляре просил преподавателей начальных училищ дать «открытые, чуждые всякой официальности» ответы на специально разработанный перечень вопросов. Значительная часть учителей и священнослужителей представили в письменной форме подробные отчеты о «крайне тесных, холодных и сырых классных помещениях», о «ничтожном вознаграждении учителей» (их ежегодное жалованье составляло от 20 до 60 рублей и редко превышало 100 рублей), об отсутствии у учащихся теплой одежды, обуви, книг и т.д. [13]

Представленные в Совет «Общества» А.С. Гациским статистические, отчетные и прочие данные об образовательной ситуации в отдельных городах и селениях губернии вызвали бурную дискуссию на одном из заседаний. С докладом о сложном положении учителей сельских школ выступил И.И. Доброхотов, после чего было принято решение о необходимости дополнительных выплат школьным преподавателям. В 1872–1873 гг. было выделено около 100 рублей на хозяйственное содержание отдельных школ и более 340 рублей на обучение двух стипендиатов в учительской семинарии [14]. О материальной помощи учителям в последующие годы точных статистических сведений не сохранилось.

Особое внимание Совета «Общества» было уделено снабжению школ достаточным количеством книг и учебных пособий. В 1872–1874 гг. на эти цели было выделено 1033 руб. Для сравнения: нижегородское земство школам каждого отдельного уезда предоставляло на приобретение учебно-методических пособий сумму, не превышающую 50 рублей (из расчета по 5 рублей на школу) [15].

В 1874 г. общество ходатайствует о земской субсидии на учреждение эмеритальной кассы для сельских учителей. Положительный ответ был получен, однако лишь со стороны Балахнинского и Ардатовского уездных земств, которые ассигновали в распоряжение «Общества» на 1875 г. 200 рублей. Васильское и Нижегородское земства признали такое ассигнование «преждевременным», отметив при этом, что «попечение о народном образовании предоставлено совместно с земством только дворянству» [16].

В 70-е гг. XIX в. на собраниях представителей «Общества» неоднократно поднимался вопрос о создании школьных библиотек. Одну из них пытался открыть в селе Черновском помещик А.М. Ермолов. Имея у себя частную библиотеку, в состав которой входило до 600 томов книг, Ермолов принял решение сделать ее общедоступной. В связи с этим он обратился в Совет «Общества распространения грамотности» с просьбой принять на себя организацию, открытие и дальнейшее обеспечение будущей народной библиотеки. Однако разрешения администрации на проведение данного мероприятия не последовало.

В середине 70-х гг. начинается открытие книжных складов в губернии: в селе Безводном Нижегородского уезда, селе Городце Балахнинского уезда и др. Общие расходы на их учреждение составили около 600 рублей [17].

В апреле 1874 г. с целью организации ряда подвижных школ в Нижегородской губернии «Обществом распространения грамотности» была создана особая комиссия. В ее состав вошли А.С. Гациский, инспектор народных училищ А.И. Раевский, гласный нижегородского земства М.П. Андреев, преподаватель городского училища И.И. Доброхотов и др. Ряд таких школ был открыт в Семеновском уезде, в них устанавливался шестинедельный срок обучения. Однако действие созданных училищ продлилось недолго вследствие недостаточного финансового обеспечения.

В этот же период на собраниях общества был поставлен вопрос о необходимости проведения регулярных совещаний учителей и учительниц с целью обсуждения широкого круга образовательных вопросов и обмена профессиональным опытом. Все расходы по устройству совещаний «Общество» предполагало взять на себя. Тем не менее на ходатайство попечителя Казанского учебного округа последовал отрицательный ответ. В заверенном им документе (от 16 июня 1874 г.) указывалось, что «собрания не разрешаются, поскольку их цель может быть достигнута путем прямого обращения учителей к инспектору народных училищ для разъяснения того или иного педагогического вопроса» [18].

Весьма пристальное внимание Совет «Общества» уделил рассмотрению вопроса об открытии читален, устройстве народных чтений и публичных лекций. Каталог книг для чтения был составлен А.С. Гациским, М.В. Алаевым и А.С. Кузнецовым, однако переписка с представителями местной администрации и Казанского учебного округа затянулась на достаточно длительное время.

Таким образом, деятельность «Общества распространения грамотности» в 70-е гг. XIX в. значительных результатов не достигла, и даже поставлен был вопрос о его закрытии и передаче всех капиталов в Комитет исправительной колонии, который был, однако, решен на собрании (1885 г.) незначительным перевесом голосов: 25 против 22 – отрицательно [19]. Интересы общества наиболее активно отстаивали А.С. Гациский и М.В. Овчинников. Они и внесли предложения по изменению устава организации и основных принципов ее работы.

К концу 1885 г. Совет с целью привлечения внимания к деятельности общества рассылает письма предводителям дворянства, председателям земских управ и главам городов, начальникам и попечителям учебных заведений о возобновлении его работы с просьбой оказать материальную и нравственную поддержку будущим просветительским мероприятиям. Результаты предпринятых усилий были довольно успешны: с 21 октября 1885 г. по 1 мая 1886 г. бюджет общества увеличился на 332 рубля. Предполагалось «дать средства к самообразованию учителям народных училищ учреждением педагогической библиотеки с выдачей книг в уезды, бесплатно снабжать беднейшие школы книгами, выделить средства на выдачу пособий учителям и учащимся» [20].

Педагогическая библиотека Общества была открыта практически сразу, и основой ее фондов послужило пожертвование А.И. Раевским достаточно большого количества книг (на сумму более чем 300 рублей) [21].

Новый устав теперь уже «Общества распространения народного образования в Нижегородской губернии» был окончательно утвержден 22 июля 1887 г. Председателем Совета при его разработке и введении стал П.В. Неклюдов. К 1887 г. в состав организации входило 207 «действительных членов» и 29 сотрудников. Уставной капитал в течение 1885–1895 гг. не превышал сумму в 3954 рубля, основным источником его формирования служили так называемые «членские взносы». С 1887 г. субсидия в размере 150 рублей на проведение народных чтений выдавалась Городской Думой Нижнего Новгорода, с 1894 г. ежегодно поступали средства из сумм нижегородского губернского земства в размере 300 рублей. С 1894 г. также стали поступать доходы от различных мероприятий «Общества»: после проведения так называемых «литературно-музыкальных утр» (до 700 руб.), народных чтений и ежегодных благотворительных спектаклей в Нижнем Новгороде [22].

Если ранее наибольшее внимание Совет «Общества» уделял предоставлению финансовой помощи школам и учителям, то в конце 80-х гг. ее размеры значительно сократились: в 1887 г. – до 250 рублей, в 1888 г. – до 50 рублей, в 1889 г. – до 10 рублей. В то же время внимание следует обратить на такой факт. Денежные суммы, выделяемые на обеспечение всем необходимым начальных училищ и, особенно, на обеспечение продовольствием детей школьного возраста, в 1891–1894 гг. были резко увеличены в связи с последствиями неурожайных лет (1891–1892 гг.). В кассу «Общества» в эти годы поступали крупные пожертвования от Нижегородской продовольственной комиссии и Нижегородского губернского благотворительного комитета (29 тысяч рублей), от Н.А. Бугрова (500 рублей), Рукавишниковых (300 рублей), И.П. Вяхирева (150 рублей) и др. частных лиц. Общая сумма израсходованных средств составила около 59 тысяч рублей, а пособиями «Общества» воспользовались 487 начальных училищ (и более 15 тысяч учащихся) [23].

Весьма важное место в работе вновь созданной организации занимала обширная деятельность ее книжного склада, число отделений которого в 80–90 гг. XIX в. резко возрастает: если в 1888 г. их насчитывалось 32, то к 1895 г. – 227. Они открывались «преимущественно в городах и торгово-промышленных селах», главную роль в распространении книг играли сельские учителя и школы. Из 227 отделений лишь 15 находились вне школ [24]. Постепенно такие отделения стали устраиваться во всех, даже беднейших и малонаселенных пунктах губернии, их возглавляли учителя и другие частные лица, благодаря которым широкое развитие получила продажа книг в селах Нижегородской губернии. Они продавались в помещении училищ, иногда – на квартирах преподавателей, на рынках, хорошо расходились книги во время ярмарки.

С 1890 г. при Совете «Общества» была организована особая комиссия для просмотра книг, поступающих на склад; причем список книжных пособий для приобретения был взят из

материалов журнала «Воспитание и обучение» за 1887 г. В течение 1885–1895 гг. всего было «распространено» до 330 тысяч экземпляров книг на сумму около 11,5 тысяч рублей [25].

Организация и работа отделений книжного склада в крупных селениях и уездных городах была тесно связана с библиотечной деятельностью «Общества», которое всецело содействовало открытию библиотек, доступных для всего местного населения. Их создание в губернии происходило достаточно медленно: функции библиотекарей обычно возлагались на школьных преподавателей, специальных помещений и нужного набора книг не существовало. Появлялись и недорогие уличные библиотечки: картина с текстом (или разрезанная по листам брошюра) обычно вкладывалась за стекло в особо устроенную витрину на стене здания, удобную для прочтения. С 1889 по 1895 г. по поручению частных лиц и учреждений «Обществом» было подобрано и сформировано до 40 библиотек, в том числе на средства уездных земских управ – 14 сельских библиотек [26].

22 января 1896 г. была открыта бесплатная библиотека-читальня в Нижнем Новгороде, в ее составе насчитывалось 2335 книг в 2990 томах, в среднем ежедневно в ней бывало по 75 человек [27]. Библиотеку посещали представители самых различных социальных слоев: дворяне, купцы, цеховые мастера, мелкие торговцы, военные, чиновники, учителя и учащиеся (до 35% от общего числа читателей) [28]. Часть книг регулярно выдавалась в сельские и городские школы. Официальное наблюдение за библиотекой со стороны учебного ведомства осуществлял директор народных училищ Д.А. Глазов, со стороны духовного ведомства – законоучитель губернской мужской гимназии священник П.Г. Политковский. Специально избранный Советом «Общества» так называемый «библиотечный комитет» принял на себя общее руководство деятельностью библиотеки-читальни. Входившие в его состав лица принимали самое непосредственное участие в приеме и выдаче книг, в разработке статистических данных и т.д. В 1896 г. были также открыты общедоступные библиотеки-читальни в г. Василе и с. Василеве Балахнинского уезда Нижегородской губернии.

В связи со значительным количеством материально-финансовых проблем Совет «Общества» принимает решение сделать вновь созданные школьные библиотеки передвижными: каждая из них находится в определенном учебном заведении в течение года, а затем переводится в другое. Идею эту высказывал когда-то еще А.С. Гациский. Таким образом, преподаватели и учащиеся имели возможность пользоваться книгами нескольких различных по составу библиотечных фондов. К 1895 г. в губернии насчитывалось 36 передвижных библиотек «Общества» [29]. В г. Починки, с. Черновском Сергачского уезда и с. Воротынце Васильского уезда Советом «Общества» были учреждены специальные учительские библиотеки, хотя и весьма незначительные по составу книг (до 160 томов). По инициативе П.И. Неволина открывается так называемая «Передвижная народно-школьная и учительская библиотека», в состав которой входило 4 отделения, с отдельным каталогом каждое. Стоимость ее организации составила в 90-е гг. XIX в. около 300 рублей. Ее фонд в течение 3–4 месяцев размещался в четырех школах определенной местности, затем между ними происходил обмен «частями» этой библиотеки, а в 1896 г. она была направлена в качестве экспоната на Всероссийскую художественно-промышленную выставку.

Одним из направлений разносторонней деятельности «Общества», активно поддерживаемым А.С. Гациским, в 80-е гг. XIX в. стала организация так называемых «народных чтений». Народные чтения в Нижнем Новгороде впервые были устроены в 1883 г., а окончательно оформились в 1886 г., и состояли они из 2 отделений: 1-го – «серьезного» (исторического, научного или духовно-нравственного) и 2-го – «легкого» (повести, рассказы, стихотворения). Передвижные народные чтения при участии особого лектора имели очень крупный успех, одним из главных

условий которого, являлось, безусловно, не чтение брошюр, а устное изложение темы, применительно к языку, интересам и уровню развития слушателей. В 1896 г. чтения проводились уже в 38 пунктах губернии [30]. По характеру они могли быть общеобразовательными, научными, по прикладным отраслям или, как это было ранее организовано, смешанного типа. Разрабатывался также проект организации литературно-музыкальных развлечений, программа для воскресных и праздничных дней включала в себя серьезные чтения (история, география), музыку, литературные чтения, предполагалось привлечь большое число исполнителей.

Результаты своей работы «Общество распространения народного образования в Нижегородской губернии» представило на Казанской торгово-промышленной и научной выставке, а также на Московской сельскохозяйственной выставке 1896 г. Представителям Совета «Общества» были торжественно вручены похвальный диплом и серебряная медаль, что, в свою очередь, стало колоссальным стимулом к дальнейшему расширению круга его мероприятий, число которых к 1914 г. значительно возросло.

Таким образом, вклад А.С. Гациского в создание и дальнейшую практическую работу рассматриваемой организации трудно переоценить. Просветительская деятельность «Общества» проходила весьма успешно, и осуществлялась она в следующих основных направлениях: материально-финансовое, методическое, отчасти продовольственное, обеспечение сельских училищ и содействие их развитию, а также организация мероприятий внешней образовательной помощи, в том числе среди взрослого населения. Все это, безусловно, сыграло огромную роль в формировании образовательной среды Нижегородской губернии. Собственно, социально-культурные инициативы А.С. Гациского и просветительские мероприятия «Общества» постепенно решали многие насущные проблемы и актуальные вопросы, которые ранее оставались незатронутыми в течение длительного времени.

Список литературы

1. *Архангельский С.И.* А.С. Гациский // Школа и жизнь. 1928. № 1. С. 40–42.
2. *Архангельский С.И.* Из истории краеведческой идеи в Нижегородском крае (Мельников-Печерский – Гациский – Короленко) // Краеведение. 1925. Т. 2. № 1–2. С. 71–80. (Электронный ресурс) // URL: <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/?id=3126>
3. *Галай Ю.Г.* Заветов старины седой ревнитель // Нижегородский летописец. Н. Новгород, 2001. С. 3–14.
4. *Гацинский А.С.* Историческая записка об учреждении в Нижнем Новгороде губернской ученой архивной комиссии (1884–1887) / Составлена секретарем Нижегородского губернского статистического комитета А.С. Гациским. Н. Новгород, 1887. – 64 с.
5. *Гацинский А.С.* Нижегородский летописец. Н. Новгород, 2001.
6. *Гацинский А.С.* Школьное дело в Нижегородском Поволжье. Н. Новгород, 1873.
7. *Егорова Н.П.* Наследие нижегородского краеведа А.С. Гациского в оценке С.И. Архангельского // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 345–352.
8. *Иорданский Н.Н.* 25-летие «Общества распространения начального образования в Нижегородской губернии». 1872–1897. Н. Новгород, 1897.
9. *Иорданский Н.Н.* Краткий очерк деятельности общества распространения начального образования в Нижегородской губернии. 1872–1895. Казань, 1896.
10. Нижегородский край: факты, события, люди. Н. Новгород, 1997.
11. *Носович П.П.* Отчет о деятельности общества распространения грамотности в Нижегородской губернии за 1872–1873 гг. Н. Новгород, 1873.

12. Сборник в память А.С. Гациского (с приложением портрета и списка сочинений). Н. Новгород: НГУАК, 1897.
13. Сборник, посвященный памяти А.С. Гациского / Сост. К.Д. Александров. Горький, 1939.
14. *Филатов Н.Ф.* А.С. Гациский // Нижегородский край: факты, события, люди. Н. Новгород, 1997. С. 227–228.
15. *Чешихин-Ветринский В.Е.* Гациский, Александр Серафимович // Русский библиографический словарь: В 25 томах. СПб.; М., 1896–1918.

[1] *Чешихин-Ветринский В.Е.* Гациский, Александр Серафимович // Русский библиографический словарь: В 25 томах. СПб.; М., 1896–1918.

[2] *Архангельский С.И.* А.С. Гациский // Школа и жизнь. 1928. № 1. С. 40–42.

[3] *Галай Ю.Г.* Заветов старины седой ревнитель // Нижегородский летописец. Н. Новгород, 2001. С. 3–14.

[4] *Филатов Н.Ф.* А.С. Гациский // Нижегородский край: факты, события, люди. Н. Новгород, 1997. С. 227–228.

[5] *Егорова Н.П.* Наследие нижегородского краеведа А.С. Гациского в оценке С.И. Архангельского // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 345–352.

[6] Александр Серафимович Гациский. 1838–1938. Сборник, посвященный памяти А.С. Гациского / Сост. К.Д. Александров. Горький, 1939. С. 32.

[7] *Гациский А.С.* Историческая записка об учреждении в Нижнем Новгороде губернской ученой архивной комиссии (1884–1887) / Составлена секретарем Нижегородского губернского статистического комитета А.С. Гациским. Н. Новгород, 1887. С. 3.

[8] Сборник в память А.С. Гациского (с приложением портрета и списка сочинений). Н. Новгород, 1897. С. 43.

[9] Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 506. Оп. 409. Д. 136. Л. 7.

[10] *Иорданский Н.Н.* Краткий очерк деятельности общества распространения начального образования в Нижегородской губернии. 1872–1895. Казань, 1896. С. 4–5.

[11] Там же. С. 5.

[12] ЦАНО. Ф. 506. Оп. 409. Д. 119. Л. 3.

[13] *Гациский А.С.* Школьное дело в Нижегородском Поволжье. Н. Новгород, 1873. С. 5.

[14] *Носович П.П.* Отчет о деятельности общества распространения грамотности в Нижегородской губернии за 1872–1873 гг. Н. Новгород, 1873. С. 4.

[15] ЦАНО. Ф. 42. Оп. 240. Д. 9а. Л. 10. При содействии земских учреждений в Нижегородской губернии в 60–90 гг. XIX в. было положено начало непосредственной организации начальных народных училищ, а также обеспечению их необходимыми помещениями и учебно-методическими материалами. В период с 1868 по 1887 г. на приобретение книг и учебных пособий для каждого училища расходовалось по 5–10 рублей. Недостаток учебников присутствовал почти во всех школах: средств не хватало, а переплетенные книги служили недолго. В 1890–1891 гг. все имевшиеся в школах учебники были приведены в известность, годные к употреблению переплетены, остальные уничтожены, а училища были снабжены ими в достаточном количестве только к 1895 г. См. также: ЦАНО. Ф. 42. Оп. 240. Т. 1. Д. 735.

[16] Цит. по: *Иорданский Н.Н.* Краткий очерк деятельности общества распространения начального образования в Нижегородской губернии. 1872–1895. Казань, 1896. С. 11.

[17] Там же. С. 12–13.

[18] Там же. С. 14.

[19] Нижегородские губернские ведомости. 1885. № 10.

[20] *Иорданский Н.Н.* 25-летие «Общества распространения начального образования в Нижегородской губернии». 1872–1897. Н. Новгород, 1897. С. 8–9.

[21] *Иорданский Н.Н.* Краткий очерк деятельности общества распространения начального образования в Нижегородской губернии. 1872–1895. Казань, 1896. С. 21.

[22] Там же. С. 23–27.

[23] 25-летие «Общества распространения начального образования в Нижегородской губернии» и очерк его деятельности. 1899. С. 6–8.

[24] Там же. С. 12.

[25] *Иорданский Н.Н.* Краткий очерк деятельности общества распространения начального образования в Нижегородской губернии. 1872–1895. Казань, 1896. С. 32.

[26] Там же. С. 36.

[27] Книжный фонд библиотеки включал в себя следующие издания: богословские сочинения (356 томов), беллетристика (955), книги по истории (214), естествознанию (145), географии (118), педагогике (49), математике (6), учебные пособия (186) и проч. См. подробнее: *Иорданский Н.Н.* Краткий очерк деятельности общества распространения начального образования в Нижегородской губернии. 1872–1895. Казань, 1896. С. 38–39.

[28] *Иорданский Н.Н.* Краткий очерк развития начального образования в Нижнем Новгороде. Н. Новгород, 1900. С. 72.

[29] *Иорданский Н.Н.* Краткий очерк деятельности общества распространения начального образования в Нижегородской губернии. 1872–1895. Казань, 1896. С. 41.

[30] Там же. С. 43.

Reference list

1. *Arkhangel'skiy S. A. Gatsiskiy // School and life. 1928. № 1. P. 40-42.*
2. *Arkhangel'skiy S. From the history of local lore idea in the Nizhny Novgorod region (Mel'nikov-Pecherskiy-Gatsiskiy-Korolenko) // Local studies, 1925. Vol.2. № 1-2. P. 71-80. (Electronic resource) // URL: <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/?id=3126>*
3. *Cheshikhin-Vertinskiy V. Gatsiskiy, Aleksandr Serafimovich // Russian Bibliographic Dictionary: In 25 volumes. SBR.; M., 1896-1918.*
4. *Egorova N. The heritage of Nizhny Novgorod regional historian A. Gatsiskiy by S. Arkhangel'skiy evaluation // Dialogue with the time. 2012. Number 40. P. 345-352.*
5. *Filatov N. A. Gatsiskiy // Nizhny Novgorod region: Facts, events, people. N. Novgorod, 1997. P. 227-228.*
6. *Galay Yu. Covenants of the olden time the hoary adherent // Nizhegorodskiy letopisets. N. Novgorod, 2001. P. 3-14.*
7. *Gatsiskiy A. Historical note on the establishment of the Nizhny Novgorod Provincial Scientific Archival Commission (1884-1887) / Made by A. Gatsiskiy, the secretary of the Nizhny Novgorod Provincial Committee. N. Novgorod, 1887. P. 64.*
8. *Gatsiskiy A. Nizhegorodkiy letopisets. N. Novgorod, 2001.*
9. *Gatsiskiy A. Scholastic affair in the Nizhny Novgorod Povolzh'ye. N. Novgorod, 1873.*
10. *Jordanskiy N. 25th –anniversary of “Society for the Spreading of First Level Education in the Nizhny Novgorod governorate”. 1872-1897. N. Novgorod, 1897.*
11. *Jordanskiy N. The brief sketch of the activities of “Society for the Spreading of First Level Education in Nizhny Novgorod governorate”. 1872-1895. Kazan, 1896.*
12. *Nizhny Novgorod region: Facts, events, people. N. Novgorod, 1997.*
13. *Nosovich P. The report on the activities of “Society for the Spreading of Literacy in Nizhny Novgorod governorate” during 1872-1873. N. Novgorod, 1873.*
14. *The collector dedicated to A. Gatsiskiy's memory / Author is K. Aleksandrov. Gorky, 1939.*
15. *The collector in a memory of A. Gatsiskiy (attaching of his portrait and list of works). N. Novgorod: NGUAK, 1897.*

УДК 316.6

Ткаченко Г.А.,

кандидат психологических наук, психолог Российского онкологического центра им. Блохина

РАЗВИТИЕ ГРУППОВОЙ СПЛОЧЕННОСТИ В МЕДИЦИНСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

В статье приводится подробное описание тренинга, направленного на развитие групповой сплоченности в медицинском коллективе. Оценка эффективности тренинга осуществлена с помощью методики «Определение индекса групповой сплоченности Сишора». Уровень групповой сплоченности после тренинга значительно выше, чем до участия в тренинге (t -Стьюдента = 7,1, $p < 0,01$).

Ключевые слова: групповая сплоченность, тренинг, медицинский коллектив

Tkachenko G.,

PhD in Psychology, Psychologist of the Russian Cancer Center named after Blokhin

THE DEVELOPMENT OF GROUP COHESION IN MEDICAL TEAM

The article is given a detailed description of the training, aimed at developing of group cohesion in medical team. Using method by "Seashore's determination of index of group cohesion", the evaluation of effectiveness of training is carried out. After training the level of group cohesion is reliably higher than before participation in the training (Student-t=7,1, $p < 0,01$).

Keywords: group cohesion, training, medical team

В любом коллективе возникает вопрос о групповой сплоченности сотрудников. Вопрос этот важен потому, что от уровня развития коллектива, степени его сплоченности зависит эффективность работы группы, а также психологический комфорт каждого ее члена. Если мы имеем дело с медицинским коллективом, то здесь важен еще один аспект его деятельности: не только сплоченность, но и вектор ее направленности. Часто коллектив является сплоченным, но не для реализации профессиональных целей, а для удовлетворения самых разных личностных потребностей.

В условиях профессиональной медицинской деятельности происходит столкновение двух видов интересов – профессионального и личностного. При удовлетворении личностных потребностей (социальные гарантии, достойная заработная плата, уважение коллег и т.д.) у медработника появляется необходимость в повышении профессиональных качеств (в определенном смысле – мотивация), что положительно сказывается на пациентах.

Известно, что психологическая сплоченность связана с групповой динамикой. Сплоченность определяется как степень, с которой члены группы хотят оставаться в ней, результирующая сил, удерживающих индивида в группе [2].

Признаками сплоченности выступают следующие характеристики коллектива:

- развитость неформальных отношений внутри группы: включенность членов коллектива в общение, лидерство в группе (определяются при помощи метода социометрии);

- принятие групповых решений, сотрудничество в группе, автономность группы при решении общегрупповых задач (диагностируется в ходе тренинга во время выполнения упражнений, направленных на взаимодействие группы, принятие группового решения);

- чувство «мы», целостность группы, социально-психологический климат в группе (измеряется при помощи семантического дифференциала и ассоциативного вопроса).

Вачков И.В., обобщая исследования в данной области, показал, что существуют факторы, которые способствуют групповой сплоченности [2]. К ним относятся:

- совпадение интересов, взглядов, ценностей и ориентации участников группы;
- достаточный уровень гомогенности состава групп (особенно по возрастному показателю – нежелательно объединять в одной группе лиц старше пятидесяти лет и младше восемнадцати);
- атмосфера психологической безопасности, доброжелательности, принятия;
- активная, эмоционально насыщенная совместная деятельность, направленная на достижение цели, значимой для всех участников;
- привлекательность ведущего как образца, модели оптимально функционирующего участника;
- квалифицированная работа ведущего, использующего специальные психотехнические приемы и упражнения для усиления сплоченности;
- наличие другой группы, которая может рассматриваться как соперничающая в каком-то отношении.

В то же время причинами снижения групповой сплоченности могут выступить:

- знакомство (дружба, симпатия) между отдельными членами группы – это ведет к сокрытию от остальных участников группы какой-то частной информации, к стремлению защитить друг друга;
- возникновение в группе мелких подгрупп (это особенно вероятно в группах, превышающих 15 человек);
- отсутствие единой цели, увлекающей и объединяющей участников, и совместной деятельности.

В некоторых случаях высокой степени групповой сплоченности можно достичь только с помощью психологического тренинга. Тренинги сплоченности, создания команды проводятся в организациях и учреждениях, чья эффективная деятельность напрямую зависит от степени единства и взаимопонимания сотрудников. Поэтому необходима организация и проведение специальных мероприятий по развитию групповой сплоченности медицинского коллектива с позитивным вектором развития ее направленности.

«Обычно легче изменить индивидуумов, собранных в группу, чем изменить каждого из них в отдельности», – эту метафору К. Левина можно положить в основу организации групповых тренингов, направленных на развитие групповой сплоченности коллектива.

Цель работы – создание тренинга, направленного на развитие групповой сплоченности и группового взаимодействия в медицинском коллективе и оценка его эффективности.

Тренинг «Развитие сплоченности медицинского коллектива»

В основе содержания программы тренинга «Развитие сплоченности медицинского коллектива» лежит решение проблем, которые близки и понятны человеку: как строить отношения в коллективе и противостоять давлению; как понять другого человека в ходе раз-

говора. Таким образом, формируется коммуникативная компетентность, а на ее основе динамично развивается групповая сплоченность.

При работе тренинговой группы ведущим (психологом или специально обученным психологом членом коллектива, например, старшей медицинской сестрой) устанавливаются определенные правила, которые необходимы и достаточны для тренинга сплоченности. Они довольно подробно описаны в литературе, посвященной коммуникативному тренингу, мы ограничимся их простым перечислением [4, 6]:

- принцип активности;
- принцип исследовательской (творческой) позиции;
- принцип объективации (осознания) поведения;
- принцип партнерского субъект-субъектного общения.

Программа тренинга состоит из двух занятий, общим количеством 5 часов, и в зависимости от производственных условий может быть реализована в двух вариантах – в течение двух дней по 2–3 часа или в виде однодневного 5-часового занятия. Содержание тренинга при этом остается одинаковым. Второй вариант более эффективен, но его, как правило, трудно осуществить из-за высокой рабочей нагрузки.

Групповая сплоченность – это показатель прочности, единства и устойчивости межличностных взаимодействий и взаимоотношений в группе, характеризующийся взаимной эмоциональной притягательностью членов группы и удовлетворенностью группой. Групповая сплоченность может выступать и как цель психологического тренинга, и как необходимое условие успешной работы. В группе, сформированной из незнакомых людей, какая-то часть времени обязательно будет потрачена на достижение того уровня сплоченности, который необходим для решения групповых задач.

Приветствие (разминка)

Время: 5–10 мин.

Это упражнение обычно происходит весело и эмоционально. Его лучше всего ставить в начало занятия, для того чтобы поприветствовать друг друга и зарядить группу энергией.

Участникам предлагается образовать круг и разделиться на три равные группы: «европейцев», «японцев» и «африканцев». Потом каждый из участников идет по кругу и здоровается со всеми «своим способом»: «европейцы» пожимают руку, «японцы» кланяются, «африканцы» трутся носами.

Вопросы: Какие эмоции у вас вызвало это упражнение? Что было трудным? Что помогло справиться с упражнением?

«Пишущая машинка»

Время: 20 мин.

Задание.

Между участниками тренер распределяет буквы алфавита.

Тренер произносит слово, его необходимо «напечатать». Группа, изображающая пишущую машинку, пытается это сделать, хлопая в ладоши. Правильно напечатанным считается слово, которое участники «отхлопали», не нарушая очередности букв.

Вопросы для обратной связи: Как вы справились с заданием? В чем заключалась его сложность для вас?

Психологический смысл упражнения: развитие невербальных коммуникативных навыков [3].

«Одеяло»

Время: 30 мин.

Задание.

Тренер делит группу на подгруппы по четыре человека, располагая их в пространстве таким образом, чтобы у каждой из команд было приблизительно по четыре квадратных метра площади. Тренер предупреждает группы о том, что разговаривать нельзя и участники должны понимать друг друга без слов. Для того чтобы настроить участников на работу, тренер зачитывает следующую историю: «Прекрасным летним днем вы все вместе собрались на морском берегу. Вы расстилаете на песке шерстяное одеяло, потом садитесь на него и наслаждаетесь солнцем, свежим воздухом и плеском волн. Вдруг собирается гроза. Вы уходите с побережья, но прежде все вместе вы должны сложить шерстяное одеяло». После этой истории все команды и все члены команд совместными усилиями должны сложить воображаемое шерстяное одеяло. На операцию по складыванию одеяла отводится две минуты.

Вопросы для обратной связи: Что помогает команде успешно справиться с заданием? Что затрудняет решение задачи? Что предпринимают отдельные игроки, чтобы преодолеть препятствия?

Психологический смысл упражнения: развитие коммуникативных навыков, сплоченности членов группы; осознание важности этих качеств для эффективной работы группы; развитие умения действовать согласованно [3].

«Прекрасный сад»

Задачи: самовыражение, создание атмосферы сотрудничества.

Время: 30 мин.

Описание.

Участники сидят в кругу. Ведущий предлагает спокойно посидеть, можно закрыть глаза и представить себя цветком.

Каким ты был бы цветком? Какие листья, стебель, а может быть, шипы? Высокий или низкий? Яркий или не очень? А теперь, после того как все представили это, нарисуйте свой цветок. Всем раздается бумага, фломастеры, мелки.

Дальше участникам предлагается вырезать свой цветок. Затем все садятся в круг. Ведущий кладет внутри круга ватман, который объявляется поляной сада, ее нужно засадить цветами. Все участники по очереди прикрепляют свой цветок.

Обсуждение.

Предлагается полюбоваться на «прекрасный сад», запечатлеть эту картинку в памяти, чтобы она зарядила своей положительной энергией. Необходимо обратить внимание, что хоть и много цветов, но всем хватило места, каждый занял только свое, то, которое выбрал сам.

Важно увидеть, в окружении каких разных, непохожих цветов растет твой. Но есть и общее: у кого-то – цвет, у кого-то – размер или форма листьев. И всем без исключения цветам нужно солнце и внимание.

Психологический смысл: упражнение позволяет понять и ощутить себя, быть самим собой, выразить свободно свои мысли и чувства, а также понять уникальность каждого, увидеть место, которое занимаешь в многообразии этого мира и ощутить себя частью этого прекрасного мира [5].

«Как мы похожи»

Задачи: выявление общих черт и различий участников.

Необходимые материалы: бумага, карандаши, призы.

Время: 20 мин.

Задание.

Тренер просит группу разбиться на пары и объясняет, как будет проходить упражнение. Каждая пара должна как можно быстрее найти и записать по 10 характеристик, верных для них обоих. Нельзя писать общечеловеческие сведения, такие как «у меня две ноги». Можно указать, например, год рождения, место учебы, хобби, семейное положение и т.д.

Вопросы для обратной связи: Легко ли было выполнять данное упражнение? Что вызвало трудности? Что нового вы узнали друг о друге после выполнения этого задания?

Психологический смысл: с помощью этого упражнения участники должны почувствовать собственную значимость, ощутить чувство принадлежности к группе [3].

Завершающее упражнение «Аплодисменты по кругу»

Задачи: сплочение коллектива, завершение тренинга на позитиве, принятие своего места в коллективе.

Необходимые материалы: не требуются.

Время: 10 мин.

Тренер предлагает участникам группы стать в круг. Затем он говорит: «Мы хорошо поработали сегодня, и мне хочется предложить вам похвалить аплодисментами друг друга, и особенно – своего соседа справа».

После этого каждый благодарит группу и говорит что-нибудь приятное своему соседу справа, например: «Спасибо всем, вы все лучшие, но без ... не было бы так весело».

Психологический смысл упражнения: развить умение участников делать комплименты, сплочение коллектива, дружеское завершение тренинга [1].

Завершающее упражнение «Спасибо!»

Время: 10 мин.

Участники встают в кружок, и ведущий предлагает каждому мысленно положить на левую руку все то, с чем он пришел сегодня, свой багаж настроения, мыслей, знаний, опыта, а на правую руку – то, что получил на этом занятии. Затем все одновременно сильно хлопают в ладоши и кричат: «ДА!» или «СПАСИБО!»

Психологический смысл упражнения: завершающий ритуал, который позволяет задуматься над содержанием и результатом прошедшего занятия, а также завершить его красиво на положительной эмоциональной ноте.

Последние два упражнения соответственно завершают каждый день тренинга (если тренинг проводится по второму варианту, рекомендуется упражнение «Спасибо!»).

Подведение итогов тренинга. Обсуждение результатов, ответы на вопросы, высказывания и пожелания всем членам группы.

Разработанный тренинг «Развитие сплоченности медицинского коллектива» был проведен в Российском онкологическом научном центре им. Н.Н. Блохина. В нем участвовали 18 операционных медицинских сестер операционного блока хирургического отдела.

Работа операционной медицинской сестры сопряжена с высоким стрессом и повышенным напряжением [7]. Необходимыми условиями для эффективной работы в таких условиях являются взаимопонимание и поддержка, что невозможно без тесного сотрудничества и доверительных отношений в коллективе между его членами. Поэтому групповая сплоченность является важным фактором, способствующим эффективности работы всей группы и каждого отдельного члена, а также психологическому комфорту в коллективе [9].

Оценка эффективности тренинга осуществлялась с помощью методики «Определение индекса групповой сплоченности Сисшора» [8].

Назначение и инструкция: групповая сплоченность – чрезвычайно важный параметр, показывающий степень интеграции группы, ее слияние в единое целое, ее можно определить не только путем расчета соответствующих социометрических индексов. Значительно проще это сделать с помощью методики, состоящей из пяти вопросов с несколькими вариантами ответов на каждый из них. Ответы кодируются в баллах согласно приведенным в скобках значениям (максимальная сумма – 19 баллов, минимальная – 5). В ходе опроса баллы указывать не нужно.

Инструкция.

На каждый вопрос есть несколько вариантов ответа. Вам необходимо выбрать правильный (нужный) ответ и записать его обозначение в бланк.

1. Как бы вы оценили свою принадлежность к группе?

- Чувствую себя ее членом, частью коллектива (5).
- Участвую в большинстве видов деятельности (4).
- Участвую в одних видах деятельности и не участвую в других (3).
- Не чувствую, что являюсь членом группы (2).
- Живу и существую отдельно от нее (1).
- Не знаю, затрудняюсь ответить (1).

2. Перешли бы вы в другую группу, если бы представилась такая возможность (без изменения прочих условий)?

- Да, очень хотел бы перейти (1).
- Скорее перешел бы, чем остался (2).
- Не вижу никакой разницы (3).
- Скорее всего, остался бы в своей группе (4).
- Очень хотел бы остаться в своей группе (5).
- Не знаю, трудно сказать (1).

3. Каковы взаимоотношения между членами вашей группы?

- Лучше, чем в большинстве коллективов (3).
- Примерно такие же, как и в большинстве коллективов (2).
- Хуже, чем в большинстве коллективов (1).
- Не знаю, трудно сказать (1).

4. Каковы у вас взаимоотношения с руководством?

- Лучше, чем в большинстве коллективов (3).
- Примерно такие же, как и в большинстве коллективов (2).
- Хуже, чем в большинстве коллективов (1).
- Не знаю (1).

5. Каково отношение к делу в вашем коллективе?

- Лучше, чем в большинстве коллективов (3).
- Примерно такие же, как и в большинстве коллективов (2).
- Хуже, чем в большинстве коллективов (1).
- Не знаю (1).

Обработка результатов и интерпретация.

Уровни групповой сплоченности:

- 15,1 баллов и выше – высокий;
- 11,6–15 балла – выше среднего;
- 7–11,5 – средний;
- 4–6,9 – ниже среднего.

Уровень групповой сплоченности после участия в тренинге достоверно выше, чем при первичной оценке: первоначально групповая сплоченность оценивалась выше среднего уровня, что, безусловно, является положительным фактом в работе коллектива. После тренинга сотрудники оценили уровень развития групповой сплоченности как высокий.

Анализируя более подробно ответы участников, можно сказать, что данные позитивные изменения произошли преимущественно за счет ответов на вопрос № 1: «Как бы вы оценили свою принадлежность к группе?» и на вопрос № 3: «Каковы взаимоотношения между членами вашей группы?» Именно по этим показателям большинство участников дали максимальную оценку. В таблице 1 представлены полученные результаты.

Таблица 1.

Уровень групповой сплоченности

	Исходный уровень	После тренинга	t-Стьюдента	p <
Показатель уровня групповой сплоченности	12,8	15,6	7,1	0,01

Таким образом, на основании полученных данных можно сделать вывод о том, что разработанный тренинг, направленный на развитие групповой сплоченности медицинского коллектива, является эффективным и может быть рекомендован для проведения в коллективе медицинских сестер.

Психологическая сплоченность коллектива определяет успех работы, потому что делает группу более устойчивой к ситуациям, сопровождающимся негативными эмоциональными переживаниями, помогает преодолевать кризисы в развитии организации.

Список литературы

1. *Авидон И.А.* Сто разминок, которые украсят ваш тренинг / И.А. Авидон, О.И. Гончукова. СПб.: Речь, 2010. – 256 с.
2. *Вачков И.В.* Основы технологии группового тренинга. Психотехники: учебное пособие. М: Ось-89, 2000. – 224 с.

3. *Грецов А.Г.* Психологические игры для старшеклассников и студентов / А.Г. Грецов, Т.А. Бедарева. СПб.: Питер, 2008. – 190 с.
4. *Жуков Ю.М.* Тренинг как метод совершенствования коммуникативной компетентности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2003. – 356 с.
5. *Марасанов Г.И.* Социально-психологический тренинг. М.: Знание, 2009. – 189 с.
6. *Сидоренко Е.В.* Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии. СПб.: Речь, 2008. – 208 с.
7. *Ткаченко Г.А.* Профессиональное выгорание у врачей онкологических клиник // Заместитель главного врача. 2014. № 12 (103). С. 88–91.
8. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. – 339 с.
9. *Шкурко Н.М.* Феномен поликультурной коммуникативности в контексте профессиональной подготовки преподавателей вуза // Вестник Академии права и управления. 2014. № 34. С. 176–180.

Reference list

1. *Avidon I.* One hundred workouts which will compliment your training / I. Avidon, O. Gonchukova. SBR.: Rech', 2010. – 256 p.
2. *Fetiskin N., Kozlov V., Manuylov G.* Socio-psychological diagnostics of development of the personality and small groups. M.: Publishing by Institute of Institute of Psychotherapy, 2002. – 339 p.
3. *Gretsov A.* Psychological games for seniors and students / A. Gretsov, T. Bedareva. SBR.: Piter, 2008. – 190 p.
4. *Marasanov G.* Socio-psychological training. M.: Znanie, 2009. – 189 p.
5. *Shkurko N.* Phenomenon of the multicultural communicativeness in the context of training of the high school teaching staff // Bulletin of Academy of management and law. 2014. № 34. P. 176–180.
6. *Sidorenko E.* Communicative competence training in business interaction. SBR.: Rech', 2008. – 208 p.
7. *Tkachenko G.* Professional burnout at the doctors of oncologic clinics // Deputy Chief Physician. 2014. № 12 (103). P. 88–91.
8. *Vachkov I.* The basic technologies of group training. Psychotechnics: Textbook. M.: Os'-89, 2000. – 224 p.
9. *Zhukov Yu.* Training as a method of improving communicative competence: Thesis of Doctor of Psychology. M., 2003. – 356 p.

УДК 378.14.015.62.

Ильязова М.Д.,

доктор педагогических наук, профессор Астраханского государственного технического университета,
г. Астрахань

Гречухина Н.В.,

старший преподаватель Каспийского института морского и речного транспорта
(филиала Волжского государственного университета водного транспорта), г. Астрахань

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МОРЯКА В СИСТЕМЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ: ИНВАРИАНТНЫЙ ПОДХОД¹

В статье представлены результаты разработки модели социально-психологической компетентности выпускников морских специальностей (судоводителей, судомехаников и др.) на основе инвариантной структуры, включающей ценностно-смысловой, мотивационный, инструментальный, индивидуально-психологический, конативный (поведенческий) компоненты, образующие устойчивую систему функциональных связей с учетом специфики социальной ситуации профессиональной деятельности (относительная социальная изоляция, неразделенность бытовой и производственной сфер жизнедеятельности на судне во время длительных рейсов, круглосуточный режим работы, вахтовая организация труда, уставная система отношений) и в контексте задач педагогического целеполагания.

Ключевые слова: инвариантная структура компетентности, судоводитель, судомеханик, социально-психологическая компетентность моряка

Ilyazova M.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Astrakhan' State Technical University, Astrakhan'

Grechukhina N.,

Senior Lecturer of Kaspisk Institute of Marine and Water Transport (Branch of Volga State University of Water Transport), Astrakhan'

THE STRUCTURE OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL COMPETENCE OF A SEAMAN IN EDUCATIONAL SYSTEM OF GOAL SETTING: INVARIANT APPROACH

The article is presented the results of the development of a model of socio-psychological competence of graduates of marine majors such as (navigators, ship engineers and etc.) based on invariant structure; it is included value-semantic, motivational, instrumental, individual-psychological, conatus (behavioral) components, forming a stable system of functional relations, taking into account the specific to the social situation of professional activity (such as relative social isolation, nonseparatedness of common and non-material sphere of life activity onboard during long passages, around-the-clock-work, rotational work management, the authorized system of relationships), and the context of the objectives of pedagogical goal-setting.

Keywords: invariant structure of competence, navigator, ship engineer, socio-psychological competence of seaman

Профессиональная подготовка специалистов для работы на морских судах (судоводителей, судомехаников и др.) направлена на формирование готовности к успешному выполнению видов и решению задач профессиональной деятельности (эксплуатация судна, обеспечение безопасности человеческой жизни на море, организация службы командного состава, организация его работы в сложных и критических условиях и т.п.) [1].

При этом специфические, «особые», «измененные», как говорят психологи, условия работы человека в море предъявляют высокие требования к личности (личностным качествам, ресурсам) профессионала, сформированности его социально-психологической компетентности.

В образовательном стандарте эти требования находят свое отражение в формулировке некоторых общекультурных компетенций как образовательных результатов, например, ОК4 – способность «к социальному взаимодействию на основе принятых моральных и правовых норм, демонстрация уважения к историческому наследию и культурным традициям, толерантность к другой национальности и культуре в условиях многонациональных экипажей, владение нормами профессиональной и корпоративной этики, способность создавать в коллективе отношения сотрудничества, владение приемами саморегуляции поведения и методами конструктивного разрешения конфликтных ситуаций в различных условиях», ОК5 – знание «психологических основ управления коллективом, способов влияния на формирование целей команды и способов воздействия на ее социально-психологический климат», ОК7 – способность и готовность «к адаптации к новым ситуациям, переоценке накопленного своего и чужого опыта, анализу и оценке своих возможностей...» [1] и т.п.

Действительно, труд человека в море – это не только профессиональная деятельность, но и жизнедеятельность человека в рамках автономной технической системы – судна. Адаптация морских специалистов к условиям труда оказывается вдвойне сложнее, чем у представителей многих других профессий: экстремальные условия труда (природная стихия – шторма, ветра, бури, цунами, качка и т.п.), относительная физическая, социальная, личностная замкнутость пространства жизни и деятельности, ограничения в возможности передвижения, обмене информацией, половая депривация, отсутствие выходных дней и т.п.

С.Е. Семькин в ходе исследования социально-психологических характеристик моряков выявил негативное воздействие времени, проведенного в рейсе, на способности человека к конструктивным межличностным отношениям. У моряка после рейса начинают преобладать тенденции к зависимости и необщительности, существенно увеличивается уровень тревоги и стрессового напряжения [12]. В таких условиях повышение «нервно-психической напряженности, накопление усталости у членов экипажа неизбежно сказываются на особенностях их взаимоотношений – ухудшается социально-психологический климат, нарастает конфликтное напряжение» [7, с. 42].

Психологические особенности профессиональной деятельности моряков связаны с относительной социальной изоляцией, неразделенностью бытовой и производственной сфер жизни и деятельности на судне во время длительных рейсов, круглосуточным режимом работы, вахтовой организацией труда, наличием уставной системы отношений [12; 7 и др.].

О.А. Истомина пишет о том, что негативное воздействие социальной изоляции определяется утратой важных психических связей (с родными, близкими, друзьями), утратой целого ряда социальных ролей («ролевая депривация»), сужением сфер активности личности, разрывом связей с привычными социальными институтами, процессами, ритмами, харак-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-03-00313 «Регион как социальная и образовательная платформа для развития кадрового потенциала инженерного корпуса».

терными для обычной жизни вне рейсов, резким сужением близкого окружения (общение с одними и теми же людьми на физически ограниченном пространстве судна), нехваткой «психологических событий», сенсорным, информационным голодом [7, с. 42].

Высокая нагрузка на личностную составляющую профессиональной деятельности моряка определяется также спецификой протекания социальных процессов образования коллектива на судне. С одной стороны, для эффективного выполнения поставленных задач в экстремальных условиях труда морские экипажи должны быть сплоченными и сработанными (такие высокие требования к уровню развития часто не являются критичными для коллектива, работающего «на берегу»), и для формирования такой команды необходимо время, «притирка», опыт совместной деятельности, комплементарное сочетание профессиональных и командных ролей. С другой стороны, сроки пребывания морских специалистов, смена командного состава от рейса к рейсу препятствуют естественному ходу развития коллектива, предъявляют дополнительные требования к возможности «ускоренной» адаптации человека и группы на корабле и, соответственно, к его социально-психологической компетентности.

В исследовании Е.В. Михайленко определено, что для субъективного благополучия моряков природно-естественные факторы (неблагоприятные погодные условия, частые перепады атмосферного давления, смена часовых поясов и пр.) не имеют решающего значения, на передний план здесь выходят социально-психологические факторы, связанные с обращением к личностным ресурсам человека, обеспечивающим решение профессиональных задач – самопринятие, принятие других, интернальность, эмоциональная устойчивость, готовность к сотрудничеству, выраженная сила «Я», позволяющая выстраивать комфортное взаимодействие при сбалансированности автономности и социабельности [10].

Поэтому задача целенаправленного развития социально-психологической компетентности студента в ходе профессиональной переподготовки моряка актуальна во все времена, она должна решаться в образовательном процессе средствами всех компонентов образовательной программы (дисциплин, модулей, практик, социокультурной, по сути, воспитательной среды вуза).

Здесь возникает задача разработки структуры и содержания социально-психологической компетентности выпускника судовой специальности в контексте педагогического целеполагания.

Проблема определения психологической структуры компетентности субъекта деятельности не нова. Педагогические, психологические, акмеологические исследования в этой области проводились и до введения компетентностно-ориентированных образовательных стандартов. В них показано, что в структуру компетентности субъекта профессиональной деятельности, наряду со знаниями, умениями, навыками и опытом, входят ценностно-смысловые ориентации, направленность личности, саморегуляционные механизмы. Для компетенций / компетентности характерны сложность состава, межпредметность, надпредметность, практикоориентированность, мотивированность использования и т.п. Показано также, что в компетентности / компетенции человека как субъекта деятельности важно выделять потенциальный и актуальный (реализованный) аспекты.

Что касается практики, то еще девять лет назад (в 2006 г.), когда термины «компетентность», «компетенция» были относительно новыми в системе образовательного пространства нашей страны и это вызывало полемику в научных и образовательных кругах, нами был проведен опрос для изучения мнения преподавателей вуза (111 респондентов) о структуре и содержании этих категорий [5]. Компетенции выпускника – нормативная целевая основа

современного образования, однако проводник этой цели – педагог, и любая педагогическая цель должна быть принята, прежде всего, самим преподавателем.

Анализ результатов опроса тогда показал, что для преподавателей компетенции непонятны, их структура размыта, в содержание этих категорий вкладываются разные смыслы, разные контексты – от знаний до качеств личности («иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»).

Сегодня «компетенции» не воспринимаются как «нечто новое, ранее не бывшее», деятельность каждого российского вуза, да и общеобразовательной школы тоже, буквально пронизана духом компетентностного подхода – образовательные стандарты, основные образовательные программы, рабочие программы дисциплин, фонды оценочных средств... Выделяются виды компетенций – общекультурные, профессиональные, универсальные, общенаучные и т.п.

Но стали ли «компетенции» как цели педагогического процесса от этого более понятными, выступают ли они сегодня «ясно представляемым результатом» учебной и педагогической деятельности?

Материалы научно-педагогических конференций, круглых столов, методических собраний и заседаний, проблемных семинаров, посвященных тем или иным аспектам реализации компетентностного подхода, проблемам оценки компетенций – все это говорит о том, что однозначного понимания структуры и содержания такого результата образования, как «компетенция», увы, пока нет. Нет его в практике, нет и в научной литературе, где «компетенция» / «компетентность» могут определяться и как способность, и как готовность, и как личностная характеристика; «компетентность» и «компетенция» могут рассматриваться как синонимы, а могут разводиться по разным основаниям.

Показательно, что такая разногласица имеет место не только в образовании. Т.Ю. Базаров, А.К. Ерофеев и А.Г. Шмелев на основе оценки экспертами (в качестве экспертов выступили 45 психологов высшей квалификации) содержания понятия «компетенция» показали, что в сфере психологии труда и управления персоналом суть его меняется в зависимости от контекста: «западная или отечественная терминологическая традиция, практическая работа или научно-теоретические изыскания, практика управления персоналом или образовательная деятельность, модальность должного (нормативно-юридическая логика) или модальность наличного (констатирующее знание наблюдателя за реальным поведением), классификационно-эмпирическое знание (поверхностно-коллекционирующий подход) или деятельностно-методологическое знание (претендующее на вскрытие сущности явлений)» [2, с. 97].

Практический опыт реализации компетентностно-ориентированного образования в условиях, когда перечень компетенций устанавливается стандартом, а их структура и содержание определяется каждым отдельным вузом (а зачастую и каждым отдельным преподавателем как «планируемые результаты обучения» по дисциплине (модулю)) самостоятельно, и при этом нужно обеспечить академическую мобильность студента, актуализирует внедрение **инвариантной структуры компетентности** исполнителя любой трудовой функции – некоего фрейма, компоненты которого наполняются содержанием в контексте специфики профессиональной деятельности.

Инвариантная структура компетентности субъекта профессиональной деятельности – специалиста с высшим образованием – разработана нами и описана ранее (Вербицкий А.А., Ильязова М.Д., 3, 5, 6). Она представляет собой систему компонентов – психических образований, составляющих между собой устойчивые взаимопроникающие функциональные связи. Что это за компоненты?

Первый компонент – *инструментальный* – это знания, умения, навыки, позволяющие выполнять тот или иной вид деятельности. Он не нов для образования – это основные результаты обучения, без знаний нет ни умений, ни навыков, ни отношения к ним. Но это не единственно необходимый результат, преимущества компетентного подхода к формулировке педагогических целей как раз и заключаются в том, что перекрывают и образовательные, и развивающие, и воспитательные задачи профессионального образования, направляя их на компетентность выпускника – эффективность выполнения определенной трудовой функции.

Второй компонент – *мотивационный* – стремление к деятельности, к ее наиболее качественному выполнению, к совершенствованию этой деятельности. Можно знать и уметь, можно знать, как «правильно» нужно делать, но при этом не хотеть делать или не хотеть и не делать «правильно». Включение мотивационной составляющей ориентирует преподавателя на обязательную работу по формированию мотивации профессиональной деятельности.

Особенный компонент компетентности специалиста – *ценностно-смысловой*. Скорее всего, по значимости для личности и общества он занимает первое место в иерархии составляющих компетентности (если бы нужно было выстроить иерархию), так как запускает воспитательные задачи образовательного процесса, развивает у студента активное положительное отношение к базовым человеческим ценностям – жизнь, человек, труд, общество, лежит в основе ответственного выполнения специалистом каждой трудовой функции. Это то, что в управлении персоналом называют «человеческим фактором», «лояльностью».

Индивидуально-психологический компонент, на наш взгляд, важен – это способности человека, т.е. особенности личности (их еще называют профессионально важные качества, или ПВК), позволяющие быстро и успешно овладевать той или иной деятельностью, осваивать ту или иную трудовую функцию. Это поле деятельности для развивающей цели обучения.

Названные компоненты компетентности действительно выступают психическими образованиями, они могут формироваться у человека асинхронно – в разные периоды времени (например, отношенческий, ценностный компонент невозможно сформировать в одночасье, в течение одного семестра – это результат всей социализации личности, а вот формирование и развитие инструментального компонента – практическая задача каждого отдельного учебного модуля образовательной программы), предъявляют разные требования к образовательным технологиям.

Но для того чтобы компетентность проявилась в деятельности, а эти компоненты сообразовали действующую систему, нужно их актуализировать, погрузив человека в выполнение данного вида деятельности. Эту работу выполняет *конативный* компонент компетентности, представленный механизмами саморегуляции личности (рисунок).

Обобщенная инвариантность такой структуры компетентности определяется ее неизменностью в разных «системах отсчета», в качестве которой, например, может выступать вид деятельности, трудовая функция. Проектировочная компетентность инженера и преподавателя вуза – разные по содержанию – имеют одну и ту же суть и, соответственно, одни и те же инвариантные компоненты – ценностный, мотивационный, инструментальный, индивидуально-психологический, конативный.

Как систему отсчета можно рассматривать уровень мастерства специалиста: оптант – адаптант – мастер – наставник (классификация Е. Климова). Также существует и дидактическая система отсчета – так называемые «входные» компетенции («до» специального формирования) и компетенции «на выходе» – компетенции выпускника. Как видите, такая инвари-

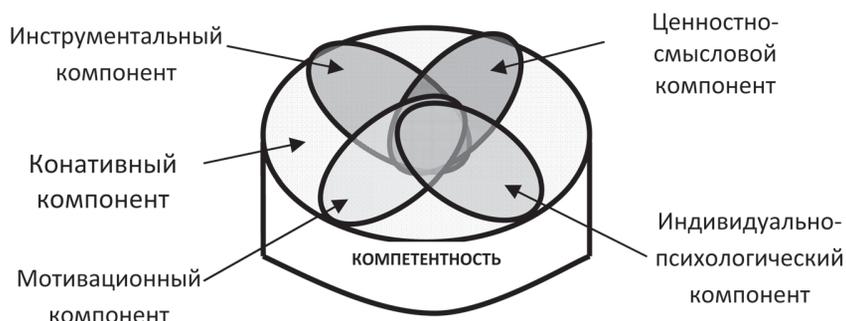

Рис. Компоненты инварианта компетентности субъекта деятельности

антная структура имеет достаточный объем инвариантности, выделенные компоненты – необходимые и достаточные.

Именно такая структура положена нами в основу разработки содержания социально-психологической компетентности моряка.

Рассмотрим особенности специальной социально-психологической компетентности моряка, в научной литературе часто определяемой такими категориями, как «компетентность в общении», «социальная компетентность», «коммуникативная компетентность».

Словарь социально-психологических понятий представляет эту дефиницию как «способность эффективно взаимодействовать с окружающими благодаря пониманию себя и других при постоянном видоизменении психических состояний, межличностных отношений и условий социальной среды» [8, с. 34]. Н.Н. Ершова рассматривает социально-психологическую компетентность как способность функционировать в определенном социальном пространстве, состоящую из умений определять и понимать отношения «Я – общество», выбирать ориентиры в обществе, организовывать свою деятельность в соответствии с этими ориентирами [4, с. 49].

Н.В. Калинина обращает внимание на адаптационный потенциал социально-психологической компетентности личности, способствующий «ее самореализации, самоактуализации и самоопределению», результативному и качественному выполнению определенной социальной роли и профессиональной деятельности [6]. И.И. Лукьянова пишет о том, как важно в структуре социально-психологической компетентности изучать такие составляющие, как осознание необходимости принятия «норм (потребностей, требований, реалий) конкретного социума, стремление к их пониманию; осознание необходимости расширения (или наличия у себя широкого диапазона) социальных знаний-умений с целью достижения высокого уровня адаптивности; осмысление и адекватную оценку, соотнесение конкретных социальных условий и своих возможностей по достижению предполагаемого результата в данной ситуации; умение (способность, готовность) актуализировать свой личностный опыт применительно к конкретной ситуации; определение и выбор возможных и наиболее эффективных способов деятельности, вариантов поведения; готовность к принятию личной ответственности за выбор собственного поведения в ситуации социального взаимодействия» [9, с. 46].

Социально-психологическая компетентность часто рассматривается как способность человека эффективно взаимодействовать с окружающими людьми в системе межличностных отношений. В ее состав включаются: 1) умение ориентироваться в социальных ситуациях; 2) умение адекватно определять индивидуальные особенности людей, вовлеченных в социальную ситуацию, их психическое и эмоциональное состояние; 3) умение использовать адекватные ситуации способы взаимодействия с субъектами данной ситуации [9].

Интересен подход С.В. Петрушина, определяющего три ключевых компоненты социально-психологической компетентности личности – познавательная компонента (познание себя и партнера в общении, знание психологии общения во всем его многообразии форм и ситуаций); эмоциональная компонента (позитивное самоотношение, позитивный «настрой на партнера»); поведенческая компонента (умение использования средств общения). Компетентность в общении в этом случае предстает как система знаний, социальных установок, умений и опыта в области межличностного общения, внутренних средств коммуникативных действий, ориентированности в общении, свободного владения средствами общения [11, с. 19–24].

Проведенный анализ специфики профессиональной деятельности и общих подходов к определению социально-психологической компетентности личности позволил разработать содержание структуры социально-психологической компетентности судового специалиста – выпускника вуза (таблица).

Таблица

Содержание компонентов социально-психологической компетентности моряка

Компоненты		Содержательная характеристика
Мотивационный компонент		стремление к эффективному взаимодействию с членами команды, стремление к пониманию себя и других людей в условиях изменения психических состояний, межличностных отношений, состава команды
Ценностно-смысловой компонент		убежденность в значимости профессионального и личностного роста, отношение к профессиональной команде как к ценности
Инструментальный компонент	Знания	знание психологических основ и технологий эффективного взаимодействия с членами команды, понимания себя и других людей в условиях изменения психических состояний, межличностных отношений, состава команды
	Умения	умение определять резервы профессионального и личностного роста, умение управлять своим эмоциональным состоянием, умение адекватно реагировать в социальных ситуациях, умение определять индивидуальные личностные характеристики и эмоциональные состояния субъектов социального взаимодействия, умение отбирать и реализовывать оптимальные способы взаимодействия с личностью и с группой
	Навыки	навыки саморегуляции, навыки взаимодействия с членами команды, навыки самопознания и познания других людей в условиях изменения психических состояний, межличностных отношений, состава команды
Индивидуально-психологический компонент		эмпатия, толерантность, рефлексия
Конативный компонент		способность мобилизовать свой личностный потенциал, проявить его в ситуациях взаимодействия с членами команды, понимания себя и других людей в условиях изменения психических состояний, межличностных отношений, состава команды

Такой подход позволяет четко определять результаты обучения каждого компонента образовательной программы профессиональной подготовки будущего моряка.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 180403 «Судовождение» // <http://www.edu.ru/>
2. Базаров Т.Ю., Ерофеев А.К., Шмелев А.Г. Коллективное определение понятия «компетенции»: попытка извлечения смысловых тенденций из размытого экспертного знания // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2014. № 1. С. 87–102.
3. Вербицкий А.А., Ильязова М.Д. Инварианты профессионализма: проблемы формирования. М.: Логос, 2011.
4. Ершова Н.Н. Развитие социально-перцептивной компетентности в системе профессионального общения: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
5. Ильязова М.Д. Теоретические основы формирования профессиональной компетентности студентов в вузе (на примере студентов-социологов). Астрахань: ОГОУ ДПО «АИПКП», 2008.
6. Ильязова М.Д. Формирование инвариантов профессиональной компетентности студента: ситуационно-контекстный подход / Дис... д-ра пед. наук. Москва, 2011.
7. Истомина О.А. Социально-психологические особенности морских экипажей в условиях длительных рейсов // Транспорт Российской Федерации. 2007. № 12. С. 41–43.
8. Коллектив. Личность. Общение: словарь социально-психологических понятий / Под ред. Е.С. Кузьмина и В.Е. Семенова. Л.: Лениздат, 1987.
9. Лукьянова И.И. Базовые потребности возраста как основа развития социальной компетентности у подростков // Психологическая наука и образование. 2001. № 4. С. 41–47.
10. Михайленко Е.В. Личностные ресурсы как фактор адаптации-реадаптации моряков рыболовецкого флота к измененным условиям жизнедеятельности: Автореф. дис.... канд. псих. наук. Хабаровск, 2007.
11. Петрушин С.В. Психологический тренинг в многочисленной группе (методика развития компетентности в общении в группах от 40 до 100 человек). М.: Академический Проект, 2004.
12. Семькин С.Е. Особенности индивидуально-психологических характеристик моряков до и после рейса // Российский психологический журнал. 2007. № 4. Том 4. С. 93–95.

Reference list

1. Bazarov A., Erofeev A., Shmelev A. The collective definition of “competence” conception: The attempt to extract meaningful trends from blurred expert knowledge // Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology. 2014. №. 1. P. 87-102.
2. Ershova N. The development of socio-perceptive competence in professional communication system: Thesis of PhD in Psychology. M., 1997.
3. Federal State Educational Standard of higher professional education in the direction of training (specialty) 180403 “Navigation” // <http://www.edu.ru/>
4. Il'yazova M. The formation of invariants of professional competence of a student: Situational and contextual approach / Thesis of Doctor of Pedagogy. Moscow, 2011.
5. Il'yazova M. Theoretical bases of formation of professional competence of students in the universities (as exemplified by students- sociologist). Astrakhan: State Educational Institution of Further Professional Education “AIPKP”, 2008.
6. Istomina O. Socio-psychological characteristics of the sea crew under conditions of long passages / Transport of the Russian Federation. 2007. №. 12. P. 41-43.

7. *Luk'yanova I.* The basic needs of the age as a basis for the development of social competence in adolescents // Psychological science and education. 2001. №. 4. P. 41-47.
8. *Mikhailenko E.* Personal resources as a factor of adaptation-readaptation of seamen of the fishing fleet to changed conditions of life activity: Synopsis of a thesis of PhD of Psychology. Khabarovsk, 2007.
9. *Petrushin S.* Psychological training in a numerous group (Methodology development of competence in communicating in groups from 40 to 100 people). M.: Akademicheskij Proekt, 2004.
10. *Semykin S.* Features individually-psychological characteristics of the sailors before and after passage // Russian psychological journal. 2007. №. 4. Volume 4. P. 93-95.
11. Collective. Personality. Communication: Dictionary of socio-psychological concepts / Under the editorship of E. Kuz'min and V. Semenov. L.: Lenizdat, 1987.
12. *Verbitskiy A., Il'yazova M.* Invariants of professionalism: Issues of formation. M.: Logos, 2011.

УДК 342.9

Один И.В.,

помощник начальника Отдела МВД России по району Арбат г. Москвы (по работе с личным составом)

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА АТТЕСТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются подходы и технологии различных управленческих видов государственной службы – гражданской, военной и правоохранительной, которые должны учитываться при проведении государственной аттестации государственных служащих, а также история формирования института аттестации государственных служащих.

Ключевые слова: психолого-акмеологический подход, аттестация, государственная служба

Odin I.,

Assistant Chief of Branch of Interior Ministry of Russia in the Arbat District of Moscow
(Department for work with personnel)

THE VALUE OF INSTITUTION OF ATTESTATION OF PUBLIC SERVANTS: PSYCHOLOGICAL-ACMEOLOGICAL APPROACH

The article is discussed the approaches and technologies of different management types of public service such as civil, military and law-enforcement, that should be included in the carrying state attestation of public servants, as well as it is considered the history of formation of institution of attestation of public servants.

Keywords: psychological-acmeological approach, attestation, public service

Развитие государства и общества, информация о положительном опыте работы государственных служащих представляют социальную ценность как для общества в целом, так и для совершенствования государственной службы в частности. Более того, выбранное инновационное развитие Российской Федерации требует выработки новых служебных правоотношений, параллельно с разграничением компетенции служб и служащих по типам финансируемых инновационных проектов и отраслевой технологической приоритетности в общем пакете совершенствования служебной деятельности. Определены принципиальные подходы и технологии различных управленческих видов государственной службы – гражданской, военной и правоохранительной. Для создания механизма, обеспечивающего постоянные взаимосвязи этих видов государственной службы при сопровождении и реализации социальных проектов, необходимы административно-правовые ресурсы, объединяющие возможности институтов развития статуса служащих всех заинтересованных органов исполнительной власти¹.

Важным методом контроля и повышения уровня профессионализма и оптимизации численности, кадров государственной службы является проведение аттеста-

¹ Комахин Б.Н. Совершенствование деятельности государственных служащих в контексте Стратегии инновационного развития // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 10. С. 18–22.

ции для определения соответствия государственного служащего занимаемой должности.

Аттестация государственных служащих как социальный институт начала складываться с 20-х гг. XX в., когда были заложены основы оценочной деятельности. В.А. Воробьев выделил три критерия оценки работника советских государственных и правоохранительных органов: социальное происхождение, преданность правящему классу и добросовестное исполнение служебных обязанностей². В 60–70-е гг. прошлого столетия сфера правового регулирования аттестационной деятельности стала значительно расширяться. В связи с этим некоторые авторы относят начало становления института аттестации именно к этому периоду.

Например, И.М. Гуськова и В.Н. Меньшова считают, что зарождение аттестации в нашей стране относится к концу 60-х гг. и связано с утверждением Госкомитетом по науке и технике СССР и Госстроем СССР в мае 1969 г. Положения о порядке проведения аттестации работников научно-исследовательских, проектных, проектно-конструкторских, технологических организаций и научно-исследовательских подразделений высших учебных заведений³.

Аттестация, в строгом ее предназначении, скорее всего, не может преследовать цели воспитания. В лучшем случае предстоящая аттестация заставляет работника подстраиваться под предъявляемые требования, но не формирует его поведение и, следовательно, непосредственно не воспитывает. В этой связи представляется важным отказаться от идеи воспитания кадров с помощью их аттестации и уточнить объект оценки. Как правило, в настоящее время при аттестации превалирует описание служебной деятельности работников, а именно: (например, в отношении работников прокуратуры) количество актов прокурорского реагирования, проведенных проверок, их результативность, выявленные нарушения, участие в судебных заседаниях, выступления в средствах массовой информации и т.д. Вместе с тем личности конкретного работника уделяется недостаточно внимания, при этом в аттестационных документах в основном конкретизируются общие требования, предъявляемые к государственным служащим. Получение представления о личностных деловых качествах возможно лишь при проведении систематического анализа и текущей оценки работы сотрудников.

Ю.И. Куликов считает, что аттестация должна представлять собой сложную многофункциональную, диалектически развивающуюся динамическую систему, которая объединяется целевой установкой и включает в себя разнообразные методы оценки профессионально важных качеств и профессионализма, различные виды и формы индивидуальной воспитательной работы, информационно-аналитического обеспечения, направленные на совершенствование профессионализма и развитие личности аттестуемых и их руководителей⁴.

Несомненно, при проведении аттестации государственных служащих должна проводиться оценка профессионально важных качеств.

Вся совокупность психологических качеств личности, а также целый ряд физических, антропометрических, физиологических характеристик человека, которые определяют успешность обучения и реальной деятельности, получили название «профессионально важные качества» (ПВК) субъекта деятельности⁵.

Конкретный перечень этих качеств для каждой деятельности специфичен (по их составу, по необходимости степени выраженности, по характеру взаимосвязи между ними)

² Воробьев В.А. Трудовые отношения в советский период. Воронеж, 1994. С. 45.

³ Гуськова И.М., Меньшова В.Н. Оценка деятельности и аттестация государственных служащих. Новосибирск, 1998. С. 28.

⁴ Куликов Ю.И. Повышение эффективности аттестации сотрудников органов внутренних дел МВД России: Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. С. 21.

⁵ Хаидов С.К. Требования органов местного самоуправления к профессионально-важным качествам муниципальных служащих // Акмеология. 2013. С. 113–119.

и определяется по результатам психологического анализа деятельности и составления ее профессиограммы и психограммы⁶.

ПВК – это качества человека, влияющие на эффективность его труда. ПВК являются и предпосылкой профессиональной деятельности, и ее новообразованием, так как совершенствуются, преобразуются в ходе труда. К ПВК относятся: психические процессы (мыслительные, сенсорные, мнемические, речевые), психические состояния, отношение к труду и другим людям (мотивы, цели, интересы и т.п.), профессиональные способности, профессиональное сознание, профессиональное мышление, профессиональная обучаемость⁷.

Согласно А.А. Деркачу, важнейшая характеристика личности государственного служащего – высокий уровень его профессиональной компетентности, что представляет собой синтез государственно-политической, профессиональной психолого-педагогической подготовки.

В соответствии с вышесказанным государственный служащий должен обладать следующими профессионально важными качествами:

- положительным мотивационно-ценностным отношением к своей профессии, выражающимся в устойчивом, глубоком интересе к работе в системе «человек – человек»;
- профессиональным мышлением, которое позволяет выявлять причинно-следственные связи управленческого процесса, анализировать и объективно оценивать результаты своей работы, планировать использование наиболее эффективных приемов, методов воздействия на окружающих;
- профессиональной готовностью, наблюдательностью, развитыми коммуникативными умениями и навыками, эмоциональной устойчивостью, профессиональным тактом, профессиональной этикой и т.д.⁸.

По В.Н. Футину, у государственного служащего должны присутствовать и быть развитыми следующие профессионально важные качества:

- эмпатичность – умение видеть мир глазами других людей;
- доброжелательность – уметь чувствовать и показывать другим людям свое доброжелательное отношение к ним, готовность поддерживать их, принимать людей даже тогда, когда не одобряют их поступки;
- аутентичность – способность быть самим собой в общении с окружающими, как с руководством, так и с подчиненными, не скрываться за масками и ролями;
- конкретность – умение говорить о своих конкретных переживаниях, мнениях, действиях, готовность однозначно отвечать на сложные вопросы;
- инициативность – способность в отношениях с людьми идти вперед, а не только реагировать на то, что делают другие;
- непосредственность – умение говорить и действовать напрямую;
- открытость – готовность открыть другим свой внутренний мир;
- искренность – умение говорить о своих мыслях и чувствах;
- принятие чувств – отсутствие страха при соприкосновении со своими чувствами;
- конфронтация – способность общаться с окружающими «с глазу на глаз» с осознанием своей ответственности и заинтересованности быть готовым пойти на конфронтацию при несходстве мнений, с надеждой на установление подлинных искренних отношений, а не с целью испугать или наказать сотрудника;

⁶ Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: учебное пособие для вузов. М.: ПЕРСЭ, 2001. С. 117.

⁷ Стрельченко Д.С. Оптимизация процесса развития познавательных способностей государственных служащих: Автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 2003.

⁸ Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека: В 5-ти кн. Кн. 3: Акмеологические резервы развития творческого потенциала личности. М.: Изд-во РАГС, 2000.

– самопознание – относиться к собственной жизни и поведению с исследовательской точки зрения. Стремление воспользоваться для этого помощью со стороны окружающих, готовность принимать информацию о себе, оставаясь при этом автором своей самооценки⁹.

Уровень развития профессионально важных качеств, которые определяют профессионализм личности, влияют на результативность профессиональной деятельности.

Л.В. Темнова в своем диссертационном исследовании показала, что компоненты структуры личностно-профессиональных качеств являются компонентами акмеологических инвариантов профессиональной деятельности, которые обуславливают ее активность в достижении сверхнормативных результатов в труде, не востребованные ранее¹⁰.

Ряд авторов – А.А. Бодалев, В.Г. Зазыкин, Н.Т. Селезнева, И.Н. Семенов, А.П. Чернышев – профессионально важные качества включают в число основных детерминант, определяющих продвижение специалиста к вершинам в своей профессиональной деятельности. К таким качествам относятся также предвидение, проницательность, личностные притязания, мотивация достижения и саморегуляции.

Выделяя один из подходов в описании таких инвариантов, В.Г. Зазыкин и А.П. Чернышев считают, что «в акмеологической структуре личностно-профессиональных качеств имеются такие составляющие, которые являются его необходимым условием и не зависят от вида выполняемой профессиональной деятельности»¹¹. В их число входят развитая способность прогнозирования, высокий уровень саморегуляции, постоянная включенность в процесс решения и др.

В.И. Мушаева в своем диссертационном исследовании, ссылаясь на А.К. Маркову, считает, что к первой группе профессионально важных качеств государственных служащих относятся мотивы, цели, интересы¹².

По мнению В.И. Мушаевой, одним из главных профессионально важных качеств государственных служащих являются профессиональные мотивы деятельности и типы мотивационных профессионально важных качеств.

Соглашаясь с В.Г. Асеевым и А.А. Бодалевым, она считает, что государственному служащему достаточно высокого ранга (руководитель) свойственны высокоразвитые возможности актуализации и удержание в актуальном состоянии значительного количества мотивационных установок.

А.К. Маркова выделяет следующие мотивы в профессиональном поведении: мотивы понимания предназначения профессии; мотивы профессионального общения; мотивы проявления личности в профессии¹³.

Ю.В. Новоселов предлагает следующую иерархию мотивационно-смысловой сферы кадров государственной службы как проявление профессионально важных качеств кадров государственной службы по степени выраженности:

- мотивация доминирования;
- мотивация личностного и профессионального самосовершенствования;
- мотивация статусного достижения;

⁹ Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека: В 5-ти кн. Кн. 3: Акмеологические резервы развития творческого потенциала личности. М.: Изд-во РАГС, 2000. С. 38–39.

¹⁰ Темнова Л.В. Личностно-профессиональное развитие психолога в системе высшего образования: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001.

¹¹ Деркач А.А., Зазыкин В.Г., Маркова А.К. Психология развития профессионала. М.: РАГС, 2001.

¹² Мушаева В.И. Психолого-акмеологические особенности профессиональной деятельности государственных служащих регионального управления: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.

¹³ Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.

– мотивация общения и аффилиции – позитивные межличностные отношения¹⁴.

Часть авторов к профессионально важным качествам государственного служащего относят и ценностные ориентации. Так, Е.А. Сулова к ним относит ориентацию на служение государству, отстаивание интересов населения, высокий профессионализм, здоровое стремление к карьерному росту, постоянное саморазвитие, самосовершенствование, самореализацию¹⁵.

Т. Кадзума, Д. Харрингтон, А.А. Деркач, Л.Э. Орбан, Ю.Н. Гончаров, Н.Т. Селезнева и др. считают, что такое личностное качество, как ответственность, является основным профессионально важным качеством.

Проблемой способностей как профессионально важных качеств занимались Л.С. Рубинштейн, К.К. Платонов, Б.М. Теплов, Б.Г. Ананьев, В.Д. Шадриков.

Способности рассматриваются прежде всего как характеристики конкретного человека – государственного служащего. Если брать во внимание способности в рамках конкретной личности, становится ясным, что они имеют индивидуальный характер выражения и могут быть классифицированы на познавательные и психомоторные способности, а именно: способности ощущений, восприятия, памяти, представления, воображения, внимания и мышления.

Список литературы

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: учебное пособие для вузов. М.: ПЕРСЭ, 2001. С. 117.
2. Воробьев В.А. Трудовые отношения в советский период. Воронеж, 1994. С. 45.
3. Гуськова И.М., Меньшова В.Н. Оценка деятельности и аттестация государственных служащих. Новосибирск, 1998. С. 28.
4. Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека: В 5-ти кн. Кн. 3: Акмеологические резервы развития творческого потенциала личности. М.: Изд-во РАГС, 2000.
5. Деркач А.А., Заыкин В.Г., Маркова А.К. Психология развития профессионала. М.: РАГС, 2001.
6. Комахин Б.Н. Совершенствование деятельности государственных служащих в контексте Стратегии инновационного развития // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 10. С. 18–22.
7. Куликов Ю.И. Повышение эффективности аттестации сотрудников органов внутренних дел МВД России: Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. С. 21.
8. Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.
9. Мушаева В.И. Психолого-акмеологические особенности профессиональной деятельности государственных служащих регионального управления: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
10. Новоселов Ю.В. Особенности мотивационно-смысловой сферы кадров государственной службы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
11. Стрельченко Д.С. Оптимизация процесса развития познавательных способностей государственных служащих: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
12. Сулова Е.А. Социокультурные условия профессионализма управленческих кадров // Развитие профессиональной и психологической культуры государственных служащих. М.: РАГС, 2000. С. 179–190.

¹⁴ Новоселов Ю.В. Особенности мотивационно-смысловой сферы кадров государственной службы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.

¹⁵ Сулова Е.А. Социокультурные условия профессионализма управленческих кадров // Развитие профессиональной и психологической культуры государственных служащих. М.: РАГС, 2000. С. 179–190.

13. *Темнова Л.В.* Личностно-профессиональное развитие психолога в системе высшего образования: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001.
14. *Хайдов С.К.* Требования органов местного самоуправления к профессионально-важным качествам муниципальных служащих // *Акмеология*. 2013. С. 113–119.

Reference list

1. *Bodrov V.* Psychology of professional suitability: Textbook for higher education institutions. M: PERSE, 2001. P. 117.
2. *Derkach A.* Acmeology: Human personal and professional development: In 5 books. Book 3rd : Acmeological reserves of development of personality creative potential. M.: Publishing by Russian Academy of Public Service, 2000.
3. *Derkach A., Zazykin V., Markova A.* Psychology of professional development. M.: Publishing by Russian Academy of Public Service, 2001.
4. *Gus'kova I., Men'shova V.* The evaluation of activity and attestation of public servants. Novosibirsk, 1998. P. 28.
5. *Khaidov S.* Requirements of local self-government authorities to professionally important qualities of municipal servants // *Acmeology*. 2013. P. 113-119.
6. *Komakhin B.* Improving the performance of public servants in the context of the Strategy of innovation development // *State power and local self-government*. 2013. №. 10. P. 18-22.
7. *Kulikov Yu.* Improving the efficiency of attestation of staff of internal affairs agencies of Interior Ministry of Russia: Thesis of PhD in Pedagogy. SBR., 2000. P. 21.
8. *Markova A.* Psychology of professionalism. M., 1996.
9. *Mushaeva V.* Psychological-acmeological characteristics of professional activity of public servants of regional governance: Thesis of PhD in Psychology. M., 2001.
10. *Novoselov Yu.* Features of motivational-semantic sphere of public service personnel: Synopsis of a thesis of PhD in Psychology. M., 1998.
11. *Strel'chenko D.* Optimization of the process of development of cognitive abilities of public servants: Synopsis of a thesis of PhD in Psychology. M, 2003.
12. *Suslova E.* Socio-cultural conditions of professionalism of members of management // *Development of professional and psychological culture of public servants*. M.: Publishing by Russian academy of Public Service, 2000. P. 179-190.
13. *Temnova L.* Personal and professional development of psychologist in the higher education system: Thesis of Doctor of Psychology. M., 2001.
14. *Vorob'ev V.* Labour relations in the Soviet period. Voronezh, 1994. P. 45.

УДК 378

Бабаева Э.С.,

кандидат педагогических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫХ ПРОГРАММ ОБУЧЕНИЯ

В статье рассматривается педагогическое проектирование в качестве технологического базиса разработки интегрированных программ обучения, а также описывается технология проектирования программ обучения на базе интеграции формального и неформального образования.

На основе анализа литературы, опыта проектировочной деятельности делается вывод о том, что эффективности реализации интегрированных программ способствует создание и работа координационного совета, в состав которого входят руководители учебных программ, представители администрации и обеспечивающих служб. Основная задача совета – поиск оптимальных путей взаимодействия участников программ, в том числе реализация идеи эффективности. В статье подчеркивается, что исполнительным элементом процесса проектирования интегрированных учебных программ является педагог нового типа, сочетающий в себе не только психолого-педагогические, предметные, методические, проектировочные знания и умения, но и умения образовательного гида.

Ключевые слова: проектирование, педагогические технологии, интегрированная программа обучения, инновационная деятельность

Babayeva E.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Dagestan State Pedagogical University

DESIGN TECHNOLOGY INTEGRATED EDUCATIONAL PROGRAMS

The article is discussed instructional design as a technological basis for the development of integrated educational programs as well as it describes a technology for design educational programs which are basis for the integration of formal an in-formal education.

Based on the analysis of literature and experience of design activity it is concluded that the effectiveness of the implication of integrated programs contributes to the establishment and work of the coordinating council, composed of heads of academic programs, representatives of the management and supporting services. The council's main task is the search of optimal ways of interaction of participants of programs, including implementation of the idea of efficiency. The article stressed that the executive element of the design process of integrated educational programs is the educator of a new type, combining of oneself not only psychological-pedagogical, objective, methodological, design knowledge and skills but also skills of educational guide.

Keywords: design, pedagogical technologies, integrated educational program, innovation activity

Проектирование имеет процедурный (алгоритмический) характер, что представляет для нас особый интерес, поскольку позволяет технологически решить проблему разработки программ обучения, а также проблему интеграции не только собственно форм об-

разования, но и, например, психологической поддержки в процессе обучения слушателей в его различные компоненты: содержательные (информационные), операциональные (деятельностные), организационные (методические), личностные и др.

Опора на технологию проектирования обусловлена тем, что проектирование выступает в качестве сущностного способа жизнедеятельности любого человека, присутствующего во всех сторонах его деятельности, в том числе образовательной, профессиональной, личностной. На каждом этапе личностного или профессионального становления человека технология проектирования (нерегламентированная, творческая, полифункциональная деятельность, включающая в себя аналитическую, прогностическую, конструктивную, организаторскую и рефлексивные функции) является значимым видом деятельности, позволяющим консолидировать обучающихся для решения личностных и профессиональных задач и в то же время дающим возможность проявиться индивидуальности каждого субъекта.

Существенной особенностью проектирования интегрированных программ обучения является то, что данный процесс требует понимания, сотворчества, сопереживания как авторов, так и пользователей. Это позволяет проекту выступать в качестве посредника между людьми, имеющими общность взглядов на его предмет, цели и ценности предполагаемой ими деятельности и делает возможным обогащение и развитие ценностно-мотивационной составляющей образовательной деятельности [9; 10].

Еще одной особенностью процесса проектирования программ обучения, интегрирующих формальное и неформальное образование, является взаимосвязь проектирования с инновационной деятельностью, направленной на существенное преобразование образовательных систем, причем проектирование в данном случае является способом осуществления именно системных изменений. Эта особенность проектирования таких программ требует обращения к фундаментальным психолого-педагогическим, социокультурным, методологическим знаниям, к новым педагогическим техникам и технологиям, что позволяет обогатить содержательную и деятельностную составляющие обучения.

Проектирование интегрированных программ обучения, таким образом, охватывает целостный процесс возникновения и отбора индивидуальных замыслов, их трансформацию в форму проекта программы, а затем подключения процедур, обеспечивающих его принятие и адекватное воплощение. Процесс создания и реализации проекта развивает способность коллектива авторов и обучающихся как соавторов программы к самоорганизации, поскольку в процессе проектирования происходит включение в проектировочную деятельность всех субъектов, участвующих в создании и реализации интегрированных программ обучения, так как проектирование содержания программ базируется на личностно-значимом выборе стратегии жизнедеятельности или профессиональной деятельности, способа индивидуального или профессионального саморазвития и самореализации в условиях совместной деятельности, направленной на преобразование педагогического процесса.

Сказанное выше в полной мере относится к процессу проектирования и отдельных компонентов образовательного процесса, осуществляемого в рамках интегрированных программ обучения. Исходя из этого, процесс проектирования данных программ носит исследовательский, творческий характер. Сложность, длительность, а главное, оригинальность полного цикла такого педагогического проектного исследования очевидны, тем самым проектирование интегрированных программ обучения отличается от проектирования традиционных программ, разрабатываемых шаблонно, стереотипно в подавляющем большинстве образовательных организаций педагогическими коллективами и педагогами. Именно по этой причине при проектировании интегрированных программ обучения дове-

дение проектной задачи до фазы экспериментальной апробации является принципиально важным с точки зрения научной ценности проводимого исследования.

При этом мы не отказываемся от применения алгоритмов в процессе педагогического проектирования и реализации программ. Они могут применяться с целью отработки многочисленных учебных и учебно-профессиональных действий (алгоритмов действий) в процессе реализации программ. Более того, алгоритмический метод обучения (более широко – технологический подход к обучению), как нам представляется, может быть одним из важнейших методов формирования знаний и умений обучающихся, развития их личностных качеств и алгоритмов поведения. Тем более что обучающиеся в итоге должны самостоятельно составлять (проектировать) алгоритмы действий в различных жизненных и производственных ситуациях.

На различных уровнях педагогического проектирования и реализации интегрированных программ обучения мы использовали: 1) технологические микроструктуры: приемы, звенья, элементы и др., которые, выстраиваясь в логическую технологическую цепочку, образуют целостную педагогическую технологию (технологический процесс); 2) технологические схемы – условное изображение технологии процесса, разделение его на отдельные функциональные элементы и обозначение логических связей между ними; 3) технологические карты – описание процессов в виде пошаговой, поэтапной последовательности действий (часто в графической форме) с указанием применяемых средств.

Педагогическое проектирование было использовано в качестве технологического базиса разработки интегрированных программ обучения. И прежде всего уточнено определение педагогического проектирования в контексте нашего исследования. Исходя из классических представлений о сущности проектирования, сохраняя его ключевые особенности, под педагогическим проектированием в нашем исследовании мы будем понимать совместную целенаправленную деятельность всех субъектов образовательного процесса по созданию моделей программ обучения, интегрирующих формальное и неформальное образование, а также организационно-педагогических условий их реализации, ориентированных на решение образовательных, профессиональных или личностных проблем обучающихся.

Переходя непосредственно к описанию процедур проектирования программ обучения, интегрирующих формальное и неформальное образование, отметим, что мы основывались на результатах исследований Н.Г. Алексеева, С.В. Антонюк, В.И. Безрукова, В.С. Безруковой, О.С. Газмана, Л.И. Гурье, И.Н. Дашибаловой, Е.Б. Евладовой, Н.Ю. Ерофеевой, Е.С. Заир-Бек, А.В. Золотаревой, Т.П. Ильевич, М.П. Сибирской [8] и др.

Так, мы обратили внимание на исследования Е.Б. Евладовой, в которых выделены и описаны следующие алгоритмы (этапы) проектирования интегрированных программ: подготовительный, аналитический, концептуальный, разработческий, внедренческий, контрольно-коррекционный, аналитико-рефлексивный [4]. Автор также утверждает, что эффективности реализации интегрированных программ способствует создание и работа координационного совета, в состав которого входят руководители учебных программ, представители администрации и обеспечивающих служб. Основная задача совета – поиск оптимальных путей взаимодействия участников программ, в том числе реализация идеи эффективности.

На эту же особенность проектирования обращает внимание и Е.С. Заир-Бек. Автор отмечает, что реализация процесса проектирования предполагает возникновение гибких групп, команд, сообществ, где человек может получать необходимый социальный опыт [5].

А.В. Золотарева предлагает свой алгоритм создания интегрированного курса: 1) диагностика уровня подготовленности обучающихся, их психологических особенностей и по-

знавательных интересов; 2) выявление полей взаимодействия в предметных областях, которые сближают перспективные цели обучения, воспитания и самовоспитания; 3) устранение хронологических и смысловых расхождений в программах; 4) объединение понятийно-информационной сферы областей знания; 5) составление плана курса; 6) написание интегрированной программы курса [4].

Н.Ю. Ерофеева рассматривает процесс проектирования, состоящий из таких компонентов, как цель, субъект, объект, содержание, средства, взаимодействие, ожидаемый результат.

При этом цель проекта, в интерпретации Н.Ю. Ерофеевой, – ожидаемый результат, представляемый в форме методических рекомендаций, авторских программ, концептуальных положений, принципов, педагогических технологий [7].

Н.Г. Алексеев обращает внимание на то, что принципиальной особенностью проектирования является органичное вплетение в процесс его конструирования такого этапа мыследеятельности, как рефлексия [1, с. 95]. Таким образом, весь процесс проектирования предполагает следующие этапы: от проблемной ситуации через социальную (совместно с другими участниками проекта) коррекцию своих действий и далее к критической рефлексии собственной деятельности.

Обращаем внимание на одну деталь, поскольку это важно для нашего исследования, а именно: в проектировочной деятельности пересекаются во многом процессы смысло- и жизнетворчества, реализуемые в форме рефлексии в процессе переосмысления и преобразования человеком жизни, что и соответствует тому принципу саморазвития, который является спецификой проектной деятельности, когда решение одних задач и проблем стимулирует развитие новых форм проектирования.

При проектировании программ обучения мы обратили внимание и на то, что в проектировочном процессе отсутствуют готовые систематизированные знания. Их систематизация, приведение в порядок, установление истины – дело и забота самого обучающегося. Он не усваивает готовые представления и понятия, но сам из множества впечатлений, знаний, понятий строит свой проект, свое представление о мире. Именно поэтому О.С. Газман называет проектирование комплексной деятельностью, являющейся средством интеллектуального творческого саморазвития субъекта о деятельности, а в более узком смысле – средством развития его проектировочных способностей [6]. Подчеркнем еще раз, что истоком любого процесса проектирования, его замыслом является проблемно-конфликтная ситуация.

При этом любое проектирование предполагает решение целого ряда организационных задач, стратегии собственно проектировочной деятельности, перестройки темпоральной структуры деятельности человека (проектировщика) и его ближайшего окружения. Этап промысливания организационно-деятельностных аспектов решения проблемы в процессе проектирования всегда связан, как указывают вышеперечисленные авторы, с онтологическим (для чего нужно решить данную проблему, в чем смысл деятельности по нахождению этого решения) и аксиологическим началом, ценностями субъекта проектирования (какую лично значимую ценность может иметь эта деятельность и для дальнейшего жизнетворчества проектанта, и для его личностного саморазвития).

Таким образом, реализация проекта, в этом смысле, – воплощение в реальности человеческих ценностей, выражающих «то или иное отношение человека к окружающему его миру, другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь» [2] и которые соответствуют его потребности созидать, а весь целостный акт проектирования, включающий и разработку проекта и его реализацию, предполагает движение от повседневной деятельностной ситуации к ценностям и обратно [3].

Основываясь на теоретических положениях концепции проектирования программ обучения, мы выделяем основные этапы проектирования интегрированной программы обучения [2; 7].

Подготовительный этап включает в себя проведение совещания (дискуссии, круглого стола, конференции, семинара) заинтересованных сторон для обсуждения круга проблем, требующих решения с помощью интегрированной программы обучения: обозначение приоритетной проблемы (проблем), выявление интересов сторон; определение субъектов проектирования и реализации интегрированной программы; степени участия в программе ее потенциальных субъектов; определение объекта и предмета проектирования; определение периода реализации программы; создание инициативной группы по разработке интегрированной программы; целеполагание (первоначальный замысел о путях решения проблемы); определение ответственных за разработку и обеспечение реализации программы (научное, методическое, психологическое, сетевое, досуговое и др.); подбор информационных и методических материалов; формирование материальной базы (определение образовательных организаций) для реализации программы, создание образовательной биржи (если она не создана), разработка положения о ней и функциональных обязанностей образовательного брокера, образовательного гида; согласование оценочных и аттестационных процедур.

Аналитико-концептуальный этап, или этап стратегического проектирования включает в себя: диагностику условий совместной деятельности, возможностей и рисков реализации программы (затруднения субъектов программы, особенности образовательного процесса, выявление противоречий, нуждающихся в скорейшей ликвидации и др.); изучение социального запроса различных социальных групп и субъектов, заинтересованных в разработке данной программы; анализ проблемы, ее структурирование и обоснование актуальности; сбор, анализ и синтез идей по решению проблемы (проблем); определение основных идей программы; изучение теории проблемы и накопление теоретического материала; формулирование целей и стратегических задач интегрированной программы; выделение приоритетных направлений деятельности.

Разработочно-внедренческий этап, или этап тактического проектирования состоит в моделировании программы обучения, т.е. в определении основных компонентов (модулей) и ведущих связей программы; выделении этапов (уровней) реализации программы; определении средств, форм и методов для осуществления программы; в корректировке целей: согласование целей, формулирование тактических задач; перспективное планирование; совместное обсуждение, согласование, принятие и утверждение интегрированной программы; создание координационного совета (оргкомитета, штаба, временного творческого коллектива) по реализации программы; разработка этапного (оперативного) плана; старт интегрированной программы; разработка методического обеспечения деятельности по программе; развитие материальной базы программы.

Мониторинг-этап, который включает в себя 1) контрольно-коррекционные процедуры – это определение параметров, критериев и показателей результативности работы по программе; разработка и внедрение системы мониторинга результатов реализации интегрированной программы; контроль над ходом реализации программы; коррекция целей, содержания, организационных действий и форм; 2) аналитико-рефлексивные процедуры – это регулярное использование программы; коллективный анализ и оценка результатов внедрения программы; обобщение результатов анализа; рефлексивная деятельность субъектов программирования и реализации программы; определение перспектив дальнейшего совершенствования программы.

В обобщенном виде процесс проектирования программы обучения, интегрирующей различные формы образования, будет включать следующие процедуры проектирования интегрированной программы обучения (табл. 1).

Таблица 1

Основные этапы проектирования интегрированной программы обучения

Наименование этапа	Наименование процедур	Примечания
Подготовительный этап	анализ программы как объекта проектирования	программа анализируется с позиций педагогической системы, характеризующейся открытостью, сложностью, нелинейностью
	выбор формы разработки программы	проектирование, моделирование, их сочетание
	теоретическое обеспечение программы	поиск информации а) об опыте использования таких программ в других местах; б) об опыте проектирования подобных программ; в) о теории и практике влияния на обучающихся таких программ
	методическое обеспечение проектирования программы	подбор и создание инструментария (схем, моделей, образцов документов) для проектирования
	пространственно-временное обеспечение программы	определение места (организации, аудитории) и времени (продолжительность программ, расписание занятий) реализации программы
	материально-техническое обеспечение программы	определение источников финансирования и средств обучения
	правовое обеспечение проектирования и реализации программы	согласование или создание юридических основ образовательной деятельности в рамках интегрированной программы
Разработческий этап	выбор системообразующего фактора программы	например, направленность программы на личность обучающегося, на его образовательные потребности или достижение высокой конкурентоспособности данной образовательной услуги
	установление связей и зависимостей компонентов программы	Определение логики (очередности) реализации модулей формальной и неформальной составляющих программы
	написание текста программы	определение (совместно с обучающимся) модулей программы, их структурного построения, последовательности изучения
Оценочный этап	виртуальное проигрывание проекта программы	продумывание и обсуждение разработчиками программы всех этапов реализации программы, возможных рисков и результатов
	экспертная оценка проекта программы	организация независимой экспертизы проекта программы сторонними специалистами и заинтересованными в ней людьми
	корректировка проекта программы	внесение изменений в проект программы после экспертной оценки
	принятие решения об использовании проекта программы на практике	это завершающая процедура проектирования, она может быть в форме коллективного договора, распоряжения или приказа об использовании программы

Следует отметить, что все эти этапы и процедуры так или иначе проявляются в проектировании любого педагогического объекта, в любой форме его проектирования, т.е. они инвариантны. Осмысление их поможет организаторам образования саму процедуру проектирования сделать более экономной и целенаправленной.

Важное место в обосновании технологии проектирования интегрированных учебных программ мы отвели процедуре определения так называемого «исполнительного элемента» проектирования и реализации программ, поиску ответа на вопрос «с чего начать?», приступая к такой деятельности. В данном случае с целью эффективного решения задачи применим принцип опережающего развития «исполнительного элемента».

К примеру, в инновационном образовательном пространстве, в котором создаются и реализуются интегрированные программы обучения, таким элементом можно считать сообщество людей (в лице руководителя, инициативных педагогов), осуществляющих инновационные преобразования [11]. В то же время человек входит одновременно во многие подсистемы, не только инновационные, но и социума в целом. Тогда, возможно, в качестве названного элемента следует рассматривать структурную единицу организации (кафедра, цикловая комиссия, отдел и пр.) или системообразующий фактор (например, внедрение в работу системы качества, или максимальное получение прибыли), в совокупности своих подсистем представляющие собой отдельные сложные самоорганизующиеся системы.

Как видим, однозначное определение «исполнительного элемента» системы вряд ли возможно. В то же время этот элемент чрезвычайно важен. Те, кто в стремлении создать инновационную научно-образовательно-воспитательную систему беспорядочно насыщают жизнь, например коллектива вуза, множеством форм и технологий, упорно развивая управление, а не «исполнительный элемент», совершают ошибку. Подобная система не даст инновационного эффекта, существенно не повысит уровень инновационной культуры личности, ради чего, собственно, и создается инновационная система.

Наша точка зрения заключается в том, что исполнительным элементом процесса проектирования интегрированных учебных программ является педагог нового типа, сочетающий в себе не только психолого-педагогические, предметные, методические, проекторочные знания и умения, но и умения образовательного гида.

Список литературы

1. *Алексеев Н.А.* Педагогические основы проектирования личностно-ориентированного обучения. Екатеринбург, 1997.
2. *Бабаева Э.С.* Методологические подходы к оценке эффективности интегрированных учебных программ // Вестник Академии права и управления. 2015. № 38.
3. *Дашибалова И.Н.* Прогнозирование и проектирование в социальной работе. Улан-Удэ, 2006. – 104 с.
4. *Евладова Е.Б., Золотарева А.В., Паладьева С.Л.* Интеграция общего и дополнительного образования: практическое пособие. М., 2006. – 296 с.
5. *Заир-Бек Е.С.* Проектирование как педагогическая деятельность и содержание обучения педагогов // Педагогические основы проектирования образовательных систем нового вида / Под ред. А.П. Тряпицыной. СПб., 1995.
6. *Ильевич Т.П.* Проектирование педагогического процесса в условиях личностно-ориентированного образования. Тирасполь, 2002. – 247 с.

7. Минзер И.В., Бабаева Э.С. Проектирование программы профессионального обучения на основе интеграции формального и неформального образования // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4. С. 200–202.
8. Сибирская М.П. Педагогические технологии: теоретические основы и проектирование. СПб., 1998.
9. Шibaев В.П. Интеграция гуманитарных, естественнонаучных и профессиональных знаний // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 9–1. С. 234–237.
10. Шibaев В.П. К вопросу об интеграции в образовательном процессе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 74–2. С. 295–301.
11. Шibaев В.П. Подходы к реализации идей новой образовательной парадигмы в условиях инновационного вуза // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2. С. 173–175.

Reference list

1. Alekseev N. Pedagogical frameworks for designing personality-oriented training. Yekaterinburg, 1997.
2. Babayeva E. Methodological approaches to assessment of efficiency of integrated academic programs // Bulletin of Academy of law and management. 2015. № 38.
3. Dashibalova I. Predictive modeling and planning in social work. Ulan-Ude, 2006. P. 104.
4. Evladova E., Zolotareva A., Palad'eva S. Integration of basic and further education: Practical note. M., 2006. P. 296.
5. Il'evich T. The design of the pedagogical process in conditions of personality-oriented education. Tiraspol, 2002. P.247.
6. Minzer I., Babayeva E. The design of program of professional education based on the integration of formal and in-formal education // World of science, culture, education. 2012. №. 4. P. 200-202.
7. Shibaev V. Approaches to the implementation of ideas of a new educational paradigm in conditions of innovation higher education institution // World of science, culture, education. 2012. №. 2. P.173-175.
8. Shibaev V. Revisiting issue of integration in the educational process // Proceedings of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2008. №. 74-2. P. 295-301.
9. Shibaev V. The integration of humanitarian, scientific and professional knowledge // Bulletin of the University (State University of Management). 2012. №. 9-1. P. 234-237.
10. Sibirskaya M. Pedagogical technologies: Theoretical foundations and design. SBR., 1998.
11. Zaire–Beck E. Design as a pedagogical activity and the content of the training of educators / Pedagogical framework for designing educational systems of a new kind / Under the editorship of A. Tryapitsina. SBR., 1995.

УДК 165

Богатырева Ж.В.,

старший преподаватель кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар

Куземина Е.Ф.,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар

ЗНАЧЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ СКАЗКИ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ

В данной статье рассматривается многофункциональность сказки, ее влияние на общество. Результаты работы позволят расширить теоретическое представление феномена «сказки» и ее специфики. Особое внимание уделяется социализирующей и познавательной функциям сказки. Сказка представляет собой не просто литературное произведение или продукт устного народного творчества, в ней содержится множество явных и неявных смыслов, отражающих ритуалы, обычаи, нормы морали, ценностные ориентиры предшествующих поколений, которые составляют основу жизни. Ее по праву можно назвать сокровищницей морали человечества. В статье отрицается иррациональный аспект сказки. Выявлена и обоснована необходимость дальнейшего, углубленного изучения сказки.

Ключевые слова: сказка, многофункциональность сказки, социализирующая функция сказки, познавательная функция сказки, миф, междисциплинарное значение, мораль, культура, социальные ценности, мудрость, жизненные уроки, трансляция накопленного опыта

Bogatyreva Zh.,

Senior Lecturer of Chair of Philosophy of Kuban State Technological University, Krasnodar

Kuzemina E.,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Chair of Philosophy of Kuban State Technological University, Krasnodar

THE VALUE OF THE FUNCTIONAL SPECIFICITY OF THE TALE IN BECOMING THE PERSONALITY

This article is discussed the versatility of the tale and its impact on society. The working data will allow extending the abstract concept of the "tale" phenomenon and its specificity. Particular attention is given to socialization and cognitive functions of the tale. The tale is not just a literary work or the product of oral folk arts, and it contains many explicit and implicit meanings, reflecting the rituals, folkways, rules of morality and value orientations of previous generations which are the basis of life. It can rightly be called the treasury of the morality of humankind. This article is rejected the irrational aspect of the tale. The need for continued, enhanced studding of the tale has been identified and justified.

Keywords: tale, versatility of tale, socializing function of tale, cognitive function of tale, myth, interdisciplinary value, morality, culture, social values, wisdom, life lessons, transmission of gathered experience

Как известно, в XIX в., а точнее, в его середине, под влиянием научных открытий актуализируются вопросы, связанные с природой и функциональностью общества. Методологические принципы, сформировавшиеся на основе естествознания, получили свое применение и в гуманитарных науках. Некоторые явления культуры обрели кардинально новую трактовку в трудах этнографов, культурологов, антропологов, философов и социологов. Сегодня мы по-прежнему нуждаемся в тщательном изучении социальной системы, так как ее структура усложняется и все больше насыщается и перенасыщается социальными отношениями. Кроме всего прочего, происходит искажение ценностных ориентиров, которые выступают важнейшей социальной нормой и основным регулятором межличностных отношений.

Существует множество способов трансляции системы ценностей, которые, в свою очередь, влияют на социализацию личности. Одним из них, безусловно, выступает сказка как сокровищница морали всего человечества. Более того, сказка очень часто предстает как наиболее доступная и очевидная форма отражения социальных ценностей. В нашей стране испокон веков к сказке относились не только как к способу передачи накопленного жизненного опыта, но и как части культуры этноса. Ценность сказки для нас заключается и в том, что она дает прочную основу мировоззрения человека, акцентируя внимание на моральных ценностях. В условиях глобализации важно сохранить свои традиции и знать их важное значение не только в воспитании конкретного человека, но и целого общества. Необходимо отметить, что в основе многих сказочных сюжетов – описание архетипичных, трансцендентальных ценностей, составляющих основу жизни. Однако у современного человека с его интересом к высоким технологиям и гонкой за техническими и информационными изобретениями нет прочных моральных устоев, границы морали стираются, а правила поведения становятся неустойчивыми и являются предметом манипуляций. Сказки, по нашему мнению, раскрывают истинные нормы поведения, записанные в памяти природы (народа), и доступ к ним можно получить через выявление функций сказки, что является одной из задач данной статьи.

Одним из методов исследования культуры, который может быть применен в том числе и к изучению сказки, является функциональный анализ, основателем которого считается британский антрополог Б. Малиновский. В своей работе «Функциональный анализ» он пишет: «Несомненно, в науке мы должны не только устанавливать, но и выделять взаимосвязи. Функционализм завел бы нас в трясину соотнесения и противопоставления объектов, если бы не выделял обособленные единицы, или элементы, содержащие в себе естественные границы координации и корреляции. Я полагаю, что такие естественные единицы существуют и что именно они должны лечь в основу серьезного анализа культуры» [4, с. 7]. То есть любое проявление культуры есть удовлетворение какой-либо потребности, его нельзя воспринимать как целостное явление, не учитывая конкретных обстоятельств, обусловивших возникновение различных достижений в сфере духовной и материальной культур.

Формирование междисциплинарного исследования сказки, применение специфических методов: сравнительной мифологии, структурализма и т.д. – объединило в себе различные задачи, что позволило найти в ней множество функциональных свойств. Пожалуй, самым основным из них выступает социализирующий аспект сказки. Как известно, первичными институтами социализации выступают малые неформальные группы, прежде всего семья. Приобщение индивида к социальным ценностям и трансляция накопленного опыта происходит посредством привлечения разных средств, доступных для восприятия. Сказка, в отличие от мифа, содержит четкое и понятное разграничение категорий морали. В основе

любого сюжета всегда лежит идея справедливости, правды, победы добра над злом. Эти категории являются не только источниками морали, но и права.

Опыт героев сказки должен иметь поучительный характер, если сказка ничему не учит – значит, она не оправдывает своего главного предназначения. Например, *коварство* и *обман* обязательно будут раскрыты и наказаны, бедный может стать богатым или обрести то, что гораздо ценнее *богатства*, в то время как богатый получает *жизненный урок* и *возмездие* за свои поступки.

Следует отметить довольно близкую сюжетную линию всех сказок и ассоциаций, независимо от местности их происхождения. Исследователи объясняли это с точки зрения разнообразных методологических и концептуальных подходов. Психологи, например, усматривали в этом проявление архетипов и архетипического смысла, коллективного бессознательного, закономерности развития сознания общества, обуславливающие сходный социальный опыт. По мнению В. Стюарта, сказочные персонажи, выражающие различные архетипы, например, такие как эго (герой), сенекс (мудрый старец), трикстер (плут), многозначительное животное, и есть типичные персонажи сказок, мифов, искусства, литературы, религии во всем мире. Универсальные случаи в жизни, такие как *смерть*, *разлука*, *рождение*, *брак*, *материнство*, позволяют архетипам группироваться вокруг них. Данные универсальные случаи в жизни есть и в сюжетах всех сказок [9, с. 32–33]. Именно поэтому сказка, независимо от места ее происхождения, понятна абсолютно всем. Существуют также и другие подходы, которые открывают в сказке рациональные основания, логику, опровергая исключительную ее иррациональность.

Социализирующая функция сказки оказывает влияние на формирование мировоззрения. Назидательный характер данного фольклорного жанра оказывает влияние на формирование определенной системы ценностей, через призму которой мы воспринимаем все, что окружает нас.

Кроме того, ассоциации со сказочными героями являются постоянными спутниками в повседневной жизни, часто с ними связаны черты характера или поведения людей. В сказках демонстрируется своеобразная абсолютизация, максимальная предельность присутствующих в сказке характеристик: герои обладают «чистыми», без примесей компромиссов и противоречий чертами – «небывалой храбростью», «абсолютной верностью», «исключительной добротой», «неизменной подлостью» и т.д. [2]. Такая «уплощенность» и ограниченность выделенных в персонажах качеств является отражением глубинной связи между архайческим индивидом и его предками, его социальным сообществом, почти абсолютной интеграцией личности и рода. «Общий предок» обладает в тотемистической символике и ритуалах такими нерасчлененными характеристиками, поэтому во многих древних сказках могут быть обнаружены осколки «мифа о герое-предке». Особенно частыми и характерными выступают женские образы – «Баба Яга», «Ведьма», «Колдунья», «Бабушка-задворенка», которые выполняют функцию внешнего руководства для героев мужского пола – «существо» или «мудрая жена». Поэтому центральная руководящая роль принадлежит именно женскому началу. Мудрость олицетворяется в сказке со старухой или с другим образом, воплощающим формулу «старость – вешее знание». Нередко встречается употребление таких слов-символов из волшебных сказок, как «видимо-невидимо», «бесчисленное множество» – бесчисленное количество; «чудо-юдо» – нечто странное; «за тридевять земель», «в тридевятом царстве, в тридесятом государстве» – ассоциация с дальней дорогой в поисках счастья, где отражена степень превосходства чудесного счастья и той чудесной страны, в которую отправляется герой. Так, Б.П. Вышеславцев отмечал, что полет фантазии у русского народа всегда был на-

правлен в «иное царство», в «иное государство», именно «иная страна» бесконечно манила героя русской сказки, оставляя далеко все будничное и ежедневное [3, с. 63]. Как все это напоминает современный туристический ажиотаж. Что это – бегство от собственной реальности или тайная надежда обрести себя?

Таким образом, сказка есть одна из форм выражения жизни общества, а ее символика запечатлевает социальный опыт, включающий в себя конкретику человеческих взаимоотношений. Е.М. Мелетинский это объясняет так: «По мере движения от мифа к сказке сужается «масштаб», интерес переносится на личную судьбу героя. В волшебной сказке похищение огня, теряя космический характер, совершается героем для зажигания его собственного очага; поиски целебной воды – для излечения от слепоты отца героя; в африканских сказках о животных Заяц хитростью пытается приспособить для себя лично колодец с пресной водой, вырытый всеми другими зверями...» [5, с. 11].

Из всего вышесказанного становится ясным, почему сказка оказывала и оказывает большую роль на формирование жизненного опыта человека, его мировоззрение и почему современное общество до сих пор принимает сказку, ее волшебство как неотъемлемую часть повседневной жизни. И.В. Павлютенкова в философско-культурологическом анализе сказки приходит к выводу, что «человек, воспринимающий мир сказочных, фантастических, необычных событий и сюжетов, одновременно восполняет пробелы рассудочной техногенной цивилизации миром чудесных образов и в то же время воссоздает себя как целостное, многомерное и гармоничное существо» [7, с. 7]. В этом смысле можно выделить и компенсаторную функцию сказки.

Особую роль в понимании сущности сказки играет ее познавательная функция. Несмотря на то, что в данном фольклорном жанре подчеркивается вымышленность и фантастичность сюжета, во главе угла всегда – урок, который каждый должен извлечь для себя. Как отмечает историк В. Тен, «сказка всегда чему-нибудь да учит, сказка без урока – абсурд» [10, с. 37]. Как и любой текст, сказка включает в себя как прямой, так и переносный смысл. Читатель и слушатель должен немного потрудиться перед тем, как понять основную цель авторской мысли. Кто-то увидит только сюжет и счастливый конец, а кто-то задумается и извлечет для себя опыт. Таким образом, сказка содержит в себе знание, которое оказывает не только социализирующее действие на человека. Потенциал заключается в том, что далеко не всякий смысл или идея может быть понятой и воспринятой как опыт. Не каждое слово может послужить уроком или назиданием. Поэтому текст и слово сказки обладает потенциалом, который можно актуализировать и преобразовать в ценный опыт, а можно оставить без внимания, обратившись только к ее эмпирическому содержанию. Самый простой пример, который можно привести – русская народная сказка «Курица Ряба», которую большинство из нас знает лишь в редакционной правке. Курица снесла золотое яйцо, которое старики-хозяева никак не могли разбить, и только маленькой мышью удалось случайно его уронить и разбить. Яйцо разбивается, старики плачут. А курица говорит о том, что беда поправима, в следующий раз она снесет обыкновенное яйцо. Существуют разные трактовки этой общеизвестной сказки. В частности, Л.Г. Мощенская [6] и В. Топоров [11] представляют яйцо как символ мироздания и придают сказке космогонический характер. На самом деле все оказывается намного проще. Основная мудрость – все должно быть к месту и вовремя. Разночтения сказки лишний раз подтверждают нашу мысль о потенциале ее смысловых значений.

В сказке далеко не все лежит на поверхности, в этом заключен определенный умысел. Почти все персонажи сказки – метафоры и аллегории, представляющие собой «шифр» информации, который предшествующее поколение желает донести потомкам. Его можно видеть, а можно воспринять буквально и потерять то, ради чего сказка, собственно, была создана.

Между тем большинство исследователей представляют сказку как фольклорный жанр, который развивался в контексте определенных исторических событий, он содержал в себе атавизмы магических ритуалов и культов, непосредственно был связан с религиозными верованиями.

В.Я. Пропп, без которого вообще сложно представить развитие сказковедения, составил обширный список образов, присутствующих в сказках, которым он дает своеобразное толкование. Но, несмотря на обширный и тщательный анализ волшебных сказок, ученый замечает: «...дается историческое объяснение тому явлению, которое всегда считалось трудным для объяснения, явлению всемирного сходства фольклорных сюжетов. Сходство это гораздо шире и глубже, чем это представляется невооруженному глазу. Ни теория миграции, ни теория единства человеческой психики, выдвигаемая антропологической школой, не разрешают этой проблемы. Проблема разрешается историческим изучением фольклора в его связи с производством материальной жизни... Изучение отдельных сюжетов представляется трудным... Если предложенное здесь разрешение действительно окажется верным, то уже по-новому можно будет приступить к изучению отдельных сюжетов, к проблеме их истолкования и их истории» [8, с. 8]. Слова ученого могут послужить своеобразной предпосылкой будущего развития изучения сказки.

Многообразие подходов лишь подтверждает тезис о сложности и многогранности данного явления человеческой культуры, явственно только то, что востребованность его в обществе не только не уменьшилась, наоборот, потребность в нем возросла. Вера в чудеса, особенно в раннем возрасте, позволяет не только развиться воображению и актуализировать творческий потенциал, она является условием формирования свободной личности. Личности, способной признавать собственное несовершенство и ограниченность, но осмелившейся обрести собственную индивидуальность и счастье в процессе самоактуализации. Все это может послужить дополнительному исследованию сказки, открыть в ней новые свойства и возможность применения в условиях современного общества.

Список литературы

1. *Богатырева Ж.В.* От мифа к сказке (сравнительный анализ) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6. С. 510–512.
2. *Богатырева Ж.В.* Сказка как метод посвящения ребенка в человека // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 11. С. 201–204.
3. *Вышеславцев Б.П.* Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 112–114.
4. *Малиновский Б.* Функциональный анализ // Антология исследования культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997.
5. *Мелетинский Е.М.* Миф и сказка: избранные статьи. М., 1998. С. 576.
6. *Мощенская Л.Г.* У истоков народного слова: семантика и структура сказки «Курочка Ряба» // Studia Wschodniosłowiańskie. Białystok, 2003. Т. 3. С. 63–70.
7. *Павлютенкова И.В.* Сказка: философско-культурологический анализ. Дис. ... канд. философ. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 135.
8. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 1998. С. 364.
9. *Стюарт В.* Работа с образами и символами в психологическом консультировании / Пер. с англ. Н.А. Хмелик. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. С. 384.
10. *Тен В.* Миф и сказка. Генезис и дифференциация // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 37.

11. *Топоров В.Н.* К реконструкции мифа о мировом яйце // Труды по знаковым системам. Т. 3. 1967, Тарту. С. 4–29.

Reference list

1. *Bogatyreva Zh.* From myth to tale (comparative analysis) // World of science, culture, education. 2014. №. 6. P. 510-512.
2. *Bogatyreva Zh.* The tale as a method of initiation of the child into the human being // Bulletin of the University (State University of Management). 2013. №. 11. P. 201– 204.
3. *Malinovskiy B.* Functional analysis // Anthology of the culture research. Vol. 1. The interpretation of culture. SBR.: University book, 1997.
4. *Meletinskiy E.* Myth and tale: Selected articles. M., 1998. P. 576.
5. *Moshchenskaya L.* At the origins of people's word: Semantics and structure of the tale "Motley Pullet" // Studia Wschodniosłowiańskie. Białystok, 2003. Vol. 3. P. 63– 70.
6. *Pavlyutenkova I.* The tale: Philosophical-culturalogical analysis. Thesis of Candidate of Philosophical Sciences. Rostov –on-Don, 2003. P. 135.
7. *Propp V.* Historical roots of the fairytale. M., 1998. P. 364.
8. *Stewart W.* Working with images and symbols in psychological counseling // Translation from English by N. Khmelik. M.: Independent firm "Klass", 2000. P. 384.
9. *Ten V.* Myth and tale. Genesis and differentiation // International Journal of Cultural Research. 2014. №. 2 (15). P. 37.
10. *Toporov V.* The reconstruction of the myth of the Cosmic Egg // Writings on semiotic systems. Vol. 3. 1967, Tartu. P. 4-29.
11. *Vysheslavtsev B.* Russian national character // Issues of philosophy. 1995. №. 6. P. 112-114.

УДК 378

Тотоонова М.Х.,

аспирант Северо-Осетинского государственного педагогического института, г. Владикавказ

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ПРОЕКТИРОВАНИЯ АВТОРСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Поскольку любое обучение базируется на субъектно-объектных отношениях обучающихся и других участников данного процесса, то руководящие субъекты используют различные алгоритмы и модели психолого-педагогического характера, направленные на достижение цели, – получение готового компетентного специалиста в конкретной области. Исследования данной статьи связаны с построением универсальной модели авторского профессионального обучения с использованием метода декомпозиции контекстных диаграмм. Автор делает вывод о том, что практическая реализация инноваций возможна лишь при использовании всей системы принципов авторского обучения. Каждый из этих принципов может трансформироваться в зависимости от поставленных целей обучения и выбора педагогического инструментария, который способствует формированию и развитию не только коллективной траектории развития специалиста, но и его индивидуальной траектории развития компетентности.

Ключевые слова: авторская технология, педагогическая модель, проектирование педагогических технологий обучения

Totoonova M.,

Postgraduate student of the North Ossetia State Pedagogical Institute, Vladikavkaz

ORGANIZATIONAL-PEDAGOGICAL MODEL OF THE DESIGN PROCESS OF AUTHOR'S TECHNOLOGIES OF TRAINING STUDENTS

Because any training is based on subject-object relations of students and other participants of this process the leading subjects use different algorithms and models of psycho-pedagogical nature, aimed at the achievement of the goal – obtaining a finished competent specialist in a particular domain. The studies of this article are associated with constructing a universal model of author's professional training, using the method of decomposition of the context diagrams. The author concludes that the practical implementation of innovations is only possible when using the whole system of principles of the author's training. Each of these principles can be transformed depending on desired goal of training and choice of pedagogical tools which contributes to the formation and development not only the collective trajectory of specialist development but its individual trajectory of development of competence.

Keywords: author's technology, pedagogical model, design of pedagogical training technologies

Качество образовательного процесса в вузе во многом зависит от целенаправленности и результативности профессиональной деятельности педагога, его компетентности и творческой активности, его профессионального мировоззрения, направленного на критическое изучение и осознание различных теоретических идей и концепций. При этом следует

отметить, что обучение должно носить «авторский характер, поскольку деятельность педагогов всегда связана с формированием своих методов, подбором индивидуальных средств и форм обучения в зависимости от поставленных целей обучения, степени подготовленности обучающихся» [4, с. 105]. Такой подход к обучению предполагает создание новых технологий, отличающихся вариативностью.

Процесс обучения в рамках авторской технологии обучения студентов мы рассматриваем как сложное, но целостное явление, происходящее в единых рамках интенсивной педагогической системы [1], которая содержит несколько подсистем, в том числе:

- 1) подсистема, элементами которой являются преподаватель и студент;
- 2) мотивы, цели, структура и содержание обучения;
- 3) интенсивная дидактическая система форм, методов и средств обучения.

Однако для того чтобы реализовать авторские педагогические модели, нужно определить закономерности протекания конкретного педагогического процесса и систему принципов работы конкретной инновационной модели в конкретных организационно-педагогических условиях. Для моделирования используем метод декомпозиции контекстных диаграмм, широко применяемый в моделировании бизнес-процессов. Первым действием преподавателя при моделировании по указанному методу является построение контекстной диаграммы (рисунок 1). Так называемый блок контекста (прямоугольник на рис. 1) символизирует сам моделируемый процесс, в нашем случае – проектирование технологии обучения студентов.

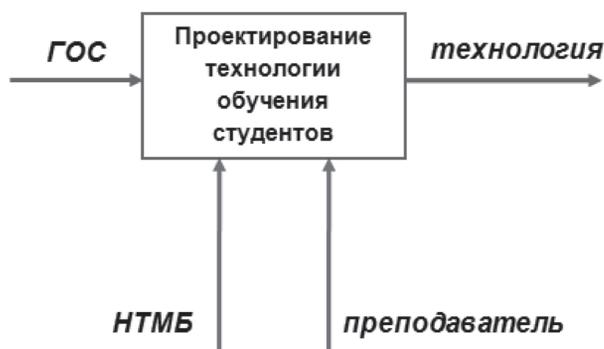

Рисунок 1. Контекстная диаграмма процесса проектирования технологии обучения студентов

Стрелки на рис. 1 имеют следующий смысл:

- входящая стрелка слева – вход контекста, требования ФГОС ВПО;
- исходящая стрелка справа – выход контекста, результат процесса – проект авторской технологии обучения студентов;
- управляющие стрелки снизу – условия проектирования:
 - 1) технология обучения проектируется и реализуется с учетом конкретной научно-технической материальной базы (НТМБ) вуза;
 - 2) управляющим элементом выступает преподаватель, создающий данный проект.

Следующий шаг преподавателя – создание диаграммы декомпозиции первого уровня (рис. 2), для этого процесс проектирования разбивается на небольшое число относительно независимых крупных этапов (назовем их макро-этапами), которые будут детализированы в дальнейшем до необходимого уровня глубины. Мы проанализировали работы по проектированию педагогических технологий обучения различным дисциплинам в вузах [2; 3]. На

основе проведенного анализа макро-этапы процесса проектирования технологии обучения студентов с учетом нашей модификации сформулированы следующим образом (рис. 2):

- 1) сформулировать дидактическую задачу на проектирование технологии обучения;
- 2) сформировать систему закономерностей и принципов обучения;
- 3) спроектировать дидактическую систему (формы, методы и средства обучения);
- 4) провести педагогический эксперимент по проверке эффективности разработанной технологии обучения.

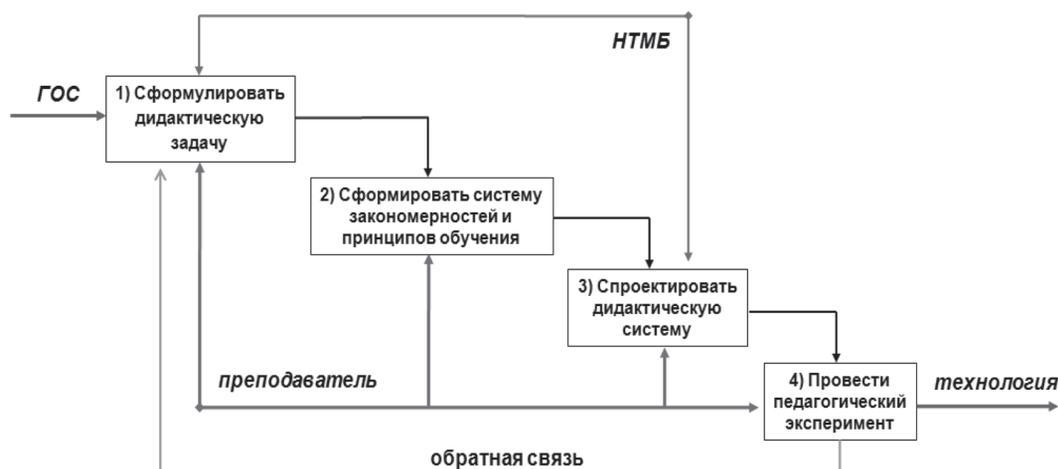

Рисунок 2. Диаграмма декомпозиции модели процесса проектирования технологии обучения студентов

Дополнительно на новой диаграмме стрелками обозначены переходы от одного этапа к другому. Особо обращаем внимание на выделение обратной связи, позволяющей постоянно оптимизировать технологию, корректируя дидактическую задачу (и далее все этапы) по итогам педагогического эксперимента.

Таким образом, мы объединили в одном рисунке диаграмму декомпозиции и структурно-логическую схему.

Для каждого этапа технологии – элемента диаграммы 2 – выполняется аналогичная декомпозиция, так называемая декомпозиция второго уровня, и так далее, до необходимого уровня детализации. В итоге модель технологии проектирования обучения студентов представлена в виде системы диаграмм, все более подробно детализирующих процесс обучения студентов.

На первом этапе проектирования авторской технологии обучения студентов преподаватель должен произвести постановку дидактической задачи, т.е. определить цель и задачи своей модели на основании начальных организационно-финансовых и педагогических условий, в которых ему предстоит работать. При этом необходимо учесть современные тенденции высшего профессионального образования. На основе требований ФГОС ВПО с учетом актуальных для конкретной ситуации закономерностей, общепедагогических и специальных принципов обучения автор технологии формулирует дидактическую задачу. Такая формулировка включает в себя:

- определение измеряемых целей обучения в компетентностном формате;
- отбор содержания обучения в соответствии с заданными компетенциями и его структурирование;
- обоснование критериев, определение исходных и требуемых уровней сформированности компетенций с учетом организационно-финансовых ограничений.

Четкая постановка дидактической задачи призвана обеспечить эффективность всей технологии обучения.

Проведем декомпозицию первого этапа технологии: формулировка дидактической задачи на проектирование технологии, как показано на рисунке 3, содержит следующие под-этапы:

- 1.1. определить измеряемые цели обучения в компетентностном формате;
- 1.2. отобрать содержание обучения в соответствии с заданными компетенциями и структурировать его;
- 1.3. в соответствии со структурой компетенций обосновать критерии сформированности компетенций;
- 1.4. определить исходные уровни сформированности компетенций согласно каждому критерию;
- 1.5. выявить организационно-финансовые ограничения;
- 1.6. задать требуемые уровни сформированности компетенций согласно каждому критерию.

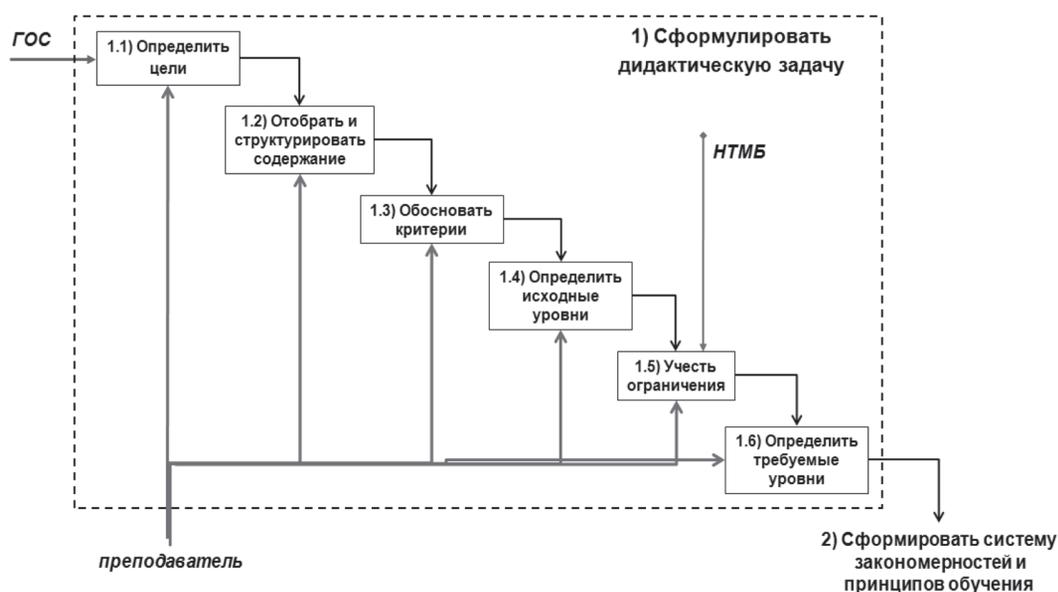

Рисунок 3. Диаграмма декомпозиции макро-этапа «Сформулировать дидактическую задачу на проектирование технологии обучения студентов»

Этап 1.1. Основопологающим этапом любой деятельности является целеполагание. От корректного определения целей обучения зависит конечный этап всего образовательного процесса, т.е. уровень компетентности выпускника. Согласно современным требованиям ФГОС ВПО цели обучения должны быть выражены в формате компетенций. В связи с этим на выходе процедуры целеполагания мы должны получить структуру компетенций, формируемых данной учебной дисциплиной (или, в общем случае, учебным планом специальности).

Согласно структуре социального опыта мы предлагаем следующую структуру компетенций: *теоретические знания* – компетенция когнитивного типа, знание способов и типовых алгоритмов деятельности – компетенция алгоритмического типа; *практический опыт* профессиональной деятельности, умение самостоятельно выполнять необходимые действия на основе собственных знаний о типовых алгоритмах – компетенция деятельностного типа; *оценочный, эмоциональный и творческий опыт* (включая умение составлять новые

алгоритмы деятельности) – компетенция опытно-креативного типа. Указанные компетенции представляют собой сложную систему, которая одновременно обладает свойствами полноты, целостности и открытости.

Этап 1.2. тесно взаимосвязан с предыдущим. Поскольку содержание каждой учебной дисциплины является составляющей общего содержания отраслевой подготовки специалиста, при отборе содержания необходимо учесть межпредметные связи и общую структуру компетенций специальности и социального опыта в целом. Основой структурированного содержания выступает последовательность изложения учебного материала в соответствии с системой логических и смысловых связей. Структурированное содержание представляется в системном и одновременно наглядном виде, для этого используются всевозможные таблицы и матрицы, графы и структурно-логические схемы. Представим структуру содержания также в виде аналогичных диаграмм. Такую систему диаграмм можно рассматривать как своего рода модифицированный граф учебной информации, назовем его декомпозированным графом. На рис. 4. приведен пример такого декомпозированного графа для учебной дисциплины.

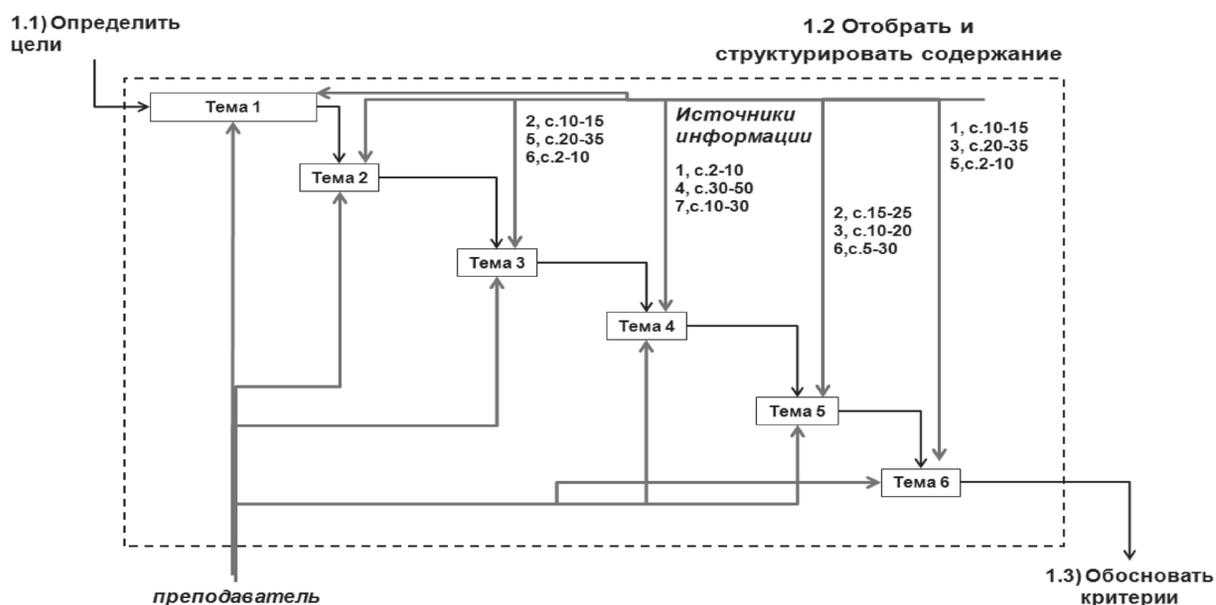

Рисунок 4. Пример декомпозированного графа первого уровня содержания некоторой учебной дисциплины: декомпозиция по темам.

Декомпозиция проведена по темам, поэтому можно рассматривать ее как декомпозицию содержания дисциплины первого уровня. Если же исходить из структуры всего процесса проектирования технологии обучения студентов, то это будет декомпозиция уже третьего уровня, контекстом которой выступает действие 1.2 (отобрать и структурировать содержание). Следующим уровнем глубины декомпозиции будет декомпозиция каждой темы выбранной дисциплины по параграфам или учебным вопросам, глубину декомпозиции выбирает автор технологии. Декомпозированный граф содержания обучения отличается от других диаграмм декомпозиции тем, что у него появляются специфические управляющие стрелки (рис. 4), которые символизируют источники информации, необходимые обучающемуся для изучения данной дидактической единицы.

Этап 1.3 – определение критериев сформированности компетенций. Структура критериев должна соответствовать структуре компетенций, каждый критерий должен быть до-

статочно легко диагностируем, т.е. наряду с системой критериев необходимо дифференцировать уровни сформированности соответствующей компетенции. К сожалению, на данный момент у отечественных педагогов нет единого мнения по вопросу дифференциации уровней сформированности профессиональных компетенций. В соответствии с предложенной нами примерной структурой компетенций система критериев имеет вид: теоретический (Т), алгоритмический (А), деятельностный (Д), креативный (К). В исследовании предлагаются уровни сформированности компетенций студентов.

На этапе 1.4 мы рекомендуем определить исходные уровни сформированности компетенций студентов по дисциплине (или учебному модулю) согласно каждому критерию, так как подготовленность студентов к изучению той или иной дисциплины является главным ограничительным фактором для итогового результата. Ввиду особой важности этого фактора мы и выделили его в отдельный этап проектирования технологии обучения.

Сложность, даже противоречие, данного этапа состоит в том, что, с одной стороны, проект технологии обучения еще не готов к внедрению в учебный процесс, а с другой стороны – необходимо знать начальные условия его реализации, к которым относятся исходные уровни сформированности компетенций студентов, которые будут обучаться по этой технологии. В этой ситуации приходится прибегать к прогнозированию на основе предыдущих данных. Самый простой метод – воспользоваться результатами педагогического контроля предыдущего года (семестра, набора) для прогноза уровней сформированности компетенций студентов, изучающих данную дисциплину в текущем (или следующем) семестре.

Этап 1.5 процесса проектирования авторской технологии обучения студентов посвящен выявлению организационно-финансовых ограничений, к которым можно отнести следующие факторы:

- организационные – форма обучения, жестко заданный объем аудиторной нагрузки, особенности расписания (первая и последняя пара могут осложнить процесс усвоения знаний), численность учебной группы и т.д.;
- научно-технические – научно-технический потенциал вуза (наличие научных школ, отраслевых центров и лабораторий, сотрудничество вуза с ведущими научными центрами и лабораториями и т.д.;
- методические – имеющееся методическое обеспечение дисциплины, оснащенность университетской библиотеки, доступ к университетскому серверу и интернет-ресурсам и т.д.
- финансовые и другие.

Этап 1.6. На основании требований ФГОС ВПО, заказов работодателей, личных запросов самих обучающихся, специфики специальности и глубокого критического анализа данных, полученных на этапах 1.4 и 1.5, формулируем требуемые уровни сформированности компетенций согласно каждому критерию.

Практическая реализация инноваций возможна лишь при использовании всей системы принципов авторского обучения. Каждый из этих принципов может трансформироваться в зависимости от поставленных целей обучения и выбора педагогического инструментария, который способствует формированию и развитию не только коллективной траектории развития специалиста, но и его индивидуальной траектории развития компетентности.

Список литературы

1. Беспалько В.П. Основы теории педагогических систем. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1997. – 304 с.

2. *Иванов Д.А.* О ключевых компетенциях и компетентностном подходе в образовании // Школьные технологии. 2007. № 5. С. 51–62.
3. *Сурков В.С.* Проблемы использования классических и инновационных технологий в современном образовательном процессе // Современные технологии образования и обучения в высшей школе. М.: МГСУ, 2001.
4. *Тотонова М.Х., Киргуева Ф.Х.* Авторское обучение как дидактическая составляющая профессиональной подготовки специалистов // Педагогические науки. 2014. № 7 (15). С. 105–107.

Reference list

1. *Bespalko V.* Fundamentals of the theory of pedagogical systems. Voronezh: Publishing by Voronezh University, 1997. – 304 p.
2. *Ivanov D.* On core competences and the competence approach in education // School technologies. 2007. № 5. P. 51–62.
3. *Surkov V.* Issues of using classical and innovation technologies in the contemporary educational process // Modern technologies of education and training in higher school. M.: Moscow State Social University, 2001.
4. *Totoonova M., Kirgueva F.* Author's training as a didactic component of professional training of specialist. 2014. № 7 (15). P. 105–107.

УДК 378

Алипханова Ф.Н.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и технологий профессионального образования Дагестанского государственного педагогического университета

Малагусейнова К.А.,

соискатель кафедры педагогики и технологий профессионального образования Дагестанского государственного педагогического университета

ОРГАНИЗАЦИЯ ГРУППОВОЙ РАБОТЫ НА ОСНОВЕ ЗНАНИЯ ПРИНЦИПОВ ФОРМИРОВАНИЯ КОМАНДЫ И ПРОЦЕССОВ ГРУППОВОЙ ДИНАМИКИ

В статье изучена базовая профессиональная компетенция современного менеджера образования, а именно – готовность организовывать групповую работу на основе знания процессов групповой динамики и принципов формирования команды. Рассмотрен процесс организации менеджером образования командной работы в рамках образовательного учреждения с целью обеспечения оперативного и эффективного функционирования и развития образовательных учреждений ВПО. Авторы делают вывод о том, что способность менеджера образования организовывать командную работу для решения задач развития образовательного учреждения – это интегративное качество личности, выражающееся в его социально-психологическом умении создавать неформальные творческие команды, члены которой объединены общей целью, владеют разработанными коллективными процедурами координации действий с целью достижения оптимальных результатов, несут ответственность за свою деятельность на основе приоритетной ответственности своего лидера.

Ключевые слова: групповая работа, команда, педагогическая команда, командообразование, групповая динамика, принципы формирования команды

Alipkhanova F.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Chair of Pedagogy and Professional Education Technologies of Dagestan State Pedagogical University

Malaguseynova K.,

Degree-seeking student of Chair of Pedagogy and Professional Education Technologies of Dagestan State Pedagogical University

THE ORGANIZATION OF GROUP WORK BASED ON THE KNOWLEDGE OF PRINCIPLES OF TEAM BUILDING AND GROUP DYNAMICS PROCESSES

The basic professional competence of the modern education manager is studied in the article, as follows willingness to organize group work based on knowledge of the group dynamics processes and principles of team building. The process of organization of teamwork by education manager is considered within the frameworks of educational institution that to ensure operative and effective functioning and development of educational institutions of higher professional education. The authors conclude that the ability of the education manager to organize teamwork for solving problems of educational institution development – it is the integrative quality of the individual, reflected in its socio-psychological ability to create the informal original teams; members of these teams are united a common purpose, they master developed collective procedures of actions' coordination with the purpose to achieve optimal results and they are responsible for their activity based on the prioritized responsibility of their leader.

Keywords: group work, team, pedagogical team, teambuilding, group dynamics, principles of team building

В условиях активных социально-экономических и политических преобразований особую роль играет модернизация системы отечественного образования, которая сопровождается активным внедрением новых ФГОС. Цель внедрения новых стандартов состоит в создании таких условий, которые позволили бы решить главную стратегическую задачу образования, это прежде всего повышение его качества, выход на новый уровень достижения результатов, отвечающих запросам личности, организации, социальным запросам общества и государства. Наиважнейшую роль в достижении цели выполняет грамотная, квалифицированная организация групповой работы на основе знания процессов групповой динамики и принципов формирования команды, командной работы в образовательном учреждении.

Сегодня в педагогической науке активно используются такие словосочетания, как «групповая динамика», «педагогическая команда», «командный дух коллектива», «коллективная команда», «командный стиль», «работа в команде», «слушать мнение команды», групповая динамика, т.е. делается упор на качество работы менеджера учреждения, каждого участника коллектива и всего учреждения.

Проблема групповой динамики впервые была рассмотрена еще во второй половине XIX в. С позиции развития образовательных учреждений были выделены этапы развития групп и условия их превращения в единую команду. Подобного рода исследования активно разрабатывались не только в западной, но и в отечественной социальной психологии. На сегодняшний день проблема *групповой динамики* и разработка *принципов формирования команды* является также актуальной.

В работах А.В. Петровского и, в частности, в его книге «Общая психология» были выделены определенные стадии групповой динамики, среди которых:

- стадия проверки (знакомство с партнерами, членами коллектива);
- стадия внутреннего конфликта (констатация отдельных противоречий, столкновение интересов между членами коллектива);
- стадия динамики групповой сплоченности (формирование согласованности и взаимопонимания, уяснение и осознание общих целей);
- стадия функциональной соотнесенности между членами (распределение функций и ролей между членами коллектива) [6].

В профессиональную компетенцию менеджера также вошло понятие «принципы формирования команды», т.е. менеджер образовательного учреждения должен хорошо владеть принципами, которые конструктивно описаны Л.Н. Захаровым в учебном пособии для студентов: принцип ориентированной предварительности; принцип целеполагания; принцип ознакомительно-нормативный; принцип организационный; принцип тьютерской поддержки и т.д. [3].

Для разъяснения понятия «*принцип формирования команды*» не менее важным является термин «команда». Из словаря иностранных слов Н.Г. Комлева мы узнаем, что сам термин «команда» (comando) был заимствован еще в конце XVII в. из испанского и португальского языков и в переводе с португальского он означает «командование, управление», а с испанского – «командование» и «диверсионный отряд» [4; С. 611].

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «команда» имеет несколько значений. Среди них: «краткий устный приказ», «автоматически передаваемый сигнал», а также «воинское подразделение», «спортивный коллектив», «личный состав» и т.д. Не менее важным для нашего исследования является термин «командный», означающий «первенство» и «господство». [5; С. 286]. Но ближе всего к теме нашего исследования находится истолкование слова «команда», данное в «Социологической энциклопедии»: «команда – это коллектив

единомышленников, сплоченный вокруг своего лидера, который одновременно является и должностным лицом организации». Нужно также отметить тот факт, что эта энциклопедия выделяет основные атрибуты организации, среди которых – цели, ценности, роли, особые отношения между ее членами, неформальная внутренняя организация, координация деятельности, организационная культура, четкая система взаимного контроля, собственная система коммуникаций, вознаграждения и мотивации. Условием создания команды являются такие составляющие, как профессиональная, интеллектуальная и психологическая совместимость образующих ее людей, распределение между ними обязанностей в соответствии с их способностями и желаниями [7; С. 451].

Умение и готовность работать в команде, использовать принципы командной работы рассматривается как базовая профессиональная компетентность современного менеджера образования, отмеченная в новых ФГОС направления «Менеджмент», а именно – готовность менеджера организовывать групповую работу на основе знания процессов групповой динамики и принципов формирования команды (ПК-5).

Формирование дружной, слаженной команды, педагогического коллектива – это создание особенной рабочей атмосферы, где сотрудники дорожат коллективной работой, совместными действиями, а также умением ладить между собой, понимать друг друга с полуслова и активно сотрудничать. Командная работа складывается при условии, если представители и члены коллектива осознают и верят в то, что поставленные менеджером цели, стратегические и тактические планы, решения и действия эффективно осуществляются только сообща, только в коллективе и совместными усилиями. Для создания крепкой, дружной и сплоченной команды необходимо работать ежедневно, чтобы ее члены чувствовали и общались о проблемных ситуациях, требующих оперативного вмешательства, коллективной ответственности и общего поиска решения.

Психологическая и компетентностная структура коллектива образовательного учреждения базируется на различных эмоционально-оценочных отношениях, которые оказывают влияние на профессиональную педагогическую деятельность. Единство – главная характеристика внутренних эмоционально-оценочных и профессиональных отношений организации, что является основой сплоченности команды. Именно рождение хорошей команды является главным критерием сформированности у менеджера умения организовывать командную работу для решения задач образовательного учреждения и сохранения психологического единства педагогического коллектива.

Российская высшая школа стремится к обновлению содержания образования, модернизации учебных программ и учебников, что должно способствовать повышению качества образования, соответствующего современным тенденциям и требованиям общественного развития. Важным фактором, обуславливающим данный процесс, является характер управления образовательным учреждением, т.е. уровень профессионализма менеджера учреждения, его управленческая компетентность, умение использовать командные методы работы. Современное образовательное учреждение ВПО может составить конкуренцию другим образовательным организациям только в том случае, если имеет в своем арсенале не только образовательные и производственные ресурсы, но и ресурсы человеческие – образование членов коллектива, их квалификация и компетентность, сформированная система ценностей, коллективная мотивация к решению поставленных задач и т.д. Но коллектив любой организации сам по себе не сможет стать единым коллективом, сформировать единство целей и действий, если администрация организации не будет способствовать созданию эффективных команд.

Поэтому каждый выпускник направления высшего профессионального образования «Менеджмент» квалификации бакалавр должен быть готов к необходимым трансформациям, к требованиям со стороны администрации к формированию коллектива, отдельных его групп в команду. Современный менеджмент требует, прежде всего, от менеджера определенного уровня образования, которое включает в себя: а) умение формировать гуманитарную позицию учителей, создавать атмосферу доверия между лидером учреждения и членами коллектива; б) способность поддерживать и оказывать профессиональную квалифицированную помощь в собственном развитии членов коллектива; в) умение способствовать росту профессионализма педагогического коллектива, опираться на потенциальные возможности в творческом развитии; г) умение способствовать гибкости педагогического мышления, открывающей возможности для совместного творчества обоих субъектов системы – менеджера и коллектива педагогов; д) способность к нововведениям и инициативе, к самосовершенствованию.

Все перечисленные факторы должны обеспечить позитивные результаты в модернизации отечественной высшей профессиональной школы, в реализации новых образовательных программ. Высокий кадровый потенциал, стремление педагогического коллектива к систематическому повышению профессионального уровня и инновационному поиску создают необходимые условия для развития и движения вперед педагогической команды.

Командная работа педагогов представляет собой группу людей, объединенных общими идеями, ценностями, целями, демонстрирующую высокий уровень взаимодействия и взаимообусловленных действий в процессе решения задач по развитию высшей школы. Говоря о компетенции менеджера образования, отвечающего за организацию командной работы образовательного учреждения, стоит отметить, что данной способностью должен обладать каждый из членов коллектива. Командная работа педагогов образовательного учреждения подразумевает ее коллективный, творческий характер, ориентирована на решение задач развития образовательных учреждений ВПО, включая его качественное функционирование.

Организация командной работы педагогов вуза включает в себя: разработку стратегического перспективного плана и определение главных мероприятий по качественному развитию высшей школы; диагностику готовности педагогов работать в команде; выявление типов команд педагогов; подбор методов, средств, технологий организации вузовских команд; определение алгоритма командной работы.

Алгоритм действий может состоять из следующих актов:

- проработка основной идеи;
- организационный этап;
- подбор технологического инструментария;
- представление перед коллективом основной идеи и привлечение к ее решению вузовских команд;
- обсуждение и коррекция плана реализации идеи;
- реализация замысла и главного плана;
- обобщение и дополнение главной идеи;
- анализ полученных результатов;
- определение с помощью диагностики и разработанных критериев эффективности и результативности командной работы педагогов вуза;
- публичное обоснование выбора технологического инструментария в решении поставленных задач;

- выявление возможности тиражирования опыта работы педагогов в команде.

Реализация поставленных задач и алгоритма действий администрации образовательного учреждения возможны при условии, если менеджером образования будет употреблен демократический стиль руководства, который базируется на коллегиальности, доверии коллегам, постоянном информировании всех членов коллектива, делегировании полномочий, собственной инициативе подчиненных, креативности, самоорганизации и самодисциплине, сознательности и ответственности всех участников проекта. Кроме этого, менеджер должен помнить о поощрении подчиненных, выполнивших его задание.

Организация менеджером образования командной работы в рамках образовательного учреждения обеспечивает оперативное и эффективное функционирование и развитие образовательных учреждений ВПО. Командный тип организации деятельности значительно повышает значимость и роль педагога в самостоятельном принятии управленческих решений, а также способствует глубокой удовлетворенности в профессии.

Исследование проблемы командообразования для современного образовательного учреждения ВПО играет важную роль, поскольку в его содержании могут быть выявлены необходимые технологии эффективного организационного менеджмента, его связь с практикой рыночных отношений в рамках социального заказа, проанализированы общемировые тенденции управления, а также методы и способы развития образовательного учреждения.

Научные исследования, посвященные вопросам командообразования, предлагают множество технологий, тренинговых программ как для менеджеров образования, так и для членов коллектива. В диссертации А.А. Халиной «Командообразование как процесс и технология в организационном управлении» автор указывает, что «командообразование – это процесс формирования команды, члены которой объединены общей целью, владеют отработанными процедурами координации своих действий в достижении конкретных результатов, несут взаимную ответственность за результаты своей деятельности на основе общего видения ситуации. В командообразовании как социальном процессе формируется новый коллективный субъект – управленческая команда, состоящая из персонала наемных работников, взаимодействующая на основе субъект-субъектных отношений» [8; С. 50]. Процесс становления команды менеджер начинает с формирования рабочей группы, которая, возможно, далее сформируется в полноценную, четко слаженную команду.

Формирование команды, командообразование – это теория, цель которой заключается в укреплении позиций организации путем создания и внедрения корпоративного духа. Главными задачами данной теории являются: формирование позитивных внутренних отношений в коллективе между ее членами, чувства локтя, уверенности и в себе, и в членах команды, развитие умения оперативно принимать решения в различных ситуациях, выработка уверенности в решении поставленной задачи, развитие лидерства и инициативности, формирование командного духа.

Сегодня технологии командообразования, ориентированные на сближение и взаимопонимание членов коллектива, довольно часто практикуются в компаниях и организациях наряду с игровыми технологиями. Одна из негативных сторон применения администрацией технологии командообразования – это то, что они носят эпизодический характер, игнорируя при обучении принципы систематичности и последовательности. Командообразование – это специально организованная деятельность менеджера образования по формированию активного, инициативного ядра коллектива, который будет способен замотивировать остальных членов коллектива на эффективное развитие команды и результативное выполнение стоящих перед ней задач.

Таким образом, способность менеджера образования организовывать командную работу для решения задач развития образовательного учреждения – это интегративное качество личности, выражающееся в его социально-психологическом умении создавать неформальные творческие команды, члены которой объединены общей целью, владеют разработанными коллективными процедурами координации действий с целью достижения оптимальных результатов, несут ответственность за свою деятельность на основе приоритетной ответственности своего лидера.

Список литературы

1. Алиева Р.Р. Основные подходы к изучению проблемы формирования организационной культуры будущего учителя // Вестник университета (ГУУ). 2013. № 13. С. 170–173.
2. Алипханова Ф.Н. Проектно-исследовательская деятельность студентов и ее роль в педагогическом образовании // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 5–7.
3. Алипханова Ф.Н., Гамзаева М.В. Модель процесса формирования способности у будущих учителей к педагогическому самоменеджменту // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2011. № 2. С. 80–86.
4. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000 г. – 1308 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. С. 286.
6. Петровский А.В. Общая психология: учебник для студентов педагогического вуза. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 2010. – 430 с.
7. Социологическая энциклопедия: в 2-х т. Т. 1 / Под руковод. Г.Ю. Семигина. М.: Мысль, 2003. С. 451.
8. Халина А.А. Командообразование как процесс и технология в организационном управлении: Дис. ... канд. социолог. наук. М., 2011. – 150 с.

Reference list

1. Alieva R. Main approaches to the study of problems of formation of the organizational culture of the future teacher // Bulletin of the University. 2013. № 13. P. 170–173.
2. Alipkhanova F. Design-research work of students and its role in pedagogical education // World of science, culture, education. 2014. № 6 (49). P. 5–7.
3. Alipkhanova F., Gamzayeva M. Model of process of formation of abilities of future teachers to the pedagogical self-management // Bulletin of the North Ossetia State University named K. Khetagurov. 2011. № 2. P. 80–86.
4. Halina A. Team Building as a process and technology in organizational management: Thesis of PhD in Sociology. M.: 2011. P. 150.
5. Komlev N. Dictionary of Foreign Words. M.: EKSMO-Press, 2000. P. 1308.
6. Ozhegov S., Shvedova N. Explanatory Dictionary of the Russian Language. 4th edition, enlarged. M.: Azbukovednik, 1999. P. 286.
7. Petrovskiy V. General psychology: Textbook for students of pedagogical higher educational institution. 3rd edition revised and enlarged M.: Prosveshenie, 2010. P. 430.
8. Sociological encyclopedia: In 2 volumes. Vol. 1 / Under the direction of G. Semigin. M.: Mysl', 2003. P. 451.

УДК 378

Масюкова Н.Г.,

старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Ставропольского краевого института развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования, г. Ставрополь

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГОВ

В статье проанализированы подходы к дефиниции «педагогическая диагностика» в современной психолого-педагогической литературе; представлены результаты диагностического исследования, проведенного в рамках экспериментальной работы; обосновано значение диагностики для дополнительного профессионального образования педагогов. Автором представлены результаты опытно-экспериментальной работы, направленной на проведение педагогической диагностики в системе дополнительного профессионального образования педагогов. Результаты диагностики показали, что большинство из респондентов отмечают актуальность проблемы преподавания в классах, в которых для части обучающихся русский язык не является родным и в которых обучаются дети с ограниченными возможностями здоровья. Результаты диагностики способствовали включению в курсовую подготовку специальных семинаров и практических занятий, предназначенных для развития методической компетентности по вышеуказанным направлениям.

Ключевые слова: педагогическая диагностика, дополнительное профессиональное образование педагогов, профессиональный стандарт по специальности «Педагог», методическая компетентность учителя

Masyukova N.,

Senior Lecturer of Chair of Humanitarian Subjects of the Stavropol Regional Institute of Education Development, Advanced Training and Retraining of Education Workers, Stavropol'

PEDAGOGICAL DIAGNOSTICS IN THE SYSTEM OF CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION OF TEACHERS

The article is analyzed the approaches to the "pedagogical diagnostics" definition in the contemporary psychopedagogical literature; there are presented the results of the diagnostic study of teachers, conducted within the frameworks of experimental work; as well as the value of diagnostics for continuing professional education of teachers is grounded. The author are represented the results of experimental work, aimed at conducting pedagogical diagnostics in the system of additional professional education of teachers. The diagnostic results showed that the most of respondents note the urgency of the issue of teaching in classrooms, to which the Russian language is not native for a part of trainees and where the children with disabilities in health get education. The diagnostic results supported the including of special seminars and practical exercises in course training, designed for the development of methodological competence in the above areas.

Keywords: pedagogical diagnostics, continuing professional education of teachers, occupational standard with "Teacher" specialization, methodological competence of teacher

На современном этапе развития образования дополнительное профессиональное образование (далее – ДПО) педагогов становится все более актуальным направлением исследований отечественных и зарубежных ученых. В Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016– 2020 гг. отмечается, что дополнительное профессиональное образование, являясь важной составляющей непрерывного образования российских граждан, призвано мобильно и эффективно реагировать на новые требования отечественной и мировой экономики, возрастающие запросы населения на приобретение дополнительных компетенций, в первую очередь на повышение квалификации и профессиональную переподготовку.

Система ДПО педагогов предполагает сжатые сроки обучения. Каждый слушатель обладает только одним ему присущими особенностями интеллекта, эмоций, поведения, имеет свой уровень профессионального развития, опыт работы, соответственно, каждый нуждается в индивидуальном подходе в процессе повышения квалификации. Именно эти особенности обучающихся позволяет выявлять и учитывать педагогическая диагностика. Кроме того, невозможно реализовывать компетентностный подход в системе повышения квалификации, если не разрабатывать адекватный процесс оценки и диагностики. Преподавателю важно правильно проектировать развитие педагогов и в этих целях мастерски использовать средства педагогического воздействия.

Потребность в педагогической диагностике как необходимом элементе образовательного процесса признается теоретиками и практиками педагогики. Многие исследователи (Ю.К. Бабанский, Л.В. Байбородова, В.П. Беспалько, Б.П. Битинас, Н.М. Борытко, Л.Н. Горохова, В.Н. Давыдова, Л.М. Денякина, О.Ю. Ефремов, В.Г. Максимов, Е.А. Михайлычев, П.Е. Решетников, М.И. Рожков и др.) рассматривают педагогическую диагностику как движущую силу развития педагогического процесса, как один из способов его оптимизации.

Сам термин «педагогическая диагностика» впервые был введен немецким ученым К. Ингенкампом в 1968 г. Педагогическая диагностика рассматривается им как процесс распознавания явлений и определения их состояния в определенный момент на основе использования необходимых для этого параметров [3, с. 5].

По мнению Л.Н. Гороховой, педагогическая диагностика – это специфический метод познания, направленный на выявление внутреннего состояния объекта и причин данного состояния с целью определения путей дальнейшего функционирования и развития объекта [2].

Особо следует отметить специфику педагогической диагностики – ее непосредственный выход в практику [1].

Мы согласны с точкой зрения Ю.П. Шапран, который считает, что с помощью диагностики можно вносить конкретность в деятельность педагога, нацеливать его на решение практических задач, совершенствовать профессиональную компетентность [5, с. 103].

В 2014–2015 учебном году в процессе курсовых мероприятий на кафедре гуманитарных дисциплин Ставропольского краевого института развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования (далее – СКИРО ПК и ПРО) нами была проведена диагностика с целью выявления мотивационных факторов, влияющих на развитие методической компетентности учителя, а также исследование причин, препятствующих участию в курсах повышения квалификации. Диагностика проводилась в рамках экспериментальной работы по теме «Развитие методической компетентности учителя в процессе очно-дистанционного повышения квалификации». Результаты исследования способствовали индивидуализации подхода к обучающимся в процессе повышения квалификации.

Одним из методов исследования, направленным на выявление отношения к факторам, влияющим на развитие методической компетентности учителя, стало анкетирование, проведенное среди слушателей курсов повышения квалификации СКИРО ПК и ПРО (экспериментальная группа) и учителей образовательных организаций г. Ставрополя (контрольная группа). Всего было опрошено 100 респондентов.

В ходе исследования учителям в экспериментальной и контрольной группах было предложено с помощью баллов оценить степень важности отдельных педагогических проблем для их дальнейшего профессионального развития. Полученные данные приведены на рисунке 1.

Рис. 1. Самые важные аспекты профессионального развития для учителей контрольной (КГ) и экспериментальной групп (ЭГ)

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что перечисленные в анкете педагогические проблемы имеют большое значение (от 69,8% до 97,7%) для дальнейшего профессионального развития учителей как контрольной, так и экспериментальной групп. При этом наибольшее внимание респондентами контрольной и экспериментальной групп уделяется вопросам изучения требований ФГОС ОО (контрольная группа – 96,9%, экспериментальная группа – 97,7%) и изучения ИКТ и других педагогических технологий (контрольная группа – 94,6%, экспериментальная группа – 95,4%).

Актуальность изучения требований ФГОС ОО для учителей вполне объяснима, так как с 2015–2016 учебного года все общеобразовательные организации переходят на ФГОС ООО. Требования к организации, содержанию, результатам и методическому сопровождению образовательного процесса в школе являются насущной проблемой при внедрении нового образовательного стандарта.

Данные анкетирования еще раз подтверждают, что для значительной части учителей владение информационными технологиями является актуальной проблемой, хотя количество педагогов, испытывающих затруднения в использовании ИКТ, неуклонно сокращается. О значимости освоения современных педагогических технологий свидетельствует тот факт, что большинство опрошенных учителей стремится к их внедрению в педагогическую прак-

тику, а значит, развитие методической компетентности педагогов в данном направлении будет востребованным в рамках курсов повышения квалификации.

Наименьшее значение для профессионального развития учителей имеют проблема дисциплины и поведения учеников (контрольная группа – 69,8%, экспериментальная группа – 75%), а также проблема обучения обучающихся с особыми потребностями (контрольная группа – 73,5%, экспериментальная группа – 72,7%). При этом следует отметить, что в профессиональном стандарте «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» умение использовать и апробировать специальные подходы к обучению в целях включения в образовательный процесс всех обучающихся, в том числе с особыми потребностями в образовании: обучающихся, проявивших выдающиеся способности; обучающихся, для которых русский язык не является родным; обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, является одним из ключевых. Как подчеркивает Е.А. Ямбург, растет количество общеобразовательных организаций, реализующих программы инклюзивного образования, где совместно обучаются здоровые учащиеся и дети с ограниченными возможностями.

Следует отметить, что в дополнение к анкетированию в исследовании использовались беседы с учителями контрольной и экспериментальной групп. На основании полученных данных можно сделать вывод, что большинство из респондентов осознают и выделяют возросшую в последние годы актуальность проблемы преподавания в классах, в которых для части обучающихся русский язык не является родным и в которых обучаются дети с ограниченными возможностями здоровья. Учитель, не обладающий специальными компетенциями, с вышеперечисленным контингентом школьников работать не сможет. Результаты диагностики способствовали включению в курсовую подготовку специальных семинаров и практических занятий, предназначенных для развития методической компетентности по вышеуказанным направлениям.

Сравнивая полученные в процессе нашего исследования данные с результатами Международного Исследования Систем Преподавания и Обучения (Teaching and Learning International Survey – TALIS), проводимого Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), следует отметить, что проблему обучения обучающихся с особыми потребностями в исследовании TALIS назвали важным аспектом профессионального развития 31% опрошенных учителей – это самый высокий показатель среди педагогических проблем, по которым проводился опрос [4, с. 40]. Однако в процентном соотношении этот результат значительно ниже, чем в контрольной и экспериментальной группах.

Таким образом, можно сделать вывод, что для педагогов, принявших участие в нашем исследовании, проблема обучения обучающихся с особыми потребностями является хотя и не первостепенной, но значимой.

Наименее значимой для респондентов исследования TALIS (14%) стала проблема преподавания в мультикультурной среде, тогда как в контрольной и экспериментальной группах этот показатель был достаточно высок – 89,8 и 88,6% соответственно. Данные результаты вполне объяснимы, так как все учителя Ставропольского края работают в поликультурном пространстве, следовательно, потребность в развитии методической компетентности в данном направлении имеет особую актуальность, что также способствовало включению данных вопросов в содержание курсовых занятий.

Во второй части анкеты педагогам предлагалось оценить степень влияния отдельных профессиональных мероприятий на развитие их методической компетентности.

Результаты исследования показывают, что, по мнению педагогов экспериментальной группы, наибольшее влияние на развитие методической компетентности учителя оказыва-

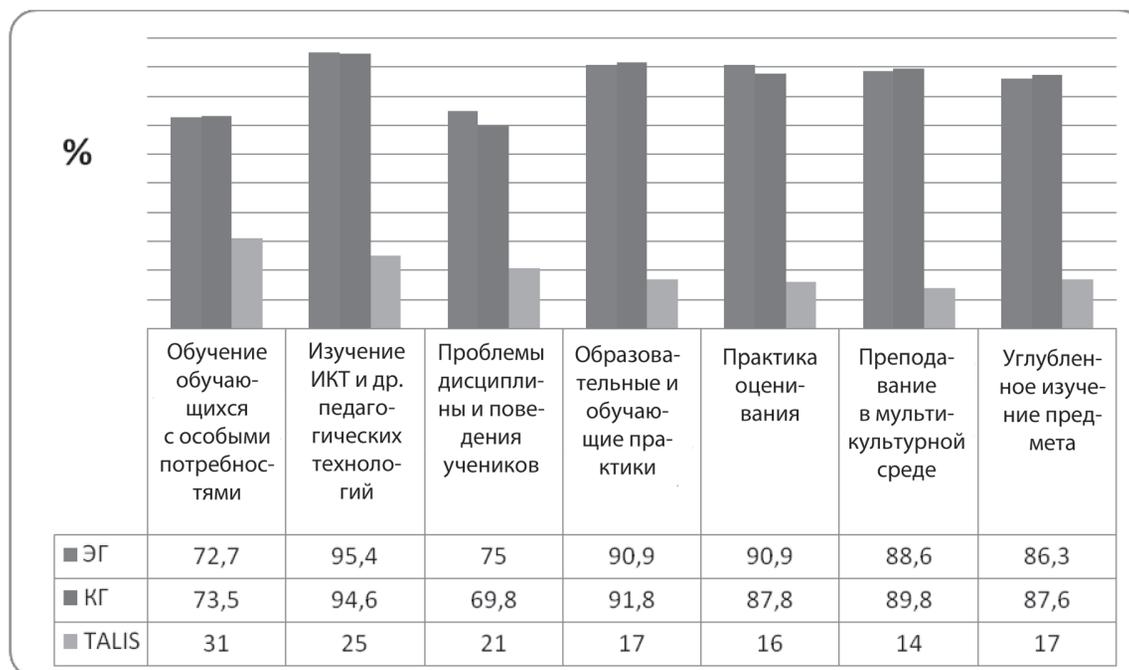

Рис. 2. Самые важные аспекты профессионального развития для учителей контрольной (КГ) и экспериментальной групп (ЭГ); для учителей, участвовавших в опросе TALIS

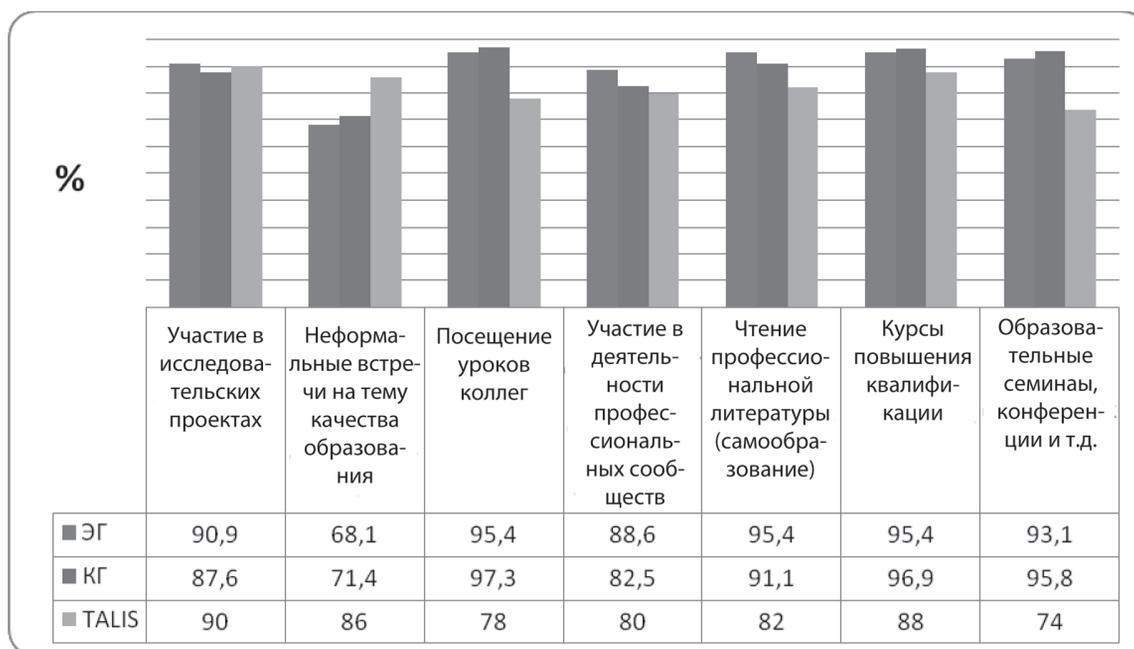

Рис. 3. Сравнительный график степени влияния отдельных профессиональных мероприятий: учителя контрольной (КГ) и экспериментальной групп (ЭГ); учителя, участвовавшие в опросе TALIS

ют следующие мероприятия: курсы повышения квалификации, чтение профессиональной литературы (самообразование) и посещение уроков коллег – 95,4%. Респонденты контрольной группы также указывают на высокую степень влияния курсов повышения квалификации (96,9%) и посещения уроков коллег (97,3%).

По данным исследования TALIS, на профессиональное развитие, по мнению учителей, участвовавших в проекте, первостепенное влияние оказывает участие в исследовательских проектах

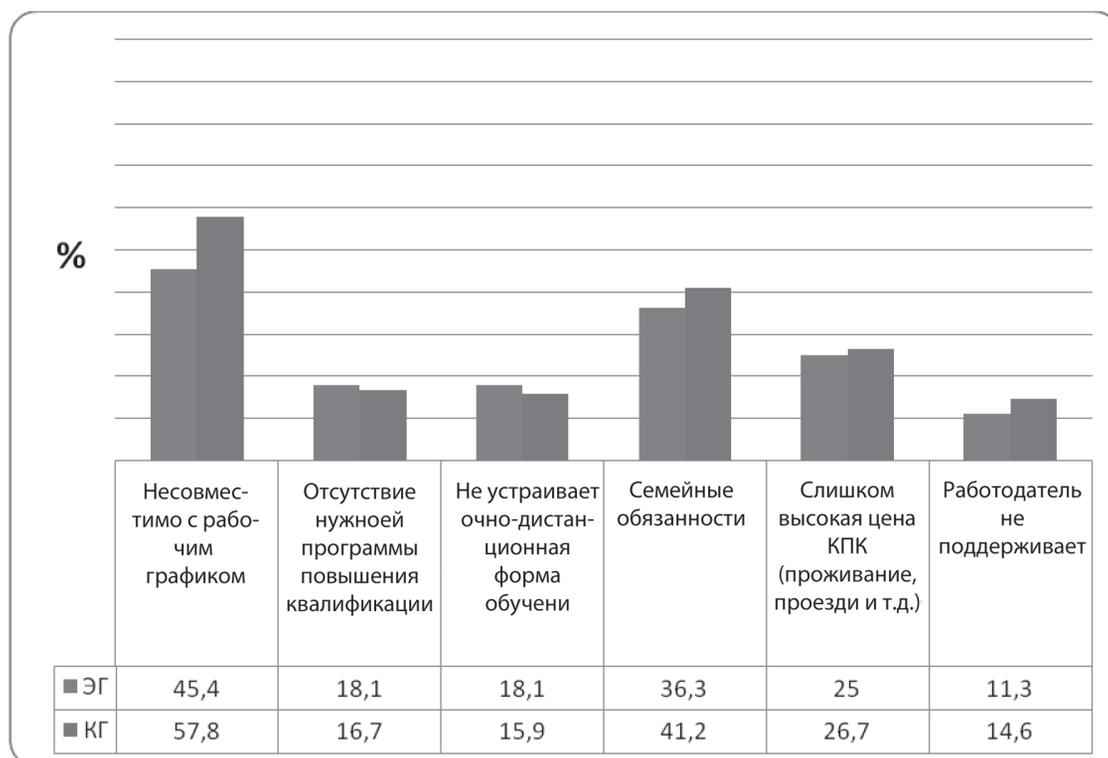

Рис. 4. Причины, препятствующие участию учителей в курсах повышения квалификации: контрольная (КГ) и экспериментальная (ЭГ) группы

тах (90%). При этом на втором месте (88%) по степени эффективности находятся курсы повышения квалификации. Таким образом, высокую степень значимости курсов повышения квалификации признают как учителя в контрольной и экспериментальной группах, так и респонденты TALIS.

При этом участники TALIS значительно меньшее значение придают таким мероприятиям, как посещение уроков коллег (78%) и образовательных семинаров (74%), в отличие от учителей в контрольной (97,3% и 95,8% соответственно) и экспериментальной группах (95,4% и 93,1% соответственно). Наименьшее же влияние на развитие методической компетентности, по мнению педагогов контрольной и экспериментальной групп, оказывают неформальные встречи на тему качества образования (71,4% и 68,1% соответственно), тогда как в TALIS эти мероприятия оценены значительно выше (86%).

В третьей части анкеты педагогам контрольной и экспериментальной групп предлагалось оценить, в какой степени указанные причины препятствуют их участию в курсах повышения квалификации.

В результате полученных данных можно сделать вывод, что основными причинами, препятствующими участию учителей контрольной группы в курсах повышения квалификации, являются следующие: несовместимость с рабочим графиком (57,8%) и семейные обязанности (41,2%). Эти же причины вынесены на первые места и в экспериментальной группе (45,4% и 36,3% соответственно). Такие причины, как отсутствие нужной программы повышения квалификации и очно-дистанционная форма обучения, не являются значительным препятствием для прохождения курсовой подготовки как в контрольной, так и в экспериментальной группах.

Сравнивая полученные в результате нашего исследования данные с результатами TALIS, можно сделать вывод, что потребности учителей в профессиональном развитии зача-

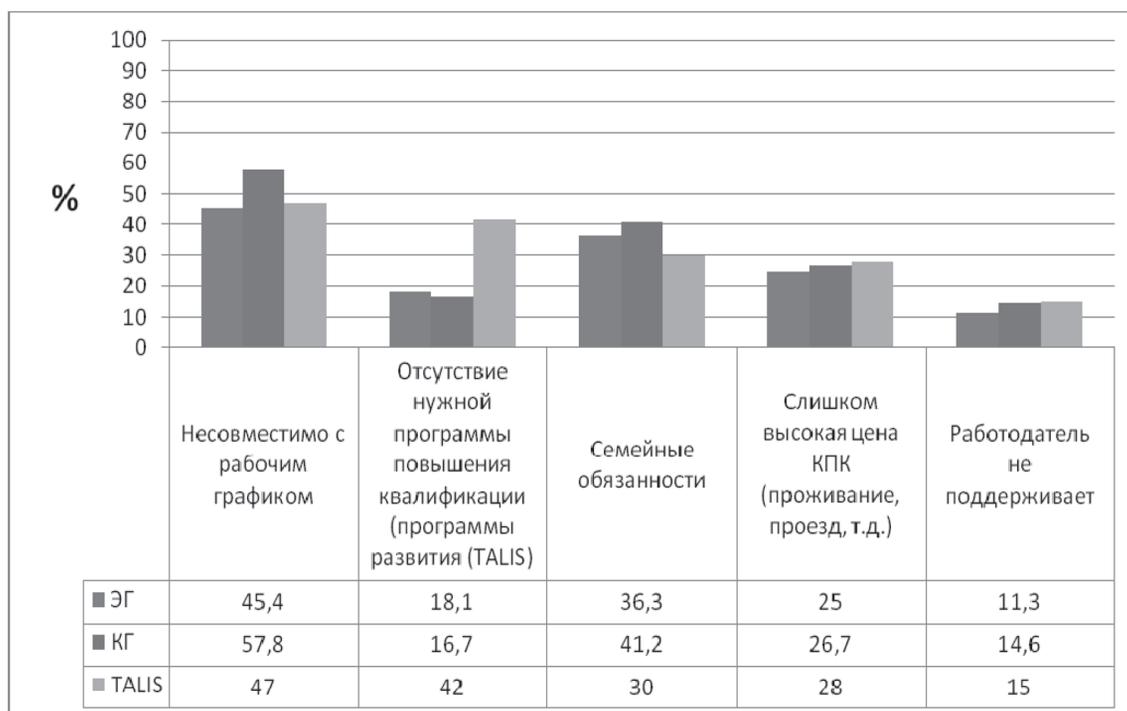

Рис. 5. Причины, по которым учителя не участвуют в программах профессионального развития (учителя контрольной (КГ) и экспериментальной групп (ЭГ); учителя, участвовавшие в опросе TALIS)

стуют не удовлетворяются по причине нехватки времени, так как «несовместимость с рабочим графиком» и «семейные обязанности» в исследовании TALIS также занимают главенствующее положение (47% и 30% соответственно).

Незначительное количество учителей указывают на то, что работодатели отрицательно относятся к участию своих сотрудников в программах повышения квалификации (контрольная группа – 14,6%; экспериментальная – 11,3%; учителя, участвовавшие в опросе TALIS – 15%). Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство работодателей заинтересованы в развитии профессионального мастерства педагогов, их методической компетентности.

Следует обратить внимание, что 42% респондентов в исследовании TALIS отметили отсутствие необходимой программы развития как причину, препятствующую профессиональному развитию, в отличие от респондентов контрольной (16,7%) и экспериментальной (18,1%) групп, что указывает на востребованность программы для учителей истории и обществознания «Преподавание истории и обществознания в школе в условиях введения ФГОС ООО и Концепции нового УМК по отечественной истории», реализуемой в СКИРО ПК и ПРО.

Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что педагогическая диагностика способствует обеспечению оперативности и динамизма в управлении системой повышения квалификации, своевременной корректировке в программах курсовой подготовки, а следовательно, повышению качества дополнительного профессионального образования педагогов.

Список литературы

1. *Битинас Б.П., Катаева Л.И.* Педагогическая диагностика: сущность, функции, перспективы // Педагогика. 1993. № 2. С. 10–15.
2. *Горохова Л.Н.* Педагогическая диагностика как средство контроля учебного процесса // Наука и школа. 2001. № 5. С. 31–34.
3. *Ингенкамп К.* Педагогическая диагностика: пер. с нем. М.: Педагогика, 1991. – 240 с.
4. Как сделать профессию учителя – профессией будущего! Уроки со всего мира. Аналитический доклад международного саммита, посвященного профессии учителя: пер. с англ. / ред. Н.А. Заиченко. СПб., 2011. – 144 с.
5. *Шапран Ю.П.* Диагностика профессиональной компетентности будущих учителей биологии // Личность и общество: актуальные проблемы педагогики и психологии: сборник науч. трудов по материалам Междунар. заочной научн.-практ. конф. (Новосибирск, 27 ноября 2012 г.). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2012. Часть 1. С. 103–108.

Reference list

1. *Bitinas B., Kataeva L.* Pedagogical diagnosis: The nature, functions, perspectives // Pedagogy. 1993. № 2. P. 10–15.
2. *Gorokhova L.* Pedagogical diagnostics as a means of control of the educational process // Science and school. 2001. № 5. P. 31–34.
3. How to make the teaching profession – a profession of the future! Lessons from around the world. Analytical report of the international summit, related to the teaching profession: Translation from English. / Editor is N. Zaichenko. SBR., 2011. – P.144.
4. *Ingenkamp K.* Pedagogical diagnostics: Translation from German. M.: Pedagogy, 1991. P. 240.
5. *Shapran Yu.* Diagnostics of professional competence of future teachers of biology // Personality and society: Actual issues of Pedagogy and Psychology: Collection of research papers according to the materials of the International correspondence scientific-practice conference (Novosibirsk, 27th of November, 2012). Novosibirsk: Publishing by «SibAK», 2012. Part 1. P. 103–108.

УДК 371

Кочеров Ю.Н.,

преподаватель Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

САМОПОЗНАНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассмотрены некоторые аспекты профессионального развития сотрудника органов внутренних дел посредством механизма самопознания, основными средствами осуществления которого выступают идентификация и рефлексия. Обозначены типичные проблемы в осуществлении самопознания и способы их преодоления. В статье делается вывод о том, что рефлексия и идентификация – два взаимосвязанных механизма самопознания. Идентификация дает возможность уподобиться познаваемому в других и в себе, рефлексия – как бы отстраниться и проанализировать познаваемое с разных позиций, с установлением причинно-следственных связей.

Ключевые слова: профессиональное становление, профессиональное развитие, самопознание, идентификация, рефлексия

Kocherov Yu.,

Lecturer of Stavropol Branch of the Krasnodar University of Interior Ministry of Russia

SELF-KNOWLEDGE OF STAFF OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES IN THE PROFESSIONAL FORMATION AND DEVELOPMENT

The article is considered some aspects of professional development of staff of internal affairs agencies through the mechanism of self-knowledge where the main means of implementation are the identification and the reflection. The typical issues in the implementation of self-knowledge and ways of their passing are defined in the article. The article concludes that two interrelated mechanisms of self-knowledge are the reflection and the identification. The identification gives the opportunity to assimilate the perceptible in others and in oneself and the reflection, liking to escape, gives the opportunity to analyze the perceptible from different positions, establishing the cause-and-effect relations.

Keywords: professional formation, professional development, self-knowledge, identification, reflection

Прогрессивное развитие российского государства зависит от стабильности общественных отношений, защищенности интересов личности, общества и государства и требует повышения эффективности работы всех правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел. В условиях происходящей социальной трансформации в России повышаются требования к профессионализму сотрудников органов внутренних дел.

Актуальность исследования специфики профессионального становления и развития сотрудников органов внутренних дел на основе самопознания продиктована недостаточной теоретической разработанностью данной проблемы и необходимостью повышения эффективности подготовки кадров для МВД.

Вместе с тем проблема повышения эффективности профессионального становления и развития личности в последние годы все чаще выступает предметом активных дискус-

сий, протекающих в среде ученых и специалистов-практиков. При этом авторы солидарны в том, что в данном процессе необходимо учитывать психологические особенности деятельности сотрудников ОВД, так как профессиональное становление только тогда будет эффективным, когда будет направлено на формирование необходимых профессионально значимых качеств.

По мнению В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко [12], И. Семчук [11], в первую очередь, к ним относят:

- психологическую устойчивость;
- профессионально-психологическую ориентированность личности;
- способность оказывать психологическое воздействие на людей при решении различного рода оперативно-служебных задач;
- хорошо развитые коммуникативные качества (умение быстро устанавливать контакт с различными категориями людей, устанавливать и поддерживать доверительные отношения);
- развитые волевые качества (умение владеть собой в сложных ситуациях, смелость, мужество, разумная склонность к риску);
- ролевые умения, способность к перевоплощению;
- быстроту реакции, умение ориентироваться в сложной обстановке;
- развитые профессионально значимые познавательные качества (профессиональная наблюдательность и внимательность, профессионально развитая память, творческое воображение);
- профессионально развитое мышление, склонность к напряженной умственной работе, сообразительность, развитую интуицию.

Как отмечают авторы [11; 12 и др.], данные качества не присущи человеку изначально. Их формирование и развитие – длительный и напряженный процесс, но это является необходимым условием профессионального становления сотрудника органов внутренних дел. Отсутствие или недостаточное развитие этих качеств личности сотрудника препятствует нормальному осуществлению им своих функциональных обязанностей, порождает ошибки в его деятельности, вызывает процессы профессиональной дезадаптации и профессиональной деформации личности. В этой связи большое значение приобретает профессионально-психологическая подготовка сотрудников, одно из предназначений которой – формирование у сотрудников данных качеств. Однако этот процесс возможен лишь при активном самопознании сотрудников органов внутренних дел.

Отечественными психологами (К.А. Абульханова-Славская и др.) *профессиональное становление* рассматривается, с одной стороны, как одна из форм социализации личности, а с другой – как процесс принятия и решения общественной задачи, в рамках которой формулируются требования, предъявляемые к человеку как профессионалу. Эти требования конкретизируются в форме нормативно одобренных видов и способов деятельности, а также в форме фиксации необходимых качеств и уровней профессиональной деятельности.

Под *профессиональным развитием* в психологии принято понимать систему психических и личностных изменений, происходящих в человеке в процессе длительного выполнения профессиональных видов деятельности. Эти изменения, как правило, обеспечивают качественно новый, более эффективный уровень решения трудовых задач в особых условиях [1; 4].

Кроме того, профессиональное развитие личности всегда сопровождается профессиональной индивидуализацией, проявляющейся в формировании индивидуальности профессионала, выбирающего свой профессиональный стиль деятельности.

Сказанное вполне может быть экстраполировано и на личность сотрудника органов внутренних дел, деятельность которого протекает в особых условиях и требует особого мастерства.

Профессиональное становление и развитие сотрудника органов внутренних дел – процесс длительный и сложный. Он может протекать по-разному:

1) овладение всей системой профессиональной деятельности, ее функциями и иерархического строения. В этом случае в ходе освоения соответствующих профессиональных знаний и умений происходит восхождение личности по ступеням профессионального мастерства, развивается особая система методов осуществления деятельности. Иначе говоря, происходит формирование личностного (индивидуального) стиля деятельности;

2) изменения личностных характеристик субъекта, проявляющихся как во внешнем облике, так и в формировании соответствующих элементов профессионального сознания (профессионального внимания, перцепции, памяти, мышления, эмоционально-волевой сферы). В более широком контексте изменения личностных характеристик можно рассматривать как становление профессионального мировоззрения;

3) формирование установки субъекта по отношению к объекту деятельности, что проявляется: а) в уровне информированности об объекте, степени осознанности его значимости; б) в интересе к объекту деятельности, склонности и удовлетворенности от взаимодействия с ним, даже несмотря на возникающие при этом трудности; в) в осознании реальных собственных возможностей влияния на объект.

Любое из названных направлений профессионального становления и развития сотрудника органов внутренних дел предполагает наличие конкретных механизмов, под которыми обычно понимается то, что обеспечивает функционирование какой-либо системы [7].

Одним из таких механизмов выступает *самопознание*, позволяющее будущему или реальному специалисту совершенствовать себя посредством *идентификации и рефлексии* [3; 5; 6; 8; 10; 13].

Психологи [2; 9 и др.] под термином «идентификация» (лат. *identicus*) понимают отождествление себя с другим человеком, другими людьми на основе установления эмоциональной связи с ними. Иными словами, идентификация – это самоотождествление, т.е. сравнение кого-то с самим собой или различными аспектами своего Я.

В контексте профессионального становления и развития сотрудника органов внутренних дел все эти аспекты самопознания представляются значимыми. Благодаря их совокупности он познает себя и своих коллег в общении и деятельности. В результате формируется профессиональное самосознание как условие становления профессионала.

Между тем, по нашим данным, процесс самопознания многими сотрудниками органов внутренних дел в реальной практике тормозится рядом типичных недостатков (табл. 1).

Преодолению названных трудностей может способствовать овладение специалистом такого способа самопознания, как идентификация.

Так, на этапе профессионального становления субъект может овладевать способностью к идентификации через подражание, перенося познанное на себя и обнаруживая перенесенное уже в себе. В этом случае доминирующими являются приемы сходства и различия, а субъект становится способным к их установлению. Иначе говоря, в процессе идентификации с другими субъект продвигается от простой имитации к присвоению и осознанию профессионального поведения, профессиональных качеств, навыков и т.д., что изначально ему не принадлежало.

С обретением профессионального опыта процесс идентификации усложняется и становится избирательным. Мы имеем в виду, что индивид идентифицирует себя уже не столько с профессиональной деятельностью вообще, сколько с определенными свойствами и

Таблица 1

Система личностных недостатков, отрицательно влияющих на процесс самопознания сотрудников органов внутренних дел

Личностные недостатки			
Отсутствие мотивов самопознания, желания заниматься профессиональным и личностным саморазвитием	Несформированность способностей и приемов самопознания и саморазвития, что приводит к возникновению иллюзорного представления о себе (своей Я-концепции), что переживается субъектом как неуверенность или, наоборот, самоуверенность	Неспособность принимать и понимать других, что порождает способы защитного поведения и позволяет скрыть за мнимым благополучием и уверенностью растерянность и неуверенность	Наличие неадекватных жизненных и профессиональных целей, не соответствующих склонностям и способностям, что влечет за собой личностный дискомфорт, кризисные ситуации, из которых не всегда можно выйти самостоятельно

качествами коллег в силу значимости этих качеств для себя. Именно такая идентификация порождает самоуважение, наполняет профессиональную деятельность смыслом, позволяет самореализоваться.

Другим важным способом самопознания является рефлексия (лат. *reflexus*) – способность человека анализировать свои действия, мысли, умение поставить себя как бы в позицию стороннего наблюдателя.

Как свидетельствует наш опыт, способность к рефлексии у многих сотрудников органов внутренних дел остается на довольно низком уровне. Этим объясняются не только сложности самопознания, но и профессиональные результаты.

В психологии принято различать несколько видов рефлексии (табл. 2).

Таблица 2

Основные виды рефлексии

коммуникативная рефлексия	личностная рефлексия	интеллектуальная рефлексия
Ее объектом являются представления о внутреннем мире другого человека и причинах его поступков. В данном случае рефлексия выступает механизмом познания другого человека.	Ее объектом выступает сама познающая личность, а ее анализ направлен на свойства и качества, поведенческие характеристики, систему отношений с другими людьми.	Этот вид проявляется в процессе решения различного рода задач, в способности анализировать те или иные способы решения, находить более рациональные из них, неоднократно возвращаясь к условиям задачи.

Названные виды рефлексии вполне могут использоваться и в процессе самопознания сотрудником органов внутренних дел. При этом последовательность его рефлексивной работы будет складываться из нескольких этапов:

- 1) направленность личности на объект рефлексирования, выделение его среди других объектов (интенциональность);
- 2) выбор первичных средств, с помощью которых осуществляется рефлексия (первичная категоризация);

3) объединение выбранных первичных средств рефлексирования в некую систему, что позволяет более целенаправленно и обоснованно провести рефлексивный анализ (конструирование системы);

4) использование знаковых средств: образов, символов, схем, языковых конструкций (схематизация рефлексивного содержания);

5) оценка и обсуждение полученного результата (объективация рефлексивного описания).

Обратимся к действию рефлексивного механизма с точки зрения идентификации сотрудником органов внутренних дел себя с другим человеком.

Как уже отмечалось, идентифицируясь с другими, субъект прежде всего выделяет их личностные черты, способы поведения, особенности отношений и общения. Затем выделенные особенности других личностей подвергаются рефлексивному анализу, в ходе которого устанавливаются причины наличия того или иного качества или отмеченных поступков. За этим следует их оценка и процесс переноса выделенных характеристик на себя. То есть осуществляется сравнение (сопоставление). Такая работа сознания позволяет более глубоко понять как личностные особенности другого, так и собственные черты и свойства личности.

Иногда возможно применение другого варианта сравнения. Например, идентифицируясь с другим человеком, личность начинает смотреть на себя как бы его глазами. В итоге обнаруживается различие в восприятии себя со стороны и восприятии собственном, что также способствует углублению самопознания. По словам В.Г. Маралова [7], это создает возможность преодолеть действие закона интроекции, формируя о себе более адекватное и целостное представление.

В случае идентификации личности с собой возможны разнообразные варианты самопознания с использованием рефлексивных механизмов. При этом важно учитывать следующее:

- во-первых, с каким своим *Я* идентифицируется человек (*Я-познающим, Я-познаваемым, Я-идеальным* и т.п.);

- во-вторых, насколько адекватно и полно он может произвести отбор средств рефлексирования и объединить их в целостную систему.

В качестве примера приведем рефлексии коммунибельности сотрудником органов внутренних дел. Личность отмечает следующие особенности:

- признает коммунибельность как свою сильную сторону;

- вставая в позицию других, также отмечает наличие этого качества;

- одновременно обнаруживает, что особой потребности общения с более широким кругом людей не испытывает, а коммунибельность – результат упорной работы над собой; выделяет также и причину, побудившую к этой работе;

- отмечает, что, несмотря на наличие у себя коммунибельности, сохраняются и некоторые трудности в установлении первого контакта (особенно с более опытными коллегами);

- обнаруживает у себя сложившиеся программы поведения, которые варьируются в зависимости от собеседника.

Подводя итог исследования данной проблемы, отметим, что рефлексия и идентификация – два взаимосвязанных механизма самопознания. Идентификация дает возможность уподобиться познаваемому в других и в себе, рефлексия – как бы отстраниться и проанализировать познаваемое с разных позиций, с установлением причинно-следственных связей. При этом ни один способ самопознания, взятый изолированно, без учета обстоятельств и индивидуальных особенностей, не может эффективно решать задачи профессионального становления и развития сотрудников органов внутренних дел.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980. – 335 с.
2. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995. – 96 с.
3. Березина Т.Н. Многомерная психика: Внутренний мир личности. М., 2001. – 319 с.
4. Бурцева Е.В. Педагогические условия формирования профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел средствами развития самоуправления: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2002. – 21 с.
5. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984. – 335 с.
6. Личность: внутренний мир и саморегуляция: Идеи, концепции, взгляды / Сост. Ю.Н. Кулюткин, Г.С. Сухобская. СПб., 1996. – 175 с.
7. Маралов В.Г. Основы самопознания и саморазвития: учеб. пособие. М.: Академия, 2002. – 256 с.
8. Никитина Е.П., Харламенкова Н.Е. Феномен человеческого самоутверждения. СПб., 2010. – 224 с.
9. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики. М., 2002. – 272 с.
10. Перлз Ф. Опыты психологии самопознания. М., 2013. – 240 с.
11. Семчук И. Психологические аспекты формирования профессиональных качеств сотрудника ОВД // Профессионал [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/102/15834> (Дата обращения 15. 06. 2015).
12. Прикладная юридическая педагогика / Под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. М.: Юнити-Дана, 2012. – 512 с.
13. Сурожский А. О самопознании // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 111–122.

Reference list

1. *Abul'khanova-Slavskaya K.* Activities and Personal Psychology. M., 1980. P. 335.
2. *Adler Alfred W.* The Theory and Practice of Individual Psychology. M., 1995. P. 96.
3. Applied pedagogy / Under the editorship of V. Kikotya, A. Stolyarenko. M.: Unity-Dana, 2012. P. 512.
4. *Berezina T.* Multidimensional psyche: Interior of the individual. M., 2001. P. 319.
5. *Burtseva E.* Pedagogical conditions of professional competence formation of staff of internal affairs agencies through the means of development of self-management: Synopsis of a thesis of PhD in Pedagogy. Komsomolsk-on-Amur, 2002. P. 21.
6. *Kon I.* In search of oneself: The personality and the identity. M., 1984. P. 335.
7. *Maralov V.* The foundations of self-knowledge and self-development: Textbook. M.: Akademiya, 2002. P. 256.
8. *Nikitina E., Kharlamenkova N.* The phenomenon of human self-affirmation. SBR., 2010. P. 224.
9. *Orlov A.* Personal Psychology and human nature: Paradigms, perspectives, practices. M., 2002. P. 272.
10. *Perls F.* Experiments in Psychology of Self-Knowledge. M., 2013. P. 240.
11. Personality: Interior and self-regulation. Ideas, conceptions, views / Authors: Yu. Kulyutkin, G. Sukhobskaya. SBR., 1996. P. 175.
12. *Semchuk I.* Psychological aspects of professional competency formation of staff of internal affairs agencies // Professional [Electronic resource] // URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/102/15834> (Date of access: 15.06.2015).
13. *Surozhskiy A.* About self-knowledge // Issues of Psychology. 1994. № 5. P. 111–112.

УДК 378.2

Алиева М.К.,

начальник отдела патриотического воспитания Министерства по делам молодежи Республики Дагестан, аспирант Дагестанского государственного педагогического университета

МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ–ЮРИСТОВ К ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ПРЕДМЕТНОЙ СРЕДЫ

В работе предлагается авторская модель профессиональной подготовки бакалавров-юристов к проектной деятельности в условиях информационно-коммуникационной предметной среды вуза. Кратко дана характеристика основным составляющим данной модели. Автор считает, что для реализации модели необходимо наличие в вузе информационных, технологических и личностных педагогических условий. Как показала опытно-экспериментальная работа, выявленные педагогические условия и реализованная на практике авторская модель способствовали повышению всех (когнитивного, операционально-практического, рефлексивно-оценочного) компонентов готовности студентов бакалавриата к проектной деятельности в условиях информационно-коммуникационной предметной среды вуза.

Ключевые слова: бакалавр-юрист, модель, проектная деятельность, информационно-коммуникационная предметная среда вуза, составляющие модели

Alieva M.,

Head of the Department of Patriotic Education of the Ministry of Youth Affairs of the Republic of Dagestan, Postgraduate student of the Dagestan State Pedagogical University

MODEL OF PROFESSIONAL TRAINING OF BACHELORS OF LAW TO DESIGN ACTIVITY IN THE CONDITIONS OF THE INFORMATION–COMMUNICATION SUBJECT ENVIRONMENT

In the paper there is proposed the author's model of professional training of Bachelors of Law to design activity in the conditions of the information–communication subject environment of higher education institution. The characteristic is briefly given to the main components of this model. The author considers that it is required the necessary model of informational, technological and personal pedagogical conditions for its implementation in higher education institution. The revealed pedagogical conditions and the author's model implemented in practice they have contributed to the increase of all (cognitive, operationally-practical, reflexive–evaluative) components of preparedness of students of Bachelor's program to design activity in the conditions of information-communication subject environment of the higher education institution, according the shown experimental work.

Keywords: Bachelor of Law, model, design activity, information-communication subject environment of higher education institution, components of model

Информатизация современного общества оказывает влияние на развитие и модернизацию отечественной системы образования, которая стала одним из приоритетных направлений образования в России.

Сейчас ситуация изменилась коренным образом. Российское общество во многом уже стало информационным, поэтому, как отмечают авторы работы [1; 2; 4; 7; 8; 9], необходимо продемонстрировать будущим бакалаврам педагогический потенциал информационно-коммуникационной предметной среды (ИКПС) вуза.

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) отмечается, что будущий бакалавр должен быть способен разрабатывать проекты и творчески решать реальные профессионально-ориентированные задачи, а также проявлять готовность к поиску, изучению и освоению новых способов профессиональной деятельности [6].

Эти проблемы эффективно можно решать в условиях информационно-коммуникационной предметной среды вуза, под которой И.В. Роберт понимает совокупность условий, способствующих возникновению и развитию процессов учебного информационного взаимодействия между обучаемым, преподавателем и средствами ИКТ, формированию познавательной активности обучаемого при наполнении компонентов среды предметным содержанием [5].

Моделирование помогает понять направления совершенствования учебно-воспитательного процесса и пути повышения его эффективности и качества.

Анализ философско-социальных и психолого-педагогических аспектов существующей проблемы, данные констатирующего этапа эксперимента послужили основой моделирования процесса подготовки бакалавров-юристов к проектной деятельности.

Нами разработана модель профессиональной подготовки бакалавров-юристов к проектной деятельности в условиях информационно-коммуникационной предметной среды, включающей в себя следующие составляющие:

- требования ФГОС ВПО третьего поколения к будущему бакалавру;
- теоретико-методологическая основа (личностно-деятельностный, компетентностный, профессионально-ориентированный подходы);
- инвариантная часть ФГОС ВПО (активные и интерактивные методы обучения, метод проектов; научно-методическое обеспечение дисциплин в условиях ИКПС вуза; формирование проектной компетенции студентов бакалавриата);
- вариативная часть ФГОС ВПО (интегративные формы проведения занятий в условиях ИКПС вуза; дисциплины блока Б2 «Информационно-правовой цикл»; факультатив «Проектная деятельность бакалавра-юриста»; курсовые и ВКР с мультимедийными проектами);
- неформальные формы работы (создание веб-портфолио; разработка специализированного сайта в сети Интернет; использование сервисов социальной сети);
- диагностика подготовленности будущих бакалавров-юристов к проектной деятельности в условиях информационно-коммуникационной предметной среды вуза;
- результат (высокий уровень подготовки бакалавра к проектной деятельности в условиях информационно-коммуникационной предметной среды вуза).

Мы считаем, что для реализации авторской модели необходимо наличие в вузе информационных, технологических и личностных педагогических условий.

Эти условия нами осуществляются в следующих блоках модели:

- инвариантная часть ФГОС ВПО;
- вариативная часть ФГОС ВПО;

– неформальные формы работы.

В блоке «Инвариантная часть ФГОС ВПО» рассматриваются активные и интерактивные методы обучения, метод проектов; научно-методическое обеспечение дисциплин в условиях ИКПС вуза; формирование проектной компетенции студентов бакалавриата.

В блоке «Вариативная часть ФГОС ВПО» выделены интегративные формы проведения занятий в условиях ИКПС вуза; дисциплины блока Б2 «Информационно-правовой цикл»; факультатив «Проектная деятельность бакалавра-юриста»; курсовые и выпускные квалифицированные работы с мультимедийными проектами.

Блок «Неформальные формы работы» содержит: создание веб-портфолио; разработка специализированного сайта в сети Интернет; использование сервисов социальной сети.

Рассмотрим составляющие последнего блока, которые имеют важное значение в информационно-коммуникационной предметной среде вуза и позволяют формировать проектную компетенцию будущих бакалавров-юристов.

Технология Wiki (вики) является одной из главных составляющих Веб 2.0. или социального Интернета и обладает уникальным потенциалом, позволяющим обогатить и расширить формы учебного взаимодействия за счет вовлечения обучающихся в процесс самостоятельного поиска информации и приобретения знаний.

Наиболее эффективным при использовании данного сервиса на занятиях по спецдисциплинам может быть создание студенческих коллективных творческих проектов внутри группы. При создании совместных учебных проектов студенты бакалавриата не просто делятся информацией, а работают над каким-либо проектом и достигают определенной поставленной цели [3].

Данный социальный сервис обладает уникальным спектром дидактических свойств, которые позволяют создавать и хранить учебные базы данных и материалов (учебные сайты, энциклопедии, учебные программы, аннотированные библиографии и т.д.); организовывать совместную работу над коллективными веб-проектами; проводить дискуссии с участием специалистов из отечественных и зарубежных вузов; организовывать сетевые семинары или вебинары; администрировать учебный процесс и т.д.

Во многих случаях средства электронного обучения реализуют традиционные дидактические методы и обновляют, например с помощью вики-технологии, элементы методики обучения: цель, содержание, задачи, формы, методы, средства, механизмы, результат. Однако для этого необходим определенный уровень профессиональной компетентности преподавателя [10; 11].

Технологию вики можно использовать для представления веб-портфолио проектов студентов, осваивающих факультатив «Проектная деятельность бакалавра-юриста».

В своих вики-портфолио студенты делают ссылки на загруженные на вики-сайт изображения, медиафайлы, различные документы для поддержки проекта.

Для размещения портфолио проектов мы используем программную среду 4Portfolio.ru.

Большие возможности в настоящее время открывают технологии Веб 2.0 для образования, в частности в проектной деятельности студентов.

Данные технологии позволяют преподавателю и студенту (в тесном сотрудничестве друг с другом) организовать личное учебное Интернет-пространство, представляющее собой непрерывно растущий арсенал сервисов для создания, редактирования, хранения и обработки информации в сети.

К современным сетевым технологиям, которые активно используются в учебной проектной деятельности, относятся:

- различные файлообменники;
- сервисы совместного хранения закладок;
- интерактивные онлайн-доски;
- онлайн-презентации.

Мы в учебном процессе используем такие средства, как *интеллект-карты, онлайн-презентации, видеосервисы, сервис вики (Wiki) и образовательные веб-квесты*, которые в настоящее время активно используются в проектной деятельности студентов бакалавриата.

Опытно-экспериментальная работа показала, что выявленные нами педагогические условия и реализованная на практике авторская модель способствовали повышению всех (когнитивного, операционально-практического, рефлексивно-оценочного) компонентов готовности студентов бакалавриата к проектной деятельности в условиях информационно-коммуникационной предметной среды вуза.

Список литературы

1. Азимова И.М., Худовердова С.А. Формирование информационной культуры будущего педагога как цель его профессиональной подготовки в вузе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 8. С. 193–197.
2. Азимова Л.Н., Везилов Т.Г. Модель формирования готовности студентов политехнического колледжа к использованию мультимедийных технологий // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. № 2. С. 40–44.
3. Везилов Т.Г. Проектная деятельность будущих бакалавров в условиях информационно-коммуникационной предметной среды / Т.Г. Везилов, М.К. Алиева // Проблема и перспектива формирования национальной гуманитарно-технической еліми. Выпуск 42 (46). Харьков, 2015. С. 212–213.
4. Везилов Т.Г. Теория и методика обучения информатике: учеб. пособие. Карачаевск, 2005.
5. Роберт И.В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты). М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. – 398 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «бакалавр»). М., 2010.
7. Худовердова С.А. Сервисы Google как средство формирования информационной культуры студентов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 6. С. 251–254.
8. Худовердова С.А. Формирование информационной культуры будущего педагога в условиях информатизации // Стандарты и мониторинг в образовании. 2013. № 3 (90). С. 61–63.
9. Шибанов В.П. К вопросу об интеграции в образовательном процессе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 74–2. С. 295–301.
10. Шибанов В.П. Профессиональная педагогическая компетентность: структура, содержание, критерии сформированности // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5. С. 27–29.
11. Шибанов В.П. Требования к преподавателю высшей школы в контексте реализации инновационной модели образования // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 16. С. 144–145.

Reference list

1. *Agibova I., Khudoverdova S.* Formation of information culture of future lecturer as a goal of its professional training in the higher education institution // Actual issues of Humanities and natural sciences. 2012. № 8. P. 193–197.
2. *Azizova L., Vezirov T.* The method of formation of preparedness of students of polytechnic college in using multimedia technologies // Economic and humanitarian studies of regions. 2011. № 2. P. 40–44.
3. Federal State Educational Standard of higher professional education in the direction of training 030900 “Jurisprudence” (training (degree) “Bachelor”). M., 2010.
4. *Khudoverdova S.* Formation of information culture of future lecturer in the conditions of informatization // Standards and monitoring in education. 2013. № 3 (90). P. 61–63.
5. *Khudoverdova S.* Google services as a tool for formation of information culture of students // Actual issues of Humanities and natural sciences. 2012. № 6. 251–254.
6. *Robert I.* Theory and methodology of education informatization (psycho-pedagogical and technological aspects). M.: BINOM. Laboratoriya znaniy, 2014. P. 398.
7. *Shibaev V.* Professional pedagogical competence: Structure, content, criteria of formation // World of science, culture, education. 2013. № 5. P. 27–29.
8. *Shibaev V.* Requirements for the teacher of higher school in the context of the implementation of innovation model of education // Bulletin of the University (State University of Management). 2011. № 16. P. 144–145.
9. *Shibaev V.* Revisiting on integration in the educational process // Bulletin of Herzen State Pedagogical University of Russia. 2008. № 74–2. P. 295–301.
10. *Vezirov T.* Design activity of future Bachelors in the conditions of information-communication subject environment / T. Vezirov, M. Alieva // Issue and prospect of formation of a national humanitarian-technical elimi. Number 42 (46). Kharkov, 2015. P. 212–213.
11. *Vezirov T.* Theory and methodology of education of computer skills: Textbook. Karachaevsk, 2005.

Алиева М.К.,

начальник отдела патриотического воспитания Министерства по делам молодежи Республики Дагестан,
аспирант Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: amvd@mail.ru

Alieva M.,

Head of the Department of Patriotic Education of the Ministry of Youth Affairs of the Republic of Dagestan,
Postgraduate student of the Dagestan State Pedagogical University

Алипханова Ф.Н.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и технологий
профессионального образования Дагестанского государственного
педагогического университета
e-mail: fatima2365@mail.ru

Alipkhanova F.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Chair of Pedagogy and Professional Education Technologies of Dagestan
State Pedagogical University

Афанасьев В.С.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых
дисциплин Академии управления МВД РФ, заслуженный юрист РФ
e-mail: amvd@mail.ru

Afanas'ev V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State and Legal Disciplines of the Academy
of Management of the Interior Ministry of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation

Бабаева Э.С.,

кандидат педагогических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: elnaras1@rambler.ru

Babayeva E.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Dagestan State Pedagogical University

Бакаева М.К.,

аспирант кафедры семейного и ювенального права Российского государственного
социального университета
e-mail: rio@migup.ru

Bakaeva M.,

Postgraduate student of Chair of Family and Juvenile Law of the Russian State Social University

Богатырева Ж.В.,

старший преподаватель кафедры философии Кубанского государственного технологического университета,
г. Краснодар
e-mail: rio@migup.ru

Bogatyрева Zh.,

Senior Lecturer of Chair of Philosophy of Kuban State Technological University, Krasnodar

Бугорский В.П.,

кандидат юридических наук, доцент Московского института
государственного управления и права
e-mail: prepodvpb@rambler.ru

Bugorskiy V.,

PhD in Law, Associate Professor of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Бурданов В.В.,

аспирант Международного юридического института
e-mail: Jony0071@mail.ru

Burdanov V.,

Postgraduate student of the International Law Institute

Волков В.В.,

кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель Военного института (железнодорожных войск и военных сообщений)
e-mail: sh-serg@bk.ru

Volkov V.,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer of Military Institute of Railway Troops and Military Communications

Володин О.Н.,

кандидат юридических наук,
директор Центра организации дорожного движения, г. Пенза
e-mail: maucodd@mail.ru

Volodin O.,

PhD in Law, Director of the Penza Center of Road Traffic Management

Гаджиев С.М.,

аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: saburgadzhiev@yandex.ru

Gadjiev S.,

Postgraduate student of Chair of Criminal and Criminal Executive Law of the Saratov State Academy of Law

Глотов О.А.,

кандидат экономических наук, доцент, директор Тульского сельскохозяйственного колледжа им. И.С. Ефанова, член-корреспондент РАЕН
e-mail: rio@migup.ru

Glotov O.,

PhD in Economics, Associate Professor, Director of Tula Agricultural College named after I. Efanov, Member Correspondent of the Russian Academy of Natural Sciences

Гречухина Н.В.,

старший преподаватель Каспийского института морского и речного транспорта (филиала Волжского государственного университета водного транспорта),
г. Астрахань
e-mail: rio@migup.ru

Grechukhina N.,

Senior Lecturer of Kaspiysk Institute of Marine and Water Transport (Branch of Volga State University of Water Transport),
Astrakhan'

Дмитриева В.А.,

кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: rio@migup.ru

Dmitrieva V.,

PhD in Psychology, Associate Professor, Head of Chair of the Saint-Petersburg State University

Долакова М.И.,

кандидат исторических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета
e-mail: makka7@mail.ru

Dolakova M.,

PhD in History, Associate Professor of the Kazan (Volga) Federal University

Ефремова И.А.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: efremova05@ya.ru

Efremova I.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Criminal and Criminal-Executive Law of the Saratov State Academy of Law

Заварзина О.О.,

доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой специальной, клинической психологии и инклюзивного образования
Российского государственного социального университета
e-mail: rio@migup.ru

Zavarzina O.,

Doctor of Medicine, Professor, Head of Chair of Psychology for Special Needs, Clinical Psychology and Inclusive Education of the Russian State Social University

Иванов В.Ф.,

кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: vivanov@sgap.ru

Ivanov V.,

PhD in Law, Professor of Chair of Criminal and Criminal Executive Law of the Saratov State Academy of Law

Ильязова М.Д.,

доктор педагогических наук, профессор Астраханского государственного технического университета, г. Астрахань
e-mail: rio@migup.ru

Ilyazova M.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Astrakhan' State Technical University, Astrakhan'

Каменских Н.А.,

кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики, управления и бизнеса Московского государственного областного гуманитарного института
e-mail: kamenskih-n@yandex.ru

Kamenskikh N.,

PhD in Economics, Head of Chair of Economics, Management and Business of the Moscow State Regional Institute for Humanities

Козьяков Р.В.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной, клинической психологии и инклюзивного образования Российского государственного социального университета
e-mail: kozyakovroman@yandex.ru

Koz'yakov R.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Psychology for Special Needs, Clinical Psychology and Inclusive Education of the Russian State Social University

Костина Е.А.,

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, декан факультета иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета
e-mail: rio@migup.ru

Kostina E.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Professor of Chair of the English Language, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Novosibirsk State Pedagogical University

Кочеров Ю.Н.,

преподаватель Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России
e-mail: Fet.ok@mail.ru

Kocherov Yu.,

Lecturer of Stavropol Branch of the Krasnodar University of Interior Ministry of Russia

Куземина Е.Ф.,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар
e-mail: rio@migup.ru

Kuzemina E.,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Chair of Philosophy of Kuban State Technological University, Krasnodar

Кутянова И.П.,

кандидат психологических наук, руководитель Центра реабилитационных программ
Национальной ассоциации реабилитационных центров
e-mail: rio@migup.ru

Kutyanova I.,

PhD in Psychology, Director of Center of Rehabilitation Programs of the National Association
of Rehabilitation Centers

Лищина Г.Н.,

доктор педагогических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института образовательных
технологий Тульского института экономики и информатики
e-mail: pronmr@tiei.ru

Lishchina G.,

Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Director of Research Institution of Educational Technologies
of Tula Institute of Economics and Informatics

Малагусейнова К.А.,

соискатель кафедры педагогики и технологий профессионального образования Дагестанского
государственного педагогического университета
e-mail: malagusejnova@bk.ru

Malaguseynova K.,

Degree-seeking student of Chair of Pedagogy and Professional Education Technologies of Dagestan State
Pedagogical University

Масюкова Н.Г.,

старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Ставропольского краевого института развития образования, повышения квалификации
и переподготовки работников образования, г. Ставрополь
e-mail: rio@migup.ru

Masyukova N.,

Senior Lecturer of Chair of Humanitarian Subjects of the Stavropol Regional Institute of Education Development,
Advanced Training and Retraining of Education Workers, Stavropol'

Матросов С.В.,

кандидат экономических наук, докторант Финансового университета при Правительстве РФ
e-mail: smatroso@list.ru

Matrosov S.,

PhD in Economics, Doctoral student of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Милованова Г.В.,

кандидат педагогических наук, доцент Мордовского государственного университета
им. Н.П. Огарева (Саранск)
e-mail: rio@migup.ru

Milovanova G.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Ogarev Mordovia State University (Saransk)

Михалюк О.С.,

старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: rio@migup.ru

Mikhalyuk O.,

Senior Lecturer of Saint Petersburg State University

Моров А.В.,

кандидат педагогических наук, кандидат филологических наук, проректор по науке и инновациям
Восточно-Европейского института
e-mail: rio@migup.ru

Morov A.,

PhD in Pedagogy, Candidate of Philosophical Sciences, Vice-Rector on Science and Innovations
of the East European Institute

Назаров А.Г.,

кандидат политических наук, специальный представитель Президента Республики Башкортостан по инвестиционному сотрудничеству
e-mail: Andrey.g.nazarov@gmail.com

Nazarov A.,

PhD in Political Science, the Special Representative of the President of the Republic of Bashkortostan on Investment Cooperation

Один И.В.,

помощник начальника Отдела МВД России по району Арбат г. Москвы
(по работе с личным составом)
e-mail: odin@land.ru

Один I.,

Assistant Chief of Branch of Interior Ministry of Russia in the Arbat District of Moscow
(Department for work with personnel)

Орлова Е.А.,

доктор психологических наук, преподаватель Московского городского психолого-педагогического университета (МГППУ)
e-mail: orlova.elena64@yandex.ru

Orlova E.,

Doctor of Psychology, Lecturer of the Moscow City Psychological and Pedagogical University (MCPSY.PU)

Орлова Ю.Л.,

кандидат психологических наук, преподаватель
Московского социально-педагогического института (МСПИ)
e-mail: maruell@yandex.ru

Orlova Yu.,

PhD in Psychology, Lecturer of the Moscow Social and Pedagogical Institute (MSPI)

Потапов Н.А.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России
e-mail: privintl@yandex.ru

Potapov N.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Private International and Civil Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation

Рыбакова А.И.,

кандидат психологических наук, доцент, декан факультета дополнительного профессионального образования Российского государственного социального университета
e-mail: rio@migup.ru

Rybakova A.,

PhD in Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Additional Professional Education of the Russian State Social University

Сенкевич Л.В.,

кандидат психологических наук, доцент, докторант кафедры возрастной психологии факультета психологии образования Московского городского психолого-педагогического университета
e-mail: info@gka.ru

Senkevich L.,

PhD in Psychology, Associate Professor, Doctoral student of Chair of Development Psychology of the Faculty of Educational Psychology of the Moscow City Psychological-Pedagogical University

Скрбнева Н.А.,

аспирант Московского института государственного управления и права, преподаватель Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова
e-mail: rio@migup.ru

Skrebneva N.,

Postgraduate student of the Moscow Institute of Public Administration and Law, Lecturer of the Moscow State Medical and Dental University named after A. Evdokimov

Табурченко П.А.,

старший лейтенант полиции, адъюнкт кафедры криминологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: P.Taburchenko@yandex.ru

Taburchenko P.,

Senior Lieutenant of Police, Adjunct of Chair of Criminology of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Kikotya

Ткаченко Г.А.,

кандидат психологических наук, психолог
Российского онкологического центра им. Блохина
e-mail: rio@migup.ru

Tkachenko G.,

PhD in Psychology, Psychologist
of the Russian Cancer Center named after Blokhin

Тотоонова М.Х.,

аспирант Северо-Осетинского государственного педагогического института, г. Владикавказ
e-mail: rio@migup.ru

Totoonova M.,

Postgraduate student of the North Ossetia State Pedagogical Institute, Vladikavkaz

Фомина С.Н.,

кандидат педагогических наук, доцент, и.о. заведующего кафедры семейной, гендерной политики и ювенологии факультета социальной работы, педагогики и ювенологии
Российского государственного социального университета
e-mail: rio@migup.ru

Fomina S.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Acting Head of the Chair of Familial, Gender Policy and Youth Studies of the Faculty of Social Work, Pedagogy and Youth Studies of the Russian State Social University

Харитонов Т.Ю.,

магистр психологии, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: rio@migup.ru

Kharitonova T.,

Master of Psychology, Postgraduate student of the Saint-Petersburg State University

Хвостова И.А.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории
Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
e-mail: iri-khv@mail.ru

Khvostova I.,

PhD in History, Associate Professor of Chair of Modern and Current History of Institute of International Relations and World History of Lobachevskiy State University of Nizhny Novgorod

Цветков А.В.,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: artem.tsvetkov.2014@bk.ru

Tsvetkov A.,

Adjunct of Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Kikotya

Чернявский А.Г.,

доктор юридических наук, профессор Московского института государственного управления и права
e-mail: chernyavskyag@migup.ru

Chernyavskiy A.,

Doctor of Law, Professor of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шкодинский С.В.,

доктор экономических наук, профессор, начальник отдела Государственного НИИ
системного анализа Счетной Палаты РФ
e-mail: sh-serg@bk.ru

Shkodinskiy S.,

Doctor of Economics, Head of Department of the State Research Institute of Systematic Analysis
of Accounts Chamber of the Russian Federation

Шкурко Н.М.,

кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник Московского института государственного
управления и права
e-mail: shkurkonm@migup.ru

Shkurko N.,

PhD in Psychology, Associate Professor, Research Fellow of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шутько Д.В.,

кандидат педагогических наук, докторант, преподаватель кафедры педагогики
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
e-mail: shutko.dv@rambler.ru

Shut'ko D.

PhD in Pedagogy, Doctoral student, Lecturer of Chair of Pedagogy of Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation, Moscow

Экмалян А.К.,

юрист суда по интеллектуальным правам
e-mail: asafarian07@gmail.com

Ekmalyan A.,

Lawyer of Intellectual Property Rights Court

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации принимаются авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие **тематике** журнала. Редакция вправе не принять материал к публикации в случае:

- несоблюдения автором правил оформления рукописи;
- несоответствия материала тематике журнала.

Журнал «Вестник Академии права и управления» является междисциплинарным и охватывает следующие области знания:

- Юридические науки
- Экономические науки
- Психологические науки
- Педагогические науки
- Социологические науки

Требования к оформлению статей

В редакцию следует направлять материал на бумажном носителе с личной подписью автора (почтой) и в электронном виде (по электронной почте) на русском языке. Заглавие материала должно быть адекватным его содержанию и по возможности кратким.

- Материал представляется в текстовом редакторе – Microsoft Word (.doc).
- Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).
- Шрифт (гарнитура) – Times New Roman или Arial.
- Размер шрифта (кегель) – 14, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12.
- Абзацный отступ («красная строка») – 1,5 см.
- Межстрочный интервал – одинарный.
- Выравнивание текста – по ширине.
- Автоматическая расстановка переносов.

Статья снабжается приставным **списком литературы** (на русском и английском языках), оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

При необходимости текст статьи может иллюстрироваться рисунками (черно-белыми), таблицами и содержать формулы. Нумерация рисунков, таблиц и формул сквозная и обозначается арабскими цифрами. На все таблицы, рисунки и формулы в тексте обязательно наличие ссылок.

Рисунки (т.е. схемы, карты, снимки, фотографии) должны быть четкими, контрастными. Рисунки вставляются в текст Word в необходимом по смыслу месте с подрисуночными подписями (номер и заголовок рисунка), выровненными по центру. Каждый рисунок должен быть представлен также в виде отдельного графического файла (.jpg; разрешение – не менее 250 dpi (точек)) и/или качественной (пригодной для сканирования) копии.

Обозначения у кривых и на осях графиков должны быть достаточно крупными и разборчивыми.

При оформлении таблиц заголовки и подзаголовки граф указывают в единственном числе, размещают, как правило, параллельно строкам таблицы. При необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф. Таблицу в зависимости от ее размера помещают под текстом, в котором впервые дана ссылка на нее, или на следующей странице, а при необходимости в приложении к тексту.

В формулах в качестве символов следует применять буквенные (символьные) обозначения греческого и латинского алфавита – курсивом. Знаки математических действий и символы функций +, -, /, ?, sin, lg, exp и т.п. – прямым шрифтом. Буквенные обозначения и числовые коэффициенты необходимо расшифровывать в тексте или непосредственно после формулы. Размер шрифтов в формулах должен быть таким же, как и в основном тексте (14). Следует избегать использования редактора формул Word (Equation Editor).

Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57].

Ссылки на Интернет – ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

Объем авторского оригинала не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков, включая пробелы) или 30 машинописных страниц формата А4) . Редакция оставляет за собой право на сокращение статей большего объема или размещение их в двух номерах.

К рукописи прилагается:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Петров.doc»).
2. Аннотация (600 знаков) и ключевые слова на русском и английском языках.
3. Анкету автора по представленной форме.

Форма анкеты автора (пожалуйста, заполняйте без сокращений)

ФИО (на русском и английском языках)	
Место работы (наименование организации на русском и английском языках)	
Должность, с указанием структурного подразделения (на русском и английском языках)	
Ученая степень (на русском и английском языках)	
Ученое звание (на русском и английском языках)	
Адрес электронной почты для контактов	
Адрес для отправки авторского экземпляра (обязательно указать индекс)	
Наименование статьи (на русском и английском языках)	

Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу: rio@migup.ru

Редакционная коллегия информирует авторов о принятии их авторских материалов к публикации. Статьи, подготовленные аспирантами, соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются к рассмотрению только при наличии письменной рекомендации научного руководителя (заведующего кафедрой). Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники.

Напоминаем авторам: одно из требований ВАК – включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 3 (40)
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

– М.: НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права», 2015. – 288 с.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

СМИ зарегистрировано 28.04.2000 г.
с изменениями 30 апреля 2013 г.; 11 февраля 2015 г.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768

Подписано в печать 22.09.2015
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Тираж 5000 экз.
Усл.-печ. л. 33,7

Адрес редакции:

115487, Москва, ул. Садовники, д. 2.
Тел./факс: (499) 271-66-52.
www.migup.ru; e-mail: rio@migup.ru
Подписной индекс – **45012**

Отпечатано в типографии
ООО «Сам Полиграфист»
Заказ № 39064 приложение № 14